Илья Ефимович РЕПИН
Виктор Иванович БАЗИЛЕВСКИЙ
ПЕРЕПИСКА

— 1918 – 1929 —

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

И з д а н и е п о д г о т о в и л и:

Т. М. Горяева, Е. В. Кириллина, О. В. Турбина

В подготовке издания использованы материалы
из фондов архивов:

Российского государственного архива
литературы и искусства

Научно-библиографического архива
Российской академии художеств,

Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Илья Ефимович Репин,
Виктор Иванович Базилевский:

Переписка
1918—1929 годы

Издательский дом «Міръ»
Санкт-Петербург
РГАЛИ
Москва
2012

ББК 85.103(2)6
УДК 77.72.2
Р41

*Книга подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 06-04-00232а*

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и средствам массовой коммуникации
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Р41 **Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский: Переписка** (1918–1929 годы) / Издание подгот. Т. М. Горяева, Е. В. Кириллина, О. В. Турбина. — СПб.: Изд. дом «Міръ»; М.: РГАЛИ, 2012. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-98846-061-9 (Изд. дом «Міръ»)
ISBN 978-5-904467-02-9 (РГАЛИ)

В книге публикуется переписка великого русского живописца И. Е. Репина с известным петербургским геологом, просвещенным золотопромышленником и меценатом В. И. Базилевским. Охватывая период с 1918 по 1929 г., она является ценным источником сведений о повседневной жизни и духовных поисках Репина в последний период его жизни: перед нами размышления художника об истории русского искусства, о революции и последующих событиях, о политической ситуации, — о всём том, что остро волновало Репина и его адресата в указанное время. Долгое время письма художника находились в коллекции И. С. Зильберштейна и не могли быть опубликованы по цензурным соображениям.

Издание адресовано всем, кто интересуется историей русской эмиграции первой волны.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Публикация встречной переписки далеко не всегда бывает возможной, и когда собираются письма обоих адресатов, это является редкостной удачей. Такой исторический материал представляется наиболее ценным, что и случилось в данном издании.

Письма Ильи Ефимовича Репина (1844–1930), знаменитого русского художника, и Виктора Ивановича Базилевского (1840–1929), геолога, просвещенного золотопромышленника, владельца части Ленских золотых приисков, театрала, любителя и покровителя искусств, сохранились в двух архивах нашей страны, в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве и в Научно-библиографическом архиве Российской академии художеств (НБА РАХ) в Санкт-Петербурге.

Репинские письма находятся в составе коллекции Ильи Самойловича Зильберштейна (1905–1988) — известного искусствоведа, автора книг и статей о творчестве И. Е. Репина, издателя двух репинских томов «Художественного наследства», инициатора и бессменного руководителя многотомного издания «Литературное наследство».

Письма И. Е. Репина (включая и письма В. И. Репиной) В. И. Базилевскому поступили в Российский государственный архив литературы и искусства в составе коллекции И. С. Зильберштейна в 2004 г. Об истории приобретения этой уникальной коллекции Илья Самойлович писал: «Эти письма получены мною от Любови Павловны Якушевич, а она купила их для меня у дочери Базилевского в сороковых годах, после Отечественной войны 1941–45 гг.». Коллекцию И. С. Зильберштейна передала в архив его вдова Наталия Борисовна Волкова, многолетний директор ЦГАЛИ СССР (ныне — РГАЛИ). Богатейшая коллекция И. С. Зильберштейна еще ждет научного описания, поэтому шифры настоящих писем приводятся по сдаточной описи: ф. 3290, сд. опись,

ед. хр. 319–325. Всего в РГАЛИ находится 70 оригиналов писем И. Е. Репина В. И. Базилевскому. В издании приводятся также находящиеся в коллекции И. С. Зильберштейна 14 писем к В. И. Базилевскому от дочери И. Е. Репина Веры Ильиничны.

В Научно-библиографическом архиве Российской академии художеств пачка писем от Виктора Ивановича Базилевского по количеству и объёму является одной из самых больших в фонде Репина — 120 писем, поступивших в «Пенаты» к Репину с 1918 по 1929 г. Вот они-то и составили канву переписки (ф. 25, оп. 2, ед. хр. 74). Кроме того, в первой описи репинского архива НБА РАХ имеется шесть писем, датированных 1906–1913 гг., которые были направлены на имя Наталии Борисовны Нордман (1863–1914). Еще шесть написаны Репину с 1914 по 1917 г. Ответы на эти письма не сохранились, да и относятся они к другому периоду довольно случайных общений.

Очень большой архив, состоявший из книг, рукописей, фотографий и сотен писем, был найден среди имущества, остававшегося в доме Репина в декабре 1939 г. Тогда, в связи с началом «зимней» войны с Финляндией 1939–1940 гг., дочь Вера и сын Юрий Репины должны были спешно покинуть Куоккалу и уехать в Хельсинки. Усадьба поступила в ведение Академии художеств, и в 1940 г. в доме был открыт мемориальный музей. Бумаги же передали из усадьбы в архив.

По рассмотрении материалов Базилевского стало понятно, что адресат наверняка получал ответные послания от Репина, которые позже и обнаружились в коллекции Зильберштейна. Но несовпадение количества писем наводит на мысль о частичной утрате репинских посланий. От художника сохранилось почти наполовину меньше ответов, хотя известно, что он был достаточно аккуратен в переписке. Подозрения о том, что в нашем распоряжении имеется не всё из посланного Репиным Базилевскому, в известной мере подтвердились, когда в поле зрения исследователей попал публикуемый в настоящем издании рисунок из частного собрания с автопортретом художника. Он находился в письме к Базилевскому и должен был бы включен в общий список материалов Репина из коллекции Зильберштейна. Думается, что и другие письма могли быть изъяты по разным, большею частью цензурным, соображениям.

Тексты сохранившихся писем из обоих архивов воспроизводятся полностью. Часть из них датируется по штемпелям на конвертах или почтовых карточках. Расположение дат в тексте сохранено авторское; если авторы имели в виду старый стиль, это оговаривается в подстрочных примечаниях.

Текст, расположенный в оригинале на полях (справа или слева, а также вверху листов), во всех случаях помещается после основного текста письма.

Орфография и пунктуация авторов в значительной степени приведена в соответствие с современными правилами (в том числе в иностранных словах и именах собственных). Исключения сделаны для отдельных случаев, где исправления представлялись неоправданными. Грамматические описки устранены без оговорок, смысловые ошибки и неточности оговорены в комментариях.

ПЕРЕПИСКА

Виктора Ивановича БАЗИЛЕВСКОГО и Ильи Ефимовича РЕПИНА

(1918–1929)

1

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Великино[1]
18/30 марта 1918

Большое спасибо Вам, дорогой Илья Ефимович, за Ваше письмо. Долго шло оно, но всё же дошло, а я думал, что сообщение с Финляндией уже прекратилось, и везде бой и разрушение! Революция наша скачет и пляшет, и падает, и кувыркается, как всё молодое, только что зреющее, — и всё-таки как-то хорошо живется, нет этой тоскующей мертвечины прежнего режима, и здесь в деревне, когда видишь в эти светлые, чудные дни, по воскресеньям, целый поезд семей, с бабами в пестрых нарядах, идущих весело в церковь, и всё это благодушно здоровается, улыбается и с бубенцами катит мимо, невольно вспоминаются дикие времена, когда, бывало, всю эту толпу собирали по деревням стражники, становые, земские начальники, урядники и выколачивали подати, продавая коров, самовары и всякую рухлядь! Отошли навсегда эти сцены рабства освобожденного будто бы тогда крепостного народа.

Много недоразумений, много ошибок, много промахов и увлечений — но где же это не бывает — по крайней мере, эта жизнь — это простор (как ваши юные на водопаде)[2], это работа, деятельность, стремление к лучшему — а ведь прежде это был тупой сон, от которого, бывало, встряхиваешься и не можешь отделаться. Ведь я помню времена Николая I, я был уже сознательный юноша, — что это за тюрьма была для всех, жутко вспоминать! Если теперь народ порой задает

нашему брату, образованному буржую, встряску не по заслугам или не по справедливости, так вспомните, что это было за житье прежде, при господстве деспотизма и страшном произволе капитала и сброде дворянства. Помнятся мне заседания дворян-землевладельцев при обсуждении крестьянского вопроса — ведь сплошь и рядом эти господа норовили отпустить крестьян без земли, с одной усадьбой, и делали очень часто именно так, и только решение царя и Конст<антина> Ник<олаевича>[3] направляли дела так, что снабжали народ землей.

Смешны эти вопли пессимистов о гибели России, о ее [распадении] и потере всего, что приобреталось за прошедшие века. Нам неизвестны законы истории, мы теперь еще не знаем, что ожидает нас впереди, но одно достоверно, что всё идет к лучшему; никакие приобретения науки и опыт прошлого не погибают, и плач многих современников происходит потому, что они видят только гибель того, во что верили, и не могут подняться выше этого настоящего.

Если бы нас не разнесли японцы, а потом немцы, если бы мы были везде победителем — режим Николая и всех его приверженцев погрузил бы нас в такую тьму, в такую полицейскую тюрьму, из которой бы не вылезти в сто лет.

Эта русская громадина под управлением тысячи будочников-губернаторов, в которой голодали и мужики и рабочие, [с признаками] внешнего блеска, с эксплуатацией и развратом высших классов держалась чисто искусственно. Заводы около Питера и Москвы — всё это было заведено искусственно, не на местах; нигде не было настоящей полезной работы, всё это держалось привилегиями, злоупотреблениями, кумовством и протекциями — всё это должно было провалиться и провалилось.

Теперь начнется новая организация.

Ропщут на наших эмигрантов, стоящих теперь во главе управления — будто они всему виновники, — какая близорукость. Революцию никто сделать не может: она вспыхивает, когда созревает. А зародилась она давно, и только эти три года страшной войны дали ей исход, и лопнул этот нарыв, и если порой гной угнетает нас — так это пройдет, залечится, заживет, и обновленный организм даст новые хорошие ростки.

Право, живется хорошо, и диета, которую закатили всем, исправит общественные желудки; пожмемся, отвыкнем от многого, но сблизимся с народом, поймем его лучше. Теперь и крестьянин выглядит бодрее, и иногда — этот взгляд из-под бровей и эти рабские повадки.

Лучше всё стало теперь.

Эти вопросы: равновесия Европы, вопрос Дарданеллов, национальностей и пр., всё это что-то затхлое, пахнет канцелярией, чиновниками, чинами и дипломатами, всё это надобно вымести, дать простор новому, народному. Останется один из дряхлых кувыркатель Вильгельм[4] — да и его песенка спета. Не верит уже народ в помазанника Бога, и смешны ему солдаты, погибающие для капитала. Это всё последние могикане мракобесия, и всё это побледнеет пред будущим рассветом, который уже занимается на Востоке.

По левому полю л. 6 об.:

Простите, дорогой Илья Ефимович, за бессвязное письмо, но хочется поболтать с хорошим человеком. Вот бы поговорить с Нат<алией> Борис<овной>[5]! Ее уже нет!

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 5–6 об.

2

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Дорогой Илья Ефимович.

Мне думается, что вы теперь у себя в «Пенатах»[6], и письмо мое из Нарвы должно прийти к Вам.

Вот уже месяц, как красные пришли к нам в Великино, и я отошел от фронта вместе с эстонскими войсками[7]. Многие из моих остались, и теперь мою семью рассеяли в разные стороны.

Что делается у Вас в Финляндии и давно ли Вы были в Питере? Я от своих из Петрограда уже не имею вестей более двух лет. Здесь в Эстонии, в Дерпте, идут переговоры

о мире[8] — а между тем миротворцы-большевики бомбардируют Нарву, и бомбы лопаются на площадях, <в> казармах и банях, убивая мирных жителей!!

Газет здесь мало, и что делается в России, Сибири и Европе, почти ничего не узнаешь. Всех так раскидало по всему земному шару, что решительно не знаешь, что будет и куда закинет наконец судьба.

Мне в 1820[9] году будет 80 лет, и не думал никогда, что так разобьется на куски Матушка Русь Великая, а вот пришлось до этого дожить — но я не теряю веры в *Великую Северную Республику,* которая соединит все разные автономные штаты республик<анские> под одним Президентом наподобие Сев<ерных> Амер<иканских> Штатов.

Что делаете Вы теперь — какой картиной заняты Вы?

Пришлите мне хоть строчку ответа, чтобы знать, что Вы живы и здоровы.

Преданный Вам

В. Базилевский
23 дек<абря> 1919

Адрес мой:
Нарва, Вышегородская, 22, кв. 6
Викт<ору> Ив<ановичу> Базилевскому

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 7–7 об.

3

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

Куоккала
1920-й год
«Пенаты»
1-е января

Ура! За Ваше здоровье пью я чистейшую воду из своего бесподобного колодца, который и в 30 гр<адусов> мороза шумит незамерзающим дождем. Дорогой Виктор Иванович! Представляя себе Ваш богатырский вид, крепко надеюсь, что вы легко перемахнете к ста годам. Ну что — 20 лет?! Когда прожито 80. А главное: всё с этой же благородной душою,

с этими же здравыми мыслями и с этой же свежей, молодой головою!!! АМИНЬ.

Я всё тот же, стараюсь использовать свое неизбежное *одиночество*: пишу автопортрет[10]. Дочерей своих не видел уже более года. Слава Богу, Вера прислала письмецо[11]: еще жива — о Боже! В квартире у нее три гр<адуса> мороза; страшная дороговизна!! Приехать сюда — нельзя оставить квартиру...

По средам у меня пусто бывает[12].

Я в Питере не был уже около двух лет... Страшно добиваться этого блага — сейчас спрячут в заложники...

В Финляндии наши русачки всё-таки и здесь стараю<ся> — недавно открыли школу-гимназию в Ollila[13].

Серьезный вопрос: преподавать ли закон Божий? И как?

Я надумал учредить собеседования: о *Боге, о законе Божием.* Сесть всем за столом; и всем по очереди — кто как понимает — теперь ведь свободно можно говорить — откровенно — высказывать свой взгляд, свою веру... Попробуем — это очень занятно: у нас прежде, на наших обедах, за круглым — красным — столом много говорилось неожиданного и чрезвычайно интересного. Ах, жаль, нет Натальи Борисовны! Ведь это ее сфера, ее жизнь была. Она очень любила жить на миру и всю душу вкладывала здесь «за други своя». Сколько она писала — <по> *голоду*[14].

Спасибо! Спасибо за письмо — дошло. Пишите! Искренно обнимаю Вас.

Илья Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 1–1 об.

4

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Нарва
15 янв<аря> 1920 г.

Дорогой Илья Ефимович!

Самым неожиданным подарком к нашему старому Новому году было Ваше письмо. При теперешних обстоятель-

ствах почтовое сообщение становится сомнительным, и это счастье, когда письмо доходит!

Когда бомба разорвалась в моей библиотеке в Великино, я нашел, что надобно перебраться в более спокойное место. Перебрался в Нарву. Моя замужняя дочь, более храбрая, осталась там, и когда весь фронт отступил и пришли красные, она всё-таки осталась, чтобы сохранить усадьбу от пожаров и разрушений. Много женщин близких наших также осталось там — весь уезд знает их, и они надеются, что сумеют внушить уважение и диким красным. Дочь моя и акушерка, и фельдшерица и никогда не отказывает помогать своим знанием и работой крестьянам.

В Нарве также не повезло. Пришли красные после нашего отступления из-под Гатчины[15] и стали обстреливать город. Бомбы стали рваться на нашей улице и в домах — опять пришлось переехать в Гунгербург[16], и вот только теперь с наступлением перемирия вернулся опять сюда.

Интересно наблюдать образование новой маленькой республики Эстонии. Год тому назад при борьбе с большевиками у эстонцев не было войска, и кое-как снабженные жители всё-таки держались в городе, но наконец усилиями бомбардиров большевики взяли город. Держались они не долго. Англичане снабдили оружием эстонцев, вернулось много офицеров, кот<орые> служили царю. Началось обучение военному делу, и вот через год уже настоящая армия стоит около Нарвы, и все попытки 40 полков красных целый месяц ничего не могли сделать. Не могли прорвать цепь окопов и принуждены были просить мира у эстонцев, чтобы убрать остатки армии в Питер от голода.

С виду эстонское войско молодецкое. Хорошо одеты и обуты англичанами, отлично вооружены и, когда проходят по Нарве стройными колоннами с бравыми офицерами впереди и с музыкой, производят хорошее впечатление. У них и хор очень приличный, мужественный — поют с разными паузами, и мотивы особенные, оригинальные. Теперь это сила, с кот<орой> нужно считаться, и большевики это поняли, уложив массу своих сил под стенами Нарвы.

Интересно наблюдать этих бывших рабов баронов и русских чиновников — типы совершенно особые. Сохранил-

ся и язык свой, и особый склад лица, выразительный, серьезный.

Много красивых женских лиц, особенно молодых, которые [нрзб.] во множестве утром с книгами, идущие в школы. Бойкий веселый народ — особенно щеголяют обувью, любой с коньками. Книжных лавок здесь много, но русских лавок не видно, так же как и немецких, теперь эстонцы стали крайними патриотами и хвалятся своими хорошими газетами.

Ну, я рад, что Вы дома! Я опасался, как бы Вас не захватили заложником в Питере. Недавно мой знакомый бежал оттуда. Он работал у красных по [продовольствию], получая с женою до 30 т<ысяч> в месяц жалованья (более 300 т<ысяч> в год) и с семьей едва не умерли с голода и холода!!

Как-то Господь сохраняет все Ваши произведения в Питере и Москве? Ведь эти варвары ничего не понимают в искусстве и в истории — а Ваша серия портретов и картин русской жизни — это живая история Руси, по ней будущие поколения увидят целый период истории России. Когда-нибудь будущая Великая Северная Русская Республика соберет в один музей все Ваши произведения — этот расцвет русского искусства. Дай Бог, чтобы всё это сохранилось. Крепкое спасибо Вам за доброе письмо, за пожелания. Обнимаю Вас, дорогой Илья Ефимович. Преданный Вам

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 8–9 об.

5

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

19 января 1920 года

Дорогой Илья Ефимович, у меня к Вам большая-большущая просьба. Я Вас не видел почти 10 лет, Вам, я думаю, уже 75 год пошел, хотелось бы взглянуть на Вас. Пододвиньте к себе зеркало и набросайте карандашом маленький эскиз, Вашу кудрявую голову. Хотелось бы видеть Вашу улыбку.

Уважьте старика — вложите в конверт и перешлите мне почтой. Вот сделаете хорошее дело — праздник мне это будет.

Здесь всё идут торжества — годовщина освобождения от большевиков. И любят же эстонцы танцевать — придираются к каждому случаю и, правда, танцуют красиво, изящно. Я, старик, всё порой фотографирую — посылаю последний снимок с себя, который я сделал перед выездом из родного гнезда. Ведь там родились, в Великино, мои все 14 детей. Там мы прожили 42 года, а теперь осталась в Великино только моя дочь Люба[17] с ребенком и сторожит усадьбу, чтобы варвары не сожгли! Господь ведает, когда придется вернуться в этот красивый уютный уголок. Неизвестно, когда выгонят красных, которые забрались туда месяц назад.

Теперь читаю здесь много. Изучаю экономическую сторону новой республики Эстонии и любуюсь на молодежь; какой совершенно новый вид приняли лица, и как все-все, и даже девушки, превратились в воинов по осанке и взгляду! Ну, этих большевики красные никогда не одолеют! На днях убирали массу трупов красных, которых еще не убирали, на проволочных заграждениях.

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 10, 11.

6

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 февраля 1920
Гунгербург, Старая у<лица>, 14

Большое спасибо Вам, дорогой, дорогой Илья Ефимович, за Ваш набросок. Так бы хотелось обнять, расцеловать Вас, голубчик, — так Вы порадовали меня. Это так хорошо. Я и днем и теперь вечером любуюсь. Ваше письмо — эти строчки вдоль и поперек — это фон самый подходящий для портрета, и на расстоянии длины моей руки я вижу Вас выступающим на этом фоне. Мы 11 лет не виделись, и у Вас прибавилось морщинок, но глаза живые, такие же острые, проницательные. (Да у кого не умножились морщины — ведь мы в ме-

сяц проживаем годы!!) Спасибо, я так и воображал себе, что исполните мою просьбу – протянете руку и на первом же попавшемся листке пером занесете Ваши черты. Спасибо, это дорогой подарок мне – рад, что откликнулись.

Из Нарвы меня вытеснили бомбардировк<и>. Кругом разрушились несколько домов, и я переселился в Гунгербург. Хотя мир уже заключен, но все на военном положении, и войска еще у проволочных заграждений. Когда придется в Великино, Бог ведает! Там еще красные, и в нашем доме – штаб. Два сына мои[18] здесь в Ингерманландском отряде[19], остальные где-то на севере и на юге России. Газеты дают мало вестей, письма я почти не получаю, так что не ведаю, что творится в матушке России. Там всё остановилось: фабрики не работают, железные дороги скоро остановятся – везде голод. Здесь стараюсь изучить Эстонию и эстонцев, что создают эту маленькую республику. Ведь она только-только что вылупилась и большими трудами. Много интересной молодежи, и всё это учится – работает. До свидания, жму Вашу руку. Мечтаю попасть к Вам. Преданный Вам

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 12–13.

7

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

1 марта 1920
Гунгербург, Старая у<лица> 14

Дорогой Илья Ефимович.

Как-то живется у Вас в Финляндии?

Здесь всё дорожает. Хлеб бел<ый> 10 руб. фунт, сахар 40 руб., масло 50 р<уб>. фунт, свечи 8 руб., керосин 10 р<уб>. фунт. Сажень швырка[20] дров 500 р<уб>. Сыр швейц<арский> 40 руб., рыба от 8 до 10 <руб.> фунт. А про холсты, сукно и говорить нечего – недоступно. С большими деньгами жить можно, и то плохо. А золото как подскочило! За русских 10 руб. золотом дали на днях 800 марок эстонских.

Не знаю, как эти дела в Финляндии. А что теперь в Питере? Как там живут, я себе и представить не могу.

Большевики столько напечатали разных денег, что всякое доверие к ним утрачено. Мой знакомый вернулся недавно из Питера, он занимал там много должностей и получал 25 000 руб. в месяц!! И всё-таки с семьей в четыре человека едва-едва мог прокормиться.

Теперь эстонцы начинают налаживать свое внутреннее хозяйство. У них нашлось подземное богатство, которое меня очень интересует — как они его разовьют. Это горючие сланцы, которые выступают в известняках на берегу моря. Эти известняки заключают в себе много остатков улиток и раковин. Они горят, и из них можно перегонкой добыть керосин, бензин, парафин и пр. Как из нефти. Теперь все эти продукты дороги, и получать их здесь на берегу моря очень выгодно. Оказывается, что они проходят и к нам в Ямбургском уезде, но там они лежат глубже, и добыча будет труднее.

Здесь выпустили заем в 100 миллионов марок. Билет стоит 105 марок. Проценты не дают, но ежегодно четыре раза в году разыгрывают миллион, и наибольший выигрыш 250 т<ысяч> марок. Вот бы подпи<сать>ся на несколько билетов!

Вообще интересно [наблюдать] за развитием этой маленькой республики, которую бароны, да и Россия, душили. Мне кажется, они устроят свои дела хорошо.

Будьте здоровы. Что работаете теперь? Интересно.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 14, 15.

8

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

14 марта 1920
Гунгербург, Старая, д. 14

Дорогой Илья Ефимович.

В Нарве я неожиданно встретил моего приятеля, кот<орый> жил у нас в Великино, Сергея Ивановича Сазоно-

ва. Брат его бывал у Вас[21], а теперь С<ергей> И<ванович> не знает, где он находится. Не в Финляндии? Если имеете какие-либо сведения, сообщите мне. С<ергей> И<ванович> был в Дерпте, читал там лекции в университете, а теперь в Ревеле читал также публич<ные> лекции, и на днях уходит на пароходе в Лондон, где будет участвовать в каком<-то> издании.

Здесь в Эстонии все события вращаются около *Поска*[22]. Это первый великий гражданин Эстонии, и смерть его очень удручила весь народ. В первые же дни подписали в Ревеле более 500 тысяч марок на его памятник. И я думаю, соберут целый миллион марок. Действительно, это была личность выдающаяся, и Республика может гордиться таким святым. Верно кто-то сказал: «Не он шел к народу, не он искал народность, но народ пришел к нему, народ нуждался в нем».

Несмотря на заключенный мир, Эстония не спит. Ежедневно на всех площадях идет учение войска и новобранцев — несмотря на мороз и ветер, кот<орый> дует нещадно. Военная музыка и здесь, в маленьком городке, играет на площади три и четыре раза в неделю. В один год эстонцы сумели создать очень порядочные военные оркестры. Когда эстонцы стояли у нас на мызе в Великино, оркестр приезжал летом несколько раз и играл даже один раз в окопах в виду красных.

Вообще маленькая республика растет и организуется, много газет, и здесь даже есть книжные лавки с эстонскими книгами, очень хорошо изданными. Не видел я только до сих пор произведений эстонских живописцев и скульпторов. Военные хоры очень оригинальны — они часто раздаются, когда проходят колоннами войска. Интересно следить за жизнью этого народа, очень самобытного.

Будьте здоровы, Илья Ефимович, жму крепко руку.

Преданный Вам

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 16, 17.

9

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

24/III 1920
Куоккала

Дорогой
Виктор Иванович.

Сергея Ивановича Сазонова я хорошо пом<ню> и в Питере провел с ним в интересной беседе неск<олько> вечеров. Ах, сколько претерпел полковник Сазонов! Ему пришлось в рубище нищего скрываться в телегах с мусором. На юге России в разных местах он скрывался и, кажется, намерен был перебраться туда и взять детей и жену. Теперь — ни слуху.

О Леониде Ивановиче, его брате, давно не имею никаких вестей. О Соне, моей племяннице — его жене[23] и о Лёде[24], их сыне, также ничего не слыхал. Были они в Москве, у Ал<ексея> Шевцова[25], и это уже давно. А недавно здесь, в качестве беженцев, проявились ночью (по снегу, через Ф<инский> залив) жена Серг<ея> Ив<ановича> и его сын. Мне даже пришлось немного посодействовать, чтобы их не высылали обратно в Питер. Финляндцы вдруг так обрушились на беженцев из России... Теперь Сазоновы — мать и сын — еще в карантине в Териоках[26].

Здесь, дорогой Виктор Иванович, мы совсем забыли о рублях, деньги — марки фин<ские>. И т<ак> к<ак> русск<ий> рубль, говорят, стоит дешевле бумаги, на кот<орой> он напечатан, то, конечно, за каждый предмет требуется н-ное количество этих презренных бумажонок, и день и ночь печатающихся в неисчислимых количествах.

Моя дочь в Питере — воображаю — бедная! Что терпит, и почти никаких известий о ней невозможно добыть. Еще до больших холодов в кв<артире> у нее было три гр<адуса> мороза, вода замерзала и пр., что уже теперь так известно всем.

Продажа здесь на кило (больше фунта, почти в полтора <раза>):

Масло — 29 марок <за> кило

Мясо — 8 м<арок> 50 п<феннигов>

Молоко бут<ылка> — 175 п<феннигов>
Мука — хлеб бел<ый> — 10 м<арок за> кило
черн<ый> — 4 <марки>
Керосин: [...][27]
Благодарю Вас за известия.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 3–3 об.

10

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

29 марта 1920[28]

Дорогой мой Илья Ефимович!

Большое спасибо за известия о г-же Сазоновой и сыне. Сергей Иванович очень сокрушался о судьбе их в Питере и мечтал, чтобы они как-нибудь бы выбрались из этого ада. Другого своего сына он разыскал в Голландии, как его уведомил наш консул, и он уже списался с ним. Теперь С<ергей>. И<иванович>, вероятно, уже в Лондоне, где примет участие в разных изданиях. С. И. успел здесь, в Эстляндии, прочитать несколько публичных лекций.

Здесь что-то природа творит необычное. Снега нигде уже нет, Нарова и море вскрылись, на пляже тепло, и дети уже копошатся в легких пальто на теплом песке. Только ночью [мороз], и мороз ледяной, а днем опять как летом. Но холод еще будет.

Жду с нетерпением обещанную фотографию. Не поленитесь, дорогой Илья Ефимович, побывать у фотографа и прислать мне карточку. Хотя я убежден, что то́, что даст фотограф, не будет тем, что Вы дали мне в Вашем эскизе, который так обрадовал меня и так дорог мне. Это вылилось у Вас экспромтом и так передает жизненно черты Ваши. Я Вас всегда вижу, хотя 11 лет не видел.

Ужасно тяжело прозябать далеко от своего гнезда. Наступает весна, у нас всегда начинались работы в поле и огороде,

все мы принимали участие. Сыновья пахали, дочери в огороде и на скотном. А теперь ходим между чужими, и язык чужой. Тяжко. Ну да всё от Бога. Приведет Господь и лучшие времена – крепко верю. Обнимаю Вас.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 18, 19.

11

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

12 март<а>/[25 марта] 1920 г.[29]
Куоккала

Христос воскресе! Дорогой Виктор Иванович.

Прилагаю два снимка – простите: плохие. Зато один в мастерской перед картиной, другой – в киоске, за столом, с приятелями. Благодарю Вас за все сообщения. Очень досадую, что не видел здесь жены и сына Сергея Ивановича. Зато вчера слышал, что сын С<ергея> Ив<ановича> с талантом. Я получил от него письмо. Он учился в Акад<емии> худож<еств> еще у Кустодиева (тоже художник уже с большим именем).

А я почти 40 лет не говел; а когда отлучили Льва Толстого от церкви, то дал слово не ходить больше в церковь; но когда начались безобразия и надругания над церковью, то я начал говеть, и мне было глубоко отрадно, до слез... Я просто подпеваю на «крылосе». И увидел я, что церковь – великая сила для народа; она только может собрать и опять восстановить Россию. И это особенно трогательно, что церковь всё та же старая, без изменений. Эта примитивность переносит к детским годам... И вынос плащаницы, и ночная суета, и встреча, и наконец: «друг друга обымем и тако возопием: Христос воскресе!..» Да, это, особенно здесь, на чужбине, радость наша великая...

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 9–9 об.

12

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Воистину воскресе! И верую я также, что наша дорогая матушка Русь возродится Великой Северной Республикой, в которой каждый народ сохранит свои права, свой язык, свою свободу!

Спасибо Вам, дорогой Илья Ефимович, за эти прелестные фотографии. Даете мне опять возможность заглянуть в Ваш уютный домашний уголок, и кажется даже, бюст покойной дорогой женщины выглядывает сзади. Не знаю, кто этот молодой юноша с таким симпатичным серьезным лицом и кто другой собеседник. Как бы хотелось заглянуть к Вам летом, если бы только в Питере произошла бы какая-нибудь перемена. Здесь небольшие газеты дают мало известий о России, а то, что они почерпают из большевистских органов, не представляет интереса. Представители большевиков здесь все фигуры очень несимпатичные и неинтересные.

Да! И здесь церковь наша, небольшая, но красивая, единственное место, где чувствуешь себя в России. Кругом русский язык, русские люди, русские обычаи, и как-то чувствуешь ко всем общую связь родственную — все заговаривают охотно друг с другом, сообщают свои надежды, сведения о знакомых, близких. Иногда заходят чудаки эстонцы (солдаты), даже забывают снимать шапки, но сами же русские не обращают на это внимания. Они стыдливо начинают осматриваться кругом, снимают картузы, крестятся по-своему и робко уходят. Здесь хорошие певчие, всё женщины, и наша православная служба куда выше службы протестантской, где публика сидит как в театре, слушает орган и потом речь пастора с кафедры.

Да! Православная церковь еще послужит для подъема Руси Великой — недаром большевики с самого возникновения их секты обрушились на церковь, запретивши священникам крестить, венчать и хоронить!!

Вы совершенно поседели, или это такой белый отблеск на фотографии, дорогой Илья Ефимович. Что это за большая картина — процессия, на первом плане будто священник[30]? Очень вы обрадовали меня этими фотографиями —

так это переносит меня в другую среду из моего теперь места изгнания!

Теперь чувствуешь себя здесь совершенно как за границей. Кругом всё нерусское. Все говорят по-эстонски. Все вывески, все названия улиц, все в лавках выставленные книги — все эстонское. Масса газет, но все эстонские, и только одна маленькая «Русская свобода» продается по утрам несколькими мальчишками. Русское войско уже разъехалось, и только остались небольшие группы офицеров в Ингерманладском отряде, и в нем и мои два сына офицера: артиллерист и конный разведчик.

Не знаю, где теперь Н. И. Кравченко[31], — он одно время жил в Финляндии. Вообще всех знакомых я растерял — даже не знаю, куда все ушли, и только изредка имена их встречаю в иностранных газетах.

Всё продолжаю изучать Эстонию. Интересно, как сложится окончательно эта маленькая республика. Народ видный, здоровый, рослый, хорошо сложенный, на вид бодрый и за себя постоит в случае опасности. Военная подготовка идет ежедневно, и я с удовольствием слежу за их учением на берегу моря, где они маршируют, занимаются гимнастикой и стреляют. Женщины стройные, много красивых, и много молодых пар после войны дают надежду на будущее потомство, хотя теперь пока смертность превосходит рождаемость. Но это, к несчастью, везде последствие войн и болезней.

Ну, до свидания, обнимаю Вас крепко, дорогой мой.

Ваш *В. Базилевский*
20 апр<еля> 1920

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 22–23 об.

13

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

16 IV 1920 г.
Куоккала

Да, дорогой Виктор Иванович.

Над нами (в фотогр<афической> группе)[32] — это бронзов<ый> бюст Натальи Борисовны моей работы; а молод<ой> чело<век> — профилем — некий финн Сихво, очень талант-

ливый скрипач, но служил он здесь по администрации, теперь перев<еден> в Выборг. Справа полковник Ермаков[33] — сделал очень много для нашего военного дела, еще при Н<иколае> II; а четвертый — Шувалов[34], быв<ший> владелец шоколадной фабрики; теперь ограбленный миллионер.

О Н. И. Кравченко я давно уже ничего не слыхал и не знаю, где он теперь.

Переговоры о перемирии прекратились ничем — такая досада: опять потянется рабье хамодержавие — тьма, голод, мор...

А я действительно так *поседел*; пора в 75 л<ет>; сижу я перед своей картиной, начатой еще в Москве, в 1877 году; и всё еще работаю над нею. Хотя карт<ина> уже продана, деньги получены и ограблены в московск<ом> Купеческом банке; а картину нельзя пересылать, да не знаю, жив ли купивший Колесников?[35] Она изображает крестный ход; впереди фигура дьякона...

Во вторник я был в Териоках в банке. Удивительно! Целым большим отделом заправляет 15-летняя девочка (красивая) и суммы выдает, и проверяет, и так скоро! Припомнил я, как в Питере, бывало, ждешь, ждешь. Да ведь сколько служащих!.. А здесь злободневный вопрос теперь — наша интеллигенция: собралось ее здесь — видимо-невидимо, и всё это никчемный народ обоего пола; а кормиться им надо и жить в такую дорогую годину!.. Просто беда...

Простите, дорогой Виктор Иванович. Долго ли мы еще будем так фатально прикованы к нашей ссылке?

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 11–11 об.

14

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

26 апр<еля> 1920
Гунгербург[36]

Вот что про Вас пишут иногда, дорогой Илья Ефимович, значит, Вам сто лет жить, если теперь хоронят!

Здесь у нас дивная весна, всё так ярко зелено, листья распустились, и черемуха скоро зацветет; по вечерам дивные закаты на море, и я жалею, что нет автохрома, что снимает цветные фотографии.

Мои сыновья и родственники в Ингерманландском отряде (знают финский), но скоро этот отряд разойдется, и им придется оставить службу. Здесь ходят упорные слухи, что Финляндия требует присоединения к ней всей Ингерманландии[37], даже Петерб<ургской> губ<ернии> — тогда Питер будет вольный город, и Москва останется одна столицей России; что во всём этом правдоподобного, Бог ведает. И Польша требует губерний — всё это будут отдельные штаты будущей Республики России.

Здесь начинается приезд публики, и дачи чинят и чистят все кругом. Когда наступят купания, наедут из Нарвы и Дерпта.

Здесь всё такие красивые оригинальные постройки. Любители строили каждый по своему вкусу. Много оригинальных дач и больших насаждений разных деревьев. Жалко смотреть, как всё поломано, и много трудов будет стоить всё это восстановить.

Здесь чудный пляж — мелкий песок без малейшего камешка. Море углубляется постепенно, так что самые дети могут купаться совершенно безопасно. Песок теплый, и наслаждение вместе тут на берегу — только тоскливо, что вся моя семья разбросана по всей Руси Великой, и от многих я давно, давно не имею вестей.

Недавно была выставка картин в Ревеле — было много местных художников и наших русских.

До свидания, дорогой Илья Ефимович.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш *В. Базилевский*

Газеты пишут, Шаляпин получает миллион сто тысяч рублей в месяц!!

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 24, 25.

15

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

4 мая (нашего)[38] *<19>20*
Куоккала

Да, дорогой Виктор Иванович.

Тепло, светло и зелено, как в раю. Как Вы меня радуете Вашей отзывчивостью на эти блага Создателя!..

Да, в Гунгербурге я был, когда там жил Ив<ан> Ив<анович> Толстой[39]; этот прекрасный пляж я знаю и купался в этой соленой воде. Наша сторона так опреснена Невой спокон веков, что у нас только в продолжение долгого ветра с моря чуть-чуть соленою бывает водица.

Вчера я по берегу версты две прогулялся к знакомым. Купанье ребят кишело тельцами и брызгами на солнце, как в античном мире.

А вчера здесь с утра шли маневры, расставлены были цепи, патрули, так что миряне боялись идти в церковь... Ах, всё к войне, а не к миру.

Ах, благодарю Вас за немецкую, лестную для меня, вырезку, выдумали число какое-то — день моего рожд<ения>. А это давно было — мои похороны и некролог был очень лестный; всё как следует — я: отпетый, да еще непохороненный — Repin lebt[40].

У меня нынче огород разведен большой: земли я прибавил много, да рабочие руки так дороги, что, кажется, успех будет сомнительный.

Всего лучшего желаю Вам, дорогой, неувядаемый, восторженно молодой Виктор Иванович.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 4–4 об.

16

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

8 апр<еля> 1920[41]
Гунгербург, Старая у<лица>, 14

Совершенно верно, как Вы пишете, дорогой Илья Ефимович, наступает эпоха хулиганства; как когда-то варвары ворвались в древний Рим, ограбили, уничтожили всё, перебили всё население и потом пошли дальше, так как кочевое племя не сознавало форм города — было совершенно чуждо римской культуры — так и теперь: наука, искусство, всё это идет насмарку, и нового никто не создает. Уровень умственный всё понижается. Пока живут еще остатками прошлого, которое всё изворачивается на другой лад, и в будущем небольшой группе изгнанной интеллигенции придется много поработать, чтобы продолжить культурную работу России.

На днях по поводу 50<-летия> Ленина на собрании Горький(!) торжественно заявил, что Ленин выше Петра и затмил самого Л. Н. Толстого. Вот до какой нелепости доходят даже такие, как Горький! Даже предложено было переименовать Петроград в Ленинград. Хулиганство становится всё нахальнее и смелее. Это какая-то заразительная болезнь, которая уже проникла в Эстонию и ворвалась и в Германию!!

Что вы думаете о поляках? Они уже в Киеве[42]. Если они крепко ухватились за идею восстановления Польши 1772 года — это значит (по вычислению немецкого ученого) имеется в виду создать государство с населением в 52 миллиона и пространством больше Франции. Тут будут 25 млн католиков, 20 млн православных, и остальные лютеране и евреи. Ведь это Франция старается создать себе союзника, кот<орый> заменит ей Россию. Оставаться ей одной с воскресающей Германией опасно. Франция сильно пострадала от войны и убыли населения. Мужчин у нее меньше, чем в объединенной Германии, и, заглядывая в далекое будущее, она может опять встретить опасного врага германца.

Вот Франция и направляет все усилия создать Великую Польшу — дает ей капиталы, генералов, а Америка уступила

все свои военные сооружения на 200-т<ысячную> армию. Французские генералы, объехавши Польшу, утверждают, вернувшись в Париж, что в Польше 600 т<ысяч> великолепно организованного и дисциплинированного войска, кот<орое> стоит трех миллионов красного хулиганья!!

Хотя мы носим случайно польскую фамилию, но наш дворянский герб чисто русского типа (звезда, Евангелие и пчелиный улей). Мой дедушка[43] был священник, кот<орый> при Екатерине получил дворянство за борьбу на Урале против Пугачева. Но я очень симпатизировал полякам после долголетней работы в Сибири.

Когда в первый раз, после Университета, я поехал в Сибирь в 1862 году, я застал там полную глушь. В городах не было даже гостиниц, в лавках ужасные товары. Не было булочных, где бы запастись хлебом в дорогу. Станции все были грязные клоповники. Приходилось, конечно, заезжать всегда к знакомым, и это так вошло в обычай, что сибиряки серьезно обижались, если их объезжали. Зимой меня снабжали всегда мерзлыми шаньгами и пельменями и набивали кибитку мою наливками облепихи, княженики и также черной смородины. Мы впоследствии делали то же самое, провожая своих гостей. Старые сибирские дома — это были идеальные хозяева, когда дело шло приютить и накормить гостей — как Лермонтов сказал — «Нежданный гость — подарок Бога»[44].

Когда я после короткой поездки по Европе вернулся опять в Сибирь в 1868 году, я не узнавал города — так всё изменилось. Масса молодых поляков, высланных из своего отечества Муравьевым-Виленским[45] за польское восстание, вызвали сюда своих родных, и скоро завелись отличные отели. Поляки открыли булочные, сапожные лавки. Организовали даже оркестр в театрах. Явился доктор и фельдшер, кот<орые> лечили тайно, но у кот<орых> все лечились.

Мне удалось для своего большого золотопромышленного дела в Енисейске найти более сотни отличных (умелых) поляков, инженеров, ученых геологов, бухгалтеров. Вся эта энергичная, трудовая, умная молодежь очень помогла мне устроить мое дело, и масса прежних деятелей (пьяницы и игроки) должны были сойти на второстепенные роли.

Меня поражали организаторские способности поляков. Они организовали усоверменств<ованные> перевозы через реки. Мой знакомый устроил пасеку в 500 ульев. Завели прекрасные мастерские экипажей. Образцовые кузницы. Польское восстание повело косвенным образом к повышению культуры во всей Сибири.

Чем-то выразится теперь подъем Польши? Это один из [нрзб.] вопросов современной эпохи. До свидания, дорогой. Обнимаю.

В. Базилевский

По левому полю л. 21 об.:

Ваш старый знакомый Ф. И. Шаляпин, похоже, приехал петь в Ревель. Говорят, на всё лето.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 20–21 об.

17

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

10 мая 1920
Гунгербург, Старая, д. 14

Дорогой Илья Ефимович!

Поляки подвигаются, большевики в Москве засуетились, посылают свою лейб-гвардию коммунистов на Польский фронт![46]

Что-то будет?!

Если польская нация сохранила хоть 20 % той энергии, способности организации, того патриотического чувства, кот<орые> я наблюдал в Сибири, — им легко будет восстановить свое отечество 1872 г. и даже хватит энергии вымести всю сволочь хамовья из Москвы, которая так ужасно надула и обворовала русский народ. Им удастся дать возможность Русской Республике устроить свои дела помимо всяких Лениных и Троцких и их комиссаров, кот<орые> в сто раз хуже опричников Ивана Грозного.

Вот 50 лет спустя я с большим удовольствием вспоминаю массу польской молодежи, кот<орую> я встретил в Сибири в 60-х годах. Схваченные в лесах и полях своей родины, они были высланы на почтовых в отдаленные места Енисея и Ангары и расселены между крестьянами, без права выезда, получая что-то вроде восьми рублей на прокормление.

Они не растерялись, помогали своей работой, и когда мне удалось собрать многих из них из этих трущоб, люди оказались в высшей степени полезными деятелями.

В Енисейске оказались старики поляки, сосланные <в> 40-х годах. Эти патриархи встретили молодежь как близких родственников, и приятно было видеть и слышать их веру в возможность возрождения Польши. Ко многим из них приехали самовольно сестры и матери, и тут подъем национального настроения еще повысился.

И какой свежей струей пахнуло по Сибири. Какие талантливые оказались: живописцы, музыканты, доктора, ученые специалисты.

Выступая в первый раз на самостоятельное промышленное поприще — 25<-ти> лет, — я был рад окружить себя этой молодежью. Приходилось обставлять большие золотопромышленные дела. Понадобилась отличная техника для тонкой нивелировки, для устройства машин, для съемки точных планов — для постройки домов, установки паровых машин — на всё это нашлись специалисты, зарытые в маленьких деревушках вдоль Енисея.

Как рада была вся эта публика выбраться на свет божий, попасть опять в мир, где были и газеты, и книги, и общество, наконец, теплый угол и хороший стол! Все рады были работать за сравнительно небольшое вознаграждение, но в культурной обстановке. Все они сохранили и теперь (уже старики) сохраняют самые дружеские чувства.

На вечеринках и собраниях в нашем присутствии они говорили по-русски, и меня всегда радовала эта глубокая любовь к отечеству. Как часто, бывало, раздавались звуки польского гимна под аккомпанемент рояля, и хор мгновенно подхватывал всю залу[47].

Какой это был контраст настроениям русских сосланных, которые как-то совсем не сознавали своей родины, а фантазировали о человечестве и непонятных идеалах!

Где полякам не мешали, они всё переделывали на европейский лад, и какие у многих были золотые руки! Я помню, столяр построил нам мебель по рисункам Парижской выставки, распиливши березовые наплывы; собрали прекрасный паркет из лиственницы. Садовники выращивали там ананасы в Сибири!! Какие цветоводства создали они в городах Сибири, о которых не имели понятия до 60-х годов!

Страна противоречий?! Знакомство мое с шефом жандармов всемогущим граф<ом> Шуваловым[48] дало мне возможность вызывать и брать на службу сосланных поляков из отдаленных мест — и местное начальство не стало мешать.

По левому полю л. 27 об.:

Простите, что увлекся своими воспоминаниями.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 26—27 об.

18

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

18 мая 1920
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Как ныне всё быстро подвигается: все листья на деревьях распустились, черемуха роскошно цветет; прилетели ласточки, и запела на днях кукушка. Я не ходил по дачам, всё сидел у моря, и не узнал Гунгербурга — зелень закрыла все раны, нанесенные заборам и домам. Всё закрыто роскошной зеленью кустарников. Некоторые дачи сплошь засажены черемухой, и это при блеске солнца сплошной букет белых цветов — аромат разносится далеко по улицам.

Вот бы тут кисть Крачковского[49]. Как он умел передавать эффект солнечного освещения в Крыму! Помню его цветы на выставке в Пассаже: рододендроны, азалии и лиловые глицинии в Ливадии. Я видел его тогда в последний раз — ведь он, кажется, и умер в Италии!

Говорят, Шаляпин уже в Ревеле и думает прожить лето в Эстонии. Если это так, то мы, вероятно, увидим его в Гунгербурге. Нет лучшего купания в Эстонии. Дач свободных много. Природа здесь прекрасная, и летом это лучшее место для отдыха.

Не знаю, бывали ли Вы здесь. На пляже дивный песок без малейшего камешка, так хорошо ходить, и такой уже теперь теплый песок. Военная музыка играет вечером почти ежедневно, и теперь появляется публика, всё больше эстонские военные.

Что-то Польша! Это теперь единственная тема дня — везде и всюду она на сцене. Что-то не слышно о возобновлении мирных переговоров с Финляндией[50].

До свидания, дорогой Илья Ефимович.

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 28, 29.

19

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

20 мая 1920,
наше 7 мая, Вознесение

Дорогой Илья Ефимович!

Никогда не встречал я таких Вознесений, на солнце 22°. Расцветшая сирень просится в окно ко мне в комнату. Милые мои хозяйки старушки, когда-то жившие у Гана, моего доброго знакомого, наставили мне букетов сирени, и вся комнатка моя продушена этим любимым запахом; вспоминается мое Великино, где сделал аллеи сирени, но раньше июня никогда

и бутонов не было. А черемуха, дивная, также любимица моя, уже отцвела чуть ли <не> в нашем апреле!!

Что-то дивное в нынешней весне, роскошное, только люди не понимают, и вот уже шестой год истребляют друг друга.

В политике идет обдирание друг друга — какие-то страшные миллиарды требуют с побежденных. Не понимают дипломаты, что ведь это с того же народа приходится сдирать, который всё отдал, и жизнь, и состояние, и которому прямым или косвенным порядком приходится опять отдавать и нынешний, и будущий заработок. Чем виноват народ, что верховники хотят драку? Паны дерутся, а у мужиков чубы болят.

Мы по вечерам читаем иногда Толстого. У меня родственник прекрасный [чтец], и мелкие рассказы Льва Николаевича (напр., «Много ли земли нужно человеку?») удивительно выигрывают, когда их слушать, а не самому читать. (Вот его «Ан<ну> Карен<ину>« или «Войну и мир» лучше читать про себя — интереснее, лучше входишь в них.) На молодежь они производят большое впечатление. Вот Вы, дорогой мой, хорошо знали Л<ьва> Н<иколаевича>, часто видели его у него в доме, в семье его. Я видел у Натальи Борисовны снимки фотогр<афические>, сделанные ею с Ваших эскизов и набросков. Вот бы, если бы нашлись какие-нибудь ненужные двойники этих снимков — вот прислали бы мне парочку про жизнь Л<ьва> Н<иколаевича>. (Он в лесу, верхом, или в своей комнате, или за чтением, или прогуливаясь — что-нибудь в этом роде.)

Нет у нас теперь Л<ьва> Н<иколаевича> — ничего нет у нас теперь, у великой когда-то России. Всех как бомбой какой-то вытряхнуло из нее, и рассыпались все ее деятели, вся ее закваска, всё, что работало в ней. И дикой травой зарастает теперь всё — до будущего Воскресения!

Был Ф. И. Шаляпин здесь в Эстонии, и вот он исчез, поехал в милую для него, но уже другую для всех Россию[51], в город *Ленинбург*, как переименовали большевики Петербург. Молва гласит, что он увез не 100 тыс. марок, заработанных им, а соответственное количество припасов, кот<орые>

там ни за какие деньги достать нельзя. И какие басни сочиняются здесь на него!

Говорят, он магометанин. У него множество жен — но они рассеяны по всей Европе с соответствующим числом детей. Все эти семьи он поддерживает и в Париже, Ницце и Вене. Говорят о его скаредности, что он из-за нескольких тыс<яч> марок лишил Дерпт удовольствия послушать его — а ведь наш бывший Юрьев очень музыкальный город и притом с университетом и толпой интеллигенции.

Вы, должно быть, хорошо знаете Федора Ивановича Шаляпина. Это, кажется, широкая русская натура — он, кажется, мой земляк, родился также в Уфе, это страна липовых и дубовых лесов, которая дала много интересных русских людей.

Здесь каждый день военный оркестр играет в парке. Люблю я проходить по нему рано утром, когда никого еще не видно. Много тут расцветающих кустов и много липы, дубов и кедров. Часть их вывезли от нас из Великино лет 25 тому назад, и они как раз подходят по росту к тем, кот<орые> остались в питомнике у нас.

Старик Ган всё это устраивал, и я понимаю, что он очень полюбил свое любимое детище «Милый Гунгербург». Сердце сжимается всякий раз, когда прохожу мимо его виллы «Villa Caprісіо», — стоит она, бедная, с раскрытыми дверьми, выбитыми окнами, сломанными решетками, и ходят туда всякие смотреть на разорение — а как красиво она выглядит на берегу моря — и как там жилось! Только в саду — вопреки людям — его насаждения растут, не пропали.

Старик поляк в Сибири повторял мне часто: «Не будь на свете цветов, детей и музыки — не стоило бы жить на свете».

У меня всё это здесь [есть] еще, и как говорит воробей у Тургенева: «Нет, мы еще поживем. Нечего унывать — будем еще жить».

Крепко жму руку Вам.

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 30–31 об.

20

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

4 июня 1920
Гунгербург, Старая улица, 14

Голубчик Илья Ефимович!

Очень обрадовали меня письмом своим — я давно не получал известий от Вас.

Здесь также хлеба и травы великолепные. Ягод много и особенно много нашего северного винограда — черники. И большие, и малые идут в лес с ведерцами и приносят полные черникой. Это ведь лучшая ягода для желудка, и я много катаров вылечил этой ягодой.

Суп с черникой, пироги с черникой — это благодать для желудка. Известный доктор Коровин (специалист по детским болезням) всегда рекомендовал это простое, вкусное и хорошее средство, и у нас в деревне заготовляли пуд сушеной черники.

Здесь и малина, и земляника уже в ходу на рынке. Одним словом, благодать для меня как любителя растительной пищи. И хлеб у нас белый чудный, это подарок американцев детям и старикам.

Ну и жара же, около 30°, и море теплое — вот теперь пишу в одной рубашке и весь в поту. Кругом гремит гром, молим у Бога дождя!

Из России давно ничего не получаю — только немецкая газета «Zevaler <Revaler> Blate» дает иногда целые фельетоны подробных известий о всех ужасах, кот<орые> там происходят. Это всё очевидцы, кот<орым> удалось уехать до июня из Москвы. Как они пишут, это полное одичание и превращение всех в рабочий скот под присмотром небольшой группы эмигрантов, евреев и председателей комитетов бедноты, набранных из самых пошлых личностей в деревнях и волостях. Всех этих якобы бедняков, негодяев они облекли властью, дали оружие, и вот эти банды в несколько десятков тысяч грабят теперь всех крестьян и заставляют работать на себя!

Самое грубое крепостное право над миллионами ограбленных, [безгласных] и голодных — вымирающих людей. Ужас и позор!

Крепко обнимаю.

Ваш *В. Базилевский*

Уф! Какое пекло!!

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 32, 33.

21

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

10 июня 1920
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Как поживаете? Здесь захолодало, и всё замерло. Купание прекратилось, и 30° на солнце уже нет, да и солнца не видно с неделю — только град два дня подряд заваливал наш садик, и лед держался до вечера! Нам старый стиль ближе подходит — и маем называться вернее.

Всё отцвело, и только жасмин начинает сильно давать бутоны, и часть цветет — это наши последние северные цветы.

Немецкие газеты заговорили про княгиню Барятинскую (быв<шую> артистку Яворскую[52]) — она, кажется, бывала у Вас в Пенатах. Я встречался с нею у В. Ф. Комиссаржевской[53], с кот<орой> был большой приятель и поклонник ее таланта. У княгини теперь салон в Лондоне и Париже, и она собирает поляков и хлопочет о поддержке их французами и англичанами.

Я и князя встречал в Питере — он издавал газету, но ее, конечно, скоро запретили за слишком либеральное направление.

Здесь русские возмущены <из->за ужасного обращения большевиков с возвращающимися в Россию. Они обеспечили всем свободное возвращение на родину, но не допускают до деревни родной, а отправляют на работы и обращаются

жестоко. Они уже многих подвели людей своими обманными уверениями. И странно, с такими людьми Англия хочет вступить в переговоры!

Не понимаю Финляндию — хотят начать переговоры о мире, а на севере у них идет перестрелка по всей границе.

Теперь для меня весь интерес газет — это *Польша;* что-то выйдет из этой борьбы? Польша должна [восстановиться], если маленькая Эстония этого добилась.

Когда из нашего политического муравейника переходишь в мир чистой науки, как всё, что происходит теперь в политике, оказывается мелочным и странным!

Я захватил с собой из моей громадной библиотеки (кот<орую> теперь распродали) несколько книг научных, кот<орые> меня интересовали (и теперь утешают) в продолжение 50 лет, и часто перечитываю их.

Может быть, еще удастся мне изложить их окончательно в популярной форме, и тогда придется кое-что напечатать. Человек только постепенно начинает познавать всё кругом, и это дается с большим трудом. Еще недавно одна дама мне высказала: «Не верю я, что Земля вертится, всё это пустяки. Кто же не видит и не знает, что это Солнце ходит кругом. Ведь и в Свящ<енном> Писании говорится, что Солнце было раз остановлено».

Вот и ученый мир совершенно забыл про книгу, написанную 60 лет тому назад, где математически доказано, что земной шар подвергается через каждые 30 тысяч лет наводнениям, причем океаны переливают большую часть воды то к северу, то опять к югу. Теперь вся масса воды на юге, около южного ледника, кот<орый> занимает площадь в несколько раз больше всей Европы.

На севере около полюса льды ничтожны и все подвижны, и воды здесь мало. Но охлаждение севера уже началось 15 тысяч лет тому назад, и через столько же времени льды на севере так увеличатся (а на юге они уменьшатся), что океан перельется постепенно на север, и вся Россия, Германия, Франция — всё будет затоплено глубиною до 200 сажень, и останутся только вершины Кавказа, Альпы в виде островов. Итак, дорогой Илья Ефим<ович>, через каких-ни-

будь восемь т<ысяч> лет уже начнется затопление севера, и от всей нашей цивилизации ничего не останется. Только на юге выступят новые земли рядом с Австралией, и туда перенесется центр цивилизации. Это не мечта, а строго проверенный закон антропологии.

Это факт, с которым человечество должно начать считаться.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 34–35 об.

22

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

29/VI <19>20
Куоккала

Дорогой
Виктор Иванович.

Да, воображением человек постигает Бога, и ничто не остановит его от мышления — что произойдет через 15–30 тысяч лет; восстает сей прикрепленный прочно к земле субъектик, героически вдохновляется свыше: «умом громам повелеваю», — дерзко выкрикивает он, и разносится эхо от его голоса по всей земле...

А мы здесь все сидим у моря и приспособляемся ко всякой погоде, наслаждаемся и тропическим теплом, и северной прохладой... Всё-таки лето идет хорошее: травы тучные, огороды обещают кормить нас. Картофель у меня «буйно́й», как говорят белорусы.

Никакого движения вперед не проявляется о мире, и живем в полной неизвестности нашей участи.

Финны усиленно высылают русских беженцев из своей землицы; а русские, несмотря на свою многочисленность и прохвастанную ими на весь мир силу, всё больше скотеют: из кровожадных волков перекрашиваются в баранов и нищенствуют по всему миру и живы только Америкой.

Эти заморские люди — великие и истинные христиане, они кормят явных лгунов, мошенников, грабителей совершенно бескорыстно...

Всего доброго желаю Вам, бодрый и вечно юный Виктор Иванович.

Ваш *Илья Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 16–16 об.

23

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Eesti, Hungerburg,
Старая у<лица>, 14
В. И. Базилевский
26 июня 1920

Дорогой Илья Ефимович!

Получил сегодня письмо Ваше. Я всегда получаю Ваши письма, но, может быть, на почте в Финляндии случился чиновник, кот<орый> не знал русский шрифт, вот и не знал, куда послать. Можно, во избежание такой случайности, адресовать, как у меня сегодня написано. Здесь у нас почтмейстер отлично знает и эстонский и русский, и затруднений не бывает. (Кстати, это замечательная красавица: я всегда любуюсь ее золотыми волосами и дивными руками.)

Надобно отдать справедливость эстонцам — у них много вкуса в одежде. Одеваются они здесь все летом в исключительно белый цвет. Шапочки из холста на голове, короткое платье белое и белые чулки и ботинки. Очень многие ходят босиком. Это производит странное впечатление на берегу моря — точно все большие чайки. Мужчины, почти все солдаты в английском платье защитного цвета, сливаются с песком берега, почти каждый из них ведет под руку свою белую даму. И ходят они хорошо, все молодцы, часто бегают и играют. Очень часто все это общество купается вместе, бегает, прыгает и валяется в волнах. Женщины-эстонки все купают-

ся без костюмов, как и мужчины. Многие хорошо сложены и могут, конечно, гордиться своей красотой, которую костюм уродует.

Море, конечно, здесь — вся жизнь. Сидишь целыми часами на берегу в мягком теплом песке и любуешься, как эта молодая жизнь плещется в волнах. На днях я жалел, что нет вблизи любителя-фотографа, чтобы снять моментальную интересную картинку. Я лежал на песке на солнышке и смотрел в мой маленький бинокль на далекий пароход и не заметил, как ко мне приползла целая группа девочек лет 8–9-ти. Все они были голенькие, и [мука́] песчаная не сошла еще с тела — все хорошенькие русые девочки русские. «Покажи, дедушка, трубу», — запищали все и полезли ко мне на колени, и все эти русалочки окружили меня. Что за красота эти ручонки и крошечные ножонки, еще не испорченные обувью! Все пересмотрели проходящие вдали пароходы, и скоро вся эта толпа подростков помчалась опять в волны.

Хороша молодость! Как-то самому весело становится, когда видишь здоровых ребят. Вот как-то у нас, в нашей бедной, бедной России?

Все сижу у моря и жду, когда явятся опять газеты. Контора немецкой газеты, которую я получаю из Ревеля, пишет мне, что с 1 июня бастует типография, и они не могут печатать свою газету — а это здесь самое интересное издание, старая газета отлично редактируется, и я ужасно чувствую ее отсутствие.

Есть только одна русская газета; выходит два раза в неделю, небольшого формата, стоит две с половиной марки номер и дает очень мало сведений. Были еще две другие, но они все очень недолговечны, и ни одна не дает точных сведений, которые всегда находятся в немецких изданиях. Не знаю, издается ли что интересное по-русски в Финляндии.

Здесь на днях нас порадовал русский хор. Кто-то усердно поработал в Нарве и составил русский хор из местных жителей, очень интересный. Приятно было послушать и Глинку, и Даргомыжского, и др<угих> наших композиторов.

Здесь, конечно, есть и театр, и даже концерт — но это все по-эстонски, и туда не хочется. Всегда все оканчивается

танцами, до кот<орых> эстонцы большие охотники, и бал кончается в два часа ночи, когда пароход отвозит массу публики в Нарву. Туда всего ровно один час.

Жизнь течет здесь мирно. Читаешь, пишешь, лежишь на берегу, думаешь все, что́ там, на родине, и дни бегут так быстро, что вот скоро осень, а ничего решительно на Руси не видно, и от приезжих оттуда слышны только ужасы и ужасы!

Что-то скажет август?

Будьте здоровы, храни Вас Господь.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 36–37.

24

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

3 июля 1920
Гунгербург

Дорогой мой Илья Ефимович!

Надоедаю я Вам зело моими письмами. Пишу я их под впечатлениями минуты, и потом и не помню, что писал, — хочется поделиться впечатлениями, а не с кем. Я здесь совершенно один, знакомых близких нет, только шапочные знакомые на музыке.

Дети работают в лесу, возят дрова и бревна, я вижу их только по воскресеньям.

Вы совсем замолкли, хоть два слова на открытке пришлите — как здоровье Ваше?

Я пишу свои воспоминания о М. Г. Савиной[54] и В. Ф. Комиссаржевской — какие две удивительные женщины и совершенно разные типы.

Я хорошо знал обеих — бывал у них гостем, переписывался десятки лет. Особенно оригинальна была Вера Федоровна. Что за живая натура, сколько энергии было в ней — и что это был за философ! Я никогда не забуду долгие беседы у нее по вечерам.

А не знакомы ли Вы были с ними?

Не знаю, когда теперь явятся у нас опять такие таланты на сцене — я когда-то видел их обеих во всех их ролях.

Как все это было давно, и как это теперь кажется далеким-далеким...

Какие здесь ночи — спать нельзя, так хороши ночи, — уходить с берега нет силы, что за переливы цветов, тонов, оттенков! От пурпура до легкого зеленого и фиолетового — вот бы <по>пробовать передать автохромом — да теперь нет нигде в продаже таких пластинок.

Эх, быть бы немного художником и хоть бы акварелью передать эти эффекты.

Да, хороши, дивно хороши закаты!

Ну, до свидания, не браните, что пишу Вам так все, что влезет в голову, — люблю поговорить с Вами.

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 38, 39.

25

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

9 июля 1920 г.
«Пенаты»

Дорогой
Виктор Иванович.

Вероятно, одно письмо мое затерялось. А может быть, надо было писать европейской грамотой?

Я очень, очень благодарен Вам за Ваши милые письма, полные свежести и жизни. Как это трогательно, что Ваши дети работают в лесу, возят дрова и бревна и видитесь Вы с ними только по воскресениям.

А я начал писать портрет г-жи Андреевой[55], вдовы писателя Леонида Андреева. Она приезжает два раза в неделю из Vammelsuu.

Стоит дивная погода, я купаюсь по утрам, вода теплая и пляж гладк<ий>, как Лидо в Венеции.

Как это хорошо, что Вы пишете воспоминания о наших очаровательных подвижницах сцены. Если будете печатать, пожалуйста — мне по экземпляру; Вере Федоровне посчастливилось, о ней писали много. О Марии Гавриловне меньше писали. Хорошо, если Вы приложите и письма их. Я с Верой Федоровной встречался мало — обожатели и обожательницы (особенно) дополняли много. А с Марией Гавр<иловной> больше встречался (рисовал с нее (сепией) для какого-то журнала). Ну, эта совсем не философствовала; а любила она бесконечно характеризовать свою братию — сценических деятелей.

Это письмо пишу сейчас же по получении Вашего.

С искренной преданностью.

Ил. Репин

Прилагаю для образчика письмо к Вам, которое вернулось обратно ко мне. Прошу Вас, в следующем письме напишите мне свой адрес на той азбуке, которая принимается и прочитывается в Гунгербурге. Сегодня уже 19/6 июля. Удивительно, почему некоторые письма к Вам доходили?

Будьте здоровы. Всего лучшего.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 19, 20.

26

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

29 августа 1920
Гунгербург, Старая ул<ица>, 14

Дорогой Илья Ефимович!

В глубокой старости, в каковой, напр<имер>, я обретаюсь, — превращаешься в ребенка — это я на себе чувствую. Вспоминаю самые отдаленные годы, и они так резко выступают. Становишься болтливым. То тоскуешь, то весело, и все как-то беспричинно, как это бывает с малыми детьми. Но зато порой начинаешь так анализировать события, так спо-

койно относишься ко всему окружающему, что чувствуешь себя совершенно беспристрастным зрителем и чувствуешь, что верно оцениваешь все окружающее.

У нас было 40 домов, раскинутых по городам России и Сибири. Некоторые дома были роскошны, как дворцы, но, право, не жилось так мирно, хорошо и здорово, как я теперь живу в одной комнате две с половиной сажени длины и две ширины. Здесь письменный стол, шкап, зеркало и перед окном сирень и черемуха, и куст жасмина.

Слышу прибой моря — туда пять минут ходьбы. На столе десяток любимых книг и, конечно, мой любимейший *Лермонтов*, и право, говоришь себе, немного места нужно человеку, и Бог с ними, с этими миллионами, кот<орыми> и мне пришлось ворочать 15 лет после кончины брата[56]. Они его убили в 10 лет, а мне в 15 лет счастья не дали.

Сыновья молодцами работают в лесу не хуже самого бойкого крестьянина, а дочь так стряпает, что пальчики оближешь, и это без малейшего присутствия прислуги или какой-либо помощи. Она же стирает, шьет, чинит, печет, и все одна, иногда мы помогаем. В свободные часы она делает белую обувь женскую. Здесь все женщины носят преимуществ<енно> белые башмаки. Она так хорошо работает, что продает по 300 марок, и заказов не оберешься.

Эта публика не пропадет, хотя состояние все *отобрали большевики*, не оставивши ничего. Но в Эстонии работы много, и только ленивые пропадают.

Здесь закон, порядок, свобода и все, что нужно культурному человеку.

Я счастлив, что хоть часть семьи моей со мной, два сына и дочь. Сегодня сын мой привез мне из деревни только что вынутый мед, довольно вкусен, янтарного цвета.

Американцы дают здесь даром старикам и детям белый хлеб или муку белую, и вот у меня теперь роскошнейшая закуска утром и вечером: чай, белый хлеб, чудное масло и мед. Это лучшее питание старости, и остается только нам благодарить Господа за такую благодать.

Вот и газетный голод теперь можно утолить. После 6-недельного перерыва явились опять из Ревеля три русские

газеты, и мы получили их здесь на другой день — 12 июля, с пароходом из Нарвы.

На пристани масса русских, как голодные, накидываются на русские газеты, а теперь в особенности, как поляки там бьют красных.

Ну, примусь я сейчас за газеты. До свидания, дорогой Илья Ефимович, простите за [обрывочное] письмо. Обнимаю,

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю л. 41 об.:

Какая судьба библиотеки Андреева на его даче в Финляндии?

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 40—41 об.

27

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

4/IX <19>20

Дорогой
Виктор Иванович.

Говорят, через Эстонию письма доходят до Питера.

Уже почти два года я не имею сведений о дочери Вере, которая живет там, в нашей соб<ственной> квартире:

Карповка, 19, кв. 20.
Вере Ильиничне Репиной.

Прилагаю здесь ей страничку и слезно Вас прошу отослать ей это письмецо и, если получите ответ, переслать его мне. Очень, очень обяжете, если удосужитесь исполнить мою просьбу.

Ваш *Ил. Репин*

Я всё хлопочу о паспорте: хочу побывать в Гельсингфорсе.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 22–22 об.

28

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

5/IX <19>20

Вчера отправил Вам письмо с запиской для моей дочери, а сегодня от Вас, дорогой Виктор Иванович, — целая поэма — какое счастье читать Ваше письмо! Оно дышит тем счастьем жизни, о котором всю жизнь мечтал Лев Толстой. Он так и умер в погоне за этим раем на земле. А к Вам, маститый патриарх, этот рай спустился сам. Конечно, после грозы и бури, но тем отраднее такая тишина, такая красота. Я опять к Вам с просьбой: не найдется ли у Вас карточки вашей дочери и сыновей, а может быть, целая группа, где вы вместе, семейно сняты? Вот обрадуете, если пришлете мне. Так и вижу Вас всех: дочь, готовящую так, что пальчики обсосешь, и сына, в лесу, рубящего дрова не хуже самого бойкого крестьянина.

Исполать Вам! Слава! Слава! Слава!

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 24.

29

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

9 сентября 1920
Гунгербург, Старая ул<ица>, 14

Дорогой Илья Ефимович!

Чтобы вернее доходили письма из Финляндии, надобно писать: *Нарва-Гунгербург*, Старая ул., 14. Гунгербург не везде известен — а Нарву знают хорошо, часто и Гунгербург называют Усть-Нарова. Конечно, можно адрес писать по-русски.

Здесь мы сидели 10 дней во тьме, из России угощали таким дымом, что на море за 50 сажен ничего не видно было.

Приходили голландские корабли за лесом, гудели, гудели на рейде, а их не видно, маленькие пароходики искали их ощу-

пью. Запах гари был так силен, что думали, где-то вблизи горит, а оказалось, далеко в России горят леса и торфяники.

Это напомнило мне Енисейск, где была такая же тьма, — оказалось, что горели леса на Оби, и к нам доносилось за 1000 верст.

Сгорело что-то 200 т<ысяч> десятин!

Господи! когда же уймутся все эти ужасы в России? Арестована дочь Толстого![57] Приговорена к каторжной работе!

Что за люди командуют теперь в России? Как это находятся еще слепцы, которые идут в Красную армию защищать коммунизм? В сущности, и коммунизма в России нет — злоупотребляют этим словом.

Ведь это сбор самого неумного, развращенного элемента толпы, все же не умеют работать, сами развратили часть народа, каких-нибудь 500 т<ысяч> людей, которых сытно кормят, вооружают и которым дают власть над несчастным народом, лишенным пищи, оружия и доведенным до высшей степени истощения и ужаса от примененного к нему террора. Теперь Русь вымирает миллионами, а мы об этом, в сущности, ничего не знаем. Печать там об этом молчит, и только иногда перебирают, обсуждают все ужасы, кот<орые> они видят там. Эти массы непохороненных трупов на кладбищах, где мертвые там выложены из гробов. Ведь гробы дают только напрокат, чтобы донести до кладбища, — а так не успевают рыть могилы — да часто и некому их рыть. Все несемейные взяты на войну — остались бабы да дети.

А что творится в уездных губерниях, где без хлеба — страшно! Отнимут хлеб вооруженные банды, а бедные крестьяне берутся уже за топор, чтобы защищать свое добро — последний кусок хлеба.

Всё отнимают, чтобы кормить красную гвардию. Мне это рассказывал пожилой австриец, которых здесь провозят толпами через Гунгербург и Нарву в Германию. Пароход привозит их, а железная дорога в Нарву везет их до Гунгербурга, а здесь на море стоят большие суда, которые везут их в Германию и дальше. Приезжают они в ужасном виде, оборванные, голодные, тикают из этого *Рая Коммунизма*, а это сущий ад! Сколько их там, австрийцев, уже погибло, и осталось еще больше.

И Англия еще разговаривает с этою сволочью и разными Каменевыми и другими, послов Ленина и Троцкого еще принимают члены парламента Англии и считают за людей — этих бандитов и патентованных разбойников, которые создали иго похуже монгольского и сто раз хуже опричников с собачьими головами Ивана Грозного.

Торгаши англичане! Ищут добыть на Руси хлеба и льна, когда сама Русь и голодна, и гола. Одни французы и американцы начинают понимать, что нельзя же 500-т<ысячную> вооруженную шайку оставлять хозяйничать над обобранным народом, у которого отняли право говорить, право владеть своим хлебом и над которым посадили в каждой деревне самых отъявленных негодяев как всесильных комиссаров, убивающих по своему произволу каждого. Здесь я видел эстонцев, только что приехавших из Москвы, чего они только не насмотрелись! Ужас, ужас их слушать, а не только пережить это!

Как прав был Л. Андреев[58] в своем воззвании, когда он бросил клич на всю Европу: спасите, спасите!!

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю л. 42.:

Помогут ли Польша и Франция спасти Россию??

По левому полю л. 43 об.:

И Европа еще принимает Литвинова, Каменева и всех этих евреев под русским флагом!! Ужасное время и ужасная политика Европы!

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 42—43 об.

30

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

29/16 / X <19>20
Куоккала

Дорогой
Виктор Иванович.

Увы, никаких известий из Питера! Может быть, и в живых нет моих...

Что делать — во власти бунтующих рабов, — можно ли гадать о каких-то человеческих традициях, жизнях. Грабежи, разбои, казни, голод и мор — вот что нам дали обманщики...

Читаете ли «Общее дело» Бурцева[59], изд<аваемое> в Париже? (142, rue Montmartre, Paris.) Теперь она выходит *всякий день*, очень интересное издание. Я его прочитываю *все*, так интересно.

Вот и зима. Сегодня уже 10° Reaum<ur>[60]; и снег — на санях ездят, у кого еще осталась редкость — лошадь. Зима должна быть *снежной* и холодной, а дров нет, и дорогих даже нет; я принялся чистить свой парк. Пока всё только к лучшему: группирую покрасивее и пускаю больше света и, след<овательно>, тепла. Я уже более 15 лет занимаюсь этим усовершенствованием моего небольшого куска. Пруды мои замерзли, в комнатах 7° R, и отапливаю пока только четыре к<омнаты>, а скоро придется сократить сей простор. Зато фонтан так же бьет и шумит дождем, как среди лета, «хладной пылью орошая»...

В Гельсингфорсе я приобрел очень милых друзей-художников[61]. Идет переписка — затеял я затею. Какой симпатичный человек их поэт Ейно Лейно[62], глубокая душа и чистый поэт — алмаз. Хочется их изобразить.

С упованием всё еще жду — не будет ли от Вас весточки?

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 25–25 об.

31

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22. 09. 1920
Нарва-Гунгербург
Старая ул<ица>, 14

Дорогой Илья Ефимович!

Только что получил письма для Вас.

Пожалуйста, пересылайте через меня все нужные письма. Здесь почта из Питера приходит хоть поздно.

По адресу *Нарва-Гунгербург.*

Ваши письма ко мне доходят аккуратно.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 44.

32

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

5/XI <19>20

Горячо обнимаю Вас, дорогой Виктор Иванович, — благодарю, благодарю за письмо от дочери. Уж я и ждать перестал — и вдруг такое счастье.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 30.

33

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

7 ноября 1920
7° мороза

Сейчас получил Ваше письмо. Надеюсь также получить письма из Питера, кот<орые> перешлю Вам.

Пришлите под бандеролью один номер газеты, о которой пишете. Познакомлюсь и подпишусь. У нас зима, но снега нет еще для саней. Будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 45.

34

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

13/XI <19>20

Дорогой Виктор Иванович.

Вчера получил Вашу открыточку и никак не могу вспомнить, про какую газету писал я Вам? О чем там было? И не знаю, найдется ли. Такой я становлюсь беспамятный, беспомощный.

Слыхали ли Вы о Борисе Аркадьевиче Ефроне?[63] Какой умнейший человек и какой интересный лектор! Два вечера, часа по три, читал у меня в мастерской об экономическом положении в России — в прошедшем, настоящем и будущем. Как слушали его! Много было дам, и никто даже не кашлянул — такое было внимание.

Может быть, припомните, о чем я писал по поводу газеты? Сейчас же пришлю, если найду.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 32.

35

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

26/XI <19>20

Дорогой Виктор Иванович.

Как я Вам благодарен за письмо дочери! Посылаю последний полученный мною «La Cause Commune» — «Общее дело» Бурцева — номер. Это самая интересная из газет: я всегда прочитываю *всё*, несмотря на запоздалость.

Осень у нас держится ровно и сравнительно не холодно. Но, Боже, до чего мы дожили и всё так же ползем в пропасть...

Ваш *Илья Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 319. Л. 40.

36

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

5 декабря 1920
Нарва-Гунгербург,
Старая ул<ица,> 14

Дорогой Илья Ефимович!

Большое спасибо Вам за газету. Прочитал и благодарен редакции, что знакомит Европу с ужасной правдой о России!

Когда-то Господь даст вернуться на успокоенную родину!

Ответ от Вашей дочери[64] на Ваше письмо еще не получил. Почта ходит очень долго.

Здесь зима, но снегу совершенно нет! Пароход в Нарву еще ходит. В прошедшем году навигация окончилась 16 ноября — я прибыл сюда с последним пароходом.

Здесь теперь полное безлюдье. Все дачи пустые, и на море на берегу ни души. Я один скитаюсь вдоль замершего моря. Живется хорошо — дети работают. Газеты получаются. Хлеб и припасы съестные имеются. Есть и рыба, и овощи. Отсюда к нам через Нарову до нашей усадьбы «Великино» всего 10 часов езды — рукой подать, а попасть нельзя, пересекая границу. Большевики сейчас арестуют!!

Храни Вас Господь — будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 46, 47.

37

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

9 декабря 1920

Дорогой Илья Ефимович.

Только что получил разом два письма. Спешу переслать Вам при сем.

Скоро Новый год. Дай-то Господь, чтобы он не походил на нынешний.

Желаю Вам здоровья и возрождения Родины!

Преданный Вам

В. Базилевский

Здесь сегодня первый санный путь.

Черкните два слова, когда получите это письмо.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 48.

38

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

13/I <19>21[65]
«Пенаты»

С Новым годом! Завтра – *Нашего* встреча. А нам всё нет счастья...

Благодарю, благодарю Вас, дорогой Виктор Иванович. Хотя и не скоро дошло, но слава Богу, что дошло – письмо от дочери. Буду надеяться, что и мое дойдет до нее. Примите мою, сию карт<очку> и очень прошу *Вашу*.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 1.

39

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

14 января 1921
Нарва-Гунгербург
Старая ул<ица,> 14
–18°

Дорогой Илья Ефимович!

Посылаю Вам только что полученное для Вас письмо. Мы совершенно завалены снегом – и мороз трещит. Здесь

стало совершенно пустынно — редко кого на улице встретишь. Приходится больше сидеть дома в шубе, мерзнуть и стараться читать. Писать труднее: руки мерзнут; еще месяца два потерпеть, а там весна!!

Мои все здоровы. Я все-таки гуляю ежедневно.

Храни Вас Господь. Будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 51.

40

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 янв<аря> 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Большое спасибо за карточку — посылаю свою, домашней еще фотографии, здесь я еще не снимался.

Письмо Ваше отправлено.

Поздравляю Вас с почетным орденом[66]. Мы здесь совершенно завалены снегом, так что вылезти из дома нельзя — бураны снежные чуть ли не через день воют.

Сижу, читаю газеты (немецкие, очень интересные). Пишу, перевожу. А как хороший день, конечно, хожу целый день, и на море посмотрю (оно не замерзло), и в лес.

Ребята мои работают в лесу. Теперь уже давно санная дорога.

Всё думается: когда поправится Русь-матушка?

Ведь вот маленькая республика Эстония организована вполне. Здесь Европа — культура — свобода — выборное правительство и — законы — порядок. Газеты всяких оттенков. Говорят, спорят, критикуют. Есть общественное мнение. Есть любой выбор книг.

А у нас в России мы идем там на всех парах к полному одичанию. Ни хлеба, ни книг, ни газет, только приказы полуграмотных комиссаров!

А главное, там ложь, ложь на каждом шагу! Какие грубые издевательства над бедным, бедным народом!

Я часто думаю: доживу ли до того счастливого момента, когда Россия выздоровеет? Когда-то мы, молодые студенты, покидая Университет в 1862 году, мечтали, кто из нас достигнет 80-лет<него> возраста, и какую счастливую Россию мы увидим тогда. Ведь в эти счастливые годы мы только что переживали освобождение крестьян, освобождение печати, предстояли реформы суда, земства. Зачитывались Тургеневым, Достоевским. Какие живые были времена! Вот думалось, что́ увидим еще в глубокой старости — вот некоторые из нас дожили, пришлось бежать от тюрьмы; от страха и ужаса там везде гибнут!! И просвета какой-либо зари не видно там. Ни в чем не проявляется какая-либо идея. Что создано там, ничего не видно. Только разорение и проповедь разбоя, насилия. Нигде ни одного слова о любви к человеку. А ведь без любви нет спасения. Любовь, уважение [к] ближним — в этом вся суть нашей недолгой жизни, а это убито, и молодежи внушается исключительно ненависть к ближнему, и внушается и словом, и делом!

Полное извращение великих принципов Христа.

Будьте здоровы, крепко обнимаю Вас и желаю Вам в Новый год доброго здоровья и Воскресения дорогой России.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 52—53 об.

41

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[31 января 1921 г.][67]

Дорогой
Виктор Иванович.

Со слезной просьбой переслать эти письма моим в Витебск.

Так холодно: в кв<артире> три гр<адуса> R, пальцы окоченели...

Будьте здоровы.
Глубоко благодарный

Илья Репин

Я Вам много должен за эстонские марки.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 3.

42

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

1 февр<аля> 1921 г.
«Пенаты»

Ах, как Вы меня утешили, дорогой Виктор Иванович.

Какое письмо! И какая карточка. Не знаю, что лучше, — оба лучше! Письмо — молодой студент 1862 г., покидающий университет, счастливый мечтами о будущей России...

А вот — живой, 80-лет<ний> гражданин Российской Республики. Проницательное тонкое лицо, едва сдерживает улыбку несокрушимого здоровья, полную живого опыта жизни, знающего цену вещам и людям и всех их теориям философским...

Странно, лицо Ваше тут вышло очень похоже на П. М. Третьякова[68], знам<енитого> собирателя московской коллекции русского искусства.

Да, и нас тут — после роскошного снега — начало замораживать, а дров хороших нет: сырые, сосновые — в комнате четыре гр<адуса> R тепла, руки коченеют. А наверху, в мастерской, два гр<адуса> мороза! Уж и не подымаюсь туда. Сейчас на дворе уже около 20° R. Звезды блестят, Венера, как луна, светит, Орион, Сириус — великолепны.

Завтра ждем теософистов[69], приедут из Келломяки. Боюсь, холод помешает. Сидим уже в шубах, шапках. К девяти ч<асам> веч<ера> было уже –23 гр<адуса>; сегодня утром –15.

Я, разумеется, Вам глубоко благодарен за корреспонд<енцию>, но как мне возместить Вам те большие расходы на мои письма? Научите, будьте милы.

Здоровья и всего лучшего Вам всей душою желаю.

А как желал бы я видеть фото всех Ваших детей, помощников, работников.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 5–5 об.

43

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

13 февраля 1921,
Гунгербург

Большое спасибо Вам, дорогой Илья Ефимович, за два письма, кот<орые> я только что получил. Сердечное спасибо Вам за милое отношение ко мне. Ваше письмо я отправил в Россию. Расход марками ничтожен, так немного пришлось переслать Вашей корреспонденции.

Вот к Вам просьба. Не можете ли подписать для меня на *один только* месяц в Париже на газету, выходящую там на русском языке?[70] Хотелось бы только узнать тон и направление. Здесь несколько русских газет, но они все часто спорят между собою, и очень мало содержания. Газет эстонских много и очень обширные, иногда восемь листов большого формата, но всё это недоступно мне.

Всего интереснее здесь для меня — это немецкие газеты, выходящие в Ревеле. Они всегда интересны, умны и справедливы. Масса сведений из России, Германии, Англии, Франции, есть и научный отдел. Вообще сотрудники, видно, люди чрезвычайно интеллигентные.

На улице опять снежная метель — занесло все окна и ворота, отпереть нельзя. В комнате +7°. Жду с нетерпением весны — солнца!

Вспоминаются <19>84 и <19>85 годы, когда мы провели две зимы в Ялте (около Ялты в имении). Что это была за роскошная зима! Один день только был снежок утром. Я едва успел снять фотографии, как к 12 часам всё исчезло,

и дети в одних летних пальто собирали цветущий шафран на дорогах.

Помнится, я уезжал совершенно убитый, только что похоронивши в имении первую жену, 30-ти лет, и на руках у меня оставались шесть детей, самой старшей едва минуло 10 лет. Осень была мрачная, холод, грязь, снежок, и вдруг через несколько дней мы очутились в Севастополе, и пришлось снимать шубы и надевать летние шляпы и накидки.

У нас была нанята дача около Байдара «Мелас», князя Голицына. Это место в 200 десятин с виноградником и дворцом в турецком стиле, с запущенными аллеями и лесом. Только там, под солнцем юга, я воскрес от тоски, и дети все поправились и проводили весь день до заката на берегу моря. Мы обходили весь южный берег, и эти два года дали нам всем силу и бодрость. Что это за чудный юг — наш Крым! У меня осталась там масса знакомых, кот<орые> переселились туда из Сибири, и все поправили там здоровье свое и обзавелись дачами и имениями.

Что-то творится там теперь после бушевания большевиков?! Мне наш Крым понравился больше Италии и Испании. Язык и люди свои, да и природа еще не так подстрижена человеком, и много природного — дикого, естественно-красивого.

Ныне такой снеговал в январе и постоянные метели, что трудно поддерживать на прудах площади для конькобежцев, и только лыжный ход возможен.

Охота здесь порядочная, и сын мой добыл четыре отменные зимние лисицы и массу зайцев, серых куропаток и рябчиков.

Здесь у некоторых знакомых уцелели библиотеки, и я рад, что могу перечитывать мною забытых авторов: Лескова, Чехова, Салтыкова, Тургенева — всё это переиздано когда-то Марксом[71] и разошлось по всей России при «Ниве». Я когда-то знал хорошо покойного *Маркса*, когда он приехал в Россию и начал свою издательскую деятельность. Долго ему не везло, но упорство немецкое взяло свое, и его «Нива» перевалила 200 т<ысяч> экземпляров. Он переиздал *всю* литературу и издавал всё хорошо — вот бы кому следовало

поставить памятник пред Университетом. Его деятельность полезнее Маркса-социалиста.

Храни Вас Господь.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 54, 55.

44

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

17 февраля 1921 года
Нарва-Гунгербург
–25°, в комнате +7°

Дорогой мой Илья Ефимович!

Вы так сердечно и тепло относитесь к моим письмам и фотографиям, что я решаюсь послать Вам сибирский снимок мой 24 лет, с кот<орым> связано одно из самых выдающихся событий моей жизни. Я кончил Университет в 1861 году и весной поехал осмотреть горные работы в Бельгии, Англии, Германии, старые работы римлян золотых россыпей в сев<ерной> Италии и золотые рудники сев<ерной> Италии, где работают англичане. Весной 1862-го я двинулся в Якутскую область искать золото для моего отца[72], у кот<орого> там были прииски, на кот<орых> уже иссякло золото. Желез<ной> дороги тогда еще не было, и долгий путь до Лены приходилось совершать частью [в тарантасах], пароходами и по Лене в крытой лодке. Вся поездка была в высшей степени интересна, во всех сибирских городах были знакомые, к которым я заезжал, а в степях и лесах охотился на уток, гусей, тетеревов и проч. Со мной были отличные английские собаки.

Приехавши на Лену, я двинулся верхом в горы за 500 верст — там тянется высокая горная местность между притоками Лены и притоками Ангары. Тут всё дико, неизвестно, нет карт и геологических исследований. Только при мне ученый Кропоткин[73] (впоследствии анархист) на-

чал подробные топографические съемки и анализы горных пород. Здесь, в этой местности, где можно свободно уложить всю Францию, предстояло начать поиски.

Летом я объездил все реки и хребты верхом, а зимой [нрзб.] на лыжах с вожаками-тунгусами. Спал с ними в их коровьих палатках и случайных избушках. Одевался, конечно, по-тунгусски и по временам ездил на оленях с якутами. В две зимы я так привык к этим странствованиям, что участвовал с тунгусами в их охотах на диких оленей, а летом ловил с ними рыбу. Мороз до 30° переносится легко, и я ни разу не хворал в Сибири.

Когда старик мой благословил меня на дорогу, я с самоуверенностью юноши заносчиво объявил, что я из Сибири без золота не вернусь. «Золото искать — дело трудное», — ответил старик.

Два года мы с товарищами бились изо всех сил, и летом, и зимой ходили шурфами, брали пробы из рек. Кое-что нашли, но всё бедное, не стоило работать.

Наконец весной 1864 года мы на лыжах с высокого хребта открыли глубокую долину верст пять длиной, спускающуюся незаметно в большую речку, где уже работал чей-то прииск. Долину эту с устья не видно было, так как тут выступали утесы и ключик казался ничтожным, воды мало. Мелкий лесок и свалы каменные загромождали весь рельеф, и только с хребта можно было осмотреть громадный косогор, медленно спускающийся в ключик. Тут было много кварцевых глыб на горах, и эта местность никем не была замечена и исследована.

Кредит 100 000 руб., открытый нам моим отцом, приходил к концу. Был уже апрель, и вода начинала мешать работам. Мы заложили шурфы высоко в косогоре, и наконец в последнюю минуту судьба улыбнулась мне. На третьей сажени, когда вода и тут начала просачиваться, показались пески желтые с кусками кварца, в которых блестело золото, и наконец стали попадаться и самородки золота. Из двух пудов земли я намыл полтора фунта золота!

Это 5 апреля 1864 года я никогда не забуду. Косогор, кот<орый> я видел с вершины хребта, оказался местом на-

хождения золотых жил, кот<орые> были разрушены бывшим здесь глетчером, и это разрушение дало образование мощной золотой россыпи, которая из косогора потянулась вниз, и дало россыпь и в большую речку, где работали уже прииски. Но главная масса золота осталась в косогоре, и здесь мой отец добыл с 1866 по 1878 г. больше 1500 пудов золота на 35 миллионов рублей.

Таким образом, мне удалось открыть богатейшую долину *Верхнего* ключа, и я вернулся в Питер победителем, не под щитом, а на щите, и мои предчувствия оправдались. Что теперь там делается в долине «Верхнего», я давно, давно не знаю.

Простите мой почерк — холодно, руки стынут.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 56—57 об.

45

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

19 февраля 1921
Гунгербург

Какова мерзлота, дорогой Илья Ефимович! У меня всего +5° в комнате. Домик летний, сквозит, везде дует, на окнах полвершка льда, на улице –25° и ветер!! Но всё-таки жив и пока здоров, и здорово сплю под шубой и в теплой шапке.

Вспоминаю Сибирь, где было холодней, но жилось теплей. Там умели одеваться легко, но тепло. Когда я надел там оленью кухлянку двойную без малейшего участия сукна и ваты, я почувствовал себя так легко одетым, что боялся сунуться в мороз –30°, но потом ходил и ездил, не чувствуя этого мороза.

Тунгусские и якутские одежды просторны, чудно выделаны, не коробятся от холода и своею легкостью дают большой простор теплому воздуху, который накопляется от тела. Европейские костюмы все слишком тяжелы и прижаты к телу, нет места для теплоты от тела.

Сегодня узнал, что умер князь П. А. Кропоткин, изестный анархист, но противник Ленина и К°. Он издавал много книг и проповедовал анархию по следам Прудона и других. Я познакомился с ним в Иркутске в 1864 году, когда он приехал из Пажеского корпуса и был зачислен в забайкальские казаки. Это был молодой офицер, моих лет, очень интересующийся естеств<енными> науками и географией. Никаких идей анархических у него не было, и о политике он никогда не говорил. Он был членом Сибирского географического общества и занялся усердно географией Сибири и написал капитальное сочинение о ледниках сибирских и о ледниковом периоде в Восточной Сибири.

Я давал ему указания для карты Сибири, которую он начал составлять, и дал ему мои маршруты в неизвестных еще местах.

Кропоткин был очень образован, прекрасно владел всеми языками, был очень красноречив, и был отличный актер в любительских спектаклях Иркутска. Он был душа общества, когда затевали балы, пикники, собрания и ученые беседы. Начитанность его была громадна. Он первый начал исследовать землетрясения Восточной Сибири и установил в Иркутске приборы для этих исследований. Он много сделал для определения климата Сибири.

Он был отличным химиком и физиком и всегда говорил, что в России народ так еще малограмотен, что о каких-либо реформах социальных рано говорить, что нам нужен пока Петр Великий и хорошенько приказом учить народ.

Он написал замечательные сочинения о ледниках прежнего времени Финляндии и об эрратических валунах[74], разбросанных из Финляндии по всей России и Пруссии.

Вообще Кропоткин был бы видный ученый-географ и много бы сделал в России, если бы не увлекся анархисткой-еврейкой, кот<орая> свела его на дорогу политика вместо дороги ученого, по кот<орой> он шел так блистательно в молодых годах. Его имя в Сибири было бы так же громко, как имя Пржевальского[75], великого исследователя Центральной Азии (я его также знал хорошо), но увлечение женщиной сбило его с его настоящей дороги строгого и точного ученого.

Я думаю, он это сознал в старости. Жалею, что не видел его после 1864 года.

Какое это было интересное время — 60-е годы в Иркутске! Сколько тут собиралось интересных личностей: Потанин[76], Пржевальский, Кропоткин, Радде[77], [Толмачев] и проч.

Начальник штаба генерал Куккел помогал всем ученым во всех собраниях. Тогда только еще мечтали о Сиб<ирской> ж<елезной> дороге. После постройки ее как всё двинулось, и только война всё это остановила. Я теперь всё чаще и чаще вспоминаю свою молодость. О, сколько в этом одном слове содержания, надежд и великого счастья! Всё это ушло, ушло!

Вот бы хотелось спросить Вас, дорогой Илья Ефимович, помните ли Вы Ваши первые годы, когда Вы взялись за карандаш и кисть? Что помогло выдвинуться Вашему великому таланту и наблюдательности? Я могу себя вспомнить только четырех лет, и то как в тумане — помню обстановку комнат.

Трудно писать, руки коченеют, в доме холодно даже у печи. Обнимаю Вас. Храни Вас Господь.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 58, 59.

46

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Суббота, 19 февраля 1921 г.
−25°, в комнате +6°

Дорогой Илья Ефимович!

Получил сейчас 4 письма для Вас, складываю в один пакет и рад отправить всё это Вам. Будьте здоровы.

Ваш *Базилевский*
Нарва-Гунгербург, Старая ул., 14

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 60.

47

И. В. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

25/II <19>21
Куоккала

Дорогой,
милый Виктор Иванович.

Как я Вам благодарен! Особенно за карточку 24 л<ет>. (Конечно, ее надо Вам возвратить?) И какая превосходная фотография — это еще 60-х годов — хорошо снимали, какой благородный тон и какой красивый теплый — изящный костюм! Чудо, чудо.

И большую благодарность примите за Вашу интересную повесть «временных лет». Спасибо, спасибо! Я у Вас в большом долгу. Не желаете ли получать «Общее дело» Бурцева из Парижа? — Весьма содержательный и симпатичный орган. Тороплюсь, рука устала писать.

Ваш глубоко благодарный

Илья Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 7–7 об.

48

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

5/III <19>21

Не могу выразить Вам, дорогой Виктор Иванович, какое счастье доставляет мне Ваша великодушная корреспонденция, только совесть мучает — не придумаю, как бы это возместить Вам. Ну да авось, Бог даст, как-нибудь сложится; не век же будут длиться рабьи положения, пора бы уж начать по-людски.

Эти письма очень прошу переслать дочери моей Вере: Петроград, Карповка, 19, к[в]. 20.

Глубоко благодарный Вам

Илья Репин

Глубокоуважаемому Виктору Ивановичу — большая просьба: переслать Вере.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 9–9 об.

49

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

11 марта 1921 г.
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Получил сегодня Ваши два заказных письма и отправил в Питер. Спасибо Вам за сочувствие моим воспоминаниям. Теперь только и осталось пересматривать, сидя на берегу моря, свое прошлое.

Мне особенно памятно мое первое путешествие в Сибирь за золотом и мои гордые слова, что я это золото найду, иначе не вернусь. Господь помог, и мне посчастливилось найти одну из богатейших россыпей Иркутской области — конечно, после двухлетних долгих странствий по горам и лесам тайги. Теперь я вспоминаю с удовольствием об этих ночевках в лесах и зимой об этих походах на лыжах. Это открытие поправило дела моего отца, которые очень пошатнулись в 60-х годах после несчастных откупов в Петербурге, Москве и Восточной и Западной Сибири. Какой я был тогда ходок на лыжах и какой неустрашимый охотник на медведей!

Парижскую газету Бурцева я иногда здесь читаю, знакомые привозят из Ревеля. Если газета Вам не нужна, то пришлите мне несколько номеров под бандеролью.

Я здесь всегда читаю «Revue der Bote»[78], это чудная немецкая газета — отлично редактируется и очень интересуется Россией. В ней часто известия, кот<орые> приходят раньше, чем в русских. И относительно Европы у нее масса очень дельных корреспондентов.

Я очень горжусь, что мои фотографии Вам нравятся. Пожалуйста, оставьте у себя мою карточку молодости, у меня есть еще экземпляр.

Кажется, русскому богатырю надоело сидеть в коммунистической клетке, и он, пожалуй, так шарахнется, что все эти шавки: Троцкий, Ленин и К° — полетят вверх тормашками. Дай-то Господь!

Обнимаю Вас, дорогой.

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 61–62 об.

50

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

17 марта <1921>

Дорогой Илья Ефимович!

Сейчас получил целый пакет писем. Спешу отправить Вам. Здесь 10 дней суровая зима до –10°. Весна отстает.

Будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 63.

51

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

21-го марта 1921
Петроград

Многоуважаемый Виктор Иванович, благодарю Вас очень за письмо. Не знаю, которое письмо дойдет. Музей имени Марьи Гавр<иловны> Савиной существует на Карповке, 17. Вам шлет большой поклон Евтихий Павл<ович> Карпов[79] (он управляющий труппой Александринского театра). Вас вспоминал с большим удовольствием также Владимир Никол<аевич> Давыдов[80] (заведует художествен<ной> частью и много играет). От него я узнала, что Молчанов[81] теперь в убежище имени Мар<ии> Гавр<иловны> Савиной и слаб здоровьем.

С уважением

В. Репина

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 12–12 об.

52

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

26/III <19>21 г.

Дорогой Виктор Иванович.

Посылаю Вам пока три последних номера «La Cause Commune». Подошли праздники; только в понедельник я могу послать в Париж, чтобы Вам высылали газету Бурцева.

Очень, очень благодарю Вас за все хлопоты — такое это утешение.

Искренне преданный Вам

Илья Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 15

53

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

29 марта 1921 г.

Христос воскресе!

Дорогой Илья Ефимович, спешу переслать Вам только что полученные письма. У нас уже полная весна, река Нарова прошла, снега нету, и везде уже колесная езда. Дни чудные, яркие, солнце, и многие в легких платьях. Я уже в летнем пальто.

Как Ваше здоровье, как все Ваши поживают?

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 64.

54

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

5 апреля 1921 г.

Дорогой Илья Ефимович!

Спасибо Вам за «Общее дело», кот<орое> сегодня получил. Спешу переслать Вам только что полученные письма.

Преданный Вам

В. Базилевский

У нас уже тепло, снега совершенно нет, благодать Господня! Оживаем под солнцем.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 65.

55

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[23 апреля 1921 г.][82]

Дорогой Виктор Иванович.

Опять надоедаю Вам со своими письмами... Но если бы Вы знали, какую радость Вы мне доставляете!!

Такая досада: опять что-то неладно, отодвигается наш мир, не отворяется граница.

Ваш *Ил. Репин*

Все мои сии писания в одном конверте — по одному адресу:

Вере Ильиничне
Репиной.
Петроград.
Карповка, д. 19, к. 20.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 22

56

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

30 апреля 1921 г.
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Письма Ваши отправил сегодня в Россию. Я всегда рад исполнить Ваши и дочери Вашей поручения — чувствую, что приношу хоть какую-либо пользу моим пребыванием здесь. А то, право, совестно: сидишь здесь и, в сущности, ничего не делаешь. Правда, я перевожу на русский язык интересные сочинения касательно Эстонии с немецкого. Но когда можно будет пустить это в дело, в России, одному Богу известно.

Больно, больно сердцу, когда подумаешь, что делается в России — какому страданию подвергается весь народ!

О двух своих сыновьях, 25 и 30 лет (оба офицеры на Южном фронте против красных), я уже много лет никаких известий не имею. Они ушли на войну в 1914 г. еще при царе.

Здесь нас поразило внезапное лето, кот<орое> продолжалось неделю. Было 28° на солнце и 16° в тени. Листья быстро развертывались, а цветы просто на глазах выходили из земли. Все леса засияли голубыми коврами. Ночью не падало ниже 14°. Думали, не начать ли посев. Но вот сегодня задул северный ветер, и барометр быстро падает, и солнце скрылось, и уже 10°.

Пляж весь вскрылся, и в припекающем солнышке можно было вчера греться, как у печки. Масса детворы бегала голыми ножками в воде. Шум и гам, как летом! Благодать Божья под солнышком, хорошо на берегу!

Обнимаю Вас, дорогой Илья Ефимович.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 66а, 66б.

57

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

10/V <19>21

Дорогой Виктор Иванович.

Искренно и глубоко благодарен Вам за Ваши беспокойства моими письмами — дочери. Вчера опять отправил Вам большой пакет. Дочь стремилась прибыть к Пасхе сюда, но, вероятно, не удалось, и я напрасно продержал письма.

Аккуратно ли доставляется Вам «La Cause Commune», «Общее дело»? Отсюда — оказалось — проволочка вышла из-за франков (не было). Довольны ли вы Бурцевым и его усилиями одушевить снова так несчастно, не раз уже, проигранное усилие за свободу Родины.

Искренно Вам преданный

Илья Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 21

58

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

16 мая 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Толстое письмо Ваше получил и отправил письма Вам. Только что получил от Вашей дочери.

Как у вас весна? Здесь дивно хорошо. Вся черемуха цветет, а здесь ее масса даже на улицах. Громадные в шесть [нрзб.] деревья, и вся вершина белая — красота! Сирень у моего окна уже дала несколько цветков — по старому стилю это очень рано. Вчера любовался на берегу, как молодые юноши лет 17–20, человек 25 всего, без платья, только в коротких костюмах, кидали дротки, купались и опять бросали эти пики. Солнце ярко освещало эту картинку — точно в Греции. Здесь хорошо теперь.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 67.

59

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

25/12 V<19>21

Виктору Ивановичу Базилевскому
Гунгербург-Нарва

Дорогой Виктор Иванович.

Ваша ангельская добродетель светится и озаряет меня. Мы тут немножко причастились буддийской мудрости: *йоги* и *карма* — такие премудрые понятия, нельзя не пожелать им успеха и распространения. Да, *всякое доброе дело имеет в себе вознаграждение* — возмездие, как и — *злое*.

Большие пакеты от дочери — единственная и бесконечная радость в наше беспросветное время... И весне Вы уде-

ляете Ваше внимание, и, в самом деле, эта весна переносит нас на юг... И я так долго не верил глазам: да неужели же весна! Так и теперь — лето, лето, и вишни, и яблони в цвету, и сирень благоухает, и тучная трава кустами. Картофель всходит, бобы, тыквы, огурцы — все, все, что посеяно, даже и так небрежно и бестолково, как у меня, — все-таки всходит и обещает. Но ночи все еще холодные, и ветерок холодный уже дня три грозит; а море — особенно сегодня ночью — так шумело!.. Я объедаюсь зелеными щами: на выбор трава, что хотите — снытка, крапива, вика и пр. Салаты также: из одуванчиков, свеклы, моркови и пр. и пр. Такая жалость, нет постного масла, напр<имер>, подсолнечного. Но я давно уже не вегетарианствую: и рыбу, и мясо и пр. — всё ем, как все.

Дочери так и не дождались мы к Пасхе. И теперь всё ждет она *пропуска*. И письмо это задержал из-за нее, всё ждал... Но вот сегодня я чувствую легкую простуду. Мой метод — не изменять заведенного режима — всё по-старому продолжать, как *всегда*. И я заметил, уже за много лет, что это лучшее лекарство, да других у меня не *полагается*.

К нам в Куоккала обещал приехать архиерей — освятить один престол в церкви, который всё еще не освящен. Идут большие приготовления к его встрече. Наш староста церкви Максимов[83] любит их принять по-старинному: будут и угощения, и возлияния, всё как следует. Хоры певчих усиленно занимаются — архиерейской службой. Переодевания, переодевания. Предварительно приедут инструкторы — этих премудростей простым смертным знать не дано.

Благодарю, благодарю Вас, дорогой друг: я никак не могу выразить Вам это мое чувство... Может быть, некогда восстановятся наши общения и сообщения!! Вот будет радость и ликование — вот пасхальное торжество! Когда и Вы заглянете в наше опустелое Куоккала.

Ваш *Ил. Репин*

Жара, я начал купаться — вот восторг!..

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 27–27 об.

60

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

Петроград
8-го июня 1921 г.

Многоуважаемый Виктор Иванович,
бесконечно благодарю Вас за пересылку папиных писем. Некоторые письма посылала другим путем — но, очевидно, не доходят, и Ваш путь самый верный. Вам *очень* кланяются артистка М. А. Ведринская[84], Евт<ихий> Пав<лович> Карпов и Давыдов. Недавно умер Молчанов в убежище артистов на Крестовском. Единств<енная> наследница, Елиз<авета> Анат<ольевна>[85], сейчас в Крыму, но скоро приедет в Петроград. В особняке Мар<ии> Гаврил<овны>[86] живет Хитрово[87] и племян<ница> Молчанова. Музей неприкосновенен. Еще раз благодарю за хлопоты.

Искренне уважающая Вас

В. Репина

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 39–39 об.

61

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

15/VI <19>21

Сколько раз перечитывал Ваше интересное письмо, дорогой Виктор Иванович, — благодарю, благодарю. Я тоже никогда не лечусь лекарствами. Теперь мое лекарство — *самомассаж*. Чудеснейшее средство против всех старческих застоев.

Но как странно: как только я отослал Вам письмо, где я расхвастался, что купаюсь, поднялся ветер и здесь, и я, конечно, забастовал: теперь всё уже не то. Будем ждать.

Прилагаю здесь письмо Чуковскому[88] — хотелось бы достичь адресата.

Глубоко благодарный Вам

Ил. Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 33.

62

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

26 июня 1921 г.
Петроград

Многоуважаемый Виктор Иванович,
не знаю, как Вас просить и благодарить — переслать папе эти письма! Вам шлют привет М. А. Ведринская, Евт<ихий> Пав<лович> Карпов; я писала Вам, что Молчанов *недавно* умер в убежище артистов на Крестовском.

Всего хорошего.

Уважающая Вас

В<ера> Р<епина>

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 49–49 об.

63

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

27/VI <19>21 г.

Дорогой
Виктор Иванович.

С удовольствием вкладываю в письмо сто м<арок>. Какая досада — Osake pankki[89] уверил меня, что не в исправности...

В прошлом письме я забыл ответить Вам, что красная смородина у нас почти перевелась, зато черная разрослась в большие кусты. А все фруктовые, наших плантаций, перемерзли. Но пенять не на кого: я очень плохой хозяин; а с тех пор, как подорожали руки, я совсем запустил свой сад. Дорожки [так] заросли, что после дождя и утром по росе невозможно ходить.

Сыну я отдал часть земли, и у него чудесный огород: картофель цветет, как персидская сирень, помидоры, тыквы, репа и пр., особенно бобы и горох просто загляденье.

Сегодня чудесный день; жаль, купаться некогда, да, вероятно, и холодно.

Вам искренно преданный и благодарный

Ил. Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 320. Л. 43.

64

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

2/15 VII <19>21 г.

Дорогой Виктор Иванович.

С моей горячей благодарностью Вам за хлопоты по пересылке писем, я всё же чувствую, как это должно быть тяжело — вечно возиться с ними... Если Вас поинтересует и у Вас найдется лишнее время, можете читать их, в них нет ничего запретного и, к сожалению, мало интересного.

Сердце мое полно самым дружеским признанием к Вам. С глубоким почтением и всегдашней преданностью.

Илья Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 7.

65

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Гунгербург
[нач. июля] 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Вы не можете представить себе, какое это представляет мне удовольствие — получать и пересылать Ваши письма. При моей уединенной жизни, когда вижу, что Вы работаете, а я ничего не делаю — является маленьким утешением, что и я чем-то полезен и радую Вас.

Спасибо за Ваше разрешение; признаться, грешен перед Вами. Как-то невольно заглядывал в Вашу переписку, особенно когда дело коснулось Кони[90], — такие имена, как Ваше и Кони, ведь [устои] века великих реформ, и слишком соблазнительно было послушать Ваши разговоры. Ведь от Вас пошло новое искусство; Кони разбудил общественное самосознание — уважение человеческого достоинства. Первая речь его, которую я слушал с моей женой, о докторе Гаазе, и теперь звучит в моих ушах. Что за красноречие, что за умение показать суть дела, как публика в заполненной зале внимала ему, училась у него... Потом я часто слушал его, как он говорит. Его не наслушаешься!

К сожалению, не поняли Вас там наверху, не нашлось второго Петра Великого, и, несмотря на блестящее начало освобождения крестьян, не сумели надлежащим образом поставить как следует наше сельское хозяйство, которое должно было служить главной опорой России. Крестьян оставили каким-то особым сословием, не было для них ни школ настоящих, ни сельскохозяйственного образования. Дорог и складов орудий для них не создали. Даже о колонизации Сибири и северных губерний не позаботились, и народ, как нищий, пробирался Христа ради к Сибири.

Америка была всё время перед глазами, и не сумели научиться у нее, как создать рациональную промышленность и богатство сельского населения; а дело было нетрудное и денег потребовало куда меньше, чем ушло на турецкую войну. В сущности, крепостное право только переменило вид, а осталось старое. Для всех всё осталось старое!

С 1862 года, когда я уже вступил в круг промышленников в Сибири, сколько я видел министров, и как мало было между нами деятелей государственных. Покойный брат мой[91] часто повторял: «Министры велики в своих подписях, но ничтожны как люди». Такие люди, как Невельской[92] и граф Муравьев[93], давшие России Амур и Уссури, встречаются редко, и не нравились министрам — они не понимали их. Если бы широко и как следует поставлено было образование крестьян, дорожное дело, пароходная колонизация,

земские дела были надлежащей организации, как широко шагнула бы Россия!

Что такое были Соед<иненные> Шт<аты> в 1820 году? Государством, о кот<ором> не много говорилось. А что представляют они теперь, только через сто лет? Когда нужно было, они организовали разом миллионную могучую армию, кот<орая> разом остановила замыслы Германии или, лучше сказать, честолюбивого Вильгельма.

Я помню, с каким трудом даже в 1872 году крестьяне пробирались в Сибирь и почти без денег создали там великое дело, развили торговлю маслом, мясом, кожами и другими продуктами.

Русские умели всегда быть хорошими колонизаторами. Это они показали в Средней Азии, среди дикарей, которые при мне доходили в 1856 году до Оренбургской губернии и грабили караваны. Русские везде оттесняли диких [нрзб], создавали даже из них хороших товарищей, и пустыни превращались в поля. Русский крестьянин был вечно забит и устраивался там хорошо, куда начальство не достигало его. Так это было в вершине Енисея при мне в шестидесятые годы, когда туда забралось много перселенцев, и в китайских владениях создали богатые деревни и цветущие поместья. Их не тревожили ни русские, ни китайские власти, так как межевания границ не было там.

Опека, опека, вечная опека сверху тормозила всегда деятельность нашего умного, сметливого народа. Ведь мы во многих отношениях выше американцев. У них до сих пор нет музыки, подобной нашей, нет наших живописцев, они не додумались до Л. Н. Толстого, и нет стихов Лермонтова. Вся наша литература куда глубже ихней. А добродушие, талантливость наших забитых русских удивляют иностранцев. Мы великая Россия — нас заколотило, дайте отдохнуть — покажем себя опять!

По левому полю л. 68:

Вы собираетесь обессмертить финских художников и выдающихся деятелей группой — пришлите фотоснимок любителя-фотографа.

По левому полю л. 69 об.:

Простите это долгое писание. Рад поблагодарить Вас.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 68–69 об.

66

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

6/VII <19>21 г.
«Пенаты»

Дорогой
Виктор Иванович.

С Вашим именем связаны у меня лучшие минуты: только благодаря Вашему дружескому посредничеству я получаю письма от дочери и от других дорогих моему сердцу людей.

Полон благодарностию Вам.

Ваш *Ил. Репин*

Получили ли Вы сто м<арок>, посл<анные> в зак<азном> письме?

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 1.

67

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

10 июля 1921 г.

Многоуважаемый
Виктор Иванович,

посылаю Вам письмо для папы, будьте Вы так добры его переслать! Приехала из Крыма дочь Молчанова – Елизав<ета> Анатол<ьевна>. Не знаю, встречались ли Вы с ней. Еще просьба послать письмо в [нрзб.] Зинаид<е> Петр<ов-

не> Бернар[94], если Вас не затруднит. Я хлопочу с отъездом к папе, но пока ничего нет определенного.

Уважающая Вас

В<ера> Р<епина>

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 2 и об.

68

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

20/VII <19>21 г.

Дорогой Виктор Иванович.

С пожеланием Вам всех благ бью челом о пересылке сего письмеца Чуковскому: Петрогр<ад>, Мойка, 59. «Д<ом> искусств». Что-то от Вас давно не было приписки — хоть строчку. Как здоровье Ваше?

Я — слава Богу.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 13.

69

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

21 июля 1921 г.
Гунгербург

Простите, дорогой Илья Ефимович, что не спросивши Вас навязываю вам лишнюю заботу. Ныне такое время, что взаимопомощь и самопомощь в приказе дня. Ежедневно видишь эту борьбу за существование!

Дело вот в чем, посылаю Вам *десять подлинников* акварелей моего знакомого худож<ника> графа Муравьева[95] (это бывший муж известной покойной В. Ф. Комиссаржевской). Напишите 100 билетиков лотерейных по две марки и раздайте Вашим знакомым, это создаст 200 финских ма-

рок, а на эстонские будет 1200 марок. Этим можно многим помочь до приискания работы. Я уже исчерпал мои золотые и сереб<ряные> вещи на лотереи, теперь приходится пускать в оборот предметы искусства, на кот<орые> здешняя публика [из] купцов и торговцев мелких не очень идет.

Если Вы к моим акварелям присоедините Ваш маленький рисунок — билеты живо разберут, и Вы скоро перешлете мне 200 финских марок. А нужда между беженцами велика!

Вот, подумаешь, времена — когда-то в делах подписывал чеки на 100 тыс<яч>, а случалось и на миллион руб<лей>, а теперь рад, если кому могу помочь сотней марок.

Говорят мне многие, как вы с ума не сошли? Напротив, ума набрался и убедился, что богатство — далеко, далеко не всё; здоровье, свобода от забот богатства — это еще высшее богатство; а если Господь дал перешагнуть 80 лет, то это такая благодать, за которую нужно благодарить ежедневно Бога!

Только и желаю теперь не заболеть, ходить до самого дня кончины и не быть в тягость окружающим, лежа больным и дряхлым старцем.

А главное, «Даруй, Господи, кончину безболезненна, непостыдна и мирна». Аминь.

Обнимаю Вас крепко, дорогой мой Илья Ефимович!

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 72–72 об.

70

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 июля 1921

Дорогой Илья Ефимович.

К посланным акварелям Муравьева я еще прилагаю парижские снимки известной итальянки, красавицы певицы Кавальери[96]. Я забыл вложить в общий конверт.

Простите за хлопоты, которые наложил на Вас.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 70.

71

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

25 июля 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Как у Вас теперь? Здесь погода ужасная, вот почти неделю сижу в комнате, дождь ежедневно. Выглянет солнце на полчаса утром, а там опять дождь, и ветер бушует ежедневно. Купаться перестали. Волны бьют под самый берег, так что образовался обрыв в сажень, весь песок унесло, и приходится выбивать ступени. В прошедшем году все целые дни лежали в прогретом песке, а вот теперь и выйти нельзя.

Обходил я на днях по поручению знакомых дачи их здесь, в Гунгербурге. Снаружи всё как будто цело. Ставни закрыты. А что внутри, Боже мой, какой хаос, что за злоба господствовала тут! Обои оборваны, стекла выбиты, потолок чем-то обрызган, лестницы поломаны, печи разбиты, пол местами вырезан. Двери изрублены, в кухне всё разрушено. Даже непонятно, что тут происходило, кто тут хозяйничал. Это в двух дачах, где хозяевами было всё оставлено в порядке, с полной обстановкой.

Сейчас принесли для Вас письмо — спешу отправить Вам. Теперь почта стала ходить скорей. Барометр всё стоит на 745, не дождусь, когда опять будет солнце. Сено лежит, клевер, всё это требует сушки. Ребята мои возят всё это. Везде остановка работы. В прошедшем году не знали, куда спрятаться от жары, — ныне не хватает тепла, и огород наш страдает.

Будьте здоровы. Храни Вас Господь.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 71–71 об.

72

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

30/VII <19>21

Дорогой Виктор Иванович.

Получил 10 акварелей гр<афа> Муравьёва. Все будет исполнено по Вашему совету. Вещицы эти — очень милые

картинки; жаль, время такое голодное, безденежное, а то ведь взяли бы кому и не надо, и без лотереи. Вот еще этот риск: пересылать деньги в письме — всё-таки риск... Когда это наконец люди доживут до степени людей? Когда кончится это проклятое положение «[недовирков] бусурманских»?

И всё-таки: не посоветуете ли Вы, Виктор Иванович?

Ваш *Ил. Репин*

Виктору Ивановичу — большая просьба: эту записочку Вере переслать как можно *скорее*, и заказным, если это практикуется.

Бесконечно благодарный Вам, мой милый благодетель.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 18 и об.

73

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

3 августа 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Получил сегодня письмо Ваше заказное, от 30 июля. Сегодня же заказным отправил к дочери Вашей.

Страшно читать газеты. Такие ужасы происходят в России — голод, болезни и расстрелы. Маленькая Эстония будет помогать, чем может, хотя и здесь теперь русским будет трудно жить. До сих пор Америка помогала всем. Взрослые получали хлеб и сало, дети — молоко. Теперь с 1 августа всё прекратилось, и надобно существовать только своим трудом, кто что делать может. А жизнь здесь для тружеников не легка. Хлеб ржаной стоит десять марок фунт. Семье в три человека нужно самое малое три фунта, это в месяц 900 марок. Да на масло, чай, сахар, обувь, мыло и прочее надобно еще около 2000, и так до трех тысяч в месяц, 36 тысяч в год! Это редкий заработок лучшего рабочего. Меньше этого — это уже голод.

У нас в Сибири меньше трех фунтов хлеба на рабочего не шло, это при мясе, рыбе, каше и чае!

Только что читал немецкую газету. Представители немецких колоний на Волге приехали в Москву хлопотать о семенах для посева и корма зимой. Засуха на Волге ужасная, и все хлеба погибли. Немецкие колонии в 300 тысяч человек останутся на зиму без хлеба. Московское правительство дало им миллиард бумажками для закупа хлеба! Дикари напечатали лоскутки бумаги в 20, 50 и 100 тысяч и думают, что это деньги!

Чем всё кончится в России, представить себе не могу. Ведь всё, что туда пошлется, уйдет на комиссаров и Красную армию. Они готовы вытравить всё народонаселение, чтобы одним уцелеть со своею армией. Из 600 высших представителей власти 480 жидов, переменивших фамилии. Что же им до христиан!

Надобно видеть комиссаров, которые проезжают иногда через Нарву. В царских вагонах, одеты франтовски. Английские чемоданы и саквояжи. Платят за всё золотом и накупают массу вещей. У них свой дом с массой служащих. По стенам портреты их владык и цветные объявления о прелестях жизни в России. И как они уговаривают русских вернуться! Всё у них даром, и русских встретят только ласки. Многие, не находя здесь работы, соблазняются и идут в этот ад. Особенно они подкупают обещаниями техников и лесничих.

На днях проехала г-жа Дункан, известная босоножка, прельщавшая Питер своими танцами. Она едет в Москву учить детей ритмич<еским> танцам, ей дали золото и бриллианты. Это реклама для Европы: «Видите, как у нас в Москве спокойно, и даже о танцах детских есть время позаботиться».

Пир среди чумы! Нахалы. Детоубийцы.

Немецкая газета опасается, видя военные [нрзб.] большевиков, — как бы они не двинулись на Германию или Польшу за хлебом, когда там соберут урожай.

Держать наготове голодную армию страшно опасно — необходимо ее двинуть, где есть хлеб и еще неразворованные богатства — всё это можно сделать под предлогом распро-

странения коммунизма и помощи западным пролетариям. Троцкому это было бы на руку, да что им делать, не зимовать же в голодной, холодной, обнищавшей стране.

Все эти Ленин, Троцкий, Зиновьев и пр. накупили себе земли и виллы в разных странах. Перевели всюду золотые миллионы, надобно же когда-нибудь этим воспользоваться. Не будет удачи в войне, они туда уедут.

Какая злая комедия разыгрывается ими на спине бедного крестьянина и рабочего России!

В. Базилевский

Простите, что навалил на Вас обузу моей лотереи. Спасибо, что согласились на эти хлопоты.

По левому полю л. 74 об.:

Вера Ильинична и мне пишет интересные письма. Спасибо ей большое за сведения о моих знакомых.

У нас с 1 августа жарко, чу́дно, все в воде и на теплом песке! Солнечная благодать!

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 73–74 об.

74

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

7 авг<уста> 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Спешу отправить Вам только что полученное письмо, кажется, из Витебска от В<еры> И<льиничны>.

У нас с 1 августа наступило какое-то знойное лето. 30° на солнце, в комнате 18°. Просыпаюсь весь в испарине — душно. Страшная гроза и дождь как из ведра, а через полчаса солнце и зной. Все сидят чуть ли не весь день в воде.

Будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 75.

75

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

10/VIII 21
Куоккала

Дорогой
Виктор Иванович.

Сегодня делаю распоряжение переслать Вам 200 ф<инских> м<арок>, вырученных лотереей от 10 акварелек гр<афа> Муравьева. Прошла легко и весело.

А фотографии m-me Кавальери остались у меня. Буду ждать Вашего разрешения, как быть с ними.

Kansallis Osake Pankki, в Териоках, надеюсь, перешлет Вам деньги.

Всегда искренно благодарю Вас за многие хлопоты по пересылке моей корреспонденции.

Наступило опять лето, и у нас вчера было более 20° R. И сегодня, пожалуй, удастся выкупаться.

Будьте здоровы!

Всего лучшего Вам.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 24.

76

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

24 августа 1921 г.
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Я только что получил письмо Ваше от 10 августа. Большое спасибо за доброе дело, спасибо Вам.

Давно уже нет писем из России. Может быть, это в связи с распоряжением идиотов из Москвы брать за письмо за границу 3000 руб. С какою целью установлен такой дикий налог? Не с целью финансовой, а чтобы досаждать интеллигенции и буржуям. В деньгах у большевиков нет недостатка, ведь они

уже печатают бумажки в 100 тысяч руб. и подделывают деньги царские, думские и даже теперь принялись подделывать и иностранные. Это народ, который готов на всякие подлоги.

У нас август стоит чудный. Тепло, солнце, урожай яблок огромный, овощи тоже хорошие, и рожь и овес хорошие.

В Эстонии сильно работают, и возникает много дел на горючих сланцах, работы дали и торфяники. Маленькая республика укрепляется и растет. Слава Богу, хоть здесь можно жить как в Европе, пользуясь всеми газетами. Бедная Россия — теперь там ни ездить, ни писать, ни читать!

Я воображаю, как они надуют наивных американцев, и все продукты, идущие через Петербург и Москву, будут поворачивать на кормление своей Красной армии: китайцев, башкир и киргизов.

Ни в чем до сих пор не проявилось какое-нибудь христианское отношение к народу. Все золото ушло у них на пропаганду — а какое количество припасов можно было закупить весной, если бы в Москве заботились о жизни народа!

Везде один грабеж, кутеж, масса диких комиссаров в К° с жидами.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 76–77.

77

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

5 сентября 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Давно не было писем, но сегодня, слава Богу, опять пришло, и я спешу отправить Вам. Деньги, о которых Вы писали мне, я еще не получил. Должно быть, что-нибудь напутали в банке.

Будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 78.

78

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

7 сентября 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Посылаю Вам курьезный листок[97], который рассылается какой-то партией с какими-то целями, которые не разберешь.

Много теперь кучек людей из России, в которых каждый придумывает свой способ спасения России.

Исторический ход событий нам не известен, и никто сказать не может, куда приведет нас роковой закон жизни народной, — слишком много неизвестных данных.

И Карташов[98], и Наживин[99], оба высказали много верных мыслей, но выводы их очень неясны. Идея же Наживина о царе кажется уже совершенно фантастичною. Великий урок войны, где Вильгельм и Николай погрузили в такой ад несколько наций, слишком поучителен. Теперь не до таких царей и императоров, будто бы Богом поставленных. Наживин забыл, что у нас был и Великий Новгород, и Псков, и народ наш не ударил лицом в грязь и в земских собраниях, и в Госуд<арственной> думе, и пора освободиться от всякой опеки дома Романовых. Опыт хоть небольшой и плохо собр<анной> Государственной думы показал, что́ может сделать правильно собранная Народная дума.

Мне кажется, что будущность России в Народной думе, которая выбирает ответственных министров и президента на пять лет из честных, со здравым умом русских людей. Президенту никакой особой власти не дается, он является только главным лицом для сношений с другими государствами и утверждает постановления министров. Ни объявлять войны, ни создавать новые законы он не может. Всё решает Народная дума.

Прочтите этот листок в вашем кружке интеллигентных лиц — интересно было бы знать мысли посторонних.

Теперь по случаю прихода много<численных> судов в эстонские гавани с мукой и припасами для голодной России везде заговорили о возможности перемены власти большевиков под влиянием иностранцев. Мне кажется, что большевики еще долго продержатся в Москве. Они не столько

держатся центром, а скорее местными разбогатевшими комиссарами и их обстановкой. Все эти отдельные маленькие центры действуют самостоятельно, никому не повинуются, никак не контролируются и живут себе припеваючи, охраняемые своими отрядами Красной армии, кот<орые> они кормят усердно. Я такого комиссара видел в Ямбурге, и как они зло смеялись над контролем из Питера и Москвы!

Вот если Троцкий сам сунется с войском в Румынию грабить урожай, тогда, может быть, большевики погибнут. Что-то там готовится?

Купанье кончилось, и хотя стоят ясные дни, но ветер холодный, в тени +10°, только и греешься на солнце. Желтеют листья, и молодежь уехала на курсы и экзамены. Гунгербург пустеет, на днях был последний прощальный концерт. Министр внутренних дел, кот<орый> гостил здесь с семьей, уехал обратно в Ревель. Каждый день кто-нибудь отъезжает, и скоро парк и берег опустеют.

Здесь хорошо живется. Город в садах, и во время сезона много было магазинов, так что всё можно было покупать. Большинство магазинов и ресторанов открывались русскими. [Ведь] кругом на разных заводах работают и управляют русские. Возят тяжести тоже русские, кот<орые> пришли сюда с войском в 1918 году и так и остались в Эстонии.

Каждый месяц специальный эшелон увозит даром по железной дороге в Питер беженцев русских. Большевики обещали не преследовать их, но так ли на деле?

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 79—82 об.

79

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

14/IX <19>21

Дорогой
Виктор Иванович.

Как я Вам благодарен! Вы так благодетельны. А у меня всё неудачи... Неужели и до сих пор не получены 200 м<арок>?

Это безобразие. Так досадно, я редко бываю в Териоки; опять надо навести справки. Не ожидал, что Kansallis Osake Pankki это так протянет. Пишите, пожалуйста, как только получите.

Ваш *Ил. Репин*

Становится немножко холоднее (9 гр<адусов> R). И всё водяная пыль, только на крышах осаждается в виде дождика. Скоро перехожу на ночлег вниз, в закрытое помещение.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 28 и об.

80

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

23/IX <19>21

Дорогой Виктор Иванович.

Прилагаемое письмецо прошу Вас переслать: Петроград,

Корнею Ивановичу Чуковскому,
Мойка, 59, Дом искусств.

И опять просьба: если 200 ф<инских> м<арок> получены от Kansallis Osake Pankki, уведомьте, пожалуйста.

Такая рабская участь жизни с потерею всех прав...

Если бы Господь не послал мне Вас, что бы я теперь испытывал без вестей от близких?!

Всего лучшего Вам желаю, глубокоуважаемый Виктор Иванович.

Ил. Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 32.

81

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

29 сентября 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Два письма Ваших получил и отправил в Россию. 200 марок еще не пришли, должно быть, где-то странствуют.

Вот и осень, холодно, ежедневно страшные ветра, река Нарова вся вздувается, напоминает Неву и затопляет все низменности. Много пароходов, привозят припасы и проч. для России.

Здесь всё пустеет, и скоро нас останется мало народу.

Слава Богу, нашлись хорошие знакомые, также работавшие когда-то в Сибири. Пока живется здесь спокойно.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 83.

82

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

Петроград
7 окт<ября> 1921 г.

Многоуважаемый Виктор Иванович,
благодарю Вас за пересылку письма! Получила папино письмо ко мне от 14-го сентября и получила письмо для Корнея Ив<ановича> Чук<овского>. Передам в Дом искусств. Наступили холода, квартира не отапливается, одна печурка, и я, верно, буду, пока состоится мой отъезд, большей частью ночевать в Доме искусств и заходить на свою квартиру в свободное время. Я была у Ник<олая> Ив<ановича> Григорова, и он обещал Вам написать. Передала давно Ваше письмо М. А. Ведринской, и она ему очень обрадовалась и также сказала, что напишет. Какая ранняя осень! Я ездила в Витебск<ую> губ<ернию> очень удачно! Еще раз благодарю Вас за пересылку.

С уважением *В. Реп<ина>*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 37–38 об.

83

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

8 октября 1921 г.
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Сегодня получил Ваши 200 финских марок. Большое спасибо вам и простите треволнения, кот<орые> я наделал Вам.

Здесь на днях была ужасная буря. Три дня ветер ревел, не давая спать: ломал заборы, деревья, рвал крыши, и море так разбушевалось, что подмыло весь берег. Несколько домов свалились в море, а другие еще висят, и видны только нижние полы на воздухе. Весь берег так оборвало, что приходится спускаться по отвесной стене в несколько сажен высотой. Все мягкие спуски к морю срезало, и теперь везде крутая стена обрыва.

Я всю жизнь всем проповедаю: «Движение — это жизнь», не дай Бог залениться, запустить себя, и тогда пойдут всякие немощи старческие. Хорошо пилить, рубить, строгать. Полнеть теперь никто не полнеет, и карлсбадские воды теперь утратят интерес.

Господи, что творится теперь на Руси! Недавно видел приехавшего оттуда. Он мне сказал: «Хотите видеть миллион рублей?» Вынул из крохотного бумажника пачку в 20 листов по 50 000 каждый лист, вот вам и миллион. Это теперь у многих за пазухой, и никого не удивишь! Смета 1921 года закончится не миллиардом, а триллионом! Это уж какие-то астрономические величины.

Все листья оборвало, и теперь торчат голые деревья. Все краски осени сметены, а я так всегда любовался этим осенним нарядом, желто-золотистые оттенки все вымело ветром. Но, слава Богу, еще мороза нет, нет и грязи, и сегодня утром солнышко пригревало до +12, и можно было на берегу моря расправить старые кости.

Я всё по-старому, совершаю ежедневные прогулки в 10 верст. Это обязательно старикам, чтобы кровь не застывала и свободно циркулировала и чтобы нигде завалов не накоплялось.

Я читаю и перечитываю теперь Лермонтова в старом издании проф. Висковатого. Сколько любви было у покойного к молодому поэту! Биография, кот<орую> он написал, куда выше всего издания Академии наук. Висковатов[100] страстно любил поэзию Лермонтова, он глубоко понимал его и так увлекает читателя. Я счастлив, что захватил эти книги с собою из Великино. Я и в Сибирь возил с собою книги Лермонтова — в нем всегда найдешь отклик на свое настроение;

его стихи – это музыка и так же утешает человека. Теперь в особенности читать Лермонтова большое утешение...

Ваш *В. Базилевский*

По левому пол. 85 об.:

Давно нет писем – думаю, не причиною ли дороговизна теперь почты в России.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 84–85 об.

84

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

13 октября 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Давно нет писем из России. Варвары, заседающие в Кремле, придумали ехидную меру лишить образованных россиян последнего способа переписываться – письма обложены пошлиной в две т<ысячи> руб.

Я видел вчера письмо заказное из Москвы, оно обложено пятью марками новыми русскими: одна в тысячу руб. и четыре по 250 руб., итого две тысячи руб.!

Какие же нужно иметь доходы или жалованье, чтобы оплачивать корреспонденцию! Это еврейская мера мщения христианам за прошедшие угнетения иудейцев в России. Выезжать не позволяют и переписываться не допускают! Я этим только и объясняю чудовищное обложение писем. Денег бумажных у большевиков сколько угодно, благо печатают ежедневно миллиарды, на что же им этот сравнительно небольшой доход от почты?

Странные приемы этих господ. Была корреспонденция даровая – письма из России приходили безо всяких марок. По железным дорогам возили даром – они даже хвастались в своих красных газетах, что создали условия для граждан, каких и Европа еще не знает, и вдруг такая перемена: поездка в Москву 150 тысяч, а письмо две тысячи!?

Решительно понять нельзя цели и намерения большевиков. Какая-то игра необразованных, диких людей, сплошная

насмешка над полусознательной массой полуинтеллигентных людей и несчастной серенькой толпой рабочих и крестьян.

Теперь там идет распродажа России и раздача всего в аренду, чтобы только получить какие-нибудь настоящие деньги в руки. Настоящего дела там всё-таки не делают. Являются всюду сомнительные посредники, ради [аферы], а настоящий капитал не двигается в Россию, нет почвы для серьезного дела, а большевики, по выражению президента Соед<иненных> Штатов, не заслуживают ни малейшего доверия и всюду глубоко презираемы.

Чем кончится эта вакханалия безобразий, Господь ведает, ниоткуда не видно хоть надежды улучшения. Люди, недавно приехавшие из Москвы и с Волги, передают ужасы!

Теперь одна надежда на приезжающих, кот<орые>, может быть, могут провезти письмо из России.

Газета «Revoler Bote»[101] дает еженедельно специальный листок приложения о делах в России. Сведения собраны из русских газет и от немцев, приезжающих из России. Факты все поразительные по своей бестолковости — будто люди там помешались от избытка власти и нахальства беспощадного.

Будьте здоровы. Жму крепко руку Вашу.

В. Базилевский

Я вам писал, что деньги 200 ф<инских> м<арок> получил. Спасибо.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 86–87 об.

85

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

16/X <19>21

Дорогой Виктор Иванович.

Вчера я опять был в банке («Osake Pankki») в Териоках. Сказали, что ими наводятся справки — почему это 200 м<аро>к до сих пор не дошли до Вас? Делается холоднее, сегодня утром три гр<адуса> мороза было.

Пожалуйста, известите по получении. Если еще нет, то научите, как — другим способом — перевести вам 200 м<аро>к.

Прилагаю карточки Кавальери обратно. Так теперь все обеднели, что никто не заинтересован обстановочными предметами.

Ваш *Ил. Репин*

Опять письмо дочери — будьте благодетельны.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 42–42 об.

86

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

24/11 X <19>21

Дорогой
Виктор Иванович.

Всё бело у нас — зима; но еще крестьянин не торжествует; и теперь такая редкость лошадка, как в Венеции. А зима установится только во второй пол<овине> ноября (по приметам). А этот [снег] очень мокрый и теперь сползает со стекол моих конусов в крыше.

А вчера была и у нас и буря, и ветер, и пр. ... Но как Вы превосходно описали ваши береговые опустошения! Спасибо Вам, благодетель.

Да, проклятое совдепство, — конечно, *перед концом* разыгрывается вовсю...

Странное ослепление: боролись за свободы — все свободы — и получили еще не бывалое рабство, рабство Духа; а этого не прощается «ни в сей, ни в будущей жизни».

Регистрации, регистрации — эти самые губительные меры для всех. И все они — невежды — рабы — подохнут от голода; и никакая — беспримерная, как американская, добродетель истинного просвещения — не спасет глупцов, роющих себе погибель... Туда им и дорога... Я удивляюсь, как это еще берут их фальшивые миллиарды! Какой колоссальный минус! Конечно, никогда и никем не может быть оплачен... Да разберут территорию... Всего Вам лучшего.

Ил. Репин

Все записочки отправьте Вере, она их разнесет по лицам. Очень прошу.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 4–5 об.

87

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

8/XII <19>21 г.

Дорогой Виктор Иванович

Прилагаю сто м<аро>к. Благодарю и благодарю за всю Вашу милую добродетель ко мне. Прошу и впредь не оставить... Да, давненько нет ни от Веры, ни от кого из наших.

Третьего дня мы праздновали Николая Чудотворца по новому стилю. Ох, молятся ему православные, горят жаркие — дорогие свечи, даже верится, что сей излюбленный Угодник поможет нам — больше некому.

Замечательно ровная, спокойная, благоразумная зима... Какие-то тревожные слухи о войне опять, никого не пугают — не верят.

Итак, следов<ательно>, скоро и Рождество, и я от души поздравляю Вас со всеми лучшими пожеланиями — здоровья, благополучия и той бодрости, которой Вас наделил Господь. Слава Ему вовеки.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 48–48 об.

88

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

10 декабря 1921 г.

Дорогой Илья Ефимович!

Сто ф<инских> марок получил. Спасибо Вам. Неделю тому назад послал Вам заказным толстое письмо от Вашей

дочери. Оно было обклеено 3000!! рублями советских марок — надеюсь, получили его. Я так был рад, что корреспонденция опять началась! Большевики хлопочут: как видно, прекратится всякое почтовое сообщение, они опять подняли в России цену на пересылку писем.

Здесь холодно [нрзб.] всё около −20°, так что и в комнатах около +10° и порой ниже, и писать трудно, руки стынут. Зато дорога зимняя редкостная, и работать в лесу хорошо; с 1 ноября было только несколько дней более теплых.

Здесь совсем нет в продаже в лавках иностранных книг, в том числе и русских. Эстонских изданий масса, и много роскошных изданий. Молодая республика успела многое перевести и изящно напечатать, но когда не знаешь языка, ничем тут не воспользуешься.

Недавно на рынке среди разного хлама я заметил русскую книгу, вытащил, ею оказалась «Русская мысль. Июнь 1913». С восторгом купил ее у бабы за пять марок. Какой восторг почитать опять старое русское, и какой хороший номер попался! Статья Буланже[102] «Как Толстой писал „Хаджи Мурата“», интереснейшее описание, как Лев Никол<аевич> писал свои повести и романы. Статья *Морозова* «Дни испытаний»[103] и еще целый ряд интереснейших вещей. Всё это у меня было в деревне, всё это я читал; но теперь читаю опять с живейшим интересом — оторваться не могу, точно встретил старого друга, с которым не можешь наговориться, в которого не можешь достаточно вглядеться. Сколько тогда выходило новых книг, кот<орые> тут же разбирались, как всё хорошо [было] напечатано; как всё было дешево; какие библиотеки можно было создать... А теперь!..

Давно хотел я просить Вас, дорогой мой, не найдется ли у Вас или в книгах покойной[104] книжки, кот<орую> Вы мне дали, когда я был у Вас. Ваши письма, напечатанные, из-за границы[105]. Вы много писали о польских художниках, которых произведения видели там. На книжке Ваш портрет с фотографией Нат<алии> Бор<исовны>. Если найдется у Вас экземпляр, не будете ли добры переслать мне под бандеролью? Я теперь очень интересуюсь Польшей и читаю книги немецкие о Польше. Экземпляр, кот<орый> Вы подарили

мне, я не успел захватить с собой из деревни. Несколько библиотек я здесь перечитал насквозь — это всё были приложения к «Ниве» Маркса. Всех друзей целыми днями читал: и Тургенева, и Достоевского, и Лескова, и Боборыкина; конечно, Толстого и Чехова! Какая богатая литература развилась у нас за сто лет, от 1820–1920. Что-то еще будет?

Чувство религиозное, которое большевики понять, конечно, не могут и кот<орое> они силятся вытравить из сердца русского народа, конечно, еще крепче [нрзб.] в нем, и это уже видно по массе молящихся в церквах и во всём настроении даже здесь, вдали от родины. На этой [нрзб.] все их усилия только смешны. «Не ведают бо что творят» — вот тут-то со временем будет их гибель.

Слава Богу, что Англия устроила с Ирландией[106]. Это было бы ужасно, если бы им пришлось воевать. Тут играли и играют теперь большую роль золото и прокламации, посылаемые из Кремля. Везде подкупы и жажда создать недоверие и революцию.

Желаю Вам всего, всего хорошего и, главное, здоровья. Жму крепко руку.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 88–89 об.

89

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

13 декабря 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Вчера послал Вам письмо о получении ста марок. Сегодня пришло от В<еры> И<льиничны> для Вас письмо. Посылаю сейчас же заказным. Оно было обклеено 10 марками на 10 000 (десять тысяч) руб<лей>!!

Храни Вас Господь.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 90.

90

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

21/XII <19>21 г.

Дорогой
Виктор Иванович!

С Вашим именем у меня связаны такие светлые минуты жизни! Опять — столько писем в Вашем конверте.

Вчера я отослал Вам две книги: Н. Б. Норд<ман> и свою.

Сегодня шлю это письмо, чтобы не затянуть ответом...

С утра еще подбавило снега, теперь уже есть — по колено, и еще обещает баром<етр>.

Я рад, что наше Рождество будет праздноваться вместе с европейским — пора!

Ваш *Ил. Репин*

Наша выставка в Выборге открыта[107]; до Вас не дойдет известий о сем?

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 321. Л. 54.

91

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

28 декабря 1921

Дорогой Илья Ефимович!

Сейчас получил письмо на Ваше имя и сейчас посылаю Вам заказным. Оно было обклеено марками на 15 000!!

Всего Вам хорошего, доброго здоровья к Новому году!

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю л. 91:

Сейчас принесли Ваше письмо и две книги.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 91.

92

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

1 января 1922

Дорогой Илья Ефимович!

Вот и Новый год – дай Бог видеть Россию выздоравливающей от тяжелой болезни!

Читаю с большим удовольствием книги, кот<орые> Вы прислали мне; всё это, конечно, читал более 10 лет назад, но перечитываю как что-то новое — так не похоже всё, что читаешь теперь про Россию. «Свежо предание, а верится с трудом». Как интересны письма Н<атальи> Б<орисовны> из Ясной Поляны!

Вот бы обрадовали меня, если бы у Вас нашлась книга Н<атальи> Б<орисовны> «Эта»[108]. Я читал ее когда-то. Она осталась в моей великинской библиотеке. Это интереснейшая книга – автобиография; не будете ли добры прислать мне под бандероль? Здесь русских книг совсем в продаже нет, а в разоренных дачах бывают только разрозненные издания приложений к «Ниве» Маркса. Я всё это перечитываю иногда.

Подсчитывая на конвертах, полученных из России за два месяца, марки наклеенные, я досчитался до 100 000 руб. Это расход, кот<орый> прежде высчитывал в десяток рублей. До каких же чудовищных цифр достигает теперь самый скромный бюджет русского человека, если на простое письмо нужно пять т<ысяч> р<ублей> марок!

В 1918 году у меня в Великино ночевал оратор-коммунист, командированный в наш уезд проповедовать величие их веры. Мы беседовали до глубокой ночи. Это была интеллигентная личность, в костюме матроса, он играл хорошо на рояле и говорил красноречиво. Он доказывал, что большевики будут так много печатать денежных знаков, что доведут ценность их до нуля, и тогда начнется без денег обмен продуктов, и только одни трудящиеся останутся в России, и вот тут все станут коммунистами, и всё зло от денег и капиталистов исчезнет.

Я, конечно, доказывал ему, что деньги — великое изобретение, как печать и железная дорога. Это облегчило сношения и дало много удобства и облегчения в жизни. Злоупотребление деньгами тут ни при чем и легко может быть устраняемо. Обойтись без денежных знаков немыслимо, что бы ни говорили Прудон и Ленин и К°. Вернуться к диким временам обмена продуктами смешно, да <и> неисполнимо. Всё это какие-то детские проекты. Это то же самое, как было, когда первые коляски на шинах явились на Невском. Наивные люди говорили, вот до чего дошла роскошь банкиров, что на рессорах даже тяжело ездить — придумали резину. Я отвечал им, что скоро все извозчики наденут резину, — это сохраняет экипаж и облегчает тягу лошади. А грязь, кот<орая> фонтаном обливает проходящих, надобно убрать с улиц, а шины приветствовать как великое благо для ушей и удобства езды.

Ну вот, большевики напечатали миллиарды руб<лей>. Теперь здесь за 1000 рублей дают одну марку, да и то для курьеза. А на тысячу рублей здесь ничего купить нельзя. Купцы смеются: разве на стену наклеить!

Что дальше? Они платят войску, служащим эти бумажки, каждый месяц прибавляют жалованье, а голода утолить им нельзя. Награбленное золото и драгоценные камни скоро иссякнут, чем тогда жить? Своего ничего нет, надобно добывать за границей кредиты — никто в Европе не откроет им. Остается один исход, на кот<орый> указывал Троцкий: «Там много еще золота и драгоценностей, много хлеба, там нам нужно это взять». Вот он и добивается пробиться через Польшу или южнее в Европу и там при помощи пролетариата продолжать грабеж, такой же, каким они наградили Россию. Вот они теперь еще пуще посылают пропагандистов с остатком золота в Германию, Польшу — надеются поднять бедноту против буржуев! Пора бы Европе наложить опеку над сумасшедшими в Кремле!

Будьте здоровы. Жму руку.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 92–93 об.

93

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

2/I <19>22

С Новым годом!

Дорогой Виктор Иванович.

Ох, что-то будет? Я всё жду дочь Веру... Вот праздник был бы в нашей глуши... Снежок всё заметает и заметает нас. Кажется, будет полная половодь, и хочется верить в урожай...

Ваш *Ил. Репин*

Письмо Каменскому[109] (поэту-футуристу) можно отправить Вере, она передаст.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 1.

94

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

6 янв<аря> 1922
–15°

Сейчас принесли для Вас письмо, дорогой Илья Ефимович! Оно опять обклеено 15-тысячными марками! Дешевы же тысячи в Петербурге!

Лютые морозы у нас — с 1 января стоят до –20°. Вспоминаю Сибирь и рад, что захватил с собой мой охотничий зимний костюм и охотничьи валенки — а то в городском платье высунуться бы нельзя.

Воздух хорош — холод еще переношу легко и чувствую себя пока здоровым.

Напишите, пожалуйста, имя и отчество Чуковского.

Здесь хорошая большая русская народная школа, есть и эстонская большая каменная. Почти ежедневно в 12 часов вижу русскую детвору — их много, бегут они домой, обедать. Меня уже знают и кричат: «Дедушка Мороз идет!» Я отвечаю:

«Здравствуйте, детки, белочки, хорошо, что мороза не боитесь». Такие все свежие, румяные ребята, девочки, мальчики, невольно вспоминаются наши голодные, умирающие дети на Руси!

Спешу отправить письмо.

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 94–95.

95

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

7/I <19>22
«Пенаты»

О!!! Дорогой
Виктор Иванович.

Итак, 15 тыс<яч> за письмо!! Еще никогда не было такого скверного анекдота на земле. Вот они, дикари — наши благодетели! Вот куда вы<в>езла кривая культура дураков! Ужас!..

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 5а.

96

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[12 января 1922 г.][110]

Дорогой Виктор Иванович.

Вот опять пук разных записок. Простите, благодетель, будьте великодушны — глубоко благодарный Вам

Илья Репин

Всё — Вере Репиной. Боюсь, разоряю Вас?! Ведь теперь!! Была ли еще когда так дорога корреспонденция!?. Ужас — 15 000 р<ублей> письмо!!!

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 12–12 об.

97

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

30 янв<аря> 1922 г.
Гунгербург

Русь не шелохнется,
Русь как убитая,
А загорится в ней
Искра сокрытая.
Встанут небужены,
Выйдут непрошены...[111]

Вот стихи, не знаю чьи, все напрашиваются мне в памяти, дорогой Илья Ефимович! Все об России думается мне постоянно. Так близко она отсюда, и так она далеко. Какой-то мрачной тюрьмой несет от нее. Ведь еще в сравнительно мирное время за смело высказанные слова *«Я вам повинуюсь, потому что вы будто бы теперь власть, но я вас глубоко презираю»* моего знакомого в Ямбурге арестовали и расстреляли. Человек честный, рабочий из местных крестьян, очень интеллигентный. И мне на мызе полупьяный комиссар грозил револьвером. Что же теперь там происходит? Надобно ползать пред каждым комиссаром, чтобы заслужить благосклонность. Страна, в которой почта не может месяцами доставить письма, — из кот<орой> выехать нельзя!

Через три года, в 1925 году минет 200 лет со времени кончины Великого Петра. Он умер в 1725, в январе, 53 лет. Как недолго он жил, и как он многое совершил. Он мог бы еще многое создать, потому что наступило более мирное время...

Чем то встретит Русь 1925 год?

Вот теперь по немецкому календарю Европа приняла такой вид к 1922 году.

Польша 251 000 кв. км — 27 000 жителей.
Украина 600 000 — 35 000 000.
Литва 225 000 — 10 000 000.
Латвия 65 000 — 1 600 000.
Эстония 47 000 — 1 300 000.
Финляндия 377 000 — 3 300 000.
Чехословакия 141 000 — 13 000 000.

Венгрия 92 000 – 7 500 000.

Австрия 77 000 – 6 000 000.

Румыния 154 000 – 7 500 000.

Россия уже представлена в 20 млн кв. км с населением в 100 миллионов как Советская республика с председателем Лениным.

Что то будет в 1925??

Досадно, так близко от Великино, а письма в месяц не доходят. С балкона нашего дома в трубу отлично видна Нарва, ведь всего 50 верст расстояние. Дом в Великино на высоком месте, с террасы главной аллеи мы всегда могли видеть в бинокль римские свечи и световые бомбы Петергофских фейерверков, которые зажигались в царские дни в августе. Тут расстояние 100 верст. Ведь езды-то всего зимой прямой дорогой, через леса и озера четыре часа, летом пять часов.

Когда кончится это тюремное заключение всей России? Что-то чудовищное!

У нас тишина, всё завалило снегом, до самых окон. Давно не было такой снежной зимы. Движения мало, да и публики по дачам очень мало. Дороги отличные, и работать в лесу хорошо.

Будьте здоровы. Жму руку Вашу.

Два месяца было прервано сообщение с Россией. Теперь только возобновлено.

31 января

Сейчас получил для Вас письмо, посылаю.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 96–97.

98

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

15 фев<раля> 1922

Дорогой Илья Ефимович!

Сейчас пришло письмо от В<еры> И<льиничны>, опять обклеено 15 т<ысячами> руб<лей>. Одно письмо с зачеркнутой строчкою, дело цензуры или В<еры> И<льиничны>.

У нас солнце, –1°, дивное время, и я ожил, целый день на море любуюсь буерами, кот<орые> летают по морю с белыми парусами.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 98.

99

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

18/2 <19>22
«Пенаты»

Благодарю, благодарю Вас, дорогой Виктор Иванович. Только я в безысходном горе: от *Веры* нет ничего; знаете, как она нам много писала... Боюсь и думать...

Большое спасибо за Ваше интересное письмо и о природе, и о [Великино], и о детворе — всё это так живо и так мило.

Ваш *Ил. Репин*

Прилагаю сто м<аро>к. Вероятно, я Вам много должен? Если бы Вы соблаговолили написать мне *правду*, сколько Вы затратили на эту драгоценную переписку?

Корней Иванович Чуковский —
Петроград, Моховая, 36.
Издательство
«Всемирная литература».

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 19–19 об.

100

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 фев<раля> 1922

Дорогой Илья Ефимович!

Сейчас <пришло> письмо от В<еры> И<льиничны>, обклеенное 16/т. руб<лей> марками. Вчера видел знакомую,

только что приехавшую из Берлина и Парижа. Разговорились о выставках, она сообщила мне, что читала Ваш некролог в Париже. Как большая поклонница Ваша очень была огорчена. Очень обрадовалась, когда я сообщил ей, что вы живы и здоровы, что Вас 2-й раз хоронят.

Она просила меня спросить, знали ли Вы нотариуса Сахар[112] (на Васильевском остр<ове>). Где его жена? Он умер давно, но где теперь его жена? Здесь завтра торжества — день основания республики Эстонской.

Дело идет к весне, слава Богу, теплее стало!

Крепко жму руку Вашу.

Ваш *В. Базилевский*

Сейчас мне принесли Ваше письмо. Спасибо за 100 марок, очень благодарю. Ваш *В. Б<азилевский>*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 99–100.

101

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

13/III <19>22

Дорогой Виктор Иванович.

Прилагаю 100 ф<инских> м<аро>к. Благодарю бесконечно за Вашу милую доброту. Пожалуйста, и впредь не оставьте, по фр<анцузской> пословице — Les bons comptes font les bons amis[113].

Ах, как Вы насмешили меня этим чудаком, подписывавшим чеки на англ<ийские> банки. Да К° Лениных делают совсем то же; но зловредно — всё печатают и печатают. Так никогда не выпутаться России...

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 24.

102

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

24/III <19>22

Дорогой Виктор Иванович.

По получении Вашего письма я сейчас же отправил Вам 100 ф<инских> м<аро>к. Получили ли Вы? Опять к Вам докука: сии два письма — Вере и Городецкому[114] — очень прошу отослать.

А какие морозы хватили здесь: 20°, 22° и более, потом 18°, 15°, 8° и, наконец, сегодня 2°, а холод в комнатах еще больше, чем при 20°, а таять и не думает, снегу масса. Солнышко робко, сквозь штору, озирается, таять и не думает.

Наконец-то наши попы собираются служить по новому стилю... Пока их не турнули в Выборге — ни Боже мой.

Завтра Благовещение. Всего Вам наилучшего.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 31–31 об.

103

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

25/III <19>22

Дорогой
Виктор Иванович.

Вчера послал Вам письмо для Веры, а вечером получил изв<естие>, что она скоро приедет сюда. Простите за беспокойство. Ей письмо, при случае, отправьте сюда, в Москву только С. Городецкому.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 41.

104

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

[нач. 1922 г.]

Дорогой Илья Ефимович!

Если Вы перешлете мне 100 фин<инских> м<арок>, мы будем в расчете с Вами. Я так рад, так доволен, что могу быть Вам чем-нибудь полезен, это меня утешает в моей старости.

Но что творится на матушке Руси, понять не могу. Читаю всё, что доступно здесь; говорю с людьми, только что приехавшими, и те не могут прийти в себя от всего вынесенного и выстраданного.

И никто понять не может, во имя чего всё это там творится. За что одни купаются в деньгах и удовольствиях, а других всё таскают по тюрьмам.

Я ради курьеза собираю конверты с марками, кот<орые> получаю из России. У меня их на 240 т<ысяч> руб.! Если маленькая частная переписка обходится в 240 000 руб., что же должна стоить деловая? И что могут представлять теперь деньги бумажные большевиков?

Это напоминает мне моего близкого родственника, заболевшего психически, который каждому входящему в его камеру говорил только два слова: «Вам денег?» Не ожидая, конечно, ответа, он вытаскивал длинную тетрадь, как чеки, которые ему заготовляли, писал: «Выдать из Английского банка миллиард», поднимался и уходил в свой угол, не обращая больше никакого внимания.

Вот и в России сплошь сумасшедшие власти, творят всё, что придет в голову. Печатают крупные бумажки, и всё-таки кругом должны, и войску, и служащим, и рабочим.

Что выйдет из всего этого безумия??

Пахнет весной, сегодня +2°, с крыш капает. Господи, какая благодать чувствовать опять солнышко! Птицы новые появились около луж. Дорога чернеет, и хотя горы снега кругом, но всё это быстро уйдет, снег рыхлый. Пароходы красят, берег оживляется, принимаются за лодки и пристани,

и уходить не хочется в темные комнатки из этого простора. Море не далеко замерзло, и буера яркими красками шмыгают по разным направлениям.

Маленькая Эстонская республика праздновала свое четырехлетнее существование: крепнет и организуется.

До войны я никогда не подозревал, будучи здесь летом, что существуют эстонцы. Мы, питерцы, всё думали, что здесь немцы, и надписи улиц были немецкими, и разговор часто раздавался немецкий. Но вот народ сознал свою народность, свое отечество, и появилось свое отлично организованное войско, своя обширная печать, масса книг, возникает масса школ, высших учебных заведений, консерватория, школа живописи, и уже обозначаются деятели во всех областях культурной жизни.

Интересно жить здесь, следить за всем этим развитием, чувствовать себя в среде людей, сознающих и уважающих свободу и человеческое достоинство.

За что же Господь карает Русь и допустил господство пошлости, дикости, разврата, безверия и угнетения всякого чувства любви или уважения к человеческой личности?

Радуются, что умирают десятки миллионов, будет, мол, свободная земля, можно продавать немцам, а те разведут настоящую сельскую работу и привезут капитал.

Как все это ужасно!

Вспомним ужасы Андреева!

Обнимаю Вас, дорогой.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 49–50 об.

105

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

16 апреля 1922 г.
Гунгербург

Христос воскресе, дорогой Илья Ефимович.

Вот и весна, весна и солнце и тепло — всё как-то вдруг, в одну ночь, теплую, хорошую — вдруг разошла Нарова,

и быстро начали подсыхать улицы. Сегодня, говорят, пароход первым рейсом попробует идти в Нарву.

Как это вдруг на самую Святую Господь послал такую благодать — три дня тому народ еще ездил на санях, и было 3° мороза.

Я совсем оживаю после нынешней бесконечной холодной зимы. Все ребятишки на улице, радуются ручьям, текущим по всем улицам, пускают щепки в виде корабликов. Взрослые все на берегу, смотрят, как отрываются льдины и несутся среди реки. Вот уж и лодки перевозят на тот берег крестьян. Все лавки закрыты, и весь люд на улице. Петухи кричат на всех дворах, всюду оживление. Яйца только страшно дороги — пять марок пара. Зато хлеб подешевел, черный шесть марок фунт.

Не приехала ли Вера Ильинична? Интересно бы послушать, как живется в Питере. Лучше ли теперь? Есть ли возможность холостому человеку найти там занятие и питание? Многих тянет переселиться в Питер. Нарвский представитель большевиков обещает там всякую благодать, но кто теперь еще верит им?

Вообразите конференцию европейцев с дикими большевиками, убийцами царской семьи, массы офицеров, и виновных в миллионнах умирающих голодающих на Руси! Была у них в руках масса золота, и всё это извели на пропаганду, а о голодающих не позаботились. Европа могла бы потребовать отчет за их действия. Позор заседать с ними!

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 101–102 об.

106

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

Куоккала
19 апреля 1922 г.

Многоуважаемый Виктор Иванович.

Христос воскресе! Поздравляю Вас с праздником Святого Христова Воскресения!

Слава Богу, наконец я дома!! У папы! Как я рада и радуюсь каждую минуту свободе, свиданию с папой, братом и сестрой и жизни дома в спокойной, уютной обстановке, после всех голодовок, холода и беспорядочной <о>динокой жизни в Петрограде, в городе нищих миллионеров! Ск<олько> там несчастных, жаждущих освобождения! и свободы.

Всего хорошего. Желаю Вам здоровья. Искренне благодарю.

В. Репина

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 42–42 об.

107

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

23/IV <19>22
Куоккала

Дорогой Виктор Иванович.

«Милый Виктор Иванович, добрый Виктор Иванович», — повторяет Вера. Да, это верно. Вы так много нам делаете удовольствия! И сколько хлопот Вам! Столько уже писем Вы переслали нам. Ведь это всё теперь драгоценности. Скажите, не пора ли посылать Вам марки? Ведь этак мы Вас разорим...

Вот и Пасхальная неделя прошла; а всё так же бело от снега, морозы по ночам. А когда носили Плащаницу кругом церкви в Куоккала, то такая поднялась метель, что ни певчих, ни публики нельзя было видеть в белом густом снегу. Только голоса слышны; я так боялся, что они простудятся (без шапок).

Вера всё новые и новые эпизоды вспоминает. Ах, какое время переживается в Питере! Не верится, просто страницы из Дантова ада.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 48а–48а об.

108

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

29 апреля 1922 г.
Куоккала

Поздравляю Вас с праздником (уже теперь прошедшим).

Многоуважаемый Виктор Иванович, 3 апреля я переехала в Белоостров и две недели провела в карантине, в Келломяках. После беспорядков, грязи, голода и дороговизны в карантине казалось чистилищем после ада; перед раем — домой! В Финляндии так чисто, порядок (уважение челов<еческой> личности), люди выглядят спокойными, с полными щеками и веселыми глазами и такими чистыми и нарядными после голодных, грустных лиц с испуганным забитым и просящим выражением! Все несчастные!! Порабощенные и обездоленные, больные от голода, при возрастающей дороговизне. Зимой отсутствие воды, дороговизна мыла!! В Питере можно прожить человеку, у которого будет паек «ученых» из Дома ученых, а также защита от известного ведомства. Отопление, освещение, чтобы не замерзнуть и не умереть от голода, или надо иметь много вещей: для продажи и обмена на базаре. Если же нет определенного места, с пайком, — то надо жить спекуляцией.

У папы здесь очень хорошо! Ск<олько> новых интересных *картин*, евангельских сюжетов: *«Встреча Марии Магдалины с Христом», «Голгофа» и «Фома Неверный»*. Так оригинально и неожиданно, живо и ст<олько> разнообразного освещения в них — и в положениях, и в лицах! Большой портрет А. И. Андреевой и картина большая финских художников (artistas finlandicus).

Уважающая Вас и благодарная Вам

В. Репина

Некоторым в ПБ[115] живется очень хорошо, и всё имеют. Большею частью комиссарам и ответственным работникам.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 57–58 об.

109

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

30/IV <19>22

Воистину воскресе!

Дорогой Виктор Иванович.

Мне казалось, я своевременно написал Вам о нашей большой радости — приезде Веры, в самую Страстную субботу. О, это была большая радость! Мы уже вместе с ней стояли Светлую заутреню. Потом, в среду, она много перед нашей публикой рассказывала о Питере. С. В. Иванов[116] делал хорошие реплики — было очень интересно.

Были три дня очень теплые и светлые. У меня в мастерской, теперь уже в нетопленной, 15 гр<адусов> тепла — чудо как хорошо. Сегодня (воскрес<енье>) не прерывается дождик, вчера с четырех час<ов> начался.

Какое превосходное письмо написали Вы нам — чудо! Зачитались. Да, справедливо Ваше возмущение: заседать с убийцами, ворами! Ну разве есть оправдание — признавать за людей одичалых, потерявших совесть двуногих грабителей, не признающих никаких человеческих принципов — разве это люди?! Они хуже хищных зверей, которых истреблять считается добрым гражданским подвигом.

Чуковский и нек<оторые> другие приглашают меня переехать в Петроград и сулят всякие блага... Но надо быть набитым дураком, чтобы верить этим нищим грабителям...

Ах, как я рад, что Вера вырвалась из этого ада! Сколько ей пришлось испытать!!! Целыми часами рассказывает она разные случаи, виденные ею.

Будьте здоровы! И пишите, когда мне пора посылать Вам за нашу корреспонденцию.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 59–59 об.

110

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

8 мая 1922

Дорогой Илья Ефимович!

Спасибо за письмо. Как я понимаю Вашу радость: возвращение из ада Веры Ильиничны. Это прямо воскрешение, и в дни Святой Пасхи! Надеюсь, что до выздоровления России от тяжкого недуга Вера Ильинична не вернется туда!

Там начали уже печатать бумажки стоимостью миллион! Дальше идти некуда.

Все и церкви даже обворованы, а денег всё не хватает. Нет ни товаров, ни припасов, а выпускать власть из рук не хочется. Теперь сходятся с иезуитами в Риме, чтобы от них поживиться деньгами, и подпишут в Генуе[117] какие угодно условия, чтобы только получить заем. И всё это не для России, а для поддержания своей власти.

Читаю массу газет, и невольно приходишь к выводу, что только один ясный путь к выходу из ужасов настоящего времени — это *уничтожение большевиков*. Как Наполеон I разом положил конец всему террору в Париже, так и теперь президент Французской Республики может водворить спокойствие только вооруженным вмешательством Польши, Румынии и славянских республик. Только таким способом можно выгнать большевиков и созывом Русской Народной Думы установить прочность Великой Северной Республики. Тогда кончатся нынешние ужасы, будет накормлена Россия, будет организован свободный труд. Загудят все фабрики, и явится европейский капитал на благо свободных тружеников России. Франция приобретет верного друга «Свободную Россию», и этот союз Франции и России окончательно уничтожит опасность со стороны Германии. Америка поддержит своим богатством «Северную Республику», и оружие будет везде сложено.

Как это ни ужасно, но только силой, а не убеждением можно сломить грабителей-большевиков. Это обойдется дешевле, чем терпеть еще десяток лет безобразия большевизма и дать этой эпидемии заражать Европу и Америку.

Красная армия разбежится и растает, когда покажется полумиллионная армия, и Франции это будет стоить [нрзб.] корпусов.

Наполеон положил основание нынешнему расцвету Франции, и французское вмешательство в русское дело может спасти несчастную малограмотную Россию и положить основание будущей великой дружбы Русской и Французской республик. Иначе немцы при помощи большевиков могут через несколько лет приготовить страшные удары Франции. Только в дружбе с Россией покоится вся будущность Франции и свобода России.

Теперь момент решительный. Вся сила на стороне Франции — в России всё плохо, и все большевики в страхе за свою власть!

Жму руку Вашу и Веры Ильиничны.

Ваш *В. Базилевский*

Пришлите 100 ф<инских> м<арок> для почты.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 103–104 об.

111

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

Куоккала
13 мая 1922 г.

Многоуважаемый Виктор Иванович, да, о счастье и радость, я дома, с папой! Молюсь и благодарю Бога за освобождение из плена от разбойников, от голода и холода, и вечной неуверенности и боязни новых нелепых декретов! А деньги! А цены! Ботинки — 50 миллионов, мясо один ф<унт> — полтора миллиона, свинина — два мил<лиона> фунт. Хлеб один ф<унт> — сто тысяч. Платье — 125 мил<лионов> и т. д. Все дорого, жалованья небольшие, и всегда задерживают, т. к. у правительства нет денег. Еще произошло сокращение штатов. Александринск<ую> труппу сократили во 2-й раз на 50 %. (Меня, слава Богу, миловали).

Ведринская играет довольно много: *Нину* в «Маскараде» Лермонтова, *Изольду* в «Шут Тантрис», *Раутенделейн* в «Потонувшем колоколе», Софью в «Горе от ума», *Консуэлу* в «Тот, кто получает пощечины», — и очень моложава. Она Вам очень, очень кланяется; еще Вам кланяется Евт<ихий> Пав<лович> Карпов и др. Юлия Ник<олаевна> Свирская[118] жила эту зиму со мной в одной квартире Дома искусств — Невский, угол Морской, по Морской, д. 14, кв. 56, и очень бедствовала, никак не могла получить *паек ученых*, хотя уже кандидаткой шесть мес<яцев>. Делала кукол для продажи и маски на Рождество, хотя она очень энергичная. Вообще, в Питере можно жить, только имея влиятельное знакомство и определенное место: с *пайком ученых* и казен<ную> квартиру, и отопление — и всегда неизвестно, а вдруг это учреждение аннулируют!

Или же надо иметь для продажи и товарообмена много вещей. Много грабежей, и вообще народ стал обманный. Масса голодных и нищих, умирающих с голода. Чуть не на улице. В домах нет воды, дрова и мыло страшно дороги. Теперь чинят некотор<ые> дома, и дороги стали квартиры. Комиссарам же и ответственным работникам живется хорошо. Таганцевых[119], но не помню имена, (неск<ольких>) расстреляли осенью, и поэта Гумилева , и скульптора Ухтомского (женатого на Корсаковой).

Ник<олая> Ив<ановича> Кравченко я видела ходившим по базару у Кузнечного рынка — он продавал свое платье. Высокая, худая фигура. Он живет всё там же; в Поварском переулке, д. 1, у него мастерская, а на Невском пр<оспекте> он открыл недавно магазин живописных вещей и заказов на портреты. Дочь его учится драмат<ическому> искусству в Школе русской драмы, у Вл<адимира> Н<иколаевича> Давыдова[120]. Я была еще в прошлом году у Вашего родственника Григорова, котор<ый> живет у монастыря иоаннитов[121]. Они были живы, здоровы, у них очень милая дочка (хорошенькая), они взяли у меня Ваш адрес, чтобы писать Вам.

Посоветовать переезжать в страну нищих миллионеров очень опасно; если есть что-нибудь *верное*, — но ведь могут

и всё отнять — и обмануть. Не знаю; *только на паек ученых*, если его не *уничтожают*. С уважением

В. Репина

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 64—67 об.

112

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

14–1/V <19>22
Куок<кала>

Да, дорогой Виктор Иванович.

К самой Пасхальной Субботе Вера вернулась из ада, и мы вместе были [у] Светлой заутрени. Разумеется, *туда* она больше не поедет. Да и выздоровление России, как Вы называете, едва ли скоро наступит. Теперь, когда уже всё складывается к концу большевиков, у меня вдруг кошмаром возникает мысль: а что если России суждено прожить под этим игом еще около 200 лет? Ужас, ужас... лучше о другом...

Прилагаю при этом 100 м<арок>. Письма уже давно написаны, и мы так запраздновались, забыли...

Ваш *Ил. Репин*

Бесконечные рассказы Веры о петроградской погибели выбивают нас из колеи — о Боже, Твоя святая Воля.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 63–63 об.

113

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

18 мая 1922

Дорогой Илья Ефимович!

Спасибо за сто ф<инских> м<арок>. Письмо в Витебск отправил.

Большое спасибо Вере Ильиничне за письмо и подробности жизни в Питере. Я всем бывшим офицерам повторяю, не верьте большевикам и всем обещаниям, кот<орые> они расточают в Нарве, — все эти слуги Троцкого только норовят привлечь и засадить в тюрьму молодых. Лучше пилить здесь дрова и зарабатывать 500 марок за куб<ическую> сажень и жить между людьми, пользуясь и свободой, и уважением. Здесь имеются все условия для здоровой спокойной жизни. Здесь можно быть сытым и читать европейские газеты, а не сумбур и ложь «Московской правды».

Всё еще нет настоящей весны, хотя и голубые коврики покрыли местами лужайки в лесу — подснежники везде на солнце зацветают. В тени все +5°, а на солнце +16°. Уже целую неделю море бушует, и волны все подрывают берег. На берегу неуютно, приходится прятаться где-нибудь за стеной, пригретой солнцем.

Думаю, думаю все о России. Что-то творится там невероятное! Опять в деревне забрали мою дочь и сына и увлекли в Питер на какой-то допрос. Оба служили в больнице и усердно несли свою службу[122].

Теперь на Руси всё в руках местных комиссаров — пока были знакомые, жизнь шла сравнительно спокойно, но вот явились новые — и опять напустились на буржуев.

Что обещает лето! Большевикам нужно дозарезу 200 миллионов золотом. «Платите, или мы напустим на вас миллион голодного войска». Вот, в сущности, речь Чичерина[123], выраженная другими словами. Куда деваться Троцкому со своим голодным войском? Один выход — грабить Запад, авось кривая вывезет и удастся прорваться. Не повезет — можно лично удрать с миллионом в Южную Америку.

Кажется, что все беды, какие только придумать можно, разразились над Русью. Голод, холод, чума, холера и пятилетние неистовства дикарей — все эти пытки должно кончиться, и мне что-то верится, что лето принесет избавление...

«Велик российский Бог»!

Вот попросил бы Веру Ильиничну прислать мне набросок маленький карандашом или фотографию Вашей картины «Финляндские художники»[124]. Много, много был бы благо-

дарен. Будьте здоровы. Жму крепко руку В<ере> И<льи-ничне>.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 105–106 об.

114

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

22 мая 1922 г.

Многоуважаемый Виктор Иванович, если Вас не затруднит, очень прошу Вас переслать эти письма в П<етер>-б<ург>.

Скоро мы надеемся сговориться с фотографом, чтобы иметь снимки папиных картин, и перешлем Вам. За жизнь бывших офицеров всегда так страшно в России, к ним придираются, бывают доносы и обыски, и если открывают заговор, то всегда страдают и бывшие офицеры. Если же предлагают хорошее место, ответственное — то, конечно, надо служить советской власти, исполнять их декреты, и тогда возможен хороший *паек*, а жалованье теперь обычно задерживают, т. к. нет денег, и не успевают их печатать.

Очень, очень благодарю Вас за Ваше доброе отношение.

С уважением *В. Репина*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 75, 76.

115

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

26 августа 1922 г.
Куоккала, «Пенаты»

Многоуважаемый Виктор Иванович, папа Вам шлет большую благодарность за пересылку такого важного письма от сестры из Витебска. Очень просит Вас черкнуть, ск<оль-

ко> он Вам должен за пересылку писем? В скором времени надеется переслать Вам фотографии свои. Очень просит Вам кланяться и собирается написать Вам в другой раз. Часть писем мы пересылаем прямо в Россию, но пока еще не убедились — доходят ли они? Все же письма, пересылаемые Вами, доходили по назначению. Недавно послали сестре письмо через Россию и еще одно просим Вас переслать ей в Витебск.

Папа занят работами картин каждый день. Теперь позирует скрипачка Цецилия Ганзен[125] для портрета. Недавно устраива<емый> в пользу русских школ ее концерт в Териоках дал хороший сбор.

Еще раз благодарим за письма.

Искренне уважающ<ая> Вас

В. Репина

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 82а–83 об.

116

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

31 ав<густа> 1922

Дорогой Илья Ефимович!

Письмо заказным отправил в Витебск. Если пришлете мне сто марок, буду очень благодарен и останусь Вашим должником, чтобы отправлять будущие письма. Посылать через Эстонию вернее — здесь проходит масса писем в Россию, и к эстонским письмам относятся как-то внимательнее, чем <к> финляндским.

Ну, промокли же мы дождями! ежедневными [нрзб.]. Только вот 4-й день как прогреваю старые кости на ярком солнышке среди нашего еще зеленого красивого парка. И благодать же Господня сидеть так на солнце и просто греться и щурить глаза от удовольствия тепла, сытости и тишины. Так хотелось бы не вставать целые сутки.

Холодно было нынче, и настоящего хорошего купанья не было, и песок холодный на берегу, так что пригреться на нем случалось редко.

Я рад, что нашел всех своих близких родственников, кто в Париже, Лондоне, Ницце, Константинополе — всех раскидало. Но нашел адреса, и теперь переписываюсь со всеми. Как будто десять лет с плеч, так стало вдруг как-то веселее жить, когда можешь обменяться письмами.

Жду фотографий Ваших картин, очень всё интересует меня.

Очень интересная выходит газета в Берлине один раз в неделю по понедельникам — «Время»[126]. Много статей о России.

Храни Вас Господь. Поклон Вере Ильиничне.

Преданный Вам

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 107–108.

117

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

19/IX <19>22

Дорогой
Виктор Иванович.

С большими благодарностями посылаю Вам латвийские деньги. Прошу Вас, если это нетрудно, принять их и рассчитать, сколько еще надо прибавить — финских — до 100 марок, я постараюсь выслать их скоро.

Еще держится тепло, слава Богу, но дождики скучные осенние зачастили. Прошли наши красны денечки, а и были они далеко не красными.

Всего доброго.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 86 об.

118

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

20 сент<ября> 1922

Многоуважаемый Виктор Иванович, к Вам большая, большая просьба переслать письмо сестре Татьяне Ильиничне Язевой[127] в г. Витебск, Верховая Слобода, Здравнёво, если Вас не затруднит. Папа не знает, что́ составляют латвийские деньги и возможно ли их обменять. Просит об этом черкнуть и пришлет марками. Уважающ<ая> Вас

В. Репина

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 86.

119

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

26 сентября 1922

Дорогой Илья Ефимрвич!

Спасибо Вам за деньги, которые я получил и обменял. Теперь за Вами считаю тридцать финских марок, кот<орые> при случае перешлите. Теперь мы будем с Вами в полном расчете. Я всегда к услугам Вашим и Веры Ильиничны, если пожелаете через меня посылать письма. Татьяне Ильиничне письмо переслал в Витебск.

Из России всё грустные вести, ничто там не говорит за лучшее будущее. Недавно там выпустили из лагеря моих дочку и сына , кот<орые> томились 10 месяцев безо всякой вины, за недостаточное сочувствие большевикам.

Из других писем видно, как там страдают недостаточным питанием и страшно развитым шпионажем. Ничего не знают, что происходит в мире. Ничего читать не могут.

Здесь всё дожди и дожди. Хожу на море в непромокаемом и всё надеюсь, что октябрь порадует. Будет солнце, и красный лист не весь отлетит. Читаю теперь письма имп<ератрицы> Александры Федоровны[128], изданные в Берлине. Читал недавно «Чеку»[129], что за сплошной ужас-ужас!!

Дай Бог Вам здоровья, обнимаю Вас. Преданный Вам

В. Базилевский

Мои все здоровы. Работают.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 109–110.

120

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

23 окт<ября> 1922
Куоккала, «Пенаты»

Многоуважаемый Виктор Иванович, папа просит передать Вам свой поклон и переслать 30 марок с благодарностью за Вашу любезность! Очень просим Вас переслать письмо сестре моей Татьяне Ил<ьиничне> *Язевой*, г. Витебск, Слобода, Здравнёво, и русские марки для письма. Очень, очень будем Вам благодарны.

28 окт<ября> папа едет со мной в Гельсингфорс на две недели, где устраивает свою выставку с участием брата (Ю. Репина). Везет папа большую картину «Банкет финских художников», 2) «Встреча И<исуса> Христа с Магдалиной после воскрешения» и неск<олько> портретов. Остановимся в Гельсингфорсе на Heinriksgatan 16, Liberty.

Папа просит Вам кланяться и пожелать всего хорошего.

Искренно уважающ<ая> Вас

В. Репина

Сегодня у нас выпал первый снег.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 96–97 об.

121

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Строки объявления в здешней газете, дорогой Илья Ефимович![130]

25 окт<ября> 1922

Сейчас получил письмо от Веры Ильиничны. Благодарю за присланные деньги, письма Татьяны Ил<ьиничне> перешлю сегодня.

Увы! Здесь уже зима — 3-й день лежит снег, туман, но пароход еще ходит, и мы не совсем отрезаны от Нарвы. Завелся, впрочем, мотор, кот<орый> три раза в день ходит в Нарву за 80 марок в один конец. Если у Вас будут какие фотографии с Ваших картин, пришлите. Очень, очень обрадуете преданного Вам

В. Базилевского

Жму руку Вам, Вере Ильиничне. Спасибо ей за письмо.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 111.

122

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

Helsingfors, Heinriksgatan, 16
pension Liberty
7 November 1922

Многоуважаемый Виктор Иванович, в данное время мы с папой в Хельсинки на две недели, в галерее Ljörhammer'a папа устраивает выставку своих вещей («Банкет финских художников» и другие) и картин моего брата. Сегодня открытие. Он очень просит Вас переправить письмо это Петру Ивановичу *Нерадовскому*[131], Петроград, Михайловская пл., 2, Русский музей. Только через Вас доходят письма. Очень извиняемся за беспокойство.

Искренне уважающая Вас

В. Репина

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 322. Л. 100–100 об.

123

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

10 ноября 1922

Дорогой Илья Ефимович.

Получил сегодня Ваше письмо Нерадовскому и отправил заказным в Питер.

Как живется в Финляндии и долго ли продлится Ваша и сына Вашего выставка? Вот бы хотелось получить каталог и снимки с картин — если это только не причинит Вам много хлопот.

Здесь мы еще пользуемся осенью. Снегу очень мало, только на крышах, и можно свободно ходить в лесу и по берегу моря, чем я много пользуюсь. Бывают чудные солнечные дни. Сегодня 2° тепла, и в шубу еще не кутаюсь — радуюсь последнему теплу. Пароход еще ежедневно ходит в Нарву. Поклон Вере Ил<ьиничне> и спасибо за письмо.

Преданный Вам

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 112.

124

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

[1923]

Дорогой Илья Ефимович.

Спасибо Вам, что не забываете меня.

Вся эта зима с января тянулась мрачно, было темно, солнце пробивалось редко, и жестокие морозы, особенно в феврале (до −25°), едва позволяли комнатам согреваться до +10°. Великое утешение в эти мрачные дни было появление здесь журнала «Revue des deux mondes»[132], который посылает мне моя племянница кн<ягиня> Четвертинская[133] из Парижа. Это любимое мною издание, кот<орое> не выпускал я из рук

с самого поступления моего в университет, с 1857 года, перестало доходить до меня с 1917 года, когда водворились большевики. И я очень скучал, не получая пять лет этих чудных, полных ума, любимых книг.

На оболочке этих книг печатают всегда список всех городов земного шара, где находятся конторы, принимающие подписку на это издание. В старину Россия занимала крупное место. Теперь она отсутствует, и только Варшава (теперь польская) занимает тут это почетное место. В России, или лучше в Совдепии, в которой больше [нет] интеллигенции, ее всю выбросили или убили, и нет интересующихся этим лучшим журналом мира. Как эти книжки, являющиеся 1 и 15 числа, заполняют холодные и скучные дни зимы! Закутавшись в одеяло и валенки, я целые дни зачитываюсь дивными статьями и хрониками, которые дают каждые две недели такое исчерпывающее обозрение всего, что происходит в политическом отношении.

Я уже вам, кажется, писал про статью княгини Куракиной[134], кот<орая> так ярко подробно описала всё, что она пережила во время 2-летнего плена в тюрьме большевиков.

Яркую картину дал в этом журнале за 1 марта 1923 г. граф Коковцов[135] своим анализом экономического хозяйства большевиков в 1917–1922 гг. Спокойный тон и цифры, взятые из красных газет, ясно показывают, как цветущее состояние России еще с 1914–<19>16 гг. постепенно сводилось и сводится на полное разрушение всех здоровых основ нормальной работы и полное незнание всех заправил самых элементарных данных нормальных, которые только и могут поправить дела, но до кот<орых> они никогда не дойдут в своем слепом и больном фанатизме.

Читал я также этой зимой переписку Вашингтона. Что, если бы вместо больного и узкого фанатика Ленина у нас был бы свой Вашингтон! Как высоко поднялась бы Россия, какая дивная Северная Республика, Северные Соединенные Штаты могли бы расцвести! Размежевавши все свободные земли, снабдивши всех крестьян землей, инвентарем, жилищами и сельским кредитом, можно было бы [развить] всеобщее благосостояние.

Проведением железных дорог, шоссе и устройством водяных сообщений можно было бы увеличить сбор всех сельских продуктов. Обложением крупных землевладельцев большими налогами можно было достигнуть быстрых ликвидаций земельных латифундий, не нарушая права собственности и не прибегая к насильственному выкупу земель.

Крестьянство, это главное население России, достигло бы скоро полного благосостояния, и это привело бы к улучшению положения и рабочих на фабриках, для которых сделалось бы обязательным постройка рабочих колоний с огородами и хорошими помещениями. (Теперь эти несчастные рабочие помещены хуже собак, и обращение с ними грубое.)

Обладая грамадным подземным богатством, огромными кредитами за границей, Россия в короткое время при Народном Соборе и выбранных им ответственных министрах достигла бы дивного благополучия и могла бы сыграть крупную роль в сохранении мира в Европе. В союзе с Францией Россия могла бы навсегда отучить Германию от всяких воинственных попыток.

Я вспоминаю часто Соед<иненные> Штаты, они немного старше меня, мне идет 84-й год, а С<оединенным> Ш<татам> 100 или 120 лет. В 1800 году никто не говорил о Соед<иненных> Шт<атах> – это была какая-то колония, там в Америке воевавшая с Англией и кот<орой> помогала Франция. А не прошло ста лет, и она стала расти так, что теперь стала центром всех взоров и самая крупная величина на полит<ическом> горизонте. Вот нечто вроде этого, в особенности в мире экономическом, создалось бы и в России. Мы стали бы и кормить, и снабжать сырьем все мануфактуры Европы, нашими трудами стали бы и сыты и богаты все народы Европы, и мы сумели бы всегда охранить весь мир от всяких возможных войн, голода и бедности.

И как всё просто, спокойно и тихо было с самого начала организовано Вашингтоном, с ясным здравым смыслом, без всяких фантастических утопий, убийств и насилия и гнета, и как до сих <пор> уважают память и дело создателя Соединенных Штатов. Вашингтон как истый сын Америки

мечтал, вероятно, что и у нас создадут такие же Северные Соед<иненные> Шт<аты>. Ведь пример налицо, наша земля во многом сходна с его родиной, народ русский легко понял бы свою роль в этом огромном сельском хозяйстве и горячо принялся бы за обработку земли. Это любимое дело каждого русского крестьянина, и как легко и быстро чиновный мир Руси был бы заменен земщиной и голосом земли.

Экономическое благосостояние крестьян и рабочих — это основа собственности и залог уверенности и свободы личности и простор развития культуры. Вместо всего этого явились дикие фигуры, кот<орые> основали свой успех вооружением всех порочных элементов общества, поощрением грабежа и воровства. Здесь всё в полном противоречии с ясными данными, которые так постоянно проводил Вашингтон и <которые> дали такие блестящие результаты.

Мне всё думается, не покинул же Господь народ России, и неужели не найдется и у нас свой Вашингтон, кот<орый> сумеет повлиять и научить русский народ тем простым, но великим истинам, кот<орые> в сто лет из неизвестной колонии с 1820–1920 создали Великую Державу.

Да не будет же большевистской вечности!

Обнимаю Вас, дорогой.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 114–116а об.

125

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

5/I 1923

С Новым годом! Дорогой Виктор Иванович.

Давненько не переписывались. Прилагаю 100 м<аро>к. Может быть, понадобятся. Что-то давно не было из Витебска от Тани...

Как-то Вас Бог милует? Так ли у Вас там тепло, как здесь — чудо: по Réaum<ur> — 0,2°, 1°, и так вот уже три недели: я так радуюсь, что не холодно. Нас тут всех перебрало какой-то заблудшей испанкой; а Вера всё еще оправиться не может.

С нетерпением жду от Вас весточки; всего Вам наилучшего!

Искр<енно> преданный Вам

Илья Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 323. Л. 1.

126

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

6 янв<аря> 23 г.
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Посылаю Вам только что полученное для Вас письмо.

Давно не имею от Вас писем. Чиркните словечко. Я недавно переслал Вам письмо из Витебска — получили ли Вы?

Как Ваше здоровье? Со времен Вашей поездки в Гельсингфорс не имею от Вас весточки — писал Вам и туда.

Что-то Господь пошлет нам с Новым годом? Начался-то он неладно, с понедельника, да и Пасха по новому стилю 1 апреля.

Я и мои живем как жили — все по мере возможности работают и кормят меня. Я один как-то сижу без работы: пишу только и перевожу с немецкого разные книги.

Будьте здоровы. Поклон Вам и В<ере> И<льиничне>.

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 117.

127

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

1/13 января 1923

Дорогой Илья Ефимович!

Поздравляю Вас и Веру Ильиничну с нашим милым старым Новым годом, который как-то нам более к лицу

и празднуется всеми русскими людьми по ту сторону Наровы, где до сих пор и праздники, и служба в церкви идут по старому стилю, и православный народ наш не признает нового.

Батюшка Мороз, слава Богу, опаздывает, и мы здесь пользуемся настоящей зимой при –1° и часто 0° мороза, это как-то хорошо старым костям. Жизнь идет здесь тихо и мирно. Публики мало, и я одиноко странствую по берегу моря и по лесным дорогам.

Много отыскалось за границей родных и знакомых, и у меня большая переписка. Много газет, и есть книги новые. Как-то [прижился] к гостеприимной маленькой республике и с большим интересом слежу за ее развитием.

Сейчас получил Ваши сто марок. Большое спасибо Вам. Я писал Вам в Гельсингфорс и послал Вам два письма из России в Куоккала — не знаю, получили ли Вы их.

Присланные письма Веры Ильиничны отправлены сегодня же в Витебск. Если у Вас найдется снимок фотогр<афический> с Вашей картины «Фин<ляндские> худ<ожники>», пришлите, меня очень интересует эта картина.

Из России всё те же грустные вести. Как-то уныло идут и деревенские работы, и нет той дружной милой работы, как бывало. Так пишут мне мои близкие, оставшиеся там.

Рад, что Вы подвижны — полны жизни. Я также пока бегаю [нрзб.] по 10 верст ежедневно и храбрюсь еще, перевалив на 83-й год. Крепко обнимаю Вас, желаю Вам всего хорошего. Поклон Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю на л. 116 об.:

Княгиня Тенишева[136] и княгиня Четвертинская просят передать Вам поклон из Парижа, где они обе работают, обжигают художественную эмаль.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 116–116 об.

128

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

[1923 г.][137]

Дорогой Илья Ефимович.

Спасибо Вам за фотографию[138], в лупу можно отлично всё рассмотреть, и Вы тут за столом. Какое большое общество, и как всё просто сгруппировано, так вот и слышишь шум разговора, беседу разных групп. Я думаю, они так и выступают, как живые, из рамки. Теперь я могу себе вполне представить это оживленное общество. Чей-то портрет на стене виднеется вдали и под ним эффектная седая голова старика, а направо и дамская фигура мелькает. Вообще, глаза разбегаются за этими интересными типами, как это бывает, когда входишь в гостиную незнакомую.

Я эти дни весь ушел в чтение интересной книги, кот<орую> привез мне знакомый из Берлина. Это фантазия Краснова[139] «За чертополохом», толстый том описания будущего России. Представлена картина границы бывшей России, вся заросшая чертополохом на несколько верст в глубину. Тут легло несколько миллионов русских людей, зараженных холерой, чумой и тифом, кот<орые> хотели прорваться, голодные, в Европу, но были все остановлены и расстреляны пулеметами. Весь этот вал мертвых тел в несколько десятков верст шириной сделался непроходимой стеной, зарос чертополохом и отделил навсегда Россию от Европы. Никто не мог перешагнуть этого круга, где свирепствовали смерть и зараза. Россия будто вся вымерла, и на картах ее обозначили именем «Чума». Но вот через полстолетия какие-то предприимчивые русские эмигранты решились пробиться в эту глушь. Многие недели прорубались они через чертополох и среди массы человеческих черепов, почти теряя надежду пробиться. Но вот самым храбрым удалось [добраться] до какого-то просвета, и скоро тропинка вывела их на луга и на простор. Тут постепенно они встретили богатые деревни, блестящие купола церквей, благовест колоколов, и всюду видели чудный скот, лошадей и хорошо одетый народ в живописном платье русского покроя, и красивую речь слышали они кру-

гом. От стариков они узнали, как были изгнаны коммунисты, и как из Азии к ним пришел царь из потомков Романовых, и какая благодать воцарилась кругом. Восстановилась религия, науки, искусства. Восстановлены были музеи и дворцы, и Ваша картина «Заседание Госуд<арственного> Совета» получила должное место во дворце, и библиотеки открыты всюду, и золото стало опять местной монетой. Россия стала во главе всего мира, хотя мир ее забыл, но у нее оказались запасы громадные питания. Воевать с нею было немыслимо, талант ее ученых сделал из электричества послушные орудия, которыми можно было любое войско неприятеля истребить на большом расстоянии. Царь русский сделался главным деятелем среди ученых, художников и всех передовых людей России, и всё это совершилось народом в 40 лет безо всякого пособия Европы.

Вся эта фантазия, на 400 страницах отличной печати и отличным языком написанная, заняла меня всего на некоторое время. [Советую] почитать.

Спасибо Вам [нрзб.]. Крепко жму руку Вашу.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 1–3.

129

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

18/5 II <19>23
«Пенаты»

Ах, Виктор Иванович, Вы проживете сто лет и будете всё такой же живой, интересный собеседник!

Как это: по такой слеповатой фотогр<афии>, с такой неудавшейся [картинки], Вы воспроизводите живую сцену, отыскиваете автора в картинах?! «Угрюмое лицо» — это архитектор *Сарринен*[140], кот<орый> теперь вызывается в Америку для постройки «небоскреба» по его соб<ственному> проекту, удостоенному премии. Да, эта моя картина — плод моей безрассудной броскости на сюжеты, кот<орых> я не в состоя-

нии выполнить... И сколько было таких... И я, задним умом, думаю и теперь еще, в Гельсингфорсе, поработать хорошо над этой картиной, с *натуры*...

Дошла ли до Вас книга А. Вырубовой[141] — письма б<ывшей> импер<атри>цы Ал<ександры> Фед<оровны>? Страшная, интересная книга: великая трагедия. Да, как складывается в жизни: такие лица, такие невероятные ситуации, такие ужасающие судьбы!!!...

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 323. Л. 4.

130

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

29/IV <19>23
«Penati»

Дорогой Виктор Иванович.

Так долго от Вас нет вести, что я начинаю неумолимо скучать... Шлю сию открытку — черкните словечко — очень обрадуете.

Ваш *Илья Репин*

Прогневали мы Господа Бога — нет нам весны, нет радости. Даже птицы улетают обратно: холод и холод... Морозы по ночам, кругом еще бело от снега.

Послезавтра 1 мая... Дороги отвратительны. Лягушки не вытерпели, начали метать икру только у незамерзающего фонтана — боюсь, замерзнет их потомство — молодое поколенье, а старики — опять в летаргию. Так кончает и мертворожденная коммуна, так кончают и вожаки, грозившие переворотом миру. Жива еще только ограбленная трудовая — хозяйственная жизнь, та не забывает Бога и усиленно молится... Всего Вам лучшего.

Илья Репин

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 323. Л. 7–7 об.

131

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

3 мая 1923[142]

Холодно, всё еще топим. Перед окном снег, ночью мороз, и ни одной травки или цветка в парке и в лесу. Мерзли жестоко в феврале, марте и даже апреле, и теперь солнце редко. Из России и Ниццы грустные вести. Потерял сына Николая, умер в Москве. Осталась вдова, детей не было, славный был парень — кандидат-натуралист Петербургского университета, как и я, писал статьи по географии России. Погиб от тифа в 40 лет! Сестра княгиня Суворова[143] умерла в Ницце 85-<ти> лет, осталась ее дочь кн<ягиня> Четвертинская, уже 60-<ти> лет. Она живет вместе с кн<ягиней> Тенишевой. Вы их знаете, они обе в Париже. Я в эти дни весь ушел в чтение чудной статьи графа Коковцева в журн<але> «Revue des deux mondes», критика экономических декретов большевиков — это удар обухом по их головам.

У нас еще совершенно пусто. Море еще покрыто льдом, и только, верно, по нашему старому стилю начнется весна и тепло. Я всегда говорил, что старый стиль нам более к лицу. Крепко обнимаю Вас и кланяюсь Вере Ильиничне. Пока здоров. Много хожу, а главное, много читаю хороших верных книг французских о большевиках. Это получаю из Европы.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 118–118 об.

132

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

21 мая <19>23
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Всё под влияним великой личности основателя Сое<иненных> Шт<атов> Америки. Вашингтон гораздо более культурен, чем наш Петр Великий. Я перебираю наших близ-

ких к трону людей, с кот<орыми> сталкивала меня судьба в Петербурге, и изо всей этой массы довольно бледных личностей один человек всё яснее и яснее вырисовывается предо мной. И перебирая те разговоры, кот<орые> я когда-то *записывал*, я только теперь начинаю понимать их совершенно иначе, с другой точки зрения, чем в те, уже далекие времена. Личность эта Конст<антин> Петр<ович> Победоносцев[144], кот<орого> и общество, и печать не понимали и кот<орый> сам, забитый в узкую сферу церковности, не смог проявить своего государственного ума и не защищался от тех нападок, кот<орым> он часто подвергался, будучи сам очень скромен по своей натуре.

К<онстантин> П<етрович> был большой друг моей покойной матери[145]. Он приходил часто пешком из своего дома (синодского) на углу Невского и Литейной к нам на Захарьевскую. Всегда просто одетый, простой в обращении со всеми, он имел совершенно вид профессора, и в нем ничем никогда не выражалась какая-либо особенная важность или сознание, что он так близок к царю. Это был простой русский человек, которому никак нельзя было бы навязать роль сановника — влиятельного министра.

Мы были в отдаленном родстве с ним, и при первом знакомстве мне удалось уладить семейное дело, кот<орое> беспокоило его, по поводу дележа наследства его родственников, и кот<орое> было поручено ему. Имея большие дела, я быстро уладил и к общему довольству устроил это дело. Из деревни мы стали переписываться с ним по разным вопросам касательно крестьян. Его ответы казались мне странными, но только теперь я вполне понимаю их и согласен с ними.

Я посещал его в Петербурге и всегда поражался его оригинальным взглядам, ничего не имеющим общего ни с либеральными воззрениями печати, ни с громкими фразами деятелей Госуд<арственной> думы.

Помнится один вечер из давно минувшего времени, из 80-х годов прошедшего столетия. Брат мой заболел психически. Мы устроили его на его даче на Каменном острове; сестра моя Лиза Суворова стала его сестрой милосердия и смотрела за ним, за его уходом, доктором и фельдшером

и оставалась при нем до его кончины. Брат помещался в отдельной большой зале, и мы часто семейно, несколько человек, помещались на террасе за чаем. Наступили легкие июльские сумерки, все мы четверо как-то замолкли, старый знакомый, бывший артист театра, пощипывал слегка гитару и пел еще сохранившимся голосом тихо русские простонародные песни, мы тихонько вторили ему.

Я сидел у открытого окна, у нас света не было. На меня пахнуло вдруг запахом тонкой сигары. В комнате никто не курил. Я выглянул за окно и заметил свет сигары, кто-то курил, усевшись на скамейке под окном. Я вышел тихонько в сад и, подойдя ближе, рассмотрел К<онстантина> П<етровича> без шляпы. Он мне сделал рукой жест присесть и тихо шепнул: «Славная песня, Русь-матушка». — «Зайдите, К<онстантин> П<етрович>«. — «Ну, на минуту; я пешком». К<онстантин> П<етрович> выпил стакан чаю, докурил сигару и стал прощаться. «Возьмите карету, К<онстантин> П<етрович>, сейчас будет готова», — сказала сестра. — «Нет, мне ходить обязательно». — «Ну, так и мне позвольте идти с вами, К<онстантин> П<етрович>, нам по пути, а я фанатичный поклонник ходьбы. Дижение — это жизнь».

И вот мы двинулись в эти светлые сумерки по Каменноостров<скому> проспекту через Троицкий мост по набережной до Литейного моста и прошли всю Литейную до Невского. К<онстантин> П<етрович> ходил быстро, прохожих было мало, и только коляски возвращались с островов. Дивный был вечер, и чудно, как зеркало, светилась Нева, отражая красным красное небо.

Перебирали разные вопросы, кот<орые> я затрагивал в письмах. О быте священников в деревнях, о церковно-приходских школах, о земле и вопросах и работах в Госуд<арственной> думе.

Как-то я коснулся его фразой: «Ваше влияние, К<онстантин> П<етрович>».

«Вот то-то, — ответил он, — что мне приписывают какое-то влияние. Меня не слушают; вот Витте[146] — это другое дело, пагубно его влияние. Финансы в его руках. Он ведет народ к пролетариату, создает эту массу заводов совсем не к делу.

Все наше производство дорого, недостаточно народу — всё это придет со временем, а теперь это только поддерживается казенными заказами, отрывает от земледелия, о кот<ором> он совершенно не заботится. Положение рабочих ужасно. Об этом он не думает, ему только бы умножить заводы.

Вот Вы писали о школах, гимназиях для народа — всё это не то. Наше первое государственное дело должно быть благосостояние народа, надобно еще дать земли. Устроить всех безземельных. Колонизировать наши обширные владения, устроить хорошие пути, снабдить инвентарем, [нрзб.], как это делается в Канаде и в Америке. Вся суть России в земледелии. Надобно, чтобы русский народ был богатым. Надобно всё, всё внимание обратить именно на это обстоятельство, а тогда и богатство придет, и знание, и наука, и сознательное отношение к правительству и к Народной думе. А теперь, при страшной бедности народа, когда его еще купят. В наших фабриках школы либо готовят полуграмотных чиновников из народа, или прямо массу недовольных, оторванных от земли — готовая почва для анархистов. Витте гроша не даст для сельского крестьянского дела, а миллионами для заводов готовит миллионный пролетариат.

Говорят, денег нет, — для дела народного устройства не может не быть денег. Тут миллионные займы всегда оправдают себя — это не мертворожденное дело, как его искусственные заводы, создающие только биржевую игру.

Мелкие сельскохозяйственные школы во всех уездах. Везде показательные поля. Склады орудий, семян и удобрений, инструкции по молочному, торфяному и водному делу — всё это крайне нужно. Элеваторы должно было бы строить всюду. Ничего этого не делается, и народ бедствует и болеет везде, а Государст<венная> дума только и делает, что уклоняется в спорных вопросах, а не налегает на самый важный государств<енный> устой — благосостояние народа. *Столыпин* начал понимать это, но узко; тут надобно по-петровски сразу крепко взяться за дело. Все средства государства, все силы интеллигентов призвать, широкую программу поставить. Это не во вкусе и не дело ума Витте. Я говорил — меня не понимают.

Надобно сделать народ богатым. А это сделать может только царь. Никакая Государст<венная> дума этого не создаст. Нам нужен второй Петр Великий, кот<орый> проникся бы только этой идеей. А с богатством придет и всё то, чем гордятся Англия и Америка. А теперь эти гимназии для народа, эти народные дома и театры — это детские побрякушки, непонятные народу. Иностранцы могут снабдить нас деньгами, всем необходимым, а мы широко снабдим всех сырьем и хлебом, но только тогда, когда народ будет сыт и богат.

Я говорю, говорю, но сил никаких не имею, мои священники часто голодают. На всё есть деньги, но создать народное благосостояние — об этом думать некогда. Разные вопросы: политика, дипломатия, армия, флот, генералитет ждут. Вот говорите о моем влиянии — вот вспомните когда-нибудь, какой пролетариат опасный [поднесет] Витте».

Много высказал в эту ночь К<онстантин> П<етрович>, я записал пока до другого раза. Прав был старик.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 119–122 об.

133

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

28/VI <19>23

Дорогой Виктор Иванович.

Как интересно Ваше последнее письмо! Это драгоценнейший мемуар о С. Ю. Витте...[147] При мысли об этом гениальном государственном человеке я всегда возмущаюсь несказанно об ничтожестве и мелочи его современников, не оценивш<их> этой возможности возвеличить и укрепить Россию — предупредить надвигавшуюся уже катастрофу... До чего дошли! Безграмотный сверхъестественный мужик[148] уже правил самодержавно Россией и держал в своей пятерне всю, до очевидности выжившую из ума, императорскую комедию...

Конечно, и в Вашем крае так же безнадежно, как здесь: дожди и холодок приводят в отчаяние хлеборобов, садовников и огородников. Да, полярные льды двигаются на нас, солнце теряет материал своей силы; вулканы делают последние вспышки, чтобы зажечь развратившееся человечество и загореться опять наново... Даже торжествовавшие жиды приуныли — увидели ясно, что они не боги; и как были паразитами, так и остались, в ожидании должного отношения к ним природы: она их спрессует с корой земли без остатка.

Было четыре теплых дня, и я радуюсь, что успел выкупаться. Будут ли еще...

Будьте здоровы, милый Виктор Иванович, если всплывут в Вашей памяти деньки Витте, черкните — большое это будет удовольствие. Кстати, не пора ли мне оплатить корреспонденцию?

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 323. Л. 10–10 об.

134

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

6 июля 1923

Дорогой Илья Ефимович!

Наконец-то солнце улыбнулось нам, и вот уже несколько дней оно ярко горит в безоблачном синем небе. А как мы намаялись за июнь — топили печи!! Дождь, град, ливни ежедневно. Ночью +4°, днем сев<ерный> ветер. Только теперь сирень роскошно распустилась, и я рано утром упиваюсь ее ароматом на берегу моря. Утром, в 8 часов, я брожу пока еще всё один, публики немного, и только в 12 начинают брать песочные теплые ванны. Измерял сегодня на берегу, зарывши в песок градусник; показал через четверть часа 27°, а в море 13°. Господи, как благодатно разогревать старые кости на горячем солнышке! Я перевалил в июне на 84-й год, и требуется всё больше тепла, а ныне природа больно обидела.

Сижу я целыми часами на берегу — и дума все там, в России, — что-то она переживает. Неужели не найдется человек, как в Италии, который поднимет старый дух народный и организует общественную силу? Как вспоминаются мне 60-е годы. Я кончил Университет, сознательно относился ко всем великим реформам, и все только и ожидали, что конституции, и ответственные пред ней министры поведут Россию к созданию полного благоденствия всего народа. Грустно, что государь-освободитель подпал под какие-то ретроградные влияния, кот<орые> еще усилились при его наследнике. Грустно было переживать все [недоразумения], которые волновали нас, шестидесятников. Какие убогие стали все министры и как всё это пало еще ниже при Николае! Добрели до безграмотного мужика?!

Вспоминаю я часто генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева графа Амурского, как он должен был бороться с нашими министрами. Безо всяких средств, при помощи частных лиц, золотопромышленников он соорудил экспедиции и приобрел для России целые Амурскую и Приамурскую области. Его товарищ Невельской приобрел Сахалин с его колоссальным богатством каменного угля, нефти и лесов. И за это их обоих отдали под суд министры, и только цари Николай и Александр II оценили их заслуги. Я знал и графа Муравьева, и Невельского. Неужели не найдутся и ныне настоящие русские патриоты?

Россия была всегда богата людьми, которые вдруг выступали небольшой группой и создали нашу всемирно известную литературу, живопись, музыку — неужели оскудела земля Русская? Нет, этому порукой — наш чудный язык, Тургенев так писал Толстому.

Мне думается, что не извне придет помощь России, но сам народ выдвинет реформатора, и сама Красная армия скоро разочаруется в еврейских идеалах, и эта опора большевизма рухнет. Ведь явился же неожиданно великий Петр со своим широким размахом государственным, со своей энергией ко всем отраслям знания и своими техническими знаниями. Должен явиться и теперь человек!

Знаете, дорогой мой Илья Ефимович, я здесь уже четвертое лето переживаю. Приехал я с ревматизмом, болью в спине, которая часто не давала мне спать. Мазали меня скипидаром. За эти два последних года всё это прошло. Сон, питание, желудок — все в отличном виде, за это большое спасибо Гунгербургу. Я никуда не уезжал, не лечился, живу в той же комнате; питаюсь самой простой кухней, главное питание — чудный черный хлеб и овощи. Это широко заменяет былое богатство и роскошь. Хожу ежедневно десятки верст и не утомляюсь. Крепко обнимаю Вас.

Ваш *Базилевский*

По левому полю л. 122 об.:

Мы с вами в полном расчете, но если теперь могли бы прислать 50 ф<инских> марок, буду благодарен и зачту за будущие письма.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 123–124 об.

135

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

10 июля 1923 г.

Дивные, чудные дни наступили у нас, дорогой Илья Ефимович. Целые часы сижу я на берегу моря совершенно один, публика встает здесь поздно и не видит эти прелестные окраски утра.

Всё думается мне, как мало были развиты все люди, кот<орых> мне приходилось видеть во главе великой нашей бывшей России. Находясь в Университете в 1857–1861 годах, я ходил постоянно туда пешком от Литейной по всей набережной через Дворцовый и Николаевский мосты. Я встречал очень часто Александра II, кот<орый> гулял рано утром по чудной набережной совершенно один. Я становился во фрунт, снимал белой замшевой перчаткой свою фуражку с синим околышем, и император смотрел мне прямо в глаза

своим мягким красивым взглядом и как будто узнавал знакомого студента.

Александра Николаевича я видел часто и близко. Он знал мою сестру[149] в Екатерининском институте и был в нашем доме, когда посаж<еный> отец благословлял ее на брак с Дубельтом, сыном знаменитого начальника штаба жандармов (мрачной памяти) Леонтия Васильевича Дубельта[150].

После турецкой войны я не узнал государя, так он изменился, и что-то грустное, болезненное было в его взгляде и во всей фигуре его. Как часто думалось мне, окруженный в начале царствования такими высокоразвитыми личностями, как профессор Кавелин[151], Милютин[152], князь Черкасский[153] и другие, как не закончил он реформы дарованием настоящей европейской конституции или народным собором, который выбирал бы министров, ответственных перед собором. Таким образом, имея только верховные наблюдения за законностью, он избавил бы себя от всех мелочей и грязи управления, как в Англии. Возложив всё на общество и общественное мнение, у нас явились бы настоящие министры, а не креатура двора или [интриганы].

Ведь являлись же у нас настоящие земские деятели, поработавшие для народа, пока чиновники не испортили и это новое земство. Создали у нас чудные независимые адвокатуры. Создали независимый суд присяжных. Был и у нас удивительный период мировых судей, кот<орые> сделались любимцами народа, — пока чиновное начальство не заменило их дикими земельными начальниками, назначаемыми администрацией. Все добрые почины Александра II были испорчены под конец его царствования дикими неразвитыми министрами и подготовили почву для 1-й и 2-й революций.

Николай II совсем не был подготовлен для необходимых, крайне нужных, продолжений эпохи реформ 60-х годов, и всё погибло. Только один вел<икий> князь Константин Николаевич[154] был человек своего века, умный, начитанный, развитой. Я знал его лично, и мне всегда думалось, что он может повлиять на государя, но его завалили мелкими делами Госуд<арственного> Совета, и польские дела помешали ему. Но он всегда стоял за конституцию — и в самые мрачные

дни. Ему удавалось иногда выдвигать своих людей министрами, как это было с Рейтерном[155], министром финансов, и это были честные, умные русские люди.

Рейтерну я многим обязан. Он меня поразил своим первым приемом, своей откровенностью, когда признался, что в деле золотых приисков он ничего не знает и будет рад получить мои разъяснения и подробности. Благодаря ему были изменены законы по моему плану, и его стараниями многое создано в Сибири.

Ну! Жарко, даже в комнате так тепло-тепло.

Жму руку Вашу.

Ваш *В. Базилевский*

Простите мои писания — так хотелось поговорить с Вами.

Когда, когда вернется наша Русь Великая??

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 125–126 об.

136

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

2 ав<густа> 1923

Дорогой Илья Ефимович!

Если верна русская пословица, то вчера у Вас должны были гореть уши: мы проговорили целый день про Вас и произведения Ваши. Я встретил на музыке случайных незнакомых мне художников Николая Федоровича Роота[156] и Анну Петровну Калашникову[157]. «Все великие деятели прошедшего столетия уходят, — сказал он. — Нет и Репина, и Кони — я читал некрологи». Я, конечно, прервал его с заявлением, что И<лья> Е<фимович> к предкам не ушел. Ужасно обрадовал его, и он просил сказать ему всё, что я знаю о Вашей жизни, работах, о Вере Ильиничне и сыне Вашем, и вот мы часами проговорили про Вас и эпоху Вашей горячей деятельности.

Я был на другой день у него, и мы долго продолжали нашу беседу. Он занимался в Академии художеств, потом был на Кавказе, был на границе Персии. Вернувшись в Питер, он издал у А. Ф. Маркса несколько сочинений по худож<ественной> керамике[158]. Писал в разных журналах. Здесь он помещает статьи о гунгербургских окрестностях, советует посмотреть здешние места художникам.

Он ушел из Пскова в 1920 году, где он занимал место председателя в Археолог<ическом> общ<естве> и преподавал. Он едва ушел от красных, потеряв всё свое имущество, и теперь дает уроки в Ревеле и старается и там создать кружок русских художников и, конечно, берется там за всякое художественное дело, и в театрах, и в других местах. Очень интересная личность, очень просит меня глубоко поклониться Вам и вспомнить его.

Здесь у нас наступила и жара, и усердно поливает обильными теплыми дождями. С 12 часов всё море усеяно купальщиками и в особенности детворой — они как лягушата [кипят] и вертятся голоногие по всему побережью, бегая и опрыскивая друг друга водой. Лежу часами и любуюсь этой здоровой молодежью. Невольно вспоминаются русские дети — там, так близко за рекой, голодные, болеющие и ничему уже не ужасающиеся, и долго ли Господь будет терпеть такие издевательства над Россией-матушкой!

Прилагаю воззрения большевиков на семью, на женщину!!

Меня опять просят сообщить, не знаете ли что-либо про семью *нотариуса Сахара*, который помещался на Васильевском остр<ове> против Никол<ьского> моста. Семья его будто бы в Финляндии. У него было большое собрание маленьких работ всех наших художников.

Здесь всё мирно и тихо. Я живу теперь 4-й год всё в этой же комнатке, и теперь только заметил, что вместе с моим имением судьба отобрала от меня и все ревматизмы, которые всё-таки одолевали меня с 1919 года. Теперь всё это ушло, и я всё-таки и двигаюсь свободно, и сплю хорошо, и чувствую себя легко. Ребята все работают, и жить можно, конечно

скромно-скромно, но это-то и хорошо, и молодой народ мой бодро смотрит на будущее.

Обнимаю, дорогой мой.

Ваш *Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 127–128 об.

137

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

19/VIII <19>23
«Пенаты»

Дорогой Виктор Иванович.

Это время у нас совсем закружилась голова: милые итальянцы — великие артисты-певцы — приехали в свои Мустомяки; мы поехали к ним, они приехали к нам после грандиозного концерта, который они дали в Териоках. Прилагаю Вам карточку, на которой и я, и Вера снялись вместе с гостями нашими.

Главный герой — Евгений Джиральдони[159] — грандиозный баритон, героиня — Яна Джиральдони[160] — меццо-сопрано колоссальной силы и величайшей культуры, и какие они все обворожительные люди! Мы так веселились... невероятно! Даже погода нас порадовала, и в Мустамяках, и в Куоккала было светло, тепло и восхитительно, как в раю...

В особенности американцы — ученики и ученицы Джиральдони — что за милые существа; между ними К. Эдвардс[161] — большой музыкант, великий аккомпаниатор — он дирижер театра «Метрополитен» (Нью-Йорк). Вот неутомимость, вот энергия и знание музыки!.. Простите, я болтаю, опьяненный звуками и ангельскими душами людей другого мира. Да, если люди, по звероподобию своему, превратили Россию в *ад* — большевики, то есть же на земле же *люди*, которые созидают *рай на земле* — невероятно.

Ваш *Ил. Репин*

Выписываю Вам из нашей газетки «Русские вести»[162] отзыв об этом концерте:

Концерт Джиральдони.

В воскресенье 12-го авг<уста>, в зале Териокского общественного дома, состоялся исключительно интересный концерт — по составу исполнителей и по богатству программы.

Центром вечера был маститый баритон Е. Джиральдони. Каждая отлично исполненная им ария была образцом законченности.

Г-жа Рената Рейна, обладающая великолепным драматическим сопрано — арт<истическим> исполнением арий из оп<ер> «Forsa del Distina», «Toska», а в особенности «М-ме Butterfly»[163], положительно заворожила весь зал.

Г-жа O. Ardena (ученица Джиральдони) дала интересные оттенки в исполнении арий из оп<ер> «Севильский цирюльник», «Дикари» и пр.

Заслуженный успех имела г-жа Репина (ученица Джиральдони), исполнявшая арии из оп<ер> «Пик<овая> дама», «Рогнеда» и др.

Большому успеху артистов содействовал отличным аккомпанементом маэстро оперы театра «Метрополитен», Г. К. Эдварс.

Артисты получили много цветочных подношений.

Дополнительным номером прогр<аммы> было выступление арт<истов> Сазоновой и С. М. Максимова[164], исп<олнивших> малорос<ский> танец — постановка балета М. Петипа[165]».

А. Рейхе

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 323. Л. 18–18 об.

138

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 ав<густа> 1923
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Большое спасибо Вам за письмо, кот<орое> я получил сегодня. Очень обрадовали Вы меня приложенной фотогра-

фией. Каким бодрым, молодым видом смотрите Вы из этой фотографии. Веру Ильиничну я вижу в первый раз, хотя много получал от нее писем, и все остальные [нрзб.].

Да, великое это дело музыка, и настоящим образом я понял это теперь, когда перевалил четвертый год эмиграции. Слишком избалован я был в Петербурге, где с гимназического возраста ездил в оперу, и русскую, и итальянскую, в блестящие годы, когда был и Большой театр, и Мариинский, в котороых постоянно являлись и Глинка, и Чайковский, и дивный состав наших первых русских певцов.

Что это был за расцвет всех искусств в шестидесятых годах!

Три раза в неделю здесь, на берегу моря, перед закатом солнца эстонский военный оркестр играет вечером, и это одно из больших удовольствий Усть-Нарвы. Часто он исполняет старые оперы: «Лючию»[166], «Норму», «Травиату», «Фауста», и эти знакомые, родные звуки вызывают целый ряд воспоминаний былых времен, дорогой России. Это будто сон — так это далеко от нынешних времен. Солнце пред глазами уходит в море, и все небо заливает таким пурпуром на облаках, на стволах деревьев, на баядерках[167], кот<орые> волнуются на [приколе]. Это большое наслаждение для меня, и мне всё думается: народ, создавший так много в искусстве, не может быть забитым навсегда. Пройдет горе, пройдет несчастье, и вырастет вновь Великан Русский. Ведь были же монголы, чума, холера, нашествие Наполеона — всё пережило наше племя — переживем и большевистское безумие...

Часто думается мне, бывали же тяжелые годы на Руси. [Она] это пережила, и являлись великие дела и в литературе, и в искусстве. Наша музыка, наша живопись завоевали мир. Известный пианист Зилотти[168] рассказал мне, что, объезжая Европу, чтобы знакомить публику с русской музыкой, он встречал всюду, в особенности в Германии, самый восторженный прием, и все города посылали ему приглашения. Почему богатые, спокойные Америка, Англия ничего не создали в области звуков? Мне не известна ни одна опера американская; их национальный гимн, их песни не симпатичны.

У них нет своего Чайковского, и хоры их не мелодичны, грубы. Славяне велики в своих песнях, и это одно из великих качеств культуры. В прошедшем столетии главным образом начали проявляться все великие таланты и способности нашего народа. Это развитие остановилось ненадолго, возьмет свое.

Я получаю здесь несколько газет и самый интересный журнал Парижа «Revue des deux mondes». Тут подробно изложена вся политика Poincare[169]. Как много приходится ему учить и немцев, и англичан, и какие это малоспособные ученики! Какое странное занятие печатать ежедневно в Германии деньги — бумажные, никакой ценности не имеющие. То же, что делает Совдепия в Питере. Ничего не платят и даже мешают возможности организовать платежи. Между тем при содействии Франции и работоспособности немцев всё бы могло быть устроено. Германии следовало бы сознать, что ее планы завоевательные потерпели полное крушение, и лучше работать в пользу полного примирения, не думая о реванше.

Что-то скажет близкое будущее?

Крепко обнимаю Вас и поклон Вере Ильиничне.

Преданный Вам

В. Базилевский

Спасибо Вам за 50 марок. Очень обязали меня.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 129–129 об.

139

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

26 сен<тября> 1923

Дорогой Илья Ефимович!

Какая дивная погода стоит у нас с 1 сентября старого стиля — это вознаграждение за холодный июнь. Многие воспрянули духом и надеются, что яблоки на деревьях дойдут

и огороды исправятся. До сих пор не приступали к съемке яблок, у меня знакомые — все собирают падалицу.

Солнце так греет — 22° на солнце и до 16° в тени — благодать Господня. Без пальто сидим на берегу моря и рассматриваем иностранные корабли, которые грузятся лесом. Весь народ здесь занят, и на берегу никого не видно. Туристы рано уехали, не дождались «бабьего лета». В лесу еще держатся грибы, и особенно много ныне брусники.

Вот доживаю 4-й год в изгнании — что-то делается там, за Наровой?

Здесь нашлось мне дело, кот<орое> я люблю и кот<орое> дает мне маленький доход. Я успел увезти с собой дорожный фотогр<афический> прибор 13/18, и вот здесь он пригодился. Осенью и зимою здесь нет фотографа, и поэтому приезжающие обращаются ко мне за карточками для эстонских паспортов. Просят снимать умерших детей. Приходится снимать и дачи, и дома, которые предназначены для продажи.

Я, как любитель, знакомых 50 лет фотографировал, а вот теперь они вознаграждают меня. Мои знакомые посылают мне парижские фотографические издания, и я могу следить за успехами.

Вот Вам *мой последний портрет* — это я копировал огромную фотографию.

Что пишете Вы теперь? В Ревеле была выставка картин эстонских художников.

Удивительный здесь климат. Я привез с собою ревматизм и ишиас, и какие-то колотья в боку, и дома часто лежал, чтобы успокоить боль. Все это совершенно исчезло и осталось вместе с состоянием в России. Еще в 1921 году приходилось мазаться [терпентином] и кутаться в мех, а теперь брожу налегке, промокаю — и всё ничего. И сон хороший, и ходить могу часами, не утомляясь. Это всё я приписываю удивительному климату и хорошей обстановке в лесу, отличной почве и прекрасной воде.

Недаром 20 лет назад доктор Зельцман издал брошюру об Усть-Нарве, советует ездить сюда не только для морских купаний, но и как зимнее пребывание для слабых и болезненных детей.

Как Ваше здоровье? Много ли ходите Вы? Это верное дело в старости.

Обнимаю Вас.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 130–131.

140

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

9/X 1923
«Пенаты»

Дорогой Виктор Иванович.

Благодарю, благодарю! Какая прелесть Ваши фотографии!.. Семейная картина – это лучшая копия фламандской шк<олы>. Как сгруппирована и освещена – с таким большим вкусом – чудо! Ваша личная – тоже необыкновенно художественна.

Большое спасибо.

Кончилось наше позднее – бабье – лето; опять настала осень, с которой мы знакомы с весны... Всего, всего лучшего!

У Вас такой прекрасный вид и жизненная – молодая улыбка, браво!

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 323. Л. 19.

141

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

14 окт<ября> 1923

Голубчик мой, дорогой Илья Ефимович!

Как Вы порадовали меня сегодня Вашим письмом! Похвала Репина – дорогого стоит!

Я такой любитель фотографии, каких мало найдется. С 1861 года не переставал фотографировать, научившись этому делу в Париже. Тогда это было очень кропотливое дело: приходилось жертвовать руками, кот<орые> от пленки были всегда черные, да и коллодий, и эфир задавали работу.

Теперь после трех лет безделия мне опять удалось наладить это любимое дело, кот<орое> стало для меня и доходным, а главное, помогает людям переживать горе и сохранять дорогую память в виде портретов умерших.

Не владея ни карандашами, ни красками, я рад, что фотография дает возможность снимать красивые виды, которыми изобилует Эстония. Какие есть интересные уголки в старой Нарве: старые деревья и старые ворота, украшенные головами мертвецов и разными странными фигурами. Какие удивительные украшения над окнами и какие барельефы на домах!

Узенькие улицы и переулки так местами напоминают немецкие дома на Рейне! Я удивляюсь, что, посещая часто Нарву, я никогда, никогда не встречал художников за работой или просто с [книжкой] эскизов в руках. Да и нигде, ни здесь, ни в Нарве, я не видел выставленных видов Эстонии. Даже стереоскопических снимков я не видел в магазинах и у фотографов. Здесь еще дело не дошло до искусства, всё еще налаживается хозяйство.

Сегодня был у своих знакомых, сельских хозяев. Вот 1 октября нашего старого стиля, и только завтра начнут копать картофель и убирать овсы с полей — так всё запоздало из-за холодного лета.

Недавно кто-то в газетах пустил слух, что Вы переехали в Питер, и только сегодня в газетах явилось опровержение, что Вы благополучно живете у себя в «Пенатах» и никуда переезжать не собираетесь.

Спасибо французам — хороший народ. Сын мой, офицер, работал последнее время в Константинополе и очень бедствовал — не всегда находилась работа, он и его товарищи работали при погрузке пароходов. Один из них попал во Францию, там его работа поправилась, и хозяин завода выхлопотал визу для остальных пяти офицеров. И вот на днях они все,

вместе с сыном, ушли на французском пароходе в Марсель на постоянную, хорошо оплачиваемую работу — это будет куда лучше турецкой скучной и плохой работы.

Друзья мои не забывают меня, и я получаю газеты и журналы из Парижа. Слежу с большим интересом за речами Pointcare — какой упорный и крепкий характер, — как он ведет стойко свое дело обуздания воинственных [нрзб.] Германии, которую нужно, наконец, забрать всю под себя и заставить делать полезную работу, а не приучать получать даровое жалованье.

Одно правительство Франции умеет держать себя надлежащим образом с большевиками. Англичане и немцы своим вилянием пред Москвой унижают себя и губят Россию.

Я теряюсь и не могу представить себе, чем кончится это колоссальное печатанье денег в Германии и России и у кого, наконец, останутся эти воза напечатанных кредитных бумаг!

Спасибо еще раз за письмо, дорогой мой, будьте здоровы и бодры. Обнимаю Вас.

Ваш *Базилевский*

Эстония
Нарва-Гунгербург

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 132–133 об.

142

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

1 ноября 1923

Дорогой Илья Ефимович!

Попалась мне сегодня случайно Ваша книга и раскрылась на статье о Матейко[170] — я зачитался, и мне невольно вспомнилась Польша, которую я не видел с 1875 года. Вот прошло более полустолетия, и она воскресла, и то, о чем я когда-то шумел, и за что мне немало доставалось, — осуществилось в полном размере.

Студентом я говорил, что такое безобразие, как разделение страны на три куска, не обойдется даром. Не переварят этих кусков и подавятся ими — и они срастутся, и, может быть, скоро.

И вот Великая, единая Польша формируется, и я горячо слежу, как сложится эта народность, как она будет расширяться и округляться.

Сосланная молодежь польская мне очень нравилась; я рад был работать с ними, особенно хороши были сестры, приехавшие к ним, — какие это были горячие патриотки, как они все верили в будущее своего отечества!

Как желательно, чтобы мирное время протянулось подольше, чтобы силы успели окрепнуть и материальное благосостояние могло утвердиться.

Все искусства процветают там, и живопись, и литература, и музыка имеют своих талантливых представителей, и научная и техническая часть отлично представлены, и верится мне, что эти передовые представители славянства сильно помогут и Руси подняться вновь.

Польские женщины — большая сила там, они всего более похожи на французских, но еще миловиднее и симпатичнее.

Так бы хотелось видеть нынешнюю Варшаву! В описаниях встречи Фоша[171] французские газеты дают много описаний и картин торжественных встреч поляками фельдмаршала. Эффектны эти описания декораций, костюмов и депутаций крестьян и крестьянок, кот<орые> чуть ли не на каждой станции встречали подношениями Фоша, останавливая его поезд.

Что-то будет из этой, теперь новой, Польши с 30-миллионным населением? Она должна играть временно роль России, ограждая Францию от поползновений будущей Германии.

Может быть, Pointcare удастся разделить Германию на кусочки и получить старую добисмарковскую мирную Германию, какую я видел в 1859 году, когда она мирно занималась науками, а Пруссия только начала создавать свои военные силы.

Польша [ему] всегда будет необходима в этом деле.

Ваша книжка[172] так интересна, я ее давно не читал и опять перечитал вновь. Так интересны эти воспоминания о Крамском, о Ге — люди, которых я когда-то видел, произведениями которых я любовался, — целая эпоха в истории русской живописи. Как всё это было когда-то ярко — ново — блестяще, и как это теперь ушло в какую-то пропасть...

Всё это печатали в 1901-м — надобно опять это перепечатать для молодых русских художников — так это свежо, верно, хорошо написано.

Ну, вот и зима. Вчера было –2°, и все цветы замерзли, а были еще так ярки до ночи. Холод забирается и в комнаты, и надобно примириться с 4-месячной зимой.

Как хорошо бы пробраться в Италию, которую Вы там хорошо описываете, как вспоминается мне милая Флоренция!

Обнимаю Вас, дорогой мой.

Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 134–135 об.

143

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

28 декабря 1923

Дорогой Илья Ефимович!

Читали ли Вы подробное изложение дела Конрада[173] в Швейцарии?

У нас оно явилось в огромном приложении к ревельским «Последним известиям»[174]. Это был суд над большевиками пред лицом всего мира. Ведь репортеры прибыли изо всех стран, и телеграф оповестил всем столицам решение обществ<енного> мнения. Странно, после такого публичного изобличения всех ужасов этого режима, свирепствующего в России, — люди, как Муссолини в Италии, поднимают вопрос о признании de jure этой шайки жидов. Рабочие партии в Англии ставят на первую очередь такие же вопросы.

Какое-то безумие захватило всех в погоне за наживой и в надежде поживиться богатством России. Англичане арендуют миллионы десятин лесов около Архангельска. То же делают немцы и голландцы. Французы забирают железные залежи Кривого Рога, южной России. Американцы протягивают руки к сахалинской нефти, а русское население погибает, и последний кусок хлеба гнусные жиды отбирают у голодных и продают за границу!

Когда кончатся все эти ужасы? И чем это всё может кончиться?

Как живете? Как работаете, дорогой мой? Я перевалил на 84-й год и удивляюсь, как удалось пережить здесь целых пять лет — без средств, благодаря тяжелой работе моих ребят, которые все с семи до пяти работают без устали и с полной энергией безропотно.

Вот и Вы с 1925 года вступите в нашу среду 80-летних. Дай Бог Вам оставаться бодрым и работящим. Часто думается мне: сохраняют ли варвары все Ваши произведения — ведь это документы целой исторической эпохи, целая серия лиц, которые составили эту эпоху и кот<орые> все вместе должны обогатить особый музей эпохи Репина. Найдется ли там человек, сохраняющий всё в целости?

У нас чудная зима. Много снега, мороз небольшой — около 8°. Бывает временами солнце, и Усть-Нарва выглядит красиво. Бываю каждый день на берегу моря. Какие красивые закаты!

Друзья прислали мне автохром из Парижа, и я пробую снимать в красках эти огни заката, кот<орые> так любил Куинджи. Здесь тишина и безлюдие, но это мне, старику, нравится, и я занят целый день переводом, чтением и фотографией по заказу. Здесь зимой нет фотографа.

Недавно умерла здесь [интеллигентная] старуха. Сто лет, и сохранила и ум, и здоровье. Вот бы Господь дал бы такую благодать!

Желаю Вам и Вашим добра, здоровья и всего лучшего.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 136–137 об.

144

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[14 января 1924 г.][175]

Поздравляю Вас, дорогой Виктор Иванович, — с нашим старым Новым годом! Правда, он больше подходит к нам во всех отношениях.

Все Ваши рассуждения я читаю с особенным удовольствием: они так согласны с моими и мне кажутся так убедительны. Всего лучшего Вам! Говорят, что 1924 г<од> будет особенно счастливый. Дай-то Бог!

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 1.

145

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

4 фев<раля> 1924

Вот, дорогой Илья Ефимович! Вот зиму-то с 15 декабря по 1 февраля пережить пришлось — Сибирь вспомнил. Морозы трещат все с −15° до −28°, было одно даже −30°. Но здесь дома сквозняки — все налажено для летних туристов; никто здесь в дачах не зимовал, и двойных рам не видно — это только в крестьянских избах постоянных жителей: рыбаков и работающих на заводе. Пришлось спать в шубе и шапке. Утром с восьми ч<асов> −1° в комнате. К обеду +7°. Конечно, валенки снимать не пришлось. Только вот к 1 февраля повалил утром снег, вьюга, везде воет ветер, бушует и рычит море. Но настало только −6° — и население ожило, начали показываться люди, а то все грелись в кухнях.

Несмотря на такое якутское житье, все здоровы. Как будто все микробы замерзают, и всякие инфекции прекратились. И спится хорошо в такие ночи холодные, и аппетит хороший, и читается в постели хорошо. В эти суровые дни я проводил одетый 20 часов в кровати.

В Сибири живучи, мы умели и устроиться в домах хорошо за тройными рамами, и оленьи костюмы хорошо укрывали нас, а здесь небывалый, упорный, 6-недельный холод всех застал внезапно.

Теперь буду ожидать с нетерпением апреля, вскрытия реки, весны, солнца и возможности совершать опять далекие прогулки по берегу моря.

Жду, что будет нового от рабочего парламента Англии? Жду дальнейших шагов Пуанкаре — что-то будет в Германии? Французские газеты дают целый ряд статей о Ленине, о его жизни в Швейцарии и его постоянной пропаганде борьбы с буржуями. Дают много портретов, и везде он как-то кажется мне лицом нисколько не интеллигентным, а везде похож на маниака-сумасшедшего.

Странно, во Франции во время революции, кажется, нигде не ставили памятников Робеспьеру и Марату, а Москву хотят украсить (изуродовать) мавзолеем Ленину и еще Пугачеву!!

Сегодня газеты говорят, что Макдональд хочет признать большевиков[176]. Но парламент, кажется, ставит такие условия: уничтожить пропаганду, больше [признать] долгов и проч. Это едва ли улыбнется московским бандитам.

В моем уединении теперь (ребята мои работают с восьми до пяти и приходят затемно) часто вспоминаю Сибирь. Какая там деятельность закипала в начале нынешнего столетия, и как война японская всё это погубила и даже косвенно вызвала войну и европейскую.

Не будь этой войны, кот<орая> совершенно убила престиж военный России, привела к беспокойству и недовольству народа, не будь этой несчастной войны, никогда Вильгельм не решился бы воевать. И главный мотив, Эльзас и Лотарингия[177], были бы мирно возвращены Франции, чтобы дать свободную дорогу немцам в Малую Азию, о которой давно думали и Мольтке[178], и император, и промышленный мир. Ведь туда же начали колонизироваться немцы, которым, конечно, уже тесно в Германии. У нас были всегда чиновники, но не было госуд<арственных> людей. Был Победоносцев — но Витте ему дорогу не давал.

По левому полю л. 139 об.:

Жму руку Вашу.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 138–139 об.

146

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

25 фев<раля> 1924
Estonia, Narva-Gungerburg

Дорогой Илья Ефимович!

Как Вы поживаете? Здесь нас совершенно завалило снегом. Каждый день всё прибавляется; так завалило, что по некоторым улицам нет уже проезда и приходится идти по траншеям рядом с забором глубины в два с половиной аршина. Что-то будет весной — какая будет вода! Приходится сидеть дома и уходить целиком в чтение газет и журналов.

В последнем номере «Revue des deux mondes» (мой любимый журнал парижский) опять интересная статья нашего бывшего министра финансов Коковцева о хозяйстве большевиков за последний год. Эта убийственная для них критика, главное, вся основана на их же изданиях, всё взято из их отчетов и цифр. Разорение края и крестьян идет систематично.

Такая безграмотность экономических деятелей и такая нахальная печать — хвастают только намерениями, а на деле ничего нет, и даже иностранные капиталисты, приезжающие туда работать, уходят разочарованными и жестоко обиженными.

Какая убогость во всех начинаниях, и что будут делать там, при настоящих условиях, европейские государства, признавшие этих молодцов, засевших в Кремле Московском?

Сюда большевики пригнали по реке более 100 тысяч бревен для распилки на эстонских заводах. А там ведь на Луге масса была таких заводов, и это даже не сумели наладить для заграничного спроса! Эти разноцветные деньги,

кот<орые> они всё еще печатают и кот<орые> всё падают и падают...

Как у Вас в Финляндии? Вероятно, такой же большой мороз и такие же снега? Судя по парижским газетам и по письмам, кот<орые> я получаю от знакомых, везде холода и дожди. В корреспонденциях из Москвы парижская газета «Matin» помещает чудовищные рассказы о смертности детей. Утверждают, что поднято более тысячи детей, замерзших в городе??

Пишут много о Ленине, о чахотке Троцкого, о голоде на Волге. Эти дикари у Ленинграда завели вместо Великого Петра дело!

Вообще, читаешь, читаешь и ничего не поймешь в этих астрономических цифрах выпуска бумаг в Германии, Польше, и этом непонятном падении франка.

Всё это дело безумных войн — дело мщения за невинно убитых миллионов лучших молодых сил!

Вспоминаю часто историка-идеалиста Бокля, «История цивилизации»[179], как мы увлекались им в 60-х годах. Как он был убежден, что Крымская война — это последняя война в Европе с еще мало развитой Россией, что развитие наук, давшее так много своими изобретениями, сблизит народы и соединит их всех к общему благу на почве экономической. Какие это были хорошие мечты, и какой действительно и в России в 60-е годы был подъем ко всему европейскому и в литератре, и в искусстве, и в законодательстве

А теперь какое разорение России, обеднение Германии, беда невероятная еще со времен [первой войны] Франции. И тревога всюду! Что даст трудовой парламент Англии?

А эпоха интересная. Мы накануне больших решений во всех странах, и верится мне, что и наша матушка Русь тряхнет каким-нибудь Ильей Муромцем! Куда несешься ты, тройка, вспоминая Гоголя!

По левому полю л. 141 об.:

Что творите Вы нынче? Обнимаю Вас.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 140–141 об.

147

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

26 марта 1924 г.

Дорогой Илья Ефимович!

Спасибо Вам за письмо. Сейчас читаю интересную статью «Revue des deux mondes» о рождаемости во Франции. Они там очень озабочены о медленном возрастании народонаселения в сравнении с немцами и стараются найти причины этого грустного явления. Действительно, в 1700 году было во Франции 20 млн, она была самая населенная. В Австрии [было] 9 млн, в России 14 млн, в Англии 9 млн, в Пруссии 2 млн.

В 1913 году:

Франция — 40 млн
Германия — 66 млн
Англия — 45 млн
Австро-Венгрия — 50 млн
Россия — 130 млн
Италия — 35 млн
Соед<иненные> Шт<аты> — 98 млн
Япония — 52 млн.

Ввиду постоянной уменьшаемости рождаемости вычисляют, что, если все будет так идти, как теперь, во Франции останется к 1940 году 35 млн, а через 25 лет, к 1965-му — 25 млн. В Германии к этому времени — 105 млн, в Англии — 78 млн, в Италии — 64 млн, в Испании — 28 млн, в Японии — 107 млн. Это дают вычисления по теперешнему ходу рождаемости.

Страшные цифры для Франции. Везде в газетах подняли крик, везде начали обсуждать меры, какие нужно принять. Ведь это катастрофа — гибель нации. Вот какие явления, кот<орые> не принимают в расчет, могут изменить всю картину Европы, все распри политические. Тут может быть что-то грозное, роковое, о котором нужно много подумать во Франции.

Что-то у Вас делается? У нас наступило тепло — ночью +2, днем на солнце всё течет. Но снежище невообразимый,

по тротуару уходим по колено. На дороге вся моя трость уходит, лошади выше колен проваливаются. Везде громадные лавины ползут и [нрзб.] над тропинкой. Когда это всё уйдет в землю? Здесь никто ничего не вывозит. Мои ежедневные прогулки затруднились. Приходится сидеть дома и читать целые дни. Радует все-таки, что к семи часам уже совсем светло.

По случаю отсутствия здесь зимой фотографа ко мне приходят часто сниматься для паспортных карточек. Это теперь удобно в комнате, и у меня есть маленький заработок.

Россия превращается постепенно в Бухару, крестьяне и рабочие — государственные батраки, род домашних животных, которых заставляют работать на армию и комиссаров, без свободы даже движения, кот<орое> обставлено такими сложными формальностями и так дорого. Куда всё это клонит и к чему всё это приведет, Господь ведает. Интеллигенция, оставшаяся там, в самом глупом положении, полуголодном.

Англия и Германия думали там устроить свои колонии для добычи сырья для своих заводов, но и это трудно дается. Большевики требуют тут слишком большую себе долю.

И это всё якобы для блага России, рая, которым они до сих пор морочат рабочих Европы и Америки. Доколе же будет жить эта нелепость?

Будьте здоровы, дорогой мой.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 142–143 об.

148

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 апреля 1924

Христос воскресе!

Дай-то Вам, дорогой Илья Ефимович, Господь доброго здоровья и всего лучшего. Вот в России — там всё гонения на Христа.

Здесь мы не дождемся весны. Было несколько только дней солнечных, а теперь вот сегодня –3°, и выпало чет-

верть <вершка> снега, так что всё побелело, и везде сани, и все кутаются. По переулкам и зимний снег всё еще держится, и море сплошь подо льдом.

Я всё здесь безвыездно, всё в той же маленькой комнатке, и незаметно пережил всю зиму. Пришлось много снимать фотографий для карточек и умерших на добрую память. Это мой здесь единственный заработок. Все мои ребята работают, и все втянулись в эту черную работу, работу мускулистую.

Приятели посылают мне газеты и книги из Парижа, так что я в курсе всего, что происходит в мире. Это великое утешение здесь, и почта приносит их ежедневно. Теперь передо мной последняя книжка [за] 15 апреля «Revue des deux mondes». Это мой любимый журнал, который я уже читаю 60 лет.

Сегодня большая статья о работах Degas[180]. Он умер стариком за 80 лет почти слепой. Очень восторгается рецензент его портретами и его серией картин: обнаженные женщины. Я кое-что видел из его работ пастельных, но как-то они не произвели на меня особенного впечатления. Между тем, когда распродавали то, что после него осталось, выручки получили 9 млн франков. Тут была масса его этюдов, офорты и портреты близких его родственников. Я не помню, чтобы в наших музеях были его картины. Дега мне совершенно не знаком.

Слежу за всем, что печатают о России. Получаю письма из Питера, но совершенно не могу себе представить, что там творится на заводах, в учебных заведениях и в общественной жизни. Переговоры с Макдональдом[181] в Лондоне об отношении Франции и Америки к России — всё это имеет какой-то странный характер всеобщего к большевикам недоверия. Чем всё это кончится? Усилением везде вооружения — всё это очень тревожно.

Здесь у нас свои местные тревоги — Нарова снесла здесь много построек и оборвала грамадные части берегов и подмыла местами заводские кирпичные постройки.

Жду с нетерпением [нрзб.] ответа.

Остаюсь Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 144–145 об.

149

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[5 мая 1924 г.][182]

Воистину воскресе, дорогой Виктор Иванович! Только вчера и сегодня, два дня, нас обвеяло теплом и светом, и в саду нашем середина — «Ясная Поляна» — открылась от снега; а всю неделю так курило, [крутило] такими хлопьями, что мы уже стали готовиться к зиме...

Какое счастье жить в теплом климате! Мы так завидуем всем счастливцам.

Благословляю Ваших ребят на физич<еские> работы — как это хорошо! У меня тоже — Бог послал племянника[183] — такая сила! Дерево ли свалить, дров порубить, печь затопить — всё может, всё ему нипочем. Отлично читает вслух, и мы перечитали много. Теперь наслаждаемся Байроном. Конечно, в переводе, (к сожалению), но и за это спасибо! Спасибо! Спасибо! Не только Пушкин и Лермонтов, даже Гоголь подражали ему... Да как устоять! — Вот уж, действительно, гений!.. И какой ум, какая память, какая яркость и неистощимый интерес к жизни! И какая свежесть взгляда — будто сейчас написано. Бесконечно цветущ и плодовит этот гигант: сыпет, как ураган, [то] цветами, [то] сластями! Конечно, и горечи, и слез, и страхов — всего вдоволь!

Ваш *Ил. Репин*

Вера очень поздравляет Вас!

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 8–8 об.

150

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

17 июля 24
Estonie, Narva-Gungerburg

Дорогой Илья Ефимович!

Давно не писал я Вам, всё как-то погода не ладилась, и нельзя было хорошенько погреться — всё дожди, холодные

ветра, и вот только на днях наступило настоящее тепло — +25° на солнце, и можно погреться на теплом песочке. Настоящего купания всё еще не дождались. В воде +12°, а ветер холодноватый, северный, и только песок нагрет. Только недавно начался здесь съезд. Публики, конечно, сравнительно с прежним довоенным временем, мало, да и дачи далеко не все населены.

Много дач этой зимой увезено по железной дороге в Ревель, да и теперь еще много дач разбираются и также уедут морем в Ревель.

Жизнь дорожает. Хлеб, сахар, мясо, масло — всё растет в цене. Работу достать трудно, и эмигрантская жизнь не легка.

Что-то Вы поделываете? Работаете всё в своей мастерской? Что рисуете теперь? Вот прилагаю вырезку — до каких цифр дошли старые картины. Видно, все эти новые футуристы и другие секты художников дошли до такого абсурда, что только у старых художников можно находить настоящее искусство.

Дорогой Илья Ефимович, хотел бы спросить Вас — ведь Вам в 1925 году будет 80 лет, это я знаю по многим Вашим биографиям и даже (некрологам!!), кот<орые> печатали в иностранных газетах. Но *день Вашего рождения* в точности я не знаю — черкните мне словечко!

С 1925 года Вы будете настоящим старцем, каким я уже числюсь четыре года, — мне будет в 1925 году 85 лет. Я еще хожу каждый вечер по 10 верст и еще много читаю и пишу — хотелось бы на ногах (конечно) добраться до 90!!!

Я теперь целые дни (особенно дождливые) погружен в «Архив русской революции», издаваемый Гессеном[184]. Огромные тома разных записок, мемуаров, актов. Одолеваю 9-й том. Громадный интерес!! Сколько собрано тут материалов для будущих историков. Какой это дает кругозор на все события последних лет и какой разнообразный материал собран со всех углов! Рядом с работой баронессы Врангель (матери Крымского диктатора), работа Набокова, генерала Краснова, экспедиции Северо-Запад<ной> армии.

Большая заслуга Гессена, собирателя и издателя в Берлине этих материалов. Издание очень хорошее, и язык наш русский старый.

Читали ли Вы «Опавшие листья» и «Понять-простить» Краснова? Как хороши и интересны его все книги. Как счастлив, что наши эмигранты поддерживают традиции Тургенева, Достоевского, Толстых и Чехова и не дают портить наш дивный русский язык. И как хорошо издаются и печатаются наши книги в Берлине. Ведь что в Совдепии и Ленинграде делается с русским языком — верх безобразия! Там скоро молодежь будут, кажется, учить только по-жидовски говорить и писать. И что за истощенные дети приезжают из Ямбурга![185] Бедная молодежь, опять им грозит голодуха — и физическая.

Крепко обнимаю, будьте здоровы. Жму руку Вере Ил<ьиничне>.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 146–148, 151.

151

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

1 августа 1924
Estonia, Narva-Gungerburg

Дорогой Илья Ефимович!

Газеты печатают, что 6 августа Вам будет 80 лет (не говорят, какой стиль). Мне всё казалось, что это будет только в 1925 году. Дай Вам Господь достичь и настоящей старости — 90 лет — на ногах, всегда в труде и полной энергии. И не даруй Вам Бог старости в кровати в неподвижности и на горе всем окружающим.

Мне минуло 29 июня 84 года, и я, слава Богу, еще хожу и читаю каждый вечер «Дай, Господи, мне прощение грехов и кончину безболезненную, непостыдную и мирную», когда придет мой час.

Мирно заканчиваю здесь свою жизнь эмигранта пятый год! Что-то Господь сулит в будущем?

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 148.

152

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

11/VIII <19>24

Дорогой Виктор Иванович.

Вот и я, с 6 августа н<ового> с<тиля>, перешел на девятый десяток и догоняю Вас.

Всё это время – до страдания *совести* – был и чествуемым и празднуемым незаслуженно щедро. Особенно 6 авг<уста> и дом, и сад, и мастерские едва вмещали публику, даже незнакомых мне лиц, принесших мне свои поздравления. Многие дамы были с цветами, с букетами цветов, со сладостями печений, варений – до сих пор стол (круглый) еще сияет остатками сладостей...

Ну, простите, я разболтался не в меру.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 6–6 об.

153

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

15 ав<густа> 1924[186]

Дорогой Илья Ефимович!

Спасибо большое за письмо. У нас здесь на пляже с 6 августа была неделя Репинская – у Вас должны были уши гореть. Вспоминали Вас, вспоминали выставки Ваши на Большой Морской и спрашивали всех приезжих о судьбе Ваших произведений.

Так это всё теперь далеко — так это как сон снится, и всё как-то не хочется отнестись философски к этим роковым ударам истории.

Перечитав историю Французской революции — теперь уже на сто лет ушедшей, — стараюсь вывести какие-либо данные для России и ничего не нахожу у нас для сравнения. Ни новых идей, ни цели ясной — ничего не нахожу во всех действиях этой секты большевиков.

Порабощение сирого мужичка русского, превращение его в скотину для добычи сырья и корма Красной армии. Уничтожение всяких попыток выбраться на путь интеллигентной жизни и полное презрение ко всякой культуре. Не вижу никаких принципов во всех затеях большевиков!

Что за благодатное ныне лето — вот уже более месяца стоит чудное лето. Наехало много народу, и море кипит купающимися и катающимися на баядерках и моторных лодках.

С утра до заката брожу по берегу моря и лесам. Каждый день хожу не менее 10 верст, советую и Вам делать то же. *Движение — жизнь*, и нашему брату, старику, следует много ходить, чтобы разбивать всякие завалы желудка и артерий. Теперь, после 80 лет, наступает настоящая старость, кот<орая> должна быть бодрой до 90 лет.

Будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 150–150 об.

154

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

4 ноября 1924
Нарва-Гунгербург, Старая, 14

Давно не писал я Вам, дорогой мой Илья Ефимович! Но время так летит, что едва можно это чувствовать. Я весь уж несколько месяцев погружен в чтение русских книг, издаваемых за границей: в Берлине, Праге и др. Наша эмиграция

не спит, и масса интересного материала выплывает теперь на свет Божий. Сколько интересного дает «Архив русской революции». Как много дал «Донской сборник»[187] из жизни Корнилова[188] и Каледина[189], этих жертв трусости, болезненного состояния Керенского, погубившего всю революцию и давшего оружие большевикам и бандитам.

Такое это было тревожное всё лето <в> политическом положении Европы, и только после Муссолини и выборов в Англии, где [получено] 400 голосов[190], благоразумие взяло верх. Теперь только как будто везде начинают отряхиваться от тяжелого сна и начинают сознавать, что надобно опять совместно всем работать, а не затевать войны, как это желали бы большевики.

Народ и общество начинают сознавать, что голод съел бы нас всех в Европе, если бы все пошли по указке жидов, завладевших нашей родиной.

За книгами и газетами не заметил, как мелькнуло наше дивное лето, и вот еще проходит чудная осень. Недавно еще я видел в лесу цветы земляники! и сирени?! Вот и теперь еще морозов не было, и георгины у меня под окном еще не завяли. При вечернем освещении по ту сторону Наровы виднеется ярко-зеленая озимь, и все дома, суда и пароходы так ярко сияют под лучом низкого солнца, так бы хотелось передать это на цветной пластинке. Я так вжился здесь в Гунгербург, что, несмотря на безлюдье и пустоту всех дач, я каждый день хоть два часа брожу и по пустому парку, еще не сбросившему осенний цвет пунцовых листьев, и по берегу моря с его синими и зеленоватыми отблесками.

Что вы поделываете? Как бы мне хотелось иметь карточку Веры Ильиничны — а еще лучше Вас вместе. Ведь найдется у Вас фотограф-любитель, кот<орый> это сделает, если уже не сделал. Здесь мне подарили несколько добрых стекол, и я переснимал массу лиц и в саду, и на берегу, и даже в костюмах в воде. Эти любительские снимки — хорошее воспоминание о светлых днях, когда так жарко на песке, когда толпа ребят так весело кругом играет и когда хоть на время забывается весь ужас, переживаемый Россией и ее бедным, неповинным, ничего не знающим русским крестьянином.

Храни Вас Господь. Поклон Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю на л. 153 об.:

Мои все работают по-старому, не унывают. Все в будущем — верю всей душой в хорошее будущее дорогой Руси.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 152–153 об.

155

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

9/XI 1924
«Пенаты»

Дорогой Виктор Иванович.

Благодарю Вас за милое письмецо. Посылаю Вам свою и Верину фотогр<афии>. Вот уже два месяца, как у меня гостит младшая дочь моя со своим внуком — моим правнуком. Неужели никогда не наступит свобода передвижений? Что это за бесконечное рабство!.. А между тем вот и еще: белая зима (первый снег). След<овательно>, 17 декабря, по нашим приметам, наступит *зима*, и уже серьезно; теперь еще — рекогносцировка.

Разумеется, я не собираюсь праздновать в Москве, с Наркомпросом, «по ознаменованию» восьмидесятилетия со дня моего рождения, которое было 24 июля 1924 г<ода> ст<арого> ст<иля>. Как видите, я всё еще догоняю Вас и знаю, что мне уже не догнать. Но я радуюсь Вашей бодрости, свежести. Признаюсь, что гуляю я очень редко и очень мало — такой пустырь кругом...

Ваш *Ил. Репин*

Жаль, что пересылка цветной фотографии и грузна, и дорога она, и я не смею просить Ваших снимков.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 5.

156

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[8 декабря 1924 г.][191]

Дорогой Виктор Иванович.

Как-то Вас Господь милует? Всё такие страшные слухи доходят к нам...

Вот и зима. И бело, и морозно; и в церкви поют уже «Христос рождается!». Дай-то Бог нам «вознестись из пропасти», куда проваливается добровольно наша эмансипация...

Разнообразится морозец от 10° до 5° R, но дорога еще плоха — песок; еще дней десяток до настоящей зимы. И тут — всё по-старому.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 3–3 об.

157

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

15 декабря 1924

Какое большое спасибо Вам, дорогой Илья Ефимович и Вера Ильинична, за карточки, кот<орые> Вы мне прислали. Теперь я вновь вижу Вас и дочку вашу, кот<орую> я совсем не видел, а видел только ее письма. Вот и бюст Натальи Борисовны виднеется. Что-то она заговорила бы теперь? И как бы она разобрала всю путаницу, кот<орая> вяжется в Европе?

Сколько благих намерений, но как мало сознания, что общее счастье — недостижимый идеал. Все забывают великий закон Дарвина — «борьба за существование». Всюду, везде борьба, и мы, люди, подчиняемся тем же законам, кот<орыми> правится мир. Целые 20 лет Дарвин не решался печатать свою книгу, хотя всё больше и больше убеждался в том, что этот закон управляет миром.

Осмотритесь кругом — везде на земле идет эта борьба, и побеждает только сильный, приспособленный к успеху.

Всеобщее счастье — приманка для толпы, которую ловили в свои сети и раньше большевиков люди такого же пошиба и нахальства. Надобно думать, что толпа поумнеет наконец.

Я думаю, будущие выборы в Германии пройдут так же, как в Англии и Америке, и коммунисты-большевики потеряют и там почву под ногами, несмотря на подкупы и обилие их прокламаций и проповедников.

«Люби ближнего, как самого себя» — в этом вся суть религии, — но какой это недостижимый идеал!

Стоило Ленину кликнуть толпе: «Грабь награбленное!»[192] и дать ей оружие, и через год все обратились в нищих и голодных, кроме кучки жидов, которые хихикают и потирают себе руки от удовольствия!

Как мир становится узок, как человечество заполняет все уголки! Китайцы живут даже на плотах и разводят на них свое огородничество. Скоро мир станет тесен. В Индии ежегодно масса умирает от недоедания — то же будет еще много лет и в России. А там далеко, на горизонте, виднеются волнующиеся массы Китая, Японии — всё это ищет новых земель, всё это грозит набегами голодного люда.

Перечитывал сочинения Герцена, дивная статья «С того берега». Что за язык, какие всё мысли! Написано в 1848 году, а будто говорится о настоящей эпохе. Он приводит мрачные мысли Карамзина — и теперь они подходят к нашим событиям. Перечитайте эту статью. Герцен посвящает ее своему сыну Александру как лучшее, что он написал в жизни. И действительно, она написана кровью и со всей полнотой души вдумчивого человека. Это страшная статья, в ней столько вопросов затронуто, кот<орые> и ныне неразрешимы. Дивный это был писатель, и как еще долго его не поймут! Его вера была — наука! Спасибо Вам еще раз.

Ваш *В. Базилевский*

По нижнему полю на л. 154:

Здесь были везде страшные набеги большевиков[193] 1 декабря. Народ и рабочие за ними, конечно, не пошли и через два часа покончили с дерзким набегом этой шайки из Москвы.

По левому полю л. 154:

У нас еще осень — снегу нет и –1°. Чудно хорошо в парке и на берегу, пароходы ходят еще везде.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 154–156.

158

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

17 января 1925

Как бежит время, дорогой Илья Ефимович!

Не успеваешь оглянуться, как воскресенье мелькает за воскресеньем.

Уже много времени уплыло с 1 декабря, а мы здесь не можем успокоиться от дьявольского нашествия, которое только теперь разгадывается всё больше и больше. Масса новых сведений раскрывает эту картину, где большевики били наверняка, убежденные, что они Эстонию положат в карман так, как они поступили с независимой (ими признанной) республикой на Кавказе. Найдены списки и адреса лиц, кот<орых> приказано было перебить в ночь 1 декабря. Найден склад бомб и револьверов, кот<орыми> думали вооружить рабочих и пролетариат; список ячеек, подготовленных пропагандой, но кот<орые> не вышли на бой. Масса листов пропаганды и объявлений, кот<орые> должны были быть развешаны повсюду. Декреты, кот<орые> нужно было только подписать. И всё это делалось именем эстонского народа, и войско было на границе, и флот вышел в море.

Нас всех, эмигрантов, ближайших к границе, перерезали бы как кур! А сколько найдено денег и сколько еще украдено! Ничего не пожалели, чтобы одним ударом сокрушить всё правительство и всю интеллигенцию. Одно не рассчитали: народ не двинулся. Ни один магазин не был разграблен, как это удалось устроить Ленину, крикнувшему «грабить ограбленных».

Вот что значит культура и грамотность. Здесь неграмотных нет — все читают газеты. Религия протестантская не до-

пускает безграмотности. Здесь нет этой серой, безграмотной, пьяной толпы, кот<орая> бушевала во всех городах России и в былое время и здесь мутила народ. Уроки России принесли и здесь плоды, и пропаганда коммунистов теряет почву под ногами.

Пример 1 декабря в Ревеле разбудил и англичан, и французов, показал им настоящее лицо этого зверя, кот<орый> так загипнотизировал русского рабочего и мужика. Они там в Москве врут и врут Европе своими газетами и проектами и не допускают свободного исследования жизни страны. Но правда всё же постепенно пробивается, и что сделано из России, становится виднее для всех!

Я всё упорно сижу в своем Гунгербурге и никуда не стремлюсь. Здесь происходит что-то необыкновенное. Сегодня +3° тепла, и пароход ходит исправно в Нарву. Не было морозов. Было два дня холодных, и выпадал снег. Было несколько дней санного пути, но теперь всё опять как осенью, только листьев нигде нет. С<еверо>-з<ападный> ветер бушует целую неделю, и море унесло опять несколько домов, и река стоит выше своего уровня, затопляя нижние улицы. Не было на Николу рождественских морозов! Я думаю, то же и у Вас, и в Питере, а на Кавказе 30°, замерзают люди и скот.

Поклон усердный Вере Ильиничне. Крепко жму руку Вашу

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 157–158 об.

159

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

25 февраля 1925

Дорогой Илья Ефимович!

Долго ли еще будет матушка Русь переносить это нашествие антихристианской нечисти, этих ползающих по всему телу мерзейших гадин, отравляющих всё тело России? Всё,

что может, бежит из этой чумы — сотни людей вижу я, переходящих здесь границу, — и все с ужасом, злобой и негодованием говорят о том, что делается там, — ад и голодная тюрьма.

Старики, дети или полное отсутствие средств заставляют оставаться там на скудном и неверном казенном жалованьи. Но что это за жизнь, об этом я наслышался подробно от смельчаков, успевших вырваться недавно из этого ада. Не могу спокойно думать, что Русь, вынесшая столько в тысячу лет на своих плечах, терпела бы так долго такую нечисть и позор. Встряхнется скоро православный люд, и загудят сорок сороков московских церквей на призывы молебна за изгнание этих дьяволов и очистку церквей и России от этой мерзости и заразы!

Постоянно вспоминаются мне стихи:

Русь не шелохнется,
Русь как убитая,
А загорится в ней
Искра сокрытая.
Встанут небужены,
Выйдут непрошены...

После драмы, кот<орая> разыгралась здесь 1 декабря, вся Европа увидела наконец, что это за разбойничья банда, кот<орая> в пять часов утра налетела на все главные места Ревеля. До сих пор находятся здесь на границе массы брошенных бомб и револьверов, оставленных в лесу, когда нашествие это не удалось и не удалось надуть эстонский народ.

До 20 февраля здесь не было зимы, не было снега, и начали думать, где достать лед для ледников. Летом здесь мороженое в большом ходу, да и провизию никак не сохранить. Я доказывал, что зима придет, а мне показывали почки на деревьях, и даже желтых бабочек, и лягушек. И вот на 20 февраля ударило −12° мороза, на реке показалось сало, а через день и лед, и навигация прекратилась 22 февраля. Это факт небывалый. Самое позднее — это декабрь, иногда конец декабря. Теперь полная зима. Сани и даже лыжи в ходу, и както стало и белее, и веселее.

Как живется Вам? Я чувствую себя, слава Богу, еще хорошо. Много читаю и слежу за развитием маленькой республики. Здесь хорошо. Чувствуешь себя свободно в культурной стране.

Жму руку.

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю л. 160 об.:

Мои ребята все работают. Поклон Вере Ильиничне.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 159–160 об.

160

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

2/III 1925

Дорогой Виктор Иванович.

Благодарю Вас за присланную вырезку — жаль, не помечено, из какой это газеты.

А у нас здесь то же, что и у Вас там, — зимы нет. Вера вот уже недели три как уехала в Прагу. Там должна была открыться моя выставка[194]; но известий об самом открытии еще не дошло до меня; и даже никаких газет — вот уж несколько дней — нет.

А здесь то же, что и у всей Европы: зимы почти не было. Пожалуй, одумается — к Пасхе хватят морозы! У нас все идут споры — у православных, — по какому стилю календаря будет *Пасха*? А русских здесь уже мало-мало.

Прежде все негодовали на нашу *отсталость* старым стилем — новый был запрещен. Теперь велят по *новому* — не хотим: как же это, вся Россия и всё православие — по *старому*; а нам запрещают?

В моей мастерской, по случаю подкравшихся морозов, дошло до 2° тепла — и стекла завалило; но сегодня уже *пять* — на дворе 0.

А здоровье ничего еще — слава Богу: по расчищенной кругом дорожке можно в 20 минут пройти. Глубок и тяжел снег, трудно чистить.

Некоторые наши интеллигенты терпят бедность — безработицы. Ездят верст за 50–60 на вырубку леса. Жестокая работа... Один г. Максимов провалился в канаву с водой и, мокрый, верст шесть бежал до квартиры; варежки развалились, сапоги порвались; хватил холод!.. Вот. И приехал к воскресенью сюда домой, веселый, живой, и теперь уже приспособился, 30 марочек в день зарабатывает; но скоро и этот промысел прекратится...Что-то еще?..

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 15–15 об.

161

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

5 августа 1925

Дорогой Илья Ефимович!

Давно не имею известий от Вас. Недавно мы целых три недели изнывали от жары. В тени +20°, на солнце +35°. Все ночи были душные, спать было трудно. Теперь пошли дожди, и вот почти неделя, как ежедневно гром. Весна была здесь бедовая, в мае было жарко так, что зацвели рано яблони и земляника, но ночью ударил мороз, и здесь кругом все цветы были убиты, и мы без яблок, и первая земляника погибла.

Ныне здесь очень оживленно, много приезжих, и все пансионы заняты. На лето к нам переехала богатая библиотека. За 100 марок в месяц можно получать все новейшие книги.

Я одолел 16 томов «Архива русской революции», изд. Гессена. Много там интересных материалов для будущего историка. Перечитал я также интересные записки князя Волконского[195], наследника принца германского[196], записки Клейнмихеля[197] и много других книг.

Здесь явились новые газеты «Русское слово» и «Ревельское время»[198], но они как-то скоро прекращаются. Держатся только вот уже несколько лет «Последние известия»[199].

Как поживаете? Что делаете, что создаете Вы теперь? Читал о Вашей выставке в Праге. Не имеете ли Вы известий от *Кони*? Перечитывал недавно его книги. Как они интерес-

ны, в особенности его воспоминания о Л. Н. Толстом[200]. Жив ли он — ему теперь за 80 лет.

На днях я перешагнул 85-й год — слава Богу, еще могу читать и писать. Хожу очень много. Вот уже 6-й год, как я безвыездно в Усть-Нарве (Гунгербург).

Теперь шумно, но скоро все разъедутся и наступит опять тишина, которую я тоже люблю. Здесь и море, и леса, и все дачи погружены в зелень. Это лучше, чем душные города.

Недавно я узнал, что моя кузина Наталья Петровна Базилевская (урожденная княжна Волконская) живет в Выборге. Когда-то и она была богата, теперь живет уроками французского языка. Много родственников отыскал я в Европе и знакомых даже в Америке, так что у меня большая переписка.

Что-то поделывают все Ваши? Всё думаю, думаю о России, много здесь приезжих на время из Москвы и Петербурга, всё больше евреи-купцы, но и они ничего хорошего сообщить не могут, им даже торговать трудно, ввиду налогов и разных требований.

Храни Вас Господь, будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 161–162 об.

162

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

16/VIII 1925

Дорогой Виктор Иванович.

Я думаю, Вам икалось — на днях. Недалеко от нас живет Иван Петрович Павлов[201] — знаменитый ученый-физиолог. Я затеял с него портрет. Они были очень любезны и приезжают на сеансы иногда всей семьей. И вот Вера Ивановна (дочь И<вана> П<етровича>) однажды — как раз на мои мысли о том, что от Вас давно не было писем, — говорит: «А я знаю, что Вы получили письмо от Виктора Ивановича Базилевского». Я, понятно, удивленный: «А почему Вы знаете?» — «Потому, что я получила также от него». И мы рассуждали,

вспоминая Вас, – о Вашем четком красивом почерке, довольно трудном для прочтения. На сеансы Ив<ана> П<етровича> образовалась целая академия: мой сын, дочь Вера и я. Вы позавидовали бы нам, если бы узнали, какой интересный собеседник Иван Петрович и сколько поразительных рассказов уделяет он нам из мира наблюдений над собаками! Всё из сферы самых высших опытов – нервной деятельности животных. И всё это строго научные, по всем правилам добытые факты.

А у нас тут чудеса природы: такое тепло стоит, что задумываем<ся> даже: о причине небывалого прежде тепла в такой степени. Я уж додумался, что Земля как-нибудь колыхнула своим расплавленным нутром и в какую-нибудь щель влилась в нашу сторону жидкая лава и подогревает нас – чудесно!.. Однажды, идя купаться по горячему песку, я ощущал ясно запах вулкана: мне вспомнился Везувий и Этна – совершенно такого запаха красной подковы и жареного гвоздя... Но какое купанье! Чудо, чудо... Я боюсь пропустить эту благодать – ибо подует, надует, и опять – закутывайся и вспоминай только о том свете белых ночей и горячего песку... Вот я разболтался – не дочитаете болтовни старичка...

У нас красивый огородец, и мы наслаждаемся уже давненько дарами Неба – тепла от живого вулкана под нами – картошка, кабачки и пр. ...

Всего, всего Вам лучшего, могучий богатырь.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 20–20 об.

163

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

29 августа 1925

Дорогой Илья Ефимович!

Вот Вы в письме Вашем затронули вопрос о собаках. У меня было несколько друзей-собак в Сибири. Какой это умный народ, и как у них (конечно, у редко избранных) масса сходства с человеком. Какие у них душевные качества:

привязанность, любовь до самопожертвования при защите своего приятеля-хозяина. Как они понимают свой проступок, как извиняются и стыдятся! В них душа как у человека, а не пар, как говорит народ.

Вот с нами ушел сюда наш Бой, красивая охотничья собака. Ее здесь и в Нарве все знают, все полюбили: умный, воспитанный, его и собаки все уважают. Как Чехов воспел собак, как он понимал и любил их! В Сибири, в одиночестве, собака заменяла мне друга-собеседника. Конечно, нужно уметь обращаться с этими умнейшими представителями...

На днях встретил здесь художника Роота. Он очень просил передать Вам его усердный поклон. Он преподает рисование в Ревеле, а ныне летом состоял при заготовлении кинематог<рафической> ленты из жизни Эстонии. Он проводит здесь каждое лето каникулы.

Здесь были чудные дни, начиная с июля; в июне было холодно, но в июле доходило до +35° на солнце и +24° в тени.

Я перечитал всего Кони. Как он хорошо пишет, как вспоминается это прошлое — теперь это кажется сон, так все изменилось в России. Теперь я читаю целый ряд брошюр на немецком, изданных в Берлине, о русских последних событиях. Коковцев (бывший министр финансов) пишет в «<Revue> des deux mondes» в Париже целый ряд статей об экономическом положении Совдепии: все факты и цифры — спокойное извлечение из красных газет; грозные выводы!!

Не могу надышаться воздухом здешним. Приехал сюда калекой в 1919 году, а вот теперь хожу по 10 верст в день, пропал весь ревматизм, все головные боли, чувствую себя хорошо, хотя идет мне уже 86-й год. Не знаю, насколько Господь даст мне еще дней жизни. Старик мой и матушка дожили до 88 лет. Вот бы и мне дотянуть — всё от Бога!

Дни становятся всё короче, и скоро придется все вечера проводить рано при лампе — читать и у камина вспоминать далекое, хорошее...

Крепко жму руку Вашу и Веры Ильиничны.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 163–164 об.

164

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

27 сентября 1925

Газеты всё задевают Вас, дорогой Илья Ефимович. На днях видел Вашу статью о Льве Николаевиче[202]. Какой это ужас — эта встреча его с [проезжающим] крестьянином! Как это должно было поразить старика!

Но вот другой случай, кот<орый> я записал когда-то. Судьба привела поговорить с крестьянином-садоводом, кот<орый> одно лето работал в саду Ясной Поляны. «Видел ты Льва Николаевича, графа Толстого?» — спросил я его. «Очень часто, почти каждый день видел я графа, и чудной это был барин. Всё норовил по-нашему одеваться, и соху, и борону водил, и печи крестьянам складывал, и тачал сапоги и всякую обувь. Приучил он к [мызе] своей нищих, так и бегут даже из города, и все деньги графские на мерзавчиков меняют. Чудной он — всё учил добро творить, всякого врага добром донимать.

Вот хозяйка у него, графиня Софья Андреевна, так хозяйка. Всё на ее руках. Всякой копейке знает место — эта даром не станет лентяев кормить. Семью громаднейшую и выкормила, и вынянчила, всех вырастила. Пропал бы без нее граф, обобрали бы до сорочки. Да, вот графиня-то всё знает, и лечит, и добрый совет по хозяйству даст. Хорошо графу за пазухой жить у такой хозяюшки. Ну а граф добрый, но какой-то чудной!»

Вот она, народная молва?! Вот и Пушкин писал: «...не зарастет народная тропа». А многие ли в России знают и понимают Пушкина? Народ до сих пор безграмотен. Нельзя назвать грамотностью эти 10–15 % людей, которые свободно разбирают печать и пишут. Вспомните, что только последнее время «Нива» стала добирать до 200 т<ысяч> экземпляров (это пустяки на 150 миллионов русских). А прежде, я помню, в <18>60-е годы наши газеты и журналы едва считали 10 т<ысяч> подписчиков. Я спрашивал в Москве и Петербурге, кому поставлен этот памятник, и извозчики всегда

отвечали: «Это генерал известный». То же каждый раз отвечали мне, когда мы подъезжали к театру, к памятнику Глинке: «Это генерал»!

Двадцать лет я был попечителем многих народных школ, и я могу назвать только десяток имен учеников, кот<орые> вышли в люди и помнили наших литераторов и интересуются чтением. Большинство забывало и грамоту, и письмо.

Мы так недавно отошли от времени крепостного права, от 1861 года, и мне страшно подумать, что народ наш опять погрузится в умственную спячку. Ведь крепостное право, которое небольшая кучка иноземцев наложила на Русь, — куда тяжелее тех 200 тыс<яч> помещиков, кот<орыми> Николай I называл своих полицмейстеров, держащих в крепких руках весь народ. Всё будущее Руси скрыто за каким-то туманом.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 165–166 об.

165

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

25 октября 1925

Как поживаете, дорогой Илья Ефимович!

Перебирая на днях небольшую кучку книг, кот<орые> остались от моей 40-тысячной библиотеки, уничтоженной этими варварами в Великино, я нашел Вашу книгу, изданную под редакцией незабвенной Наталии Борисовны, «Воспоминания и статьи» 1901 года. Знаете, я зачитался Вашими воспоминаниями о Крамском, о молодежи, о новом искусстве.

Такой молодостью, такой весной пахнуло на меня из далекого, чудного прошлого; какая энергия, какая полная сила жизни! Каким свежим воздухом пахнуло на меня после чтения наших теперешних газет, где только и толкуют о долларах, репарациях, контрибуциях и борьбой с [нрзб.] людей из Совдепии и Ленинграда!

Вот и недавно Вы писали так живо о Толстом. Пишите еще, дорогой мой, в темные зимние вечера, пишите или диктуйте Ваши воспоминания, встречи, характеристики разных событий. Ведь Вы перерисовали в Вашей знаменитой картине (существует ли еще?) «Заседание Госуд<арственного> Совета» всех наших выдающихся сановников. Ведь это дивное собрание портретов, ведь Вы знали их всех. Что Вы помните об них? Пока память еще свежа, пока полная старость еще не наступила (а это будет после 90 лет), расскажите всё это. Это будет непохоже на всё то, что мы теперь переживаем, — а нам и всем старикам 60-х годов уже немного осталось.

Всё, что Вы напишете, будет интересно.

Меня здесь все, родившиеся в нынешнем столетии, не отпускают, когда я начинаю рассказывать им про Александра II, про собрания в университете и в залах «Пассажа», где случалось видеть вместе Тургенева, Достоевского, Некрасова, Писемского и слушать их интересные чтения их собственных произведений[203].

Первое появление гимназисток, потом студенток и, наконец, женщин-докторов! Посещение Николаем I нашей 1-й гимназии во время Крымской войны. Лекции Сеченова[204] и Тарханова[205] в аудиториях, наполненных женщинами. Первые заседания у мировых судей и забавные там сцены обиженных генералов, которых усаживали рядом с их прислугой... и проч.

Вот и мы здесь пережили двухнедельную зиму. 15 октября выпал большой снег и было –3°. Все поехали на санях, а сегодня, 25 октября, снова +3°, снег ушел, и земля опять черная. Тихо, на море всё спокойно, и можно в осеннем платье странствовать опять по пляжу.

Здесь деятели принялись за русские школы и за консерваторию, где процветает русская музыка. Эмигранты постепенно оживают, и уныние исчезает. Слава тебе, Господи! Двухмиллионная эмиграция чувствует себя Россией, в особенности молодежь.

Жму руку Вашу.

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 167–168 об.

166

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

2/XI 1925 г.

Дорогой Виктор Иванович.

Спасибо Вам, Вы не забываете меня и сюрпризами вырезок — всегда откопаете. Да, вот Ваши бы рассказы об А<лександре> II — это очень интересно. Рижский ж<урнал> «Сегодня»[206] делается очень интересным. Ред<актор> очень даровитый человек, и даже иллюстрации-портреты очень художественно исполняются — надо быть со вкусом, чтобы понимать. И карикатуры Civis'а[207], напр<имер>, очень, очень живы — это талантливый художник.

Продолжается ли Ваша переписка с М. А. Тенишевой и Ек. К. Четвертинской? Живы ли они и как поживают? Вероятно, в Париже.

Сегодня здесь 6 гр<адусов> мороза, довольно свежо.

У меня собралась выставка и едет в *Або*, *Таммерфорс*[208], *Стокгольм* и *Копенгаген*. Везет ее Леви[209] и мой сын Юрий тоже — посмотреть эти города стоит. Дочь моя Вера из Карлсбада проехала в Париж — Декорат<ивную> выставку хотела захватить[210] — вчера был последний день.

И ах, теперь с делами искусства вообще плоше да плоше... Во-первых, только наивный чудак может приобретать сию драгоценность — не сегодня-завтра запылает *«всемирный пожар»*! Потом — самые полезнейшие деятели культуры — *«буржуи»* — обобраны разной бесполезной и очень вредной сволочью. Обнищали музеи? Эти только могут принимать приношения; да и то, если есть место поместить: содержание этих [Fotdenvres]'ов очень дорого стоит. А материалы для производства дорожают, кстати, до того, что художники многие принуждены прекратить свою деятельность... Со всех сторон идет неумолимо *рок* к прекращению этого благороднейшего развлечения. Ведь и истинных любителей и ценителей искусства всё меньше и меньше становится. Вульгаризация кинемо[211] завоевывает посредственность толпы, и она счастлива — убивает и без того уже убитое свое безделье.

Всего, всего лучшего Вам желаю.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 25–25 об.

167

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

21 декаб<ря> 1925

Дорогой Илья Ефимович!

Вот выплывает опять на свет божий драма, о которой столько писали, которой заинтересовался и Толстой и о которой все же ничего фактического не известно.

По случаю столетия со дня кончины Александра I профессор Д. Н. [Варгун][212] в Праге заявил официально, что не время теперь считать так. Император умер в 1864-м под именем старца Феодора Кузьмича[213] в Сибири. Что у него имеются факты, неопровержимо это удостоверяющие.

Какие у него факты — мне неизвестно, я пишу ему по этому поводу.

Купца Хромова, у которого, кажется, 10 лет жил и умер Ф<еодор> Кузьмич, я хорошо знал. Он бывал у меня в Енисейске, я арендовал его золотые прииски, и мы виделись довольно часто. Это был очень интересный собеседник, весь погруженный в религию, и наш разговор вращался постоянно в области святых, апокалипсиса, церквей. При этом он постоянно вспоминал старца, кот<орый> умер у него, не говоря о тайне, кот<орую> тот сообщил ему перед кончиной.

Только 20 лет спустя, в 80-х годах, Хромов совершенно неожиданно приехал ко мне в деревню, в Великино, и поразил меня своим рассказом о последних днях старца. Он привез большой портрет его, сделанный каким-то художником, подарил мне маленькую копию с него (кот<орую> я храню и теперь) и показал заклеенный конверт, кот<орый> получил от старца за несколько дней до его кончины. Старец завещал, чтобы это было передано в Петербург в царские руки.

Хромов похоронил старца 20 янв<аря> 1864-го в Алексеевском монастыре около Томска.

О том, что у него жил и умер Александр I, он никому в Сибири не говорил, так же как и о бумагах, порученных ему. Он боялся, что его сочтут сумасшедшим, и вот только через 20 лет он решился ехать в Петербург, где он никогда не бывал, и, не заставши меня в моем доме, сейчас же приехал в деревню. Он знал, что государь знает моих сестер и бывает часто у княг<ини> Суворовой[214], что брат мой камергер и что я знаком с великими князьями, и просил меня посоветовать, что делать, чтобы не навлечь на себя неприятностей.

На другой день был праздник в Гатчине, когда царская церковь была доступна всем. Я знал, что там будет мой хороший знакомый генерал-адъютант Кушелев[215], я написал ему письмо с объяснением, кто такой Хромов и что я его давно, еще с Сибири, знаю хорошо и то, что <он> рассказывал, не подлежит сомнению. Просил, чтобы он представил Хромова великому князю Владимиру Александровичу[216], кот<орому> <тот> и может передать пакет и портрет.

Так всё устроилось. Хромов благополучно вернулся в Томск. А портрет старца генерал Кушелев видел на столе у Александра III.

Несколько времени спустя лицо, близкое к министру внутренних дел, сообщило мне, что было секретное приказание открыть гроб Александра I, перенести и похоронить тело на кладбище.

Митрополит Исидор[217] посещал часто мою матушку. Когда я за столом возбудил этот вопрос и спросил его, правда ли, что гроб царя открывали, он не отрицал, но сказал общую фразу: что и судьба монархов в руках Бога и мы только живем Его милостью.

Газеты писали: когда большевики вскрывали могилы царей в соборе, гроб Александра I был пустой!!

Какие бумаги привез Хромов, мог только знать Александр III. Где остались или кому были они переданы и что содержалось в них, неизвестно. Может быть, они перешли к Николаю II, а потом, после пугачевщины, попали в руки

кого-нибудь – как чудный, [верный] портрет Николая II был найден разорванным на площади дворца.

Не знаю, что ответит мне из Праги профессор [Варгун] (не зная его адреса, я писал в университет), но чтобы что-нибудь узнать, я обратился к секретарю императрицы. Я просил его узнать у государыни Марии Федоровны, не помнит ли она, что государь говорил в кругу семьи об этом портрете и бумагах, кот<орые> привез Хромов. Это обстоятельство не могло не обратить его внимания – это ведь крупнейшее событие в жизни Романовых, небывалое в анналах царствующих домов. Может быть, государыня что-нибудь вспомнит и скажет. Это единственный свидетель в 80-х годах этого события!!

Вот что в настоящую минуту очень занимает меня.

Я пока здоров, много читаю, пишу и пока бодро жду, когда поправится здоровье дорогой матушки Руси.

Ваш *Базилевский*

По левому полю л. 172 об.:

Поклон Вере Ильиничне. Как показался ей Париж?!

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 169–172 об.

168

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

[1926 г.]

Дорогой Илья Ефимович!

Наш милый знакомый, фотограф Римский-Корсаков, изобразил меня и моего внука, сына моей дочери Татьяны. Назван он Львом, в память моего сына, убитого красными, а сын мой назван Львом в память Л. Н. Толстого.

Деду 86, а внуку 6. Прошедшее России и будущее России.

Говорят, снимок очень удачный, подпишу Вам на добрую память.

Всё продолжаю читать книги князя С. М. Волконского, внука декабриста. Ему теперь 66 лет, он гораздо моложе нас с Вами, но всё же застал еще часть нашего века. Я перечитываю теперь его книгу «Мои воспоминания. Лавры»[218]. Издана в Берлине.

Дивные обороты речи — совершенно разговорный язык, не книжный, точно будто слушаешь его речь. (Я припоминаю его лекции в Петербурге.) С ним припоминаю свою молодость. Он такой поклонник всего прекрасного, что мы пережили, — с таким одушевлением говорит о театре, живописи, литературе, всё это он так ярко рисует, что оторваться нельзя от его книги.

Убегая из России, он потерял массу материалов, собранных им. Теперь он в Париже, читает там лекции. Я писал ему в Рим, где у них «Villa Volkonsky», приобретенная его предками; я не мог не высказать ему восторг мой по поводу его книги. Он благодарил меня и писал, что продолжает свои воспоминания.

Ну, вот и осень — морозов здесь еще нет, и все цветы еще живут. Любуюсь каждый день морем и пурпуровой и золотистой листвой, которая еще не опала.

Хорошие книги заставляют забыть время, и дни так быстро идут за днями — не верится, что переживаю здесь уже седьмой год с 1919 года.

Как-то Вам живется? Как Ваше здоровье? Меня Господь милует, всё еще бодрый и еще держусь. Совершаю иногда прогулки в 10 верст к соседям пешком и не устаю. Всё прошу Бога сохранить мне ноги. *«Движение — это жизнь»*[219]. Быть как можно больше на ногах — больше всё ходить!!

Все мои работают и кое-как перебиваются в жизни! Слава Богу, никто не унывает, и светло смотрят в будущность! Все здоровы.

Здесь много интересных работ и много строят — меня это очень интересует.

Крепко жму руку Вам и Вере Ильиничне. Будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 173–174 об.

169

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

6 фев<раля> 1926

Дорогой Илья Ефимович!

Все это время я читаю переписку Льва Николаевича; Вы знали его хорошо: объясните мне, как смотрите Вы на его уход из Ясной Поляны на 48-м году совместной жизни с женой. Как не мог он понять всё горе, какое он наносит Софии Андреевне и всей семье и всем жившим около него! Письма его С<офье> А<ндреевне> не выражают сознания того ужаса, который он наносит всем своим уходом, тайно, ночью.

После 80 лет нельзя не сознавать, что каждый день есть, может быть, день смерти. Ведь после 80 лет нельзя начинать новую жизнь. Нельзя показать свое отречение от пройденной уже жизни.

Хотя и гораздо раньше Толстой выражает часто свое сожаление, что он не в тюрьме, когда там многие осуждены на это за единомыслие с ним, но после 80 лет нельзя уже обречь себя на добровольное скитание и доказать своим примером свое учение. Христос доказывал это в самый расцвет своей молодости.

Софья Андреевна доказала ему в 48 лет совместной жизни такую преданность, заботливость; она главная причина, виновница развития его таланта как писателя. Она была его главной помощницей, переписывая и выражая свое мнение о женских типах, созданных им. Она выкормила и воспитала всю его семью и дала ему и покой, и досуг, чтобы создать такие бессмертные вещи, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Плоды просвещения» и прочие литературные создания. Ведь не проповеди его — а эти драмы переживут его многие сотни лет, как это верно сознавал Тургенев, умоляя его вернуться к этому делу — настоящему его делу.

Говорят, С<офья> А<ндреевна> бросилась в пруд[220]. Он, такой прозорливый, неужели не мог не видеть этого исхода от ночного ухода?

Я уже гораздо старше его, мне идет 86-й год, и я чувствую, что только одно чувство может оставаться у старика, это благодарность окружающим, которые содействовали достижению такой старости. Ведь только благодаря заботам своих близких можно дожить до таких преклонных лет, и за это надобно отплатить им любовью до самой последней минуты жизни.

Лев Николаевич, следуя примеру Великого Учителя Христа, проповедовал всегда «любовь». Любовь к ближнему — в этом вся суть христианства, а уходя из дома, он как будто думал только о себе; он не сознавал как будто, что он оставляет за собою, какое страшное горе он наносит всем любящим его. И какое непонимание, что он, старый, больной, уже много раз бывший так близко к смерти человек, уже ничего нового, самостоятельного предпринимать не может. Как не видел он это?

Л<ев> Н<иколаевич> не хотел давать материал для своей биографии. Он писал, что стыдится беспутно проведенной молодости. Но ведь жизнь зависит не от нас, а есть результат обстановки и целого ряда неподчиненных нам обстоятельств. Эта молодость, эта жизнь дала ему и опыт, и материал для его произведений. Только эти произведения и останутся навсегда ценными и бессмертными, как одно только «Горе от ума» обессмертило Грибоедова.

Все проповеди Толстого не стоят *нескольких строк Евангелия*, где Христос говорит с народом, — это объяснять не нужно. Внимательное чтение проникает в сердца...

Какой у Л<ьва> Н<иколаевича> странный взгляд на Островского — чуть ли не пренебрежение, а между тем одна «Гроза» сохранила бы навсегда имя автора. Я видел десятки раз эту драму, и всякий раз я уходил из театра глубоко потрясенный этой правдой.

То же и относительно «Дворянского гнезда» Тургенева. Как не оценить эту жемчужину в нашей литературе, как верно схвачены эти уже отжившие типы! А слог, язык — это музыка, такого языка нет у Толстого. Тургенева можно читать и перечитывать, а Толстого не всегда, язык и слог гораздо более тяжелый у него.

Уход его, я объясняю себе, начался его болезнью — бегством от чего-то. Его дочери следовало бы рассказать о его настроении в последние дни в Ясной Поляне, это объяснило бы многое.

Я жалею, что, проезжая шесть раз недалеко от имения Л<ьва> Н<иколаевича>, я ни разу не заглянул туда. Я знаю лицо его по многим стереоскопическим снимкам, которые так верно передают портрет его и С <офьи> А<андреевны>. У меня были наговоренные им пластинки, где слышится его старческая речь на разных языках. Но его самого я видел только в военной форме артиллериста на вокзале ж<елезной> дороги.

Жму руку Вашу.

Ваш *В. Базилевский*

Поклон Вере Ильиничне.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 175–178 об.

170

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

13 февр<аля> <19>26 г.

Дорогой Виктор Иванович.

Разумеется, *симпатичнее* во всём обвинять Льва Николаевича и оправдывать Софию Андреевну. Но положение Л<ьва> Н<иколаевича> было *такое тяжелое*, что нельзя и его обвинять — *одного*. В общежитии люди на 9-м десятке, уже фатально, ставятся жизнью в число *неправоспособных*. И т<ак> к<ак> к этому возрасту у богачей увеличивается имущественное состояние, а у больших писателей возрастает ценность их трудов, то они представляются наследникам их *помехой обогащения*. К этим старикам тянутся, длинными радиусами, руки, претендующие на кусок обеспечения...

Л<ев>Н<иколаевич> был самый большой богач Тул<ьской> губ<ернии>, не говоря уже о феноменальных

лесах (дубов в обхват), *землях* и т. д., он еще носил в себе самом неоцененные драгоценности. Его каждая строчка ценилась как карат др<агоценных> камней. И все близкие, с привитыми им вкусами и широкими потребностями, глядели на него не бескорыстно. С одной стороны, семья — размножившаяся — считала себя законной наследницей и держалась Софии Андр<еевны>. С другой стороны — любимый друг В. Г. Чертков[221], считавший главным *обязательством святого Учителя* — отдать всё *обделенным братьям, т<ак> н<азываемому> народу,* — все богатства земли и лесов. — Чертков требовал без уступки, всё. София Андр<еевна> его ненавидела, и он страшно боялся встречи с ней; а и с него требовали толстовских денег.

Кровные уже *кричали в глаза* всё дерзче и дерзче неправоспособному обманываемому *праотцу*, уже усвоившему нищенский образ, что он не *имеет права*, по их понятиям, на состояние, уже принадлежащее будто бы им — *наследникам*; а друг увлекал его в *лес*, чтобы там, на *пне*, за неимением стола, он писал бы *свое дух<овное> завещание Народу*, т<ак> к<ак> он, Л<ев> Н<иколаевич>, будто бы завещал — уже — *обещал* это *всю жизнь* и *теперь*?.. А С<офия> Андр<еевна> боялась выпустить из своих рук еще *драгоценность*, имевшую *реальную ценность денег, — его сочинения*: за этими реальными ценностями посыльные от *издателей* терпеливо стояли и ждали, с пачками денег, которые, конечно, были очень нужны С<офии> Ан<дреевне>, т<ак> к<ак> *вся* сложная *жизнь* требовала содержаний...

Всякий лоскуток *бумажки*, которо<го> коснулась рука с *пером* — великого писателя, жадно хватался теми, кому одному посчастливилось быть ближе к столу великого старика. И он в этой среде *сугубого стяжания* жил, в *свежем уме и твердой памяти!*.. Ну, как же тут не бежать? Он слышит, как в его бумагах, в его отсутствие — уже шарят: в его бумагах всякая помарка имела ценность *ассигнации*... Вот от чего *бежал* он. Он был кровного темперамента, еще ездил *верхом... И отводил душу только в одиночестве, на прогулках.*

А как Ваше здоровье! Дорогой Виктор Иванович, Вы настоящий богатырь, и все Ваши рассуждения так ценны и вес-

ки. Спасибо за сообщения — всегда интересные. Мы с Верой перечитываем Ваши сообщения — несмотря на трудность Вашего почерка... Примите наш привет с пожеланиями Вам всякого благополучия, с преданностью

Илья Репин

Я ничего не имел бы, если бы Вы сообщили в ближайший Ваш орган — для напечатания Вашего вопросного письма мне и мой этот ответ. Но это только — если бы Вы нашли это подходящим — по Вашему желанию[222]. (Нет — мое резко — его нельзя.) Напр<имер>, газета «Сегодня» в Риге. Редактору-издателю — Якову Иосифовичу Брамсу[223]. (Он [нрзб.], очень талантливый писатель.)

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 1–1 об.

171

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

19 фев<раля> 1926

Дорогой Илья Ефимович!

Я кончил читать переписку Толстого и записал две знаменат<ельные> даты: в 1908-м Лев Николаевич дожил до 80 лет, в 1910-м ночью 21 октября он покинул Ясную Поляну.

Осенью он ушел, конечно, нервно потрясенный, простудился, конечно, и погиб.

При его крепкой натуре он, конечно, дожил бы до 1917-го, видел бы разгул большевизма, клич Ленина «Грабьте награбленное!». Интересно, что бы он написал Ленину — как тот отнесся бы к Льву Николаевичу? Какой странный поступок Толстого — как это объяснить? Понять? Кому, какой среде народной мог завещать свое состояние Л<ев> Н<иколаевич>? Кому мог он помочь, отнявши всё от своей семьи? Этого я понять не могу. Ведь если это распределить всем нуждающимся в России, это будут гроши на человека. Только

таким распределителям, какие поклонялись Л<ьву> Н<иколаевичу>, это было бы на руку. Л<ев> Н<иколаевич> «делал великое дело среди [царюющего зла]», это он не мог не видеть, издавая свои сочинения. Это он делал добро всей Руси — а доходы он обязан был давать семье.

Помнится, много лет тому назад в первый мой приезд в Гельсингфорс извозчик дал мне добрый урок.

Подъехав к гостинице, я по российской небрежности подал ему какую-то бумажку и собирался уйти, когда он резко позвал меня и, подавая мелкие монеты, что-то пробурчал. «Что говорит он?» — спросил я прохожего. «Он лишнего не принимает, — сказал он, улыбаясь. — Вы, верно, из России, здесь на чай не дают».

В последней книжке «Revue des deux mondes» явилась очень интересная статья: о большевизме и движении в Азии. Авторы приходят к выводу, что это явление временное, кот<орое> скоро пройдет, не заключая в себе ни религиозного, ни нравственного начала, и которое могло продержаться довольно долго ввиду средств, кот<орые> оно имело от грандиозного грабежа всех богатых России. Этот небывалый деспотизм кучки людей будет скоро разгадан их рабами и крестьянами России и понят Европой.

С 1919 года я чувствую себя здесь <как> в Европе. Весь народ грамотный и везде культурные [приемы] — уважение к человеческому достоинству. Река отделяет нас от Азии, какою сделалась теперь Россия. Ни монгольское иго, ни неистовства Грозного не несли с собою такого гнета и деспотизма, как кучка теперешних диктаторов. Только над дикою, безграмотною толпою бедного крестьянства можно было задаться таким безобразиям, какие творятся теперь под маскою *«Совета рабочих и крестьян»*, и находятся еще госуд<арственные> люди в Европе, которые слушают их гнусную отраву.

Вот уже идет 7-й год, как я из Великино перебрался сюда. Единственное утешение — это возможность читать эту массу книг и газетных статей, кот<орые> говорят о России.

Маленькая Эстония при трудных обстоятельствах сумела организовать свое управление. Сумела дать пример, как нужно относиться к другим народам, проживающим в ней. Очень

грустно видеть, что Италия этого еще не понимает и так грубо относится к немцам в Тироле. Я живал там и редко слышал итальянский язык — везде преобладает немецкий; и нравы и обычаи немецкие, и песни тирольские — немецкие.

Vivre en travaillent
Mourir en combattent[224].

Этот крик народа в Париже в 1848-м характеризовал революцию. Луи Блан[225] и другие заправилы нелепо поставили это требование труда и заставляли делать какую-то пустую работу. Они не поняли, что главная роль государства — организовать работу. А в каждом государстве есть что поделать, и, понявши это, не может оставаться масса безработных.

Петр Великий был большой государственный деятель в этом отношении, и у него следует учиться — это я проповедую в Эстонии!

Как-то у Вас теперь? Здесь уже неделю тепло, и мы после 20° мороза оживаем. Все выползают из своих берлог. Детей в особенности много, в колясочках и саночках на улицах. Я всегда радуюсь, глядя на молодежь, такие свежие, бодрые ребята, и всё думается, а как плохо живется детям в Питере и Москве!

Когда-то воскреснет Русь-матушка родимая, вот уже 7-й год не вижу ее — хотя близко живу.

Жму руку Вам и Вере Ильиничне, будьте здоровы.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 179–182 об.

172

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

[февраль 1926 г.]

[...][226]

Хотелось бы знать Ваше мнение о картине Ге «Что есть истина?», где представлены две личности, Иисуса Христа

и Пилата. Ге, вероятно, не читал уже давно напечатанные подлинные донесения прокуратора, кот<орый> арестовал Иисуса, и где он подробно описывает наружность Христа. Красиво сложенная фигура, золотисто-рыжеватые волосы, длинная русая бородка, выпуклые голубые большие глаза — вообще совсем не то, что создал в своей картине Ге.

Я когда-то читал замечательный труд немецкого ученого [нрзб.] 1860 года в трех больших томах. Там полное исследование жизни и мыслей Христа как человека-философа (оставляя в стороне религиозные мифы о нем). Он рисует его, действительно, как тип философа высшей культуры, кот<орый> сумел среди варварства и рабства найти [рассаду] братства человеческого и взаимной любовью и уважением прийти к хорошему устройству жизни. Простые, светлые мысли Христа были совершенно забыты и изуродованы его преемниками и затерялись совершенно.

Эти три книги были у меня в Сибири, об них нигде Толстой не упоминает — вероятно, он их не читал. Они дают удивительную картину: молодость и последующая жизнь Христа, его начитанность и знание древних религий — этих книг теперь, пожалуй, не найти.

Верещагин дал ряд картин из молодости Христа — у меня были фотографии, — сами картины где-то за границей.

Я очень люблю картину Ге, где Христос в кругу апостолов, и [нрзб.] снизу «Последняя вечеря», у меня была довольно хорошая копия с нее.

Что-то Вы поделываете? Мы мерзнем основательно. Я пишу Вам, сидя в шубе и валенках. В комнате +4°. Топим нещадно, но на улице −16° и холодный северный ветер.

Здесь все постройки для лета: балконы и террасы, всё продувное — всё деревянное, и зимой здесь никто не живал — приезжали купаться. В городах нет квартир, и всё очень дорого. Здесь дешево, но холодно, но слава Богу, что есть квартира, которых в Ревеле теперь найти невозможно. Квартирный вопрос — это трудное дело.

Сейчас получил письмо Ваше, дорогой Илья Ефимович, оно открывает мне совершенно новую сторону жизни Льва Николаевича и объясняет его выходку пред кончиною.

Кто мог предвидеть, что через семь лет после его кончины начнется грабеж России, какого свет еще не видел нигде. Ведь ни одна мыза по всей России не уцелела. Все библиотеки, все собрания ценных и редких сокровищ — накопленных веками — всё погибло.

Не знаете ли судьбу всех детей Льва Николаевича? Об них мало пишут в газетах. Недавно промелькнуло в газетах, что все сочинения Л<ьва> Н<иколаевича> изданы вновь в Москве в 90 томах каким-то местным учреждением.

Много хотелось бы поговорить о Л<ьве> Н<иколаевиче>, какая это была неукротимая натура в юности. Какой переход от полного поклонения всем обычаям церкви и соблюдения всех постов и правил церкви — и полное отчуждение от церкви и объявление своей сущности Евангелием и учением Христа! Надобно ожидать появления когда-нибудь гениальной биографии Л<ьва> Н<иколаевича>.

Обнимаю Вас, мой дорогой.

Ваш *В. Базилевский*

Простите мои каракули — всё собираюсь писать разборчиво, не выходит, всё забываю и не перечитываю никогда своих писем.

В. Б<азилевский>

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 183–186.

173

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 фев<раля> 1926

Дорогой Илья Ефимович!

Я прочитал несколько раз Ваше последнее письмо, и меня поражает это странное допущение до себя у Л<ев> Н<иколаевич> таких личностей, как Чертков, и тому подобных. Странные, фантастические мечты об облагодетельствовании бедных за счет своих близких!

При своем ясном, проницательном уме Л<ев> Н<иколаевич> не мог не сознавать, что, давши своим многочислен-

ным детям такое чисто *графское* образование: знание всех языков, музыки и знакомства среди аристократической родни и друзей, он принимает на себя обязательства дать им все средства держаться этой жизни. Дети его не учились жить каким-нибудь ремеслом. Их не обучили ни столярному, кузнечному или тому подобному делу, как при мне это делалось в училищах принца Ольденбургского[227], где я был 15 лет председателем попечительского совета. Его наследники имели полное право иметь в виду и доходы от сочинений отца, и доходы от имений, и Л<ев> Н<иколаевич> обязан был духовным завещанием это удостоверить.

Это обязательство гораздо важнее фантастических мечтаний кого-то облагодетельствовать среди этой бесконечной, как море, нищеты русской. Своя семья, и в особенности такая жена, как София Андреевна, должны были всегда быть на первом плане, и Л<ев> Н<иколаевич> мог быть другом только такого человека, который это ясно сознавал, а не подрывал бы семейные обязательства отца.

Тут звучит какая-то фальшивая нота в действиях Л<ьва> Н<иколаевича>, которых я понять не могу. Я понимаю действия известного миллиардера-американца, кот<орый>, давши сыну 100 т<ысяч> долларов, объявил ему, что он начинал с меньшей цифрой и достиг миллиардов, а все состояние пожертвовал устройству университета с даровым обучением и обстановке астрономической обсерватории по последнему слову науки.

Настоящие работники благодеяний не принимают, они совершенно законно требуют вознаграждение, дающее возможность жить, и это уже понято всеми законодателями Европы. На этом основании Англия считает своею обязанностью оплачивать не находящих работу, так как правительство обязано организовать так работу, чтобы все желающие работать получали бы работу.

Времена рабства и насилий в Европе прошли, и каждый труд уважается и находит применение — это постепенно начинает сознаваться всеми культурными народами.

Труды указали известные границы *капиталу*. Новая эра.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 187–188 об.

174

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

19 апр<еля>/3 мая 1926

Дорогой Илья Ефимович!

Вот наступила наша настоящая православная Святая — светлая, теплая, травка пробивается, желтые бабочки перелетывают, птиц много, река вскрылась, и последние [льдины] проносятся вместе с пароходами. Около церкви играют дети в летних платьях, и на ступенях греются старики на теплом припеке солнечном. Вот она, говорю я им, наша настоящая Святая, но здесь ее не празднуют — это там, на другой стороне, в русских деревнях ее чествуют.

Официальная Святая 4 апреля была совершенно зимняя. В церкви мерзли в шубах, по тропинкам, по глубокому снегу едва пробирались, все было бело, и 12° мороз пробирал до костей.

Меня крестьяне часто спрашивают, а на что нам новое положение, зачем переместили святых? Ведь на Егорья 22 апреля не выпустишь коров в снег и холод. На Петра и Павла по-новому не выйдешь с косой — травы еще мало. Так и всё-всё перепутали. Нет, лучше оставаться при старом.

Здесь, в Эстонии, у нас в Усть-Нарве, единственное место, где чувствую себя в России, — это церковь. Кругом русские люди — русская речь. Теперь у нас здесь священник, беженец из Пскова, чудно хорошо ведет службу. Высокий, худой, с прекрасным, умным лицом, светлыми волосами и бородой, средних лет, он ведет всю службу очень торжественно, все его выходы из алтаря так внушительно серьезны, и в нашей церкви (построенной средствами государыни Марии Федоровны)[228] он умеет читать с благоговением Евангелие.

Красивая картина, когда он выходит из алтаря и с серьезным, сосредоточенным в молитве лицом благословляет паникадилом присутствующих. Сотни горящих свечей пред образами, дым, освещенный косыми лучами солнца, и отблески золотых рам и дверей, массы, преимущественно женщин, всё это прямо просится на полотно художника,

так это всё ярко, светло, красиво, и напевы нашего хора любителей так плавно сливаются с ярким строем всей службы — всё это я часто слушаю и любуюсь нашим православным обрядом. Этого я не переживал в однообразной службе в лютеранской церкви, где и орган не располагал к молитве, и всё слагалось как будто к лекции.

И выход из церкви совсем другой — там, у лютеран, тихо расходятся, неся в руках маленькое Евангелие; у нас это шум, разговор, приветы, рассаживаются на ступенях, стоят у заборов, и везде русская речь, русские новости, расспросы. Выходит священник, и с ним идет беседа, и с его супругой, кот<орая> своим высоким сопрано так украшает пение певчих. Все русские как будто одна семья, и дети тут, около церкви, затевают сейчас беготню. Церковь здесь — это собор всех русских. Да и звон совсем другой — бодрый, громкий, разнообразный, не то что какой-то похоронный звон кирки. Русский человек был Владимир князь, когда предпочел православие. Оно и всегда сохранится и спасет Россию вопреки антихристам-большевикам.

По левому полю л. 190 об.:

Христос воскрес. Будьте здоровы. Поклон В<ере> И<льиничне>.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 189–190 об.

175

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

[4 мая 1926 г.][229]

У нас самое интересное время, идут выборы в эстонский парламент от русского населения. Газетами выдвинуты наши лучшие здесь представители русских — интеллигентные и культурные люди — преданные Эстонской республике, <чтобы> совместно с нею, соблюдая свято ее законы, помочь и русскому меньшинству.

Конечно, есть и дикие кучки, которые хотят провести необразованных крикунов, но [нрзб.] везде найдутся.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 191 об.

176

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[8 мая 1926 г.][229]

Христос воскресе!
Дорогой Виктор Иванович.

Так давно не писал Вам и от Вас не получал, что пишу — на всякий случай — ответную с адресом.

Как Ваше здоровье? И как поживаете? Мы угнетены *зимой* и возмущены календарем н<ового> с<тиля>! Пасха похожа на рождественские праздники!! Конечно, и у Вас там — то же? Преданный Вам

Илья Репин.

Примите наше (с дочерью) поздравление с лучшими пожеланиями.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 9–9 об.

177

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

1/14 мая <1926>

Вот когда настоящая весна, а по новому стилю был еще март и снега. Тоже самая Святая по новому была у нас с снежным бураном, и попасть в церковь по занесенной тропе было трудно.

Вообще я не понимаю введение у нас на севере нового стиля. Это совсем к нам не подходит. Да и *астрономически* и старый, и новый стиль не верны и будут изменяться. Та-

кой вопрос следовало бы в России определить по всеобщему голосу русского православного населения, и я убежден, что перемены стиля не произошло бы. Для кого это выгодно? Я не знаю. Все крестьянские работы расположены по дням святых: на Егорья выпускают коров, на Петра и Павла приступают к покосам и т. д. Переместили святых на 14 дней вперед — ничего толкового не выходит, и все обычаи протестуют против такого перемещения. И никольские, и рождественские морозы по новому стилю опаздывают — все это перепуталось. Я всегда в жизни придерживался старого стиля, и он всегда верен.

По правому полю л. 191:

Я, слава Богу, здоров и много хожу и читаю.

По левому полю л. 191:

«Воистину воскресе». Обнимаю Вас и, если позволите, и Веру Ильиничну.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 191.

178

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

6 июня 1926

Ну конечно! Дорогой Илья Ефимович! Что же другое можно ответить! Ведь это каторга, нынешняя Совдепия — разве это жизнь!

Нет религии, свободы, уважения личности человека и права читать всё, что в Европе печатают, — нет права свободно говорить, ни малейшей обеспеченности против дикого произвола, никаких следов культуры и независимости личности. Все сдавлено одним прессом насилия.

Спасибо милой Эстонии, кот<орая> приютила нас. Вот 7-й год живу под крылышком этой молодой республики и чувствую себя среди культурной среды очень хорошо. Кругом полная вежливость, приветливость, за семь лет не слы-

шал ни одного грубого слова в сношениях с полицией — везде хорошо встречают, везде охотно говорят по-русски; если бы хоть сотая часть такого отношения была на Руси...

Теперь я весь ушел в чтение — запоем глотаю книгу за книгой. Сюда приехала библиотека в несколько тысяч томов — все новейшие книги из Берлина и Праги. Масса интересных записок очевидцев последних событий, много и немецких книг, касающихся России.

Читаю теперь 17<-й> том «Архива русской революции» Гессена, изд<анный> в Берлине. Очень интересные записки Родзянки[230], последнего председателя Гос<ударственной> думы. Его беседы с царем накануне новой пугачевщины, его советы, предостережения, указания выхода. Но Николай II был под другим влиянием и не прислушивался к этим полным правды докладам честного русского человека!

Ну, как Вы поживаете? Купаетесь, как в старину, пишете, работаете? Я читал, что Ваши картины были и в Праге, и в Ницце.

Здесь на днях было большое торжество — открывали в парке статую бронзовую «Солдату». На высокой скале стоит эстонский воин: в левой руке знамя, а в правой сабля, которой он защищает свободу Эстонии. Надпись: 1918–20 гг.

В эти самые годы я состоял уполномоченным Красного Креста финляндского Ингерманландского отряда, кот<орый> стоял в нашем имении, и мои сыновья были также в этом отряде — один из них погиб в сражении.

Масса народу приехала в Гунгербург — я думаю, до восьми т<ысяч>. Митрополит православный в облачении и митре говорил речь по-эстонски и окропил памятник. Военный министр и другие генералы говорили речи. Громадный хор и военный оркестр пели и играли несколько часов. День был дивный, и два дня праздника прошли торжественно и интересно.

Как здоровье Ваше и Веры Ильиничны? Я пока, благодаря Богу, вступил бодро на ногах в свой 87-й год. Обнимаю.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 192–193 об.

179

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

10/VII <19>26

Дорогой Виктор Иванович.
Поздравляю! Поздравляю Вас!

Вот какой Вы герой — 87! И гуляете ли Вы теперь? А я — *сел*, уже очень малоподвижен... Пора, пора, за это не знаю, как Бога благодарить. Благодарю Вас за участие ко мне, Вера также очень благодарит. Дай Вам Бог здравствовать. А я вот до 82 едва тяну. Безделье и лень уже не тяготят меня. «Dolce far niente»[231] я очень хорошо понимаю теперь. Купаться боюсь, да и ветрено; если завтра будет тихо, поползу: через гору трудновато. А в мастерскую редко подымаюсь, еще реже *работаю*. А еще реже удается сделать что-нибудь, всё как-то плохо выходит. Требования повышаются, а исполнение швах.

Ваше письмо очень интересно. У нас тут живется просто, но *налоги*, налоги большие. Читаю здесь новых русских молодых, пишут бойко и верно; а книга М. Горького «Дело Артамоновых» очень хороша. Жаль, эта *гнусная безграмотность,* т<ак> н<азываемая> *«новая орфография»*, очень раздражает своей нелепостью! Ну кому это надо — каждое слово коверкает какой-то безграмотный дурак! Без буквы ѣ русская грамота невозможна.

А выставки мои и в [Ницце], и в др<угих> м<естах> прогорели; едва вернулись домой... Кому теперь надо искусство, если наши мерзавцы только и думают *«о всемирном пожаре»!* На пожаре только *грабить* можно. Вот гражданская доблесть!!! Неужели найдутся простаки, которые дадут им взаймы?!! При этом они откровенно говорят, что *они не заплатят.* Только бешеные собаки могут конкурировать с ними в добродетели. Еще претендуют на название *культурных* людей! Вероятно, опять скоро откроется антропофагия[232]. Ленин был по своей натуре и по своей деятельности самый большой государственный преступник! Какое понижение всех достижений культуры!

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 2–2 об.

180

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

17/4 июля 1926

Дорогой Илья Ефимович!

Спасибо за письмо — неладно, что Вы мало ходите. Движение — это жизнь. Без движения образуются в теле завалы, застои — засаривается, как в трубе, через которую уже не бежит вода, и бодрость теряется постепенно, и вот приходит старость. Я приехал в 1919 году сюда весь в ревматизмах, ходить мог, только опираясь на кого-нибудь, меня мазали скипидаром, и я спал в кресле — постель спина не выносила — была боль, когда ложился. Но вот холодное обтирание тела и ходьба, к которой я принуждал себя, сделали то, что в 1921 году я уже ходил свободно и боли исчезли, а в 1922 году я уже совершенно забыл о ревматизмах и сплю отлично, хожу каждый день два часа, какая бы ни была погода. Нервы совершенно пришли в порядок. Благодарю Бога за полное исцеление, это богатство — выше всего потерянного в России!

Вот читаю сегодня целый день и не могу оторваться, это книга 80-летнего старика барона Врангеля «От крепостного права до большевиков», Берлин, 1925 г.[233] Проходят все знакомые лица — громадного интереса книжка. Недавно перечитал еще *С. И. Шидловского* воспоминания[234] — также интересные рассказы недавно минувшего. Но вот книга! Целое событие в Европе. *Henri Béraud*, «Ce que j'ai vu a Moscou»[235], 1926 г. В полгода разошлись 120 000 книг. Автор — это французский *Горький*, он написал массу книг из быта рабочих во Франции, стал очень популярным. В 1925 году он съездил в Москву с намерением лично осмотреть, что создано большевиками для народа и для рабочих, и не нашел ни *одной черты культурного улучшения*. Вся Русь народная хуже, чем положение *бродячих собак*. Крепостное право было рай в сравнении с этим невиданным ужасом, что он видел. Он предостерегает рабочих французов не ехать туда, не поддаваться на подкуп и золото.

Слава Богу, что есть иностранцы, кот<орые> начинают понимать, что за ад там, в России. Автор говорит, что там умеют только печатать ложные известия и вопиющую неправду. Всё так красиво издано на иностранных языках, но вся эта статистика, всё изложение быта и жизни рабочих русских, все эти описания электризации[236] деревни и богатства крестьян — всё сплошная ложь. Везде и во всём самое мрачное крепостное право, и нигде ни малейшего следа *свободы и уважения человека.*

Вот бы побольше так писали бы! Конечно, газеты большевиков в Париже[237] с бешенством напустились на него — угрожают ему. Автор спокойно в газете «Journal»[238] предлагает ответить ему фактами на его факты, а не ругательствами...

Голубчик Илья Ефимович! Бросьте идею, что Вы стареете, и двигайтесь на воздухе ежедневно — не забудьте, что в Англии 80-летние старики играют *ежедневно* в лаун-теннис! Надо поддерживаться самовнушением. Вращайтесь в среде молодежи — как это ободряет! Вот сейчас у меня за стеной такой звонкий хохот каких-то студентов, приехавших купаться из Дерпта. Что за звонкие голоса, бесконечный хохот и этот мелодичный эстонский говор, который я не понимаю, но кот<орый> мне очень нравится, — звуки напоминают мне звуки итальянского языка во Флоренции и Венеции. Жизнь молодая хороша! Цветы, дети и музыка — без этого жить не стоило бы, а всего этого около вас и около меня довольно, и надобно этим жить и жить старательно. Мечтаю, что Господь даст мне дожить до 90 лет на *ногах*. Вот и Вы доберетесь до этой настоящей стрости!

По левому полю л. 195 об.:

Извините за каракули. Жму руку Вере Ильиничне и Вам.

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 194–195 об.

181

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

14 сентября 1926

Дорогой Илья Ефимович!

Летом на сезон сюда переезжает большая библиотека, и вот, благодаря этому, я упиваюсь книгами; особенно много русских книг, изданных в Берлине, и много издано в Москве.

Встретил очень интересную книгу *Ясинского*[239] «Роман моей жизни», госуд. издательство, Москва, 1926 год. Автору 75 лет. Он знал Вас и часто вспоминает Вас. Это теперь большевик. Когда-то он был редактором «Биржевых ведомостей» и писал много в русских изданиях.

Все дождливые дни я провел за чтением и чего, чего только не перечитал. Много попало и немецких книг — все больше воспоминания о былом конца прошедшего и начала настоящего столетия. Покупать книги немыслимо, в особенности теперь, когда франк падает до 1000 марок за 100 франков, а недавно давали 2200 марок. Из библиотеки можно было брать сколько угодно книг за 100 марок в месяц. Теперь всё это уехало, и сезон закончился. Дачи закрывают, и скоро улицы совершенно опустеют. Июль был чудный, тепло, солнце, и купалось много народу. Приезжих было 2500.

Княгиня Тенишева и княгиня Четвертинская, кот<орых> Вы знаете, мои родственники, купили себе земли в С<ен>-Клу около Парижа и хозяйничают там. Обе состарились и даже в Париж редко ездят, посылают мне интересные французские книги.

Что-то Вы теперь создаете? Читал в газетах, что сын Ваш собирается създить в Петроград. Художник Н. Ф. Роот просит передать Вам поклон. Он всё в Ревеле, у него там школа, и кроме того, он участвует в театрах. Я всё собираюсь навестить мою дочь и внука в Ревеле, но тяжело покинуть насиженное место и не хочется покинуть комнату, где я спокойно живу седьмой год.

Интересные здесь были гости: студентки из Америки и юнкера из Финляндии, венгерцы, англичане, французы и другие. Большой военный оркестр играл всё лето на бере-

гу моря, и тысячная толпа любовалась закатом солнца. Здесь красивые места, и я семь лет не могу налюбоваться здешним пляжем, морем, и лесом — не тянет в большой город, здесь и зимой хорошо, уютно.

Мои ребята, сыновья, раскинуты в разных местах, но все работают. У меня ведь осталось еще шесть сыновей и три дочери. Вот 15 июля перевалит 86-й год. Как-то Господь поможет добраться до 87-го года?

Крепко жму руку Вере Ильиничне и Вам.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 196–197 об.

182

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

19/IX <19>26

Дорогой Виктор Иванович.

Спасибо Вам за письмо и за вырезки. Да, нам везет в печати: вот и сын тоже попадает в печать... Но какая семья у Вас! Шесть сыновей и три дочери! Так хочется спросить имена и возраст всех — одолжите.

Так вот как — *обитатели Талашкина*[240] *[работают]* в С<ен>-Клу! Раздается ли там дивный голос Марии Клавдиевны, и заслушиваются ли там обыватели — на большое пространство — того чарующего пения, которым оглашались некогда и питерские дома, и талашкинские долины?! Зато я уверен, что и *двор*, каков бы он ни был, и *сад* — всё это кн<ягиня> Екатерина Константиновна не оставляет своими опытными заботами, и всё это радует хозяек — природа так вознаграждает разумный труд. А интересны страницы Ясинского? О чем вспоминает там сей — теперь уже весьма убеленный сединами высокий старец — *убежденный коммунист*, каким он рекомендовался в Питере?

Да, и я вспоминаю *Ваш пляж*, когда там жил Ив<ан> Ив<анович> Толстой, — действительно — симпатичные места.

А теперь — я даже сам *редко* смотрю на свои *текущие работы* (Вы всё спрашиваете); и привык уже мириться. Да, ведь я очень *много натворил* — ох, это *плохая примета*, и хотя *добрые* друзья и прославляют меня незаслуженно *щедро*, но и это — плохая примета... Достанется мне на *том свете* — мало еще! Мало!...

Что враги! Пусть клевещут язвительней.
Я пощады у них не прошу.
Не придумать им *казни мучительней*
Той, которую в сердце ношу[241].

А кажется, я и не виноват... Ах, точно сказал Некрасов.

Пожалуйста: если кто-нибудь спросит Вас про меня, скажите, что я и память и способность хождения совсем теряю; а про живопись я, кажется, уже писал Вам, что *забываю* даже *место* в картине, куда нести краску с палитры. Имена совсем забыл: никого не помню, как зовут.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 13–13 об.

183

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

1/14 января 1927 г.

Дорогой Илья Ефимович!

Поздравляю Вас с нашим хорошим старым Новым годом.

Я никак не могу помириться с новым исчислением, с этой новой чертовой (13) дюжиной, которая сбила с толку весь православный люд. И кому он нужен у нас в России, этот новый стиль? Всех он сбил с толку, перетасовал всех наших святых. Совсем он нам не к лицу и не подходит ни к нашим нравам, ни к нашим обычаям и привычкам. Это что-то чужое, ненужное, и это чувствуется каждый день. Вот ныне зимний Никола; по новому, с 2–3° мороза, какой это Микола? Вот явился настоящий через 13 дней и принес с собой –28° мороза. Вот это наш настоящий святой, говорили мне крестьяне, вот его чувствуем! Так и во всем. Как на Егорья, по новому

стилю, выпускать коров, когда и земли черной еще не видно? То же с Петром-Павлом, куда выйдем с косой? И травы нет. Нет, надобно оставить святых наших на старых местах.

Давно, давно не писал я Вам, дорогой мой, не благодарил Вас за Вашу милую прелестную открытку по поводу моей последней фотографии с внуком. Автора этой фотографии Римского-Корсакова этот отзыв привел в восторг. Я подарил ему этот «автограф», которым он будет гордиться.

Да, голубчик мой, стареем мы с Вами. Но ни на минуту не теряется вера в *воскресенье будущей великой России*. Смотрите, во всём свете наши умы, наше искусство, наша музыка привлекают внимание, чаруют людей! Наша балалайка, казачьи хоры, московский театр — всё это начинают понимать — душу народа.

Знаете, дорогой мой, почему я Вам так долго не писал? Я весь ушел с каким-то запоем в книги Форда[242].

В 86 лет я, как студент, не могу ни о чем другом думать, как об этих книгах. Я читаю и опять перечитываю всё, нахожу новые мысли, делаю новые выводы.

Я сам 50 лет занимался промышленностью, но никогда, нигде не встречал таких новых оригинальных взглядов, такой логики, такого ума — такой правды. Только в лета мой молодости, в университетские годы я, бывало, до глубокой ночи зачитывался книгами Клода Бернара, Пастера, Дарвина, Бокля — вот и теперь от присланных мне из Парижа книг я несколько месяцев не могу оторваться. Это французский перевод Форда: Henry Ford, «Ma vie et mon œuvre» и «Aujourd'hui et Demain». Книги вышли в 1925 и <19>26 годах в миллионах экземпляров и тотчас были переводы на многие языки. Не знаю, есть ли на русском, — если еще нет, должны скоро появиться.

Вы, конечно, уже знаете, что Форд, которому теперь 63 года, сын фермера, с малых лет имел пристрастие к механике, 10-ти лет чинил часы, а 12-ти лет не мог равнодушно проходить мимо машин и моторов. Работником был у Эдисона. Задался идеей создать дешевый, прочный, общедоступный по цене и механизму мотор-коляску и благодаря уму, настойчивости и постоянной работе создал самое крупное дело в свете и выпускает ежегодно *два миллиона моторов*.

Если бы эти книги не писал сам автор и не объяснял бы, как все это создалось и живет, можно было бы принять это за волшебную сказку.

Но вот всё дело налицо и в какие-нибудь 25 лет захватило весь земной шар. Миллионы людей работают около этого дела, живут жизнью людей интеллигентных, в здоровых условиях, которые постепенно заинтересовываются и книгой, и искусством. Тут вырастает совершенно новый тип работников, не имеющих ничего общего с рабами и пролетариатом наших заводов и фабрик. Форд поставил в широком масштабе опыт применения и оценки значения труда и показал, как должен быть решен этот вопрос. Его книги — это эпоха в мире промышленности. Это что-то новое, бодрое. Такая глубокая вера в науку и в применение науки к труду, к освобождению человечества от бедности, дикости, войны и борьбы классов!

Как бедны умом пред его книгами все эти Руссо, социалисты, коммунисты и жалкие невежи нынешние, большевики в России! Его книги — это своего рода Евангелие Труда! Какое великое дело, что он все это написал. Читайте эти книги!

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю л. 201 об.:

Вере Ильиничне и Вам мой сердечный привет и дай Бог здоровья.

В. Базилевский

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 198–201 об.

184

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

7 февраля 1927
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Вот опять в газетах заговорили, что Вы возвращаетесь в Петроград, что Вам всё там заготовлено.

Не верится мне всем этим слухам. Что ожидает Вас там, в стране, где нет ни законов, ни религии, ни уважения к человеческому достоинству? Страна самого дикого произвола, разврат обогатившихся слоев и восстановление самого грубого крепостного права, какого не видели самые мрачные годы Николая I. Это тюрьма для независимого человека! Я думаю, Вера Ильинична не помянет добром свое пребывание у большевиков.

Русский народ никогда не простит им убиение царских детей, царской семьи.

Европа до сих пор не сумела понять этого ужаса и все еще подает руку посланцам этих убийц. Когда-нибудь и она узнает, что принесли в мир эти антихристы и какой чумой заразят они культурный мир.

Оставляя в возрасте 21 года в 1861 году Петербургский университет, я говорил: как бы дожить до 80 лет и увидеть богатую, мощную и развитую Россию. Наступили дивные годы реформ Александра II, и можно было вполне быть уверенным, что в 1920 году будет расцвет Государственной Думы или Собора, крестьяне будут богато снабжены землею, везде будут дороги, и пустые северные губернии и Сибирь будет заселена счастливым богатым населением!

И вот я дожил до 80 лет, и в 1920 году бежал из своего имения!!

Я читаю рижскую «Сегодня» и наши «Последние известия» и изо дня в день нахожу только ужасы из России.

Как живется Вам и как здоровье Ваше? Здесь чудная зима стоит с февраля — много снега и не более –5°. Я все еще храбрюсь, много хожу, много читаю и пишу. Посылаю Вам памятник, который летом поставлен здесь в парке, «Солдату». В память борьбы за независимость Эстонии в 1918–<19>20. Я также участвовал в этой войне как уполномоченный Красного Креста Ингерманландского отряда. Мои три сына служили также в эстонском войске.

Поклон Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 202–203 об.

185

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

10/II <19>27

Дорогой Виктор Иванович.

Ваше последнее письмо *мне* надо серьезно *сохранить* в каком-нибудь национальном русском музее. В нем — все главные факты сохранены, а главное: освещены разумно, со знанием нашей истории и всех обстоятельств.

Да, да, Вы совершенно правы. Ваше предупреждение совершенно верно. А Вера в бесконечных рассказах, со всеми ужасами, давно уже нас подробно познакомила со всеми подробностями — *детски правдиво*. И я не могу себе представить — кому это понадобилось, даже в *газетах печатать такой нелепый вздор*.

Всё, *почти Вашими словами,* я писал Луначарскому[243]; <и> наконец — свое письмо я отправил в печать, в «Руль»[244]. И вот, что-то удерживает их — до сих пор не печатают?!!..

А я, слава Богу, конечно, я могу пройти не *больше получаса*; и походка моя теперь напоминает моего *правнука Валентина*, когда он двух лет приезжал к нам сюда погостить. И в *мастерской* своей почти не работаю: ленив стал до гадости; конечно — сил мало...

А зима у нас совсем схожа с Вашей. Да, февраль, как всегда, подбавляет снежку и морозцы, морозцы...

Прилагаю Вам свою черновую записку — Луначарскому. Может быть, Вы в «Сегодня» ее напечатаете?

Будьте здоровы.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 17 об.

186

В. И. РЕПИНА — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

10 февраля 1927 г.
Куоккала

Вы правы, многоуважаемый Виктор Иванович, я ни за что не хотела бы вернуться в страну ужасов, обмана, гра-

бежей, голода и холода! Вы совершенно верно написали, что это «крепостное право», только без желания добра своим крепостным! А наоборот! — угнетение и преследование. Папино письмо (ответ на приглашение приехать) переделали по-своему, как им удобней для рекламы. И пока у них есть деньги, — будут себя прославлять сами! С искренним уважением и желанием всех благ.

В. Репина

Спасибо большое за присылку карточки памятника «Солдату». И за письмо.

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 324. Л. 17.

187

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

15 февраля 1927 года

Дорогой Илья Ефимович!

Спасибо Вере Ильиничне и Вам за письма. Здесь на днях я много вспоминал Вас. В старой библиотеке на даче я нашел массу книг и журналов прошедшего столетия. Всё больше издания Маркса, его «Нива» с приложениями и другие книги, изданные им.

Тут целая масса снимков с Ваших картин.

Вот Вы пишете, что ленитесь теперь, а интересно бы знать, сколько времени потребовалось Вам, чтобы создать Вашу громадную «Заседание Государственного Совета». Она хорошо отпечатана в «Ниве».

Ведь тут всё портреты, нет выдуманных лиц. Вы, вероятно, всех отдельно воспроизводили. Я даже видел портрет вел<икого> кн<язя> Владимира Александровича, который Вы, кажется, подарили Академии, — он был на одной из выставок. Сколько лет Вы писали эту грандиозную картину? Последний раз я видел ее на выставке Дягилева в Таврическом дворце[245]. Какую удивительную коллекцию, так мало

известную, собрал тогда молодой еще Дягилев! Теперь Дягилев катается по всей Европе со своей балетной труппой.

Если со временем соберут в одну залу все Ваши произведения, какое это будет воскресение целой исторической эпохи! Не знаю, знаете ли Вы сами, сколько создали Вы картин?

Перебирая старые журналы, я вспоминал мою молодость и молодые годы Маркса. Я знал его в конце 50-х годов, будучи еще студентом университета. Маркс недавно приехал из Германии и поступил приказчиком в книжный магазин Я. А. Исакова в Гостином дворе[246]. Я был там свой человек и часто рылся в иностранных книгах, которыми заведовал Маркс. Я говорил хорошо по-немецки, а он начинал учиться русскому. Его очень заинтересовала русская литература, кот<орая> только что начинала проникать в Германию и Францию. Он удивлялся, что у нас не было семейного журнала, вроде немецкого «Gartenlaube»[247], и уже тогда мечтал найти средства и создать такой же орган в Петербурге.

В 1862 году я уехал в Сибирь и только в 1872 году стал опять постоянным жильцом столицы. За это время несколько попыток осуществить свою мечту ему не удавалось, но наконец, благодаря широким реформам Александра II, общество проснулось, встряхнулось, всё ожило, и чтение завоевало себе огромный круг.

Маркс уже знал русский язык. Сошелся с литераторами. Умел хорошо поставить свою «Ниву», и я увидел его громадный успех. У него уже было более 200 тысяч подписчиков, и он успел в виде приложений к своему журналу снабдить всех своих подписчиков чуть ли не полным изданием всех наших авторов. Какая громадная заслуга перед обществом — дать за 10 руб. в год и журнал, и полное издание какого-нибудь автора. Н. Щедрин, Лесков, все наши выдающиеся писатели, все были им так хорошо, отчетливо, в удобном формате разосланы во все концы России. И за какие-нибудь 100 руб. за 10 лет во всех городах были созданы целые библиотеки.

Сделавшись душой и сердцем русским и полюбивши всё русское (он, кажется, и женился на русской), он все-таки, благодаря немецкой выдержанности, аккуратности, на-

стойчивости и вниканию во все мелочи дела, сумел создать и благосостояние всех своих рабочих и служащих, и дивно организовать свою типографию, свой магазин книг, свой дом на Малой Морской.

Любитель и знаток картин, любитель музыки и всех искусств, он из маленького приказчика магазина Исакова вырос в колоссальную фигуру распространителя русской литературы по всем уголкам великой земли Русской. В отдаленных забытых уголках Сибири я видел «Ниву», видел на стенах картины из «Нивы». Я давно говорил многим: вот кому следует поставить памятник перед Петербургским университетом: «Учителю народа». Он сделал больше, чем кто-либо из русских министров народного просвещения. Десять рублей за целый год нашлись у массы чиновников и даже грамотных крестьян, и эти 200 тыс. подписчиков дали, конечно, чтение, и хорошее чтение, для многих миллионов людей.

Вот что сделал один человек, и даже иностранец, для России! Теперешний Луначарский[248] должен бы повеситься, если бы у них была бы хоть капля того чувства человеческого достоинства, которым кипел Маркс. У меня осталось глубокое уважение к памяти покойного Маркса, и эта чудная фигура всегда вырастает передо мной, когда встречаю случайно его книгу. Куда Луначарскому и всей этой своре, вместе с Чичериным[249] и прочей братией, иметь хоть маленькую долю того уважения к русскому народу и русскому языку, которым был проникнут весь Маркс!

Господи, какой цинизм, какое нравственное падение, какой обман! *Луначарский, предлагающий всем вернуться* в их разбойную берлогу. Нравственный палач, с улыбкой протягивающий Репину руку, чтобы поместить на нравственный эшафот, где растянут русский народ! Нахалы! Уроды!

Это всё для Европы: мы, дескать, разговариваем с Репиным, мы предлагаем ему свои услуги, мы ведь тоже понимаем. Десять лет скоро, как они надувают Европу. Что потратили они денег на свои ложные, но роскошные издания на всех языках! И нашлись же у них люди, которые всю эту ложь написали и целыми вагонами развезли по всей Европе.

И якобы от рабочих послали они денег английским рудокопам. Англичане недавно засвидетельствовали публично, только что приехав из России, что рабочие ничего не посылали, что даже им самим за много месяцев ничего не уплачено.

Обман, преступления, разбой и борьба с малейшими проявлениями культуры и сознания не могут вечно царствовать. Это показывает история всех стран. Робеспьеры и Мараты быстро исчезли во Франции, но там был народ культурный, страна меньше. Десять лет в истории народа величина ничтожная, и настанет время, когда эта скверная грязная зараза изживет свой расцвет, и тогда настоящая нормальная жизнь возьмет быстро свое: красивое, свободное, естественное развитие.

Конечно, я, 86-летний старик, не смею надеяться увидеть здоровую, великую, красивую Россию, но чуется, что это будет так. Когда уйдут такие уроды à la Луначарский и К°, и опять наш чудный молодой (ведь от Пушкина) русский язык зазвучит над всем миром. Ведь и теперь же изгнанный из России русский гений: музыки, живописи, танца и литературы — звучит громко во всех городах.

Россия обворована так, как никогда ни монголы, ни поляки, ни французы, вторгшиеся в Москву, не обворовывали; и все-таки: голодные, холодные эмигранты делают свое дело спасения России. Эмигранты-священники молятся за нее.

Вспомним слова Тютчева:

Русь не шелохнется,
Русь как убитая,
А загорится в ней
Искра сокрытая.
Встанет небужена,
Выйдет непрошена[250].

«Москва, Москва, о сколько в этом слове для сердца русского дано, и сколько в нем сохранено»[251].

Не знаю, разберете ли Вы мои старческие писания.

Так крепко верится в будущую великую чудную Россию, я с этой идеей никогда не расстанусь, я в ней живу. Обнимаю Вас, дорогой мой, и крепко жму руку Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 204–209 об.

188

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

3 мая/20 апр<еля> 1927
Estonia, Narva-Gungerburg

Дорогой Илья Ефимович!

Давно не писал я Вам, да и время-то у нас было такое неладное, такой ветер дул почти без перерыва, да и такой холодный, что мне, такому любителю ходьбы, приходится всё затыкать уши ватой, чтобы не застудить слуха. Только теперь солнышко начинает выглядывать, да и то не майское, как здесь считают, а именно еще апрельское, холодное. И обе Пасхи прошли в холоде. И что за хлопот наделал новый стиль! Всё перемешалось.

Пришла Святая официальная по новому стилю, а русская деревня живет еще только Страстной неделей, и школьники еще не могут ее дома праздновать, и никто ничего не разберет....

Читал на днях, что в Петербурге на толкучке(!) нашли портрет Л. Н. Толстого Вашей работы[252] — один из лучших портретов — перенесли в музей Александра III[253]. Слава Богу, если так распорядились. Но что за грабеж продолжается!

Что работаете Вы теперь? Как зоровье Ваше? Не забываете моцион: ходить — это жить, движение — душа жизни.

Меня всё преследует идея драмы Александра I. Я опять читал новые книги об этом. Единственный свидетель, кот<орый> мог бы дать объяснение, это государыня Мария Федоровна[254]. Я написал письмо вел<икой> княг<ине> Ольге Александровне[255] (сестре государя Николая II), не спросит ли об этом государыню. Не помнит ли, что было в бумагах, кот<орые> Хромов привез ко мне в деревню и кот<орые> он получил из рук умирающего у него в доме старца Феодора Кузьмича с просьбой передать государю. Ведь Александр III, наверно, говорил с государыней об этом и показывал ей портрет старца, кот<орый> привез Хромов. Вел<икая> княг<иня> Ольга Александровна написала мне длинный ответ и говорит, что государыня ничего не помнит,

ей уже 80 лет, и, конечно, трудно запомнить, что было 40 лет тому назад.

Я всё зачитываюсь книгами Форда, знаменитого строителя моторов[256]. Что за здравый оригинальный ум, что за организатор дела! Теперь у него 600 тысяч рабочих, и самая меньшая плата за восемь часов работы — шесть долларов, это по-здешнему 2000 эстонских марок, а здесь рабочие получают только $^1/_{10}$ часть, т. е. 200 марок за восемь часов. Зато у Форда рабочие богатеют и устраивают себе жизнь, а здесь рабочий едва питается, едва жив и живет в нужде. И Форд справедливо доказывает, что чем выше плата рабочих, тем шире становится дело и сами основатели получают большую выгоду. Его книги — это сплошные лекции и советы промышленникам и государственным людям. Это великая гуманная проповедь уважения и святости труда и трудящихся.

Ожидаю с нетерпением появления этих книжек в русском переводе. Я читаю пока французский перевод двух книг:

Henry Ford

1. «Ma vie et mon oeuvre»,

2. «Aujourd'hui et Demain».

Я давно ничего такого поразительного не читал. Вот это янки, американец, совершенно оригинальный философ. У него не слова, а всё дело. Как высоко он ставит труд, какое отношение к рабочим этим людям, кот<орых> не сумели оценить и держали в каком-то рабстве по недоразумению.

Это не сказка, а факт. Человек задался идеей создать дешевый, общедоступный и неоходимый в хозяйстве двигатель, кот<орый> работал бы как коляска, или на полях как плуг, или пилил бы, или качал бы воду. Работая десятки лет, он создал такую машину дешевую, всего 400 долларов ценой, заменившую много лошадей и людей.

Форд никогда не думал о накоплении богатства, а хотел создать огромное дело, кот<орое> задолжило бы много сотен тысяч рабочих и всё расширялось бы, обогощая и рабочих, и всех прикосновенных к этому делу. И действительно, в 25 лет из ничего он создал многомиллионное дело, кот<орое> вырабатывает в год более миллиона машин, и уже выпустил более 20 миллионов моторов. Везде, где его фабрика, кругом народ

богатеет, и все запасаются его дешевыми машинами для работы. Везде их можно скоро и дешево чинить. Дело всё более и более расширяется. Теперь он даже завел заведения, где заготовляют дешевые хорошие одежды. Дешевые склады всяких колониальных товаров, и нет предела разитию его дела на благо рабочих, покупателей и его самого.

Эти книги нельзя пересказать, надобно их читать.

Как чувствуете себя, дорогой мой? Я все еще храбрюсь. Хожу по два часа каждый день. Много читаю и пишу. Здесь такая тишина, такое безлюдье. Только детвора радует меня, разбегаясь из школы домой; такие все румяные, здоровые. Люблю я эту здесь бодрую молодежь. Кругом лес, море, хорошо живется. Здесь свобода, порядок и закон. Кругом вежливое, культурное обращение! А что там, за рекой? Тюрьма.

Обнимаю Вас, дорогой.

В. Базилевский

По левому полю л. 213 об.:

Поклон Вере Ильиничне.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 210–213 об.

189

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

11 июня 1927

Дорогой Илья Ефимович!

Моя соседка по дому, где я живу уже 9-й год, усердно просит меня спросить Вас или дочь Вашу Веру Ильиничну, где теперь супруга Захара (или Сахара), известного нотариуса, кот<орого> контора была на Васильевском против Николаевского моста, а потом по Невскому против Малой Морской. Он был большой любитель живописи и был знаком и с Вами, и со всеми художниками, и имел много картин.

Очень обяжете, если по получении письма черкнете два слова. Жива ли она? Где находится теперь? Г-жа Шерлах,

кот<орая> об этом спрашивает, было очень дружна с ним и была при его кончине. Часто вспоминает и его, и его жену.

Господи, голубчик мой, Илья Ефимович! Как я рад, как я ожил, когда прочитал, что *Англия отвернулась*[257] *и извергла эту чертовщину* и стряхнула всю эту грязь, кот<орой> заразили ее! Раскрываются наконец глаза Европы на всю эту ложь, кот<орую> эти антихристы напустили своею проповедью и подкупом бедных иностранных рабочих.

Как Ваше здоровье? Как поживает Вера Ильинична? Я перехожу на 88<-ю> ступень жизни, но всё бодр, хожу, много читаю, и последние вести подбадривают меня. Англия выгнала эту «гнусь», и китайцы молодцами, уличили их в Пекине[258]. Французы обличили их в Женеве[259] и скоро выгонят их из Парижа. Есть же правда на земле — будет же наконец предел этим убийствам и преследованиям на Руси!

Спешу отправить Вам эти каракули и очень прошу прислать справку, где г-жа Сахар. Очень обрадуете г-жу Шерлах. Крепко жму руку Вашу и Веры Ильиничны. Дай Бог Вам здоровья.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 214–215.

190

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

14/VI <19>27

Дорогой Виктор Иванович,

Вера сейчас лежит с *флюсом,* и я пишу за нее. Вера говорит, что m<ada>me Сахар сейчас в Страсбурге, ей там делали операцию и хорошо помогли (вынули 36 камней). Она там живет у старшей своей дочери, кот<орая> сделалась красавицей (говорят); а младшая — корреспондентом в Берлине.

Благодаря некоему случаю, я пишу Вам с *удовольствием*... Радуюсь Вашему здоровью, дай Бог продолжать. А я оплошал: у меня теперь походка как у моего 2-лет<него> правнука Валентина; и кроме сада я никуда не хожу, и в саду — очень

помалу; значит, я обмолодился? Наконец-то *сегодня денек* потеплее, а то – просто безобразные холода.

Я всё радием[260] развлекаюсь: много, много интересного.

Жму крепко Вашу богатырскую руку... Я ее не могу сжать – где уж. Всего лучшего!

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 22.

191

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

23 авг<уста> 1927

Дорогой Илья Ефимович!

Моя соседка г-жа Шерлах очень благодарна за адрес г-жи Сахар. Она теперь в постоянной переписке с нею. Они большие друзья. Г-жа Сахар кое-как перебивается, но пока еще здорова. Давно не писал я Вам, дорогой мой, но я изнывал здесь от жары и сухости воздуха. Целый месяц стояла жара выше 20° в тени, и я только спасался, поливая голову холодной водой.

Сюда приехал на море Николай Федорович Роот. У него школа и студия в Ревеле. Очень, очень усердно кланяется Вам. Мы часто вспоминаем Вас. Как здоровье Ваше и что пишете теперь? Как провели лето? Я здесь совершенно изжарился – я люблю холод, переношу хорошо любую суровую зиму, но летом от большой жары страдаю. Не могу читать и писать.

Здесь летом во время сезона большая библиотека переезжает из Нарвы, и я много читаю. Хорошо, что Берлин, Париж и Прага много печатают интересных книг.

Я еще пока много хожу и слушаю с удовольствим военный оркестр, кот<орый> играет на берегу почти каждый день. Какие здесь интересные и все новые закаты солнца, и публика любуется ими – музыка играет от восьми до десяти вечера. Все признают, что это лучшее место в Эстонии как купание и как картина моря. Крепко жму руку Вам и Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 216–217.

192

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[30 августа 1927 г.][261]

Дорогой Виктор Иванович.

Я так радуюсь Вашим письмам, Вы всегда сияете мне большой звездой, ярко горящей. А я едва теплюсь маленькой звездочкой — того и гляди — погаснет...

А лето у нас было беспримерное, и до сих пор всё еще тепло, и я наслаждаюсь.

Пожалуйста, Николаю Федоровичу *Рооту* поклонитесь.

Да, были хорошие времена; и у нас были хорошие друзья Ал<ексан>др Фед<орович> Гауш и его супруга[262] — прекрасная гречанка, они жили на Англ<ийской> набер<ежной> в великолепном, колоссальном доме, и там собирались хорошие художники, прекрасные люди — всё погибло в пользу безграмотной хамщины — торжества новой орфографии.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 26.

193

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

Чудное время! Тепло и тихо!

3 сентября 1927
Гунгербург

Дорогой Илья Ефимович!

Вас вспоминают в Париже и воспроизводят старую Вашу фотографию. Посылаю Вам и В<ере> И<льиничне> этот номер «Иллюстрированной России»[263]. У нас дивное лето, масса грибов и брусники. Будьте здоровы, поклон Вере Ил<ьиничне>. Я много хожу.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 218.

194

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 сентября 1927

Дорогой Илья Ефимович!

Не стало Кони — ушел один из светлейших умов России. Такое было обаяние его ума, что большевики не осмелились коснуться его, и он скончался у себя, в своей обстановке. Первая публичная <речь>, которую я слышал, — это биография знаменитого московского доктора[264]. Огромная зала, сплошь полная, с величайшим вниманием слушала эту дивную речь, полную такого глубокого уважения к человеческому достоинству и призыва к милосердию и уважению к человеку, даже к преступнику. Потом я часто слушал его, и всякий раз его сообщения глубоко западали в душу — слезы часто выступали у слушателей...

Лично я встречался <с ним> только несколько раз, и личная жизнь Кони мне не знакома. Он, кажется, женат не был, но мне хорошо известен эпизод его жизни, когда он ухаживал за моею молодою племянницей. Ей было 16 лет, она только что покинула Институт Екатерининский, где 6-летнее заточение не убило ее веселый нрав, ее кипучую жизнерадостность и несдержанные порывы всё знать, всё осмотреть, всё стремиться к чему-то новому. Варя вносила с собою солнце, куда бы она ни входила, — становилось как-то весело, когда появлялась ее улыбка, ее блестящие большие глаза, которые так внимательно вглядывались во всё новое, незнакомое. Как она радовалась, как она хохотала, как она умела просто, легко, так мило подойти к каждому новому лицу, и тот чувствовал себя тут близко, как дома.

Я очень любил мою дивную Варю и всегда удивлялся ее порою наивным, но всегда симпатичным чертам. Она всегда крепко стояла за бедных, за обездоленных судьбой. Сердце ее было преисполнено любви, и возиться с детьми было большое счастье для нее. Большие глаза под густыми черными бровями, прелестный склад рта и крепкие зубы, ямочки щек, когда она улыбалась, давали полный тип малоросски — каштановая коса дополняла это прелестное лицо.

Кони узнал ее близко в Швейцарии. Варя любила его общество, заслушивалась его рассказами, и они стали близки. Когда она узнала, что он добивается ее руки, она прямо откровенно высказалась, что очень любит его, но как друга, всегда хорошего советчика, что она всегда останется его другом, но представить себя его женой она не может. Она и моложе очень его, и она так далеко ниже его ума... Они оставались добрыми знакомыми, и она в Петербурге вышла скоро замуж за молодого служащего в судебном ведомстве. У нее было четверо детей, но теперь все умерли.

По левому полю л. 220 об.:

Как живется Вам? Я все брожу по берегу моря. Поклон Вере Ильиничне.

По верхнему полю л. 220 об., наизнанку:

Хорошие статьи о Кони в «Сегодня».

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 219–220.

195

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

8 дек<абря>/25 нояб<ря> 1927
Estonie, Narva-Gungerburg
Aneicy rue 14 «Сегодня»

Дорогой Илья Ефимович!

Давно! Давно не имею строчки от Вас. Сейчас читал в «Сегодня»: «Гельсингфорс. 4 дек<абря>. В виде исключения, по ходатайству маститого художника Ильи Репина, Министерство просвещения разрешило И<лье> Е<фимовичу> иметь свою частную могилу на принадлежащей ему земле в Куоккала».

Странно, мы сразу завели свое кладбище на нашей земле в Великино, как только поселились там, и устроили в нашем парке, и оградили стеной — без всяких разрешений, и много

похоронено уж там моих детей. Но почему это в Финляндии зависит от Министерства просвещения? Я, так же как и Вы, подумываю об этом великом переселении — кот<орому> мы все подчинены — рано или поздно.

Надеюсь, меня — покойника — без виз и хлопот пропустят на наше кладбище в Великино. Ведь туда езды всего пять часов, и я, живой, часто ездил этой дорогой в Нарву. А зимой в Великино еще ближе. С балкона нашего Великино в трубу хорошо видны башни Нарвы. В хорошие ночи мы ясно видели с балкона фейерверки в честь императрицы в Петергофе — разноцветные огни римских свечей и разрывы бомб хорошо виделись в большую трубу — за 80 верст. Наше имение и главный дом на высокой горе. Вот скоро 10 лет, как я изгнанником живу в Эстонии! Часто вспоминаю слова Тургенева. Страна, кот<орая> выработала такой дивный пушкинский язык, — страна, кот<орая> и в искусстве, и в литературе дала таких всемирных художников, и ученых, и писателей, не может погибнуть!

Десять лет усилий уничтожить всё лучшее в России — вместе с ее именем — не привели ни к чему. Увеличилась религиозность! Всё ушло в себя, и тайный патриотизм сознал себя. Россия только заснула, и богатырь проснется! Может быть, и мы увидим это!

Читаю каждый день «Сегодня», это лучшая русская газета в Прибалтийском крае. Много наших прежних писателей пишут в ней. Недавно была статья о «Пенатах», как Вы там живете и работаете. Как в <течение> года, так и теперь я с нетерпением ожидаю 1 и 15 каждого месяца появление «Revue des deux mondes». Я читаю этот парижский журнал с университетской скамьи. Ему теперь 97 лет. Он на 10 лет старше меня, и я смею мечтать [?!!!], что мы оба еще успеем дожить, — он до 100 лет! я до 90?? (Какая смелая мечта.) Конечно, «Revue...» будет жить, пока живет Франция. Этот журнал не изменил свою внешность и свое направление — строго философское и научное, наблюдательное — за всё это время. Все лучшие силы Франции в нем начинали свою карьеру.

Кончаю свое письмо. На улице −15°. У меня в комнате +7, руки коченеют, и мои каракули становятся неразбор-

чивыми. *Может быть, Вера Ильинична прочтет Вам мои строки и напишет, как ваше здоровье и как Вы работаете.* Газеты на днях говорили, что Вы опять темой выбрали своих запорожцев[265] — типы из Малороссии. Про себя скажу, что всё храбрюсь. Сижу вот 10-й год в своей маленькой комнате. Хожу каждый день два часа. Ребята мои все работают. Господь пока хранит нас. Жму руку Вам и Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 221–223.

196

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

27 декабря 1927 —
7 янв<аря> 1928

Дорогой Илья Ефимович!

Давно нет от Вас писем. Поздравляю с нашим великим праздником. Дай Бог здоровья Вам!

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю листа:

Поклон Вере Ильиничне.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 224.

197

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

[29 февраля 1928 г.][266]

Дорогой Виктор Иванович.

Давно уже не пишу Вам. Очень обленился; а еще попались интересные книги Алданова[267]: «Девятое термидора», «Чертов мост», «Св. Елена, маленький остров», «Заговор»[268].

Давно не читал с таким интересом... И талант, и знания, и умеет писать! Алданов! Алданов! Чудо...

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 27 об.

198

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 марта 1928

Дорогой Илья Ефимович!

С величайшим интересом читаю я плавание вашего внука в Австралию[269]. Какая смелая идея отправиться на парусном судне! *Очень бы хотелось узнать продолжение его похождений*. Как это напоминает мне мою молодость — когда 22 лет я двинулся в Якутскую область и десять лет (с 1862–72) странствовал по всей Сибири за поиском золота, и счастье везло мне!! Только и живешь теперь воспоминаниями. Крепко жму руку Вашу.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 225.

199

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

3/16 мая 1928
+5°

Дорогой Илья Ефимович!

Вот и наш гнилой май явился — но холод всё свирепствует, и зелень едва пробивается.

Какие унылые письма получаю я от племянницы, кн<ягини> Четвертинской из Парижа! Она в безутешном горе, не может помириться с кончиной кн<ягини> Тенишевой. Жили они вместе безразлучно 40 лет. Были вместе на войне в Красном Кресте. Потом отдыхали в Крыму и вместе бежали в Константинополь, когда пришли красные. Наконец, укоренились в Париже, купивши дачу и огород в Сен-Клу.

Тут они, наконец, нашли покой и тишину. Но вот судьба опять разлучила, и в 70 лет она осталась одна с горничной, кот<орой> тоже 70 лет и кот<орая> при ней с молодых лет. Что будет она делать теперь, Екатерина Константиновна и сама не знает.

Здесь всё еще тихо, пусто, и я буквально один брожу по парку, по берегу моря.

Я, впрочем, люблю эту тишину Усть-Наровы. Сижу целыми часами на солнце, греюсь и слежу за пароходами и рыбаками на моторных, кот<орые> мелькают на дальнем горизонте. Дома я весь в книгах и газетах. Всего больше я читаю «Сегодня» и «Revaler <der> Bote».

Зачитываюсь воспоминаниями императрицы Евгении, супруги Наполеона III, в «Revue des deux mondes» за 1928 год. Ей было уже 82 года, а память сохранила все подробности пережитых треволнений ее царствования. Я видел ее часто в 60-х годах в Париже и Швейцарии. Она устроила в Париже свадьбу моей сестры Аделаиды за ее кузеном графом [Гальва] (родным братом герцога Альбы). Императрица умерла 93 лет, а сестра моя жива, ей 83 года, живет в Лондоне.

По левому полю на л. 227:

Болит рука — пишу плохо. Поклон Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 226–227.

200

И. Е. РЕПИН — В. И. БАЗИЛЕВСКОМУ

14 сент<ября> 1928 г.
«Пенаты»

Дорогой Виктор Иванович.

Как-то Вас Бог милует? Я плохо ходить стал, просто никудышный. Вот и осень, лета совсем не было: я всё ждал — потеплеет — купаться... Едва ли раза четыре пришлось.

Ваш *Ил. Репин*

РГАЛИ. Ф. 3290. Сд. оп. Ед. хр. 325. Л. 30.

201

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

17/4 сентября 1928

Дорогой Илья Ефимович!

И нас обидели и весна, и лето. Мороз весной погубил все цветы, и летом мы остались без ягод, а теперь без яблок и слив. Только апельсины вознаградили нас, пошлина с них снята, и они завалили лавки и рынок. Я высасываю их ежедневно, солнце Италии!

У нас теперь неделя Толстого. Везде его портреты, статьи об нем. Я видел его только в молодости офицером. Восемь раз ехал я недалеко от него. Очень хотелось побывать в Ясной Поляне, да как-то боялся помешать. «Незваный гость — хуже татарина».

Софию Андреевну я помню, когда мне было лет одиннадцать, и ей столько же. Она приезжала к нам на Захарьевку в <18>50-х годах вместе с отцом и сестрою. Доктор Берс[270] был несколько лет нашим чадовым домашним врачом. Мы, дети (нас было дома масса), очень любили «длинного доктора». Он был очень высокого роста, был страстный охотник и часто присаживался к нашему детскому столу, любил покушать наш домашний детский хлеб и рассказывать охотничьи похождения. С нами всегда обедал наш немец гувернер Василий Федорович, и мы все с доктором болтали по-немецки.

Сестры сидели с нашей француженкой и болтали по-французски с дочерьми доктора. Соня и ее сестра носили длинные букли с обеих сторон и казались нам немочками, а не русскими, хотя отлично говорили и по-русски. Много лет спустя я осматривал приют императрицы Ал<ександры> Фед<оровны> в Царском Селе, устроенный для бедных девушек, где их обучали и наукам, и ведению хозяйства. У них были прекрасные классы, спальни, кухня. Коровы, куры, свиньи и отличные огороды. Они сами готовили, стирали, ухаживали за животными и поочередно покупали мясо и проч. Это была очень хорошая школа и отлично обставленная. Начальница попросила меня в свой кабинет, и я был поражен

громадным портретом *доктора Берса.* Это оказался ее отец, который бывал у нас в молодости моей, и начальница была сестра Софии Андреевны.

Я много читаю. Какой интересный том 19 «Архива русской революции»! Генерал Деникин[271]. Поместили интересные подробности последних дней императора Николая II[272].

И я старею — чувствую 89-й год, который начался для меня. Но все еще обязательно хожу по два часа ежедневно, какая бы ни была погода.

Всё думаю о России — что думает русский народ? Обнимаю Вас и поклон Вере Ильиничне.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 228–229 об.

202

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

28 сентября 1928

Дорогой Илья Ефимович!

Вот это Вы! Я этой карточки еще не видел. Это Ваша милая улыбка, Ваши проницательные глаза, кот<орые> столько видели и стольких обессмертили! Спасибо огромное Вам, это дорогой мне подарок. Другие фотографии старили Вас.

Мы начинаем мерзнуть: +4° и такой свирепый северный ветер — хуже зимы и морозов. Племянница пишет мне из Норвегии, что у них уже был мороз, и она на днях улетает (буквально на моторе) в Париж и потом, опять же по воздуху, в Африку — в Тунис, где она проводит всю зиму. Вот новое поколение принимает птичий характер — находят, что это и приятнее, и [безопаснее], чем карабкаться по земле.

У нас стало пусто, но я всё же ежедневно, в любую погоду, странствую два часа, любуясь морем и осенней одеждой лесов.

Книг много, читать не устаю и всё крепче верю в Воскресение будущей славной России — горе и беда закаляют и возвышают дух. Чего только Русь не перенесла! Жму крепко руки Вам и Вере Ил<ьиничне>.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 230–231.

203

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

7 окт<ября>/24 сент<ября> 1928

Дорогой Илья Ефимович!

У нас всё еще продолжаются дни Льва Толстого. Мне всё припоминаются слова Тургенева к Толстому с просьбой вернуться к литературе из фантастического мира чистого богословия, куда он ушел, забыв семью, жену, детей и удаляясь в глубь какого-то средневекового мира, где и наука, и великий Шекспир, и даже его собственные произведения кажутся ему недостойным занятием. Как выше его стояла его умная, чудная, вечная работница на него его жена!

Вот скоро 10 лет, как я живу в стране Литературы. В каждом доме есть Евангелие. В их церкви, в кот<орой> я изредка бываю, все сидят с Евангелием — тихо, шепота не слышно, никто не оглянется, и только орган то громко, то тихо носится в этой тишине.

Бывая у себя, я иногда заглядываю в свое маленькое Русское Евангелие, и слова Спасителя отвечают задуманным мыслям. Никогда слова Толстого не затрагивают меня так, как эти короткие ответы Иисуса Христа. От них веет какой-то натянутостью — холодом, и напрасно Толстой старается объяснять краткие речи Христа. Слова, сказанные скоро 2000 лет тому назад, переживут и еще много тысячелетий — а всё, что написано Толстым <о> смысле Евангелия, скоро забудется, и только его литературные произведения будут читать многие сотни лет.

Прав был Тургенев, посылая ему перед смертью этот совет. Возьмите Тургенева — лежа на постели, перенося ужасные муки болезни, он все же как умел возвышать душу и бодрость читателей, даже своими короткими картинами. Вспомните его бодрого воробья, кот<орого> он встретил в саду.

Как многое мог бы он создать, если бы не увлекся этим мистицизмом, — это была своего рода болезнь, кот<орой> никогда не страдал Тургенев.

Я только раз видел Толстого в военной форме и никогда не слышал его. Тургенева я знал и видел часто. Я вполне соглашался с его поклонением Савиной. Какая это была обаятельная личность, сколько ума было в этих синих глазах, какая дивная русская речь звучала в ее словах!

Только один *Флобер* мог даже в переводе понять всю высоту таланта Тургенева[273]. В «Записках охотника» его картины певцов так идеально схвачены, что, читая его, будто слышишь эти песни. А в его «Дворянском гнезде» сцена любви передана так, как Флобер нигде не читал у французских писателей.

Тургенев забывается, но будет время, когда русские юноши будут опять зачитываться им. На днях в чужом доме мне случайно попался под руки том Тургенева, его «Дворянское гнездо». Я не мог оторваться, прочитал его с начала до конца. Что за чудный язык, точно музыка, какие дивные характеры, сколько поэзии — красоты! Я понимаю Ивана Сергеевича, как он, полюбив талант и красоту женщины-художника, остался ей верен до конца чистой, платонической любовью. Это было особое поклонение, какая-то вера в чистое искусство. Савина это также поняла и еще больше ценила Тургенева.

Для меня странно отношение Толстого к своей огромной семье и, главное, к Софии Андреевне — совершенно непонятно. А уход в 82 года из родного дома — болезнь?

Я до сих пор еще не читал сочинений Софии Андреевны. Ее личность меня очень интересует. Только сын написал немного по поводу ее кончины, да в статьях покойной Наталии Борисовны я помню несколько характеристик. От крестья-

нина-садовода, кот<орый> жил в Ясной Поляне, я слышал самые лучшие слова, и несколько сатирические — насчет графа и его крестьянских занятий.

Какой ряд интересных статей в журнале «Revue des deux mondes» за нынешний год! Это мой самый дорогой собеседник. Я его читаю с 1857 года, когда я поступил в университет, и каждая книжка его — огромный интерес. Вера Ильинична должна выписывать этот журнал. Ныне много статей о России, написанных русскими.

Дни стали холодными. Но листья еще держатся. Закат солнца на море — одна красота, каждый день новая, и я почти один брожу по берегу моря и в парке.

Жму крепко руки Ваши и В<ере> И<льиничне>.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 232–235 об.

204

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

11 нояб<ря>/29 окт<ря> 1928

Дорогой Илья Ефимович!

Давно не писал я Вам. Чувствую, что старею, хотя и стараюсь ходить по два часа. Но потом заваливаюсь на кровать отдыхать. Вечером ходить совсем не могу, не вижу ног под собою и боюсь ходить. Меня уже вечером всегда кто-нибудь [водит] под руку. Читаю очень много, друзья из Парижа посылают книги и газеты. Здесь я всегда читаю «Сегодня» и «Revaler <der> Bote», кот<орую> я знаю с 1862 года, когда называлась «Revaler Zeitung».

Здесь злобой дня — это собор в Ревеле, кот<орый> какие-то чудаки собираются ломать[274] и даже заявили парламенту. Я думал, что эта грубая выходка будет просто отклонена; однако ж нашлось большинство, кот<орое> передало это в комиссию?! Это меня очень удручило. Такая культурная республика — ведь она первая в Европе дала всем народно-

стям, в ней живущим, самоопределение, и вдруг ее парламент будет обсуждать такое дикое предложение: ломать ли храм или нет. Стыдно даже говорить об этом в культурном обществе и еще более стыдно, что *четыре министра* высказались за это в печати?!!

Христиане ходят всегда в церковь с Евангелием в руках и забывают главную заповедь Христа — любовь к ближнему и прощение всякой обиды. Здесь население бедное, ныне и затопление полей, и неурожай. Остановилась масса фабрик. Все города ищут занять денег, и вдруг предлагают внести в бюджет десятки миллионов на злое дело, и стоить это будет не 10–15 миллионов, а, как <говорит> комиссия устами архитекторов, — стоимость 120 миллионов, два года работы и 20 тыс<яч> возов, кот<орые> надобно будет вывезти за город. Неужели комиссия и парламент нашли возможность заниматься таким, брошенным кем-то, вздором — какой стыд!!

Я здесь прислушиваюсь к мнению эстонских крестьян, рабочих, купцов и к мнению публики на пароходе и театре — нигде, никто ни разу не одобрял такую выдумку. Удивляюсь только, как можно говорить об этом. Польскую глупость в Европе осмеяли[275], глупо приводить ее в оправдание. Что-то решит парламент? Я думаю, опомнятся и откинут всякий разговор об этом. Протесты со стороны православных печатают чуть не ежедневно.

Теперь долгие вечера, и я зачитываюсь статья<ми> «Revue des deux mondes», этот мой любимый журнал очень интересен в нынешнем году. Привет Вере Ильиничне. Крепко жму руку Вашу.

Ваш *В. Базилевский*

По левому полю л. 237 об.:

А суд в Берлине остановил продажу награбленного большевиками[276].

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 236–237 об.

205

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

22 декабря 1928

Дорогой Илья Ефимович!

Следуя Вашему примеру, я также начал подумывать о своем бренном теле. Мне скоро 89 лет – конец близок, и как бы хотелось быть между своими в Великино. 43 года жили мы там, как говорится, как у Христа за пазухой. Никогда ни одного пререкания с соседями крестьянами, всё налаживали дружно, мирно, у себя дома. Я для них строил школы и содержал на свой счет. Помогал им строиться. Рыл для них пруды на случай пожаров. Меня они и теперь вспоминают.

И какое это красивое кладбище! Мы устроили <его> в нашем парке под дубами и соснами на высокой местности, и моей первой жене, кот<орая> вместе со мной огораживала это место, пришлось первой лечь тут — 29<-ти> лет! Сколько птиц гнездится там, и как синички приучились там прилетать на корм хлебом и орехами кедровыми. Весной всё застилается голубыми подснежниками, не знаете, куда ступить. Тихо, спокойно, хорошо так, и на скамейке мы много часов проводили там со второй женой моей. А теперь, за эти 50 лет, уже много моих близких родственников покоится там.

Подал я русскому послу в Ревеле бумагу, как бы мне теперь, еще живому, получить это разрешение, чтобы детям не хлопотать.

Что делаете Вы? Что работаете? Я еще хожу, читаю, пишу. Даже вздумал перевести с французского несколько романов, очень интересных, из «Revue des deux mondes» – Бурже[277] и других. Как время летит, когда переводишь! Еще не забыл этот чудный язык, хотя редко, редко приходится говорить.

Здесь всё злобой дня – разрушение собора в Ревеле. Переданный в комиссию (какой стыд), он там и застрял. А тут перемена всех кабинетов, новые министры, и я надеюсь, дело будет заглушено. Весь православный люд в Эстонии поднялся против этого.

Зима невозможная. До сих пор нет санного пути. Выпал было снег, но сегодня весь день текло с крыш. Много ныне было интересных статей в «Revue des deux mondes». Этой «Revue» в 1930 будет сто лет — а мне, если доживу??? — 90 лет. Вот какой я храбрый. У меня правая рука болит, и мое писание становится совсем неразборчивым.

Ваш *В. Базилевский*

По правому полю л. 239 об.:

Усердный, сердечный поклон Вере Ильиничне.

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 238–239 об.

206

В. И. БАЗИЛЕВСКИЙ — И. Е. РЕПИНУ

3 января 1929

Дорогой Илья Ефимович!

Я только что прочел в «Сегодня» статью про Вас и Ваш портрет[278].

Было бы лучше поместить Ваш портрет, кот<орый> Вы мне прислали, — он очень хорош.

Как у Вас? Здесь только на днях явилась матушка-зима — но настоящая придет еще по старому, с настоящими морозами и снегами.

Читаю и перечитываю французскую книгу о Победоносцеве «L'autocratie Botte Constantin Pobiedonostzev»[279]. Это целый [ряд] писем его и ответы государя Александра III. Тут ничего от издателя, только одно предисловие. Переписка очень интересна. Государь очень любил и доверял ему, советовался с ним, и это продолжалось до самой кончины государя в Крыму. Очень интересны письма, кот<орые> государь писал, будучи наследником.

Я думаю, эти письма изданы женой или родственником, и с большим выбором. Нет тех мыслей, кот<орые> покойный много раз высказывал мне относительно Витте, колонизации

крестьян, обеспечения духовенства и других его задушевных мыслей. Переписка очень интересна. Любопытно длинное письмо Победоносцева государю относительно выставки картины Ге «Что <есть> истина?» К<онстантин> <Петрович> возмущен фигурой Христа и советует [приказать] снять с выставки.

Интересно письмо Победоносцева по поводу драмы Толстого «Власть тьмы» и его предложение запретить ее в театре и ответы государя. Задеты и Вы по поводу Ивана Грозного и сына[280]. Просьба Чайковского передать государю Александру III о трех тыс<ячах>, кот<орые> ему крайне нужны, по бедственному положению. Государь выдал три т<ысячи>. Много литераторов мелькает тут, все люди, кот<орых> я знал или видел. Крайне всё интересно.

Дай Бог Вам и Вере Ильиничне доброго здоровья. Я всё еще храбрюсь, много хожу.

Ваш *В. Базилевский*

НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 240–241 об.

ПИСЬМО СЫНА В. И. БАЗИЛЕВСКОГО И. Е. РЕПИНУ

31/IV <19>29 г.

Многоуважаемый Илья Ефимович!

Большое спасибо Вам за письмо. Извините, что не сразу ответил, но я был в отъезде, да и фотографий готовых не было. Вернувшись домой, я сразу же сделал отпечатки[281], кот<орые> и посылаю Вам. Если возможно, пошлите, пожалуйста, Вашу карточку, мне этим доставите большое удовольствие.

Вот наступили праздники Воскресения Христова, а на улице мороз и снег! Как прав был мой отец, говоря, что нам не подходит новый стиль. Никак не могу примириться с мыслью, что нет больше моего милого старика. После себя он оставил много записок — воспоминаний, — я зачитываюсь ими до глубокой ночи. Свой дневник он вел до самых последних дней, и из него видно, что смерти он ждал давно, т. к. сердце

у него стало всё чаще пошаливать; он даже не запирался (как раньше) на ночь, «чтобы не пришлось взламывать двери», как он пишет. Никогда он не жаловался на судьбу, никогда не унывал. Нас, детей, он никогда не наказывал и даже не журил. Всю жизнь помню я его бодрым, веселым и ласковым. Мне он был не только отец, но и большой друг; одно присутствие его придавало мне бодрости в тяжелые минуты (а таковых слишком много у нашего брата «наждениста») — и теперь без него мне очень тяжело будет жить.

Он очень просил похоронить его в Великино, но т. к. большевики, конечно, не позволят перевезти тело «буржуя», то мы решили похоронить его временно здесь. Гроб поставили в цинковый ящик, который запаяли кругом. Даст Бог, недолго, недолго придется ему лежать на чужой стороне!

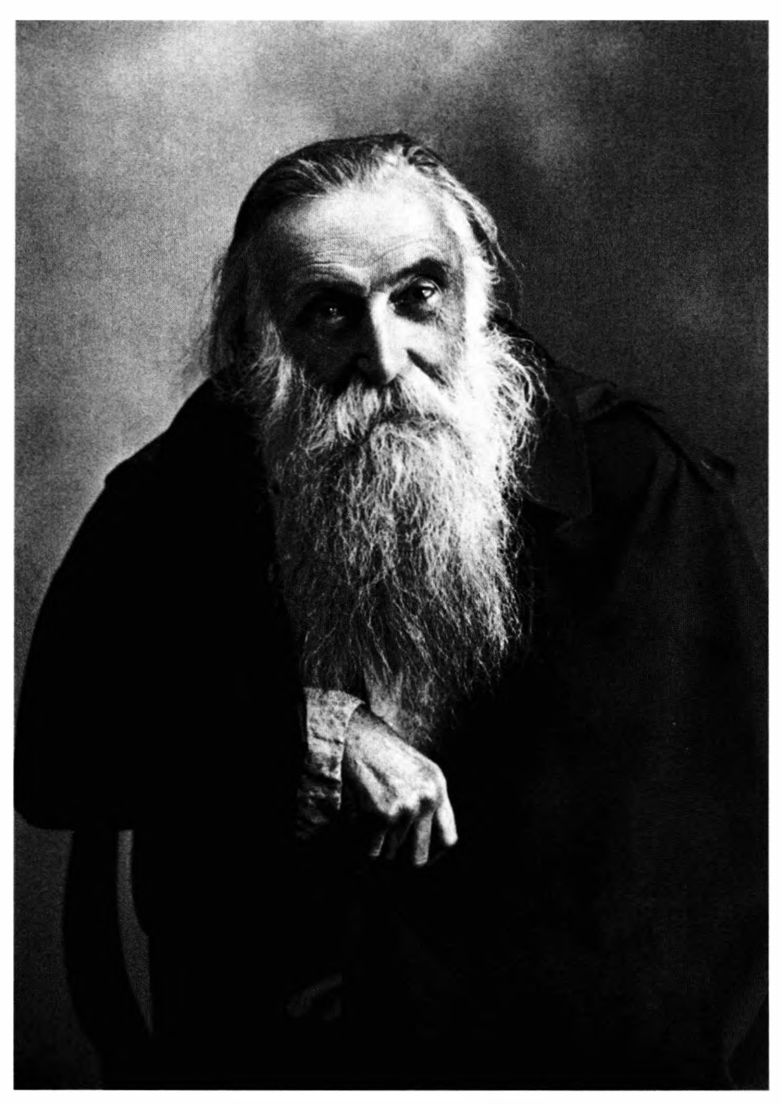
Если Вам угодно, я могу послать еще некот<орые> фотографии. Я сам любитель-фотограф, но мало приходится снимать при теперешних обстоятельствах.

Дай Бог Вам доброго здоровья!

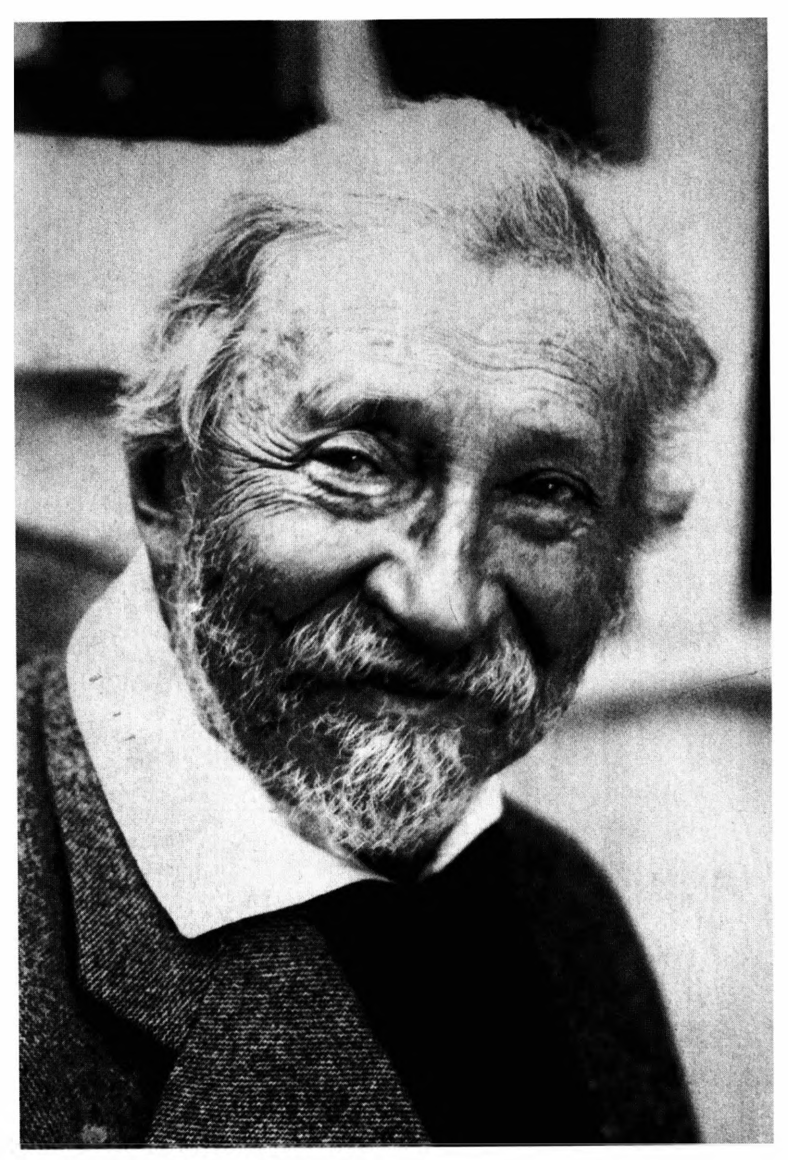
Уважающий Вас

А. Базилевский

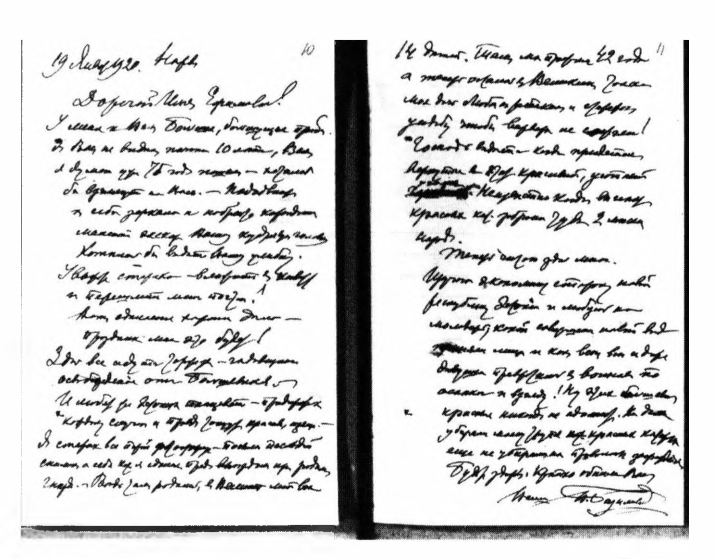
Eesti
Narva-Gungerburg

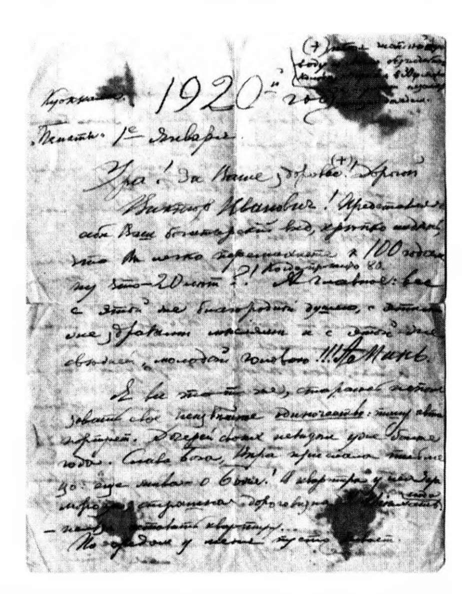
В. И. Базилевский. Фото. 1920-е гг.

И. Е. Репин. Фото. 1926

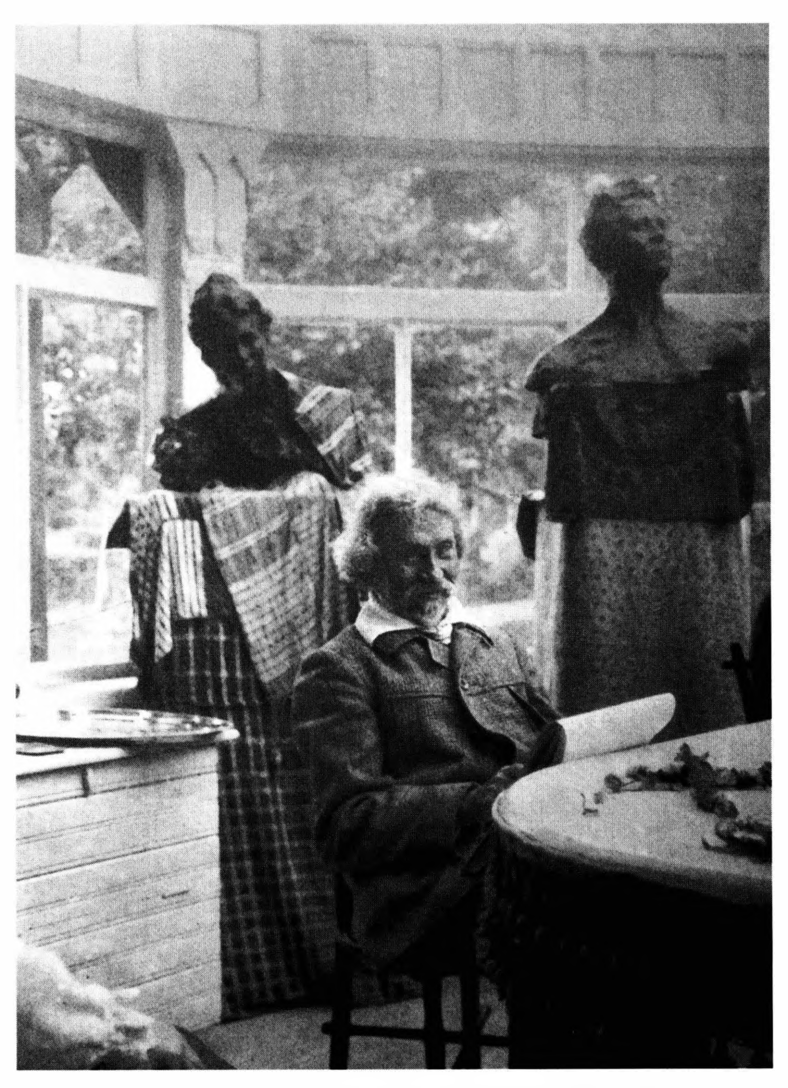
Письмо В. И. Базилевского И. Е. Репину от 19 января 1920

Письмо И. Е. Репина В. И. Базилевскому от 1 января 1920

Н. Б. Нордман-Северова. *Портрет работы И. Е. Репина.* 1910

И. Е. Репин на зимней веранде. Фото. 1919–1920

И. Е. Репин в кабинете. Фото. 1914–1918

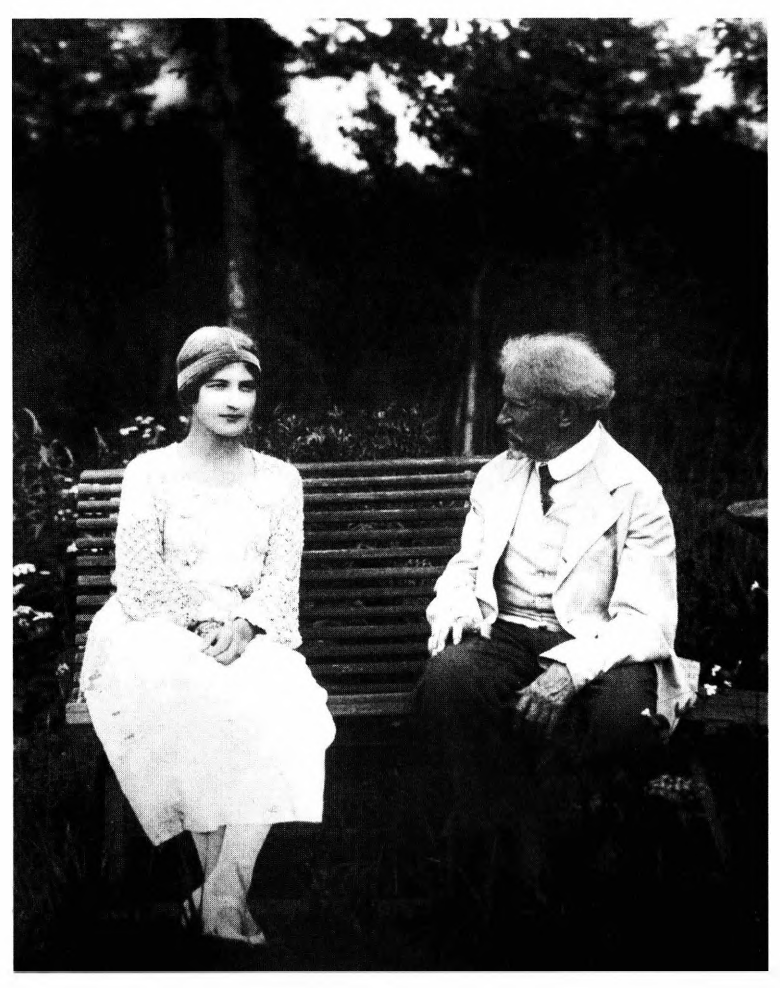
И. Е. Репин в столовой. Фото. 1918–1919

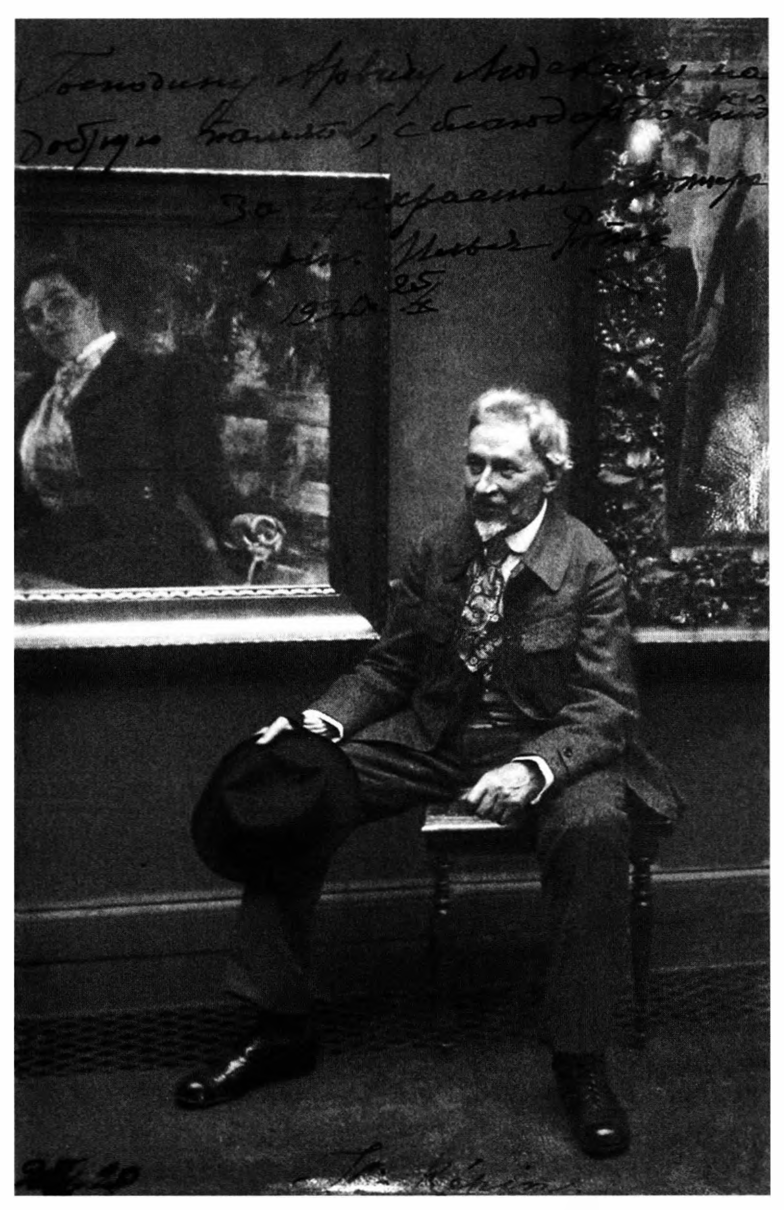
И. Е. Репин во дворе дачи «Пенаты». Фото. 1917

И. Е. Репин. Автопортрет.
Письмо И. Е. Репина В. И. Базилевскому от 24 ноября 1920

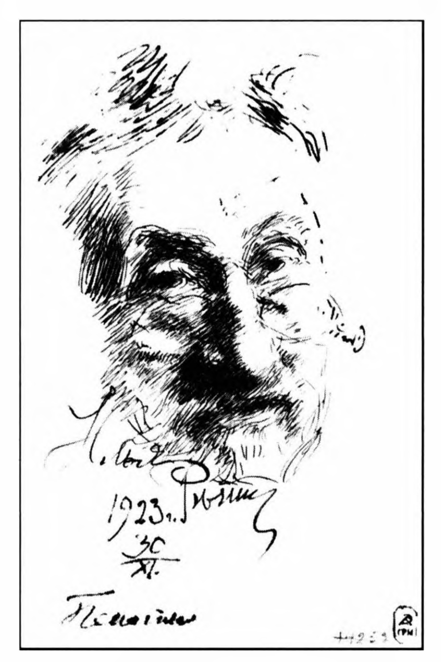
И. Е. Репин и скрипачка Цецилия Ганзен. Фото. 1922

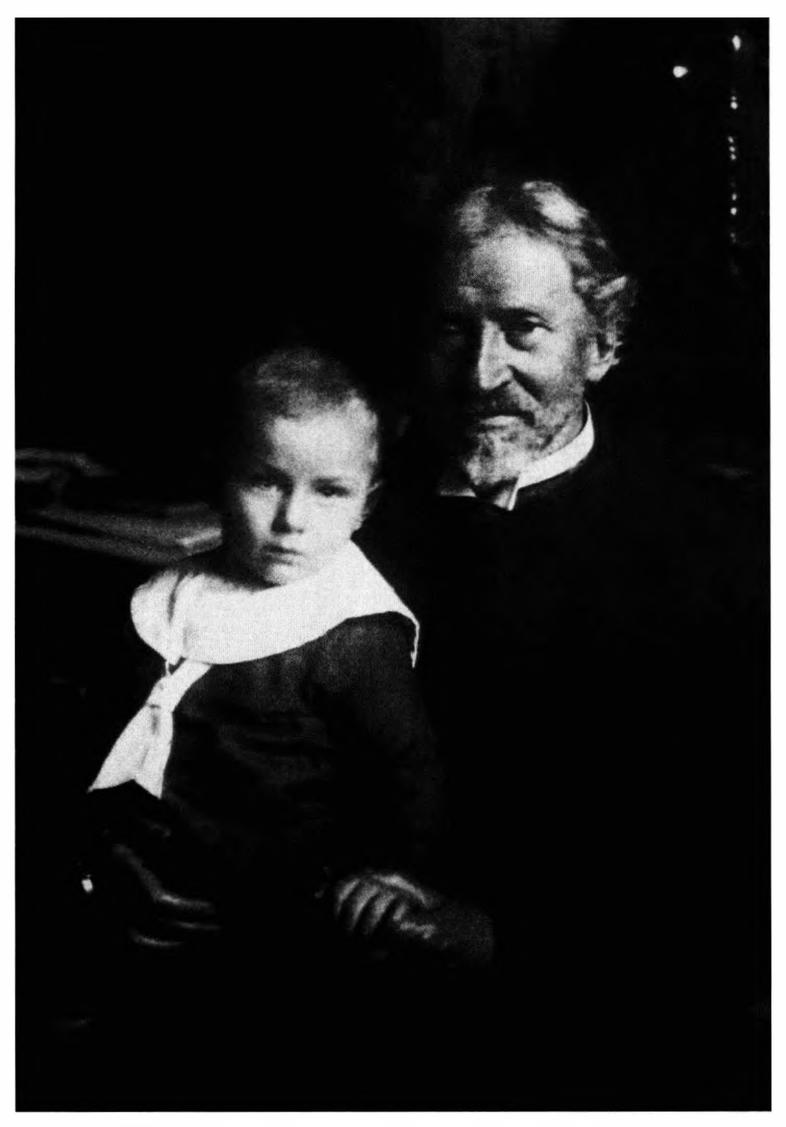
И. Е. Репин в Антенеуме. Фото. 1922

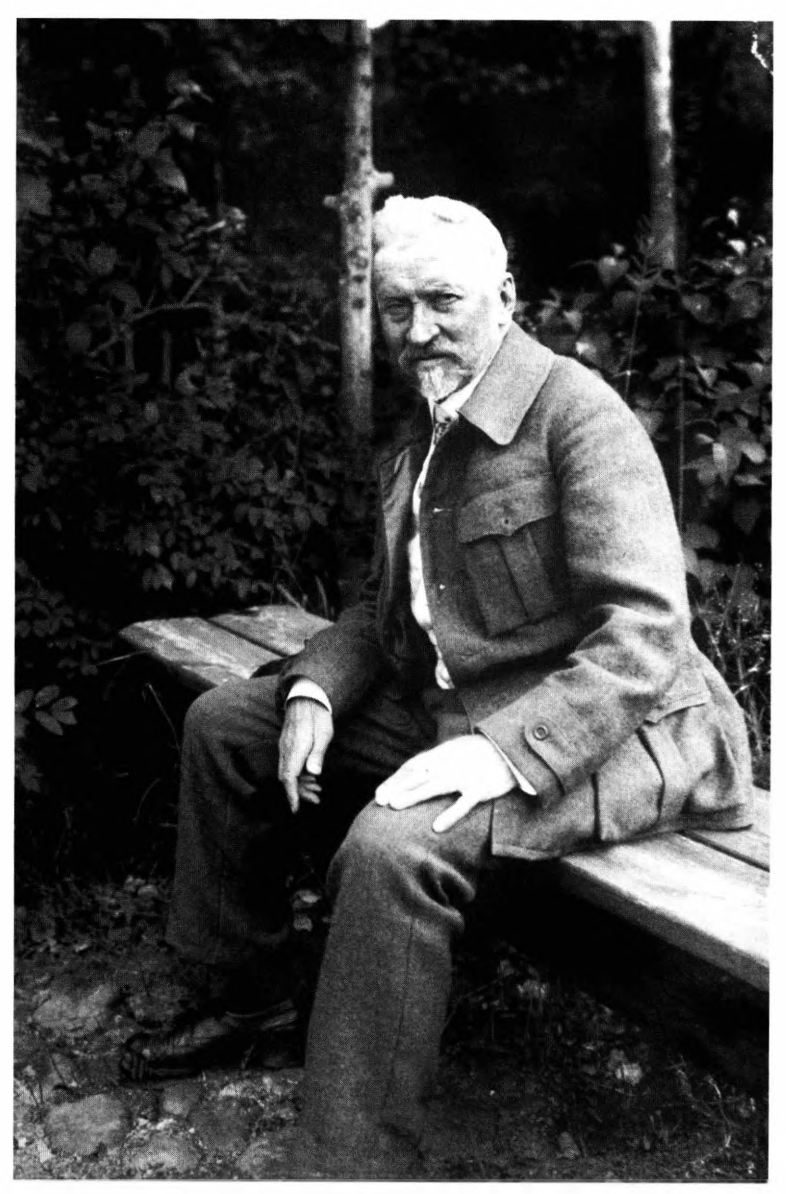
В. И. Базилевский. Фото В. И. Базилевского. 1926(?)

И. Е. Репин. Автопортрет. 1923

И. Е. Репин с правнуком Валентином. Фото. 1924

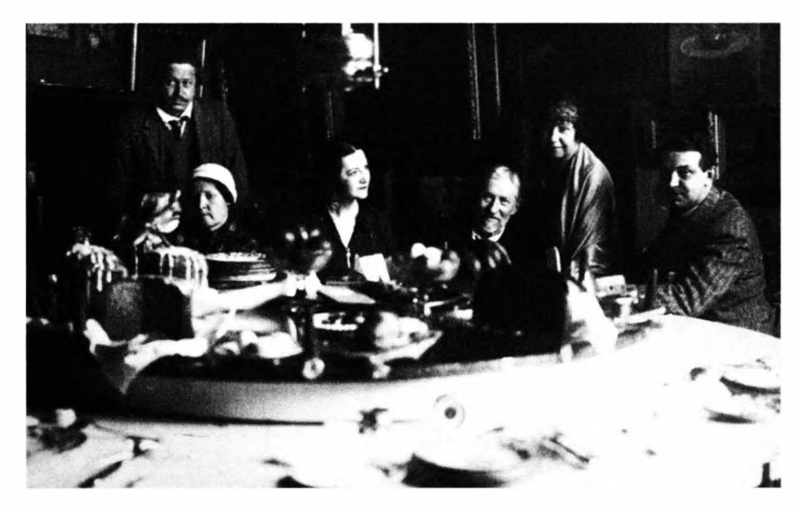

И. Е. Репин. Фото. 1923

Семья Репиных
Д. Ю. Репин (стоит), Н. И. Репина, П. А. Репина, Ю. И. Репин, правнук Валентин, И. Е. Репин, В. И. Репина (второй ряд), И. В. Репин, Т. И. Репина. Фото. 1924

На 80-летии И. Е. Репина. Фото. 1924

И. Е. Репин с певцами М. Кузнецовой и Г. Поземковским. Фото. 1924

Пляж в Гунгербурге. Фото И. В. Базилевского. 1920-е гг.

И. Е. Репин и М. Хлопушина. Фото. ок. 1926

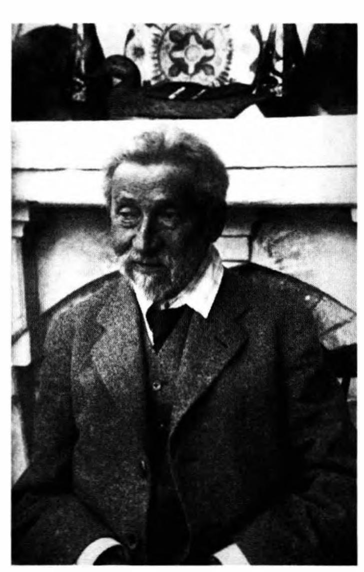
В. И. Репина и И. Е. Репин в мастерской. Фото. 1926

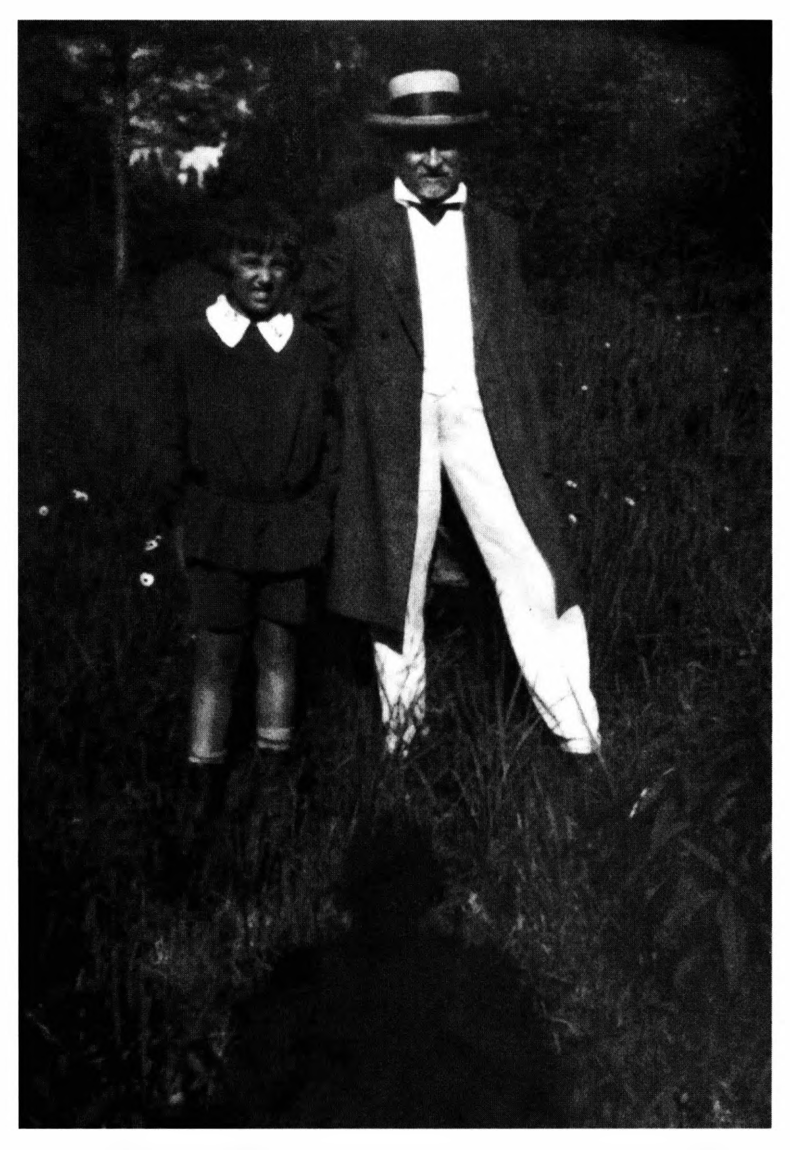
И. Е. Репин и И. И. Бродский. Фото. 1926

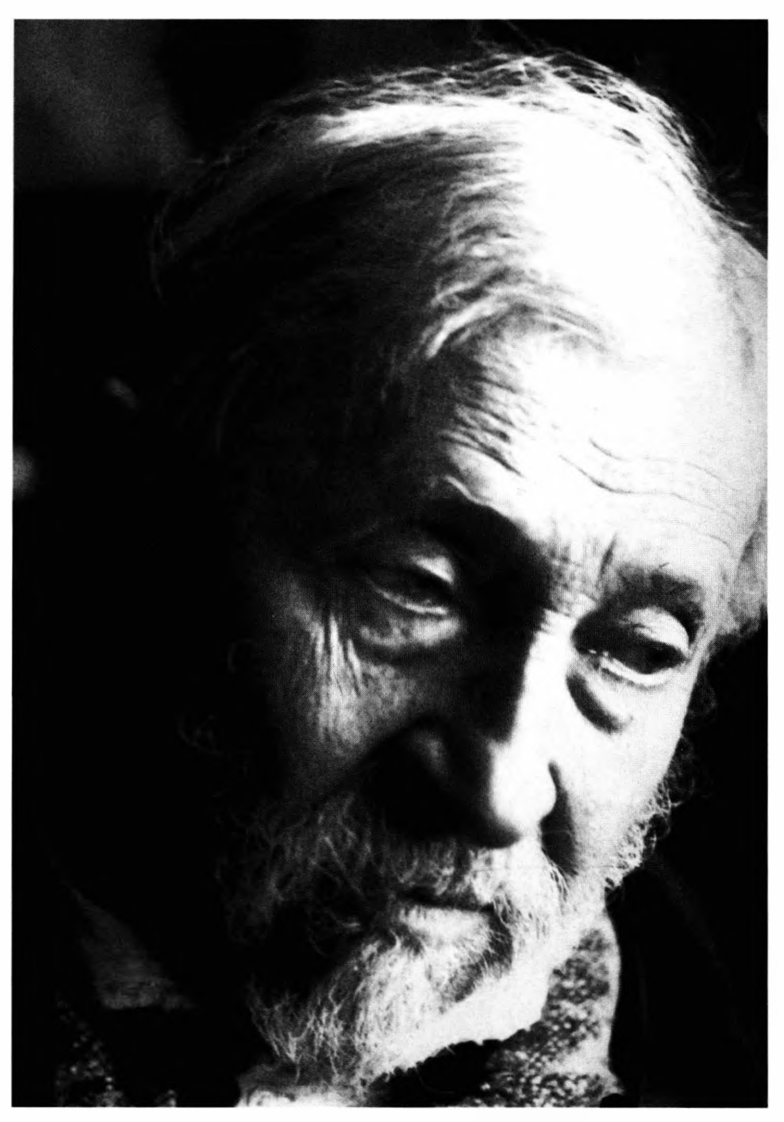
И. Е. Репин в мастерской
На заднем плане видны картины: «Утро Воскресения», «Финские знаменитости», «Гапак». Фото. 1926

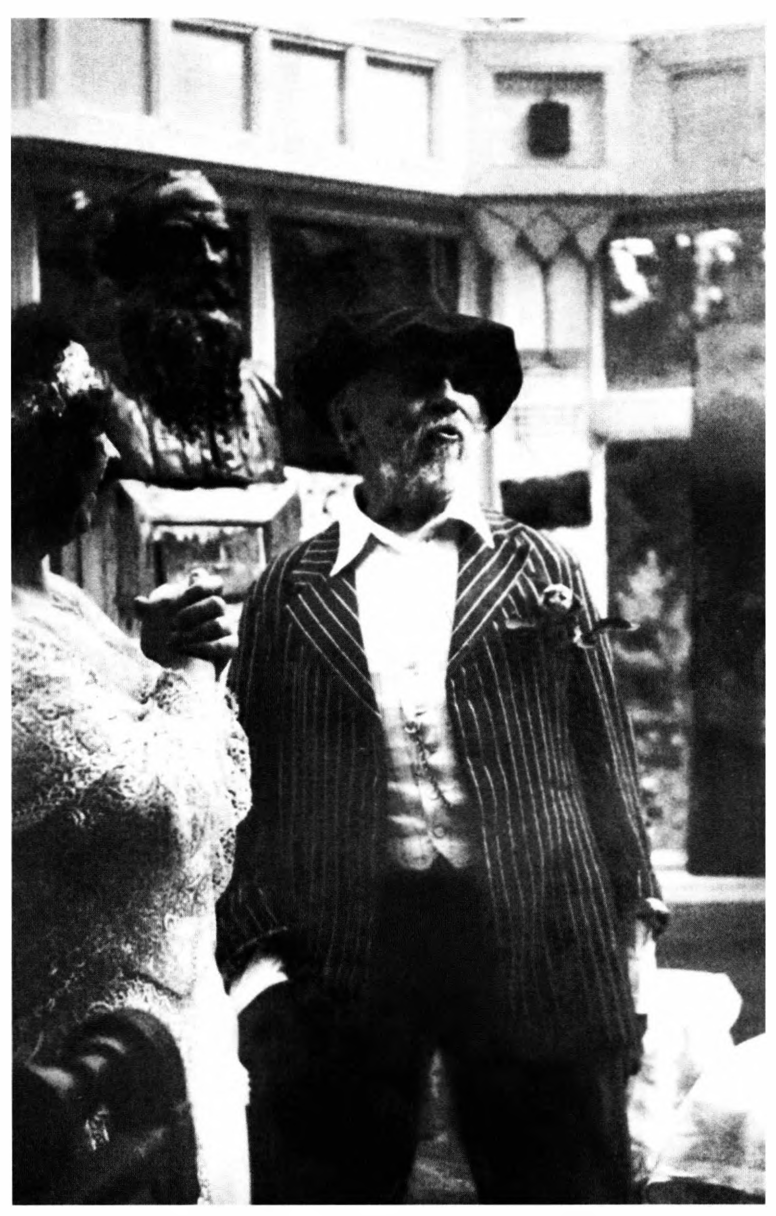
И. Е. Репин. Фото. 1927

И. Е. Репин с сыном пианиста Вс. Л. Пастухова. Фото. 1928

И. Е. Репин. Фото. 1928

И. Е. Репин на зимней веранде поет песню. Фото. 1929

И. Е. Репин в мастерской в день рождения. Фото. 1929

И. Е. Репин в мастерской. Фото. 1929

И. Е. Репин у артезианского колодца «Пасейдон». Фото. 1929

Чествование И. Е. Репина в день его 85-летия. Фото. 1929

И. Е. Репин. *Рисунок карандашом Ю. И. Репина*. 1921

КОММЕНТАРИИ

[1] *Великино* — населенный пункт в современном Кингисеппском районе Ленинградской обл. Имение Великино В. И. Базилевский купил в 1876 г. В 1891 г. он открыл Великинское одноклассное училище, которое располагалось в его же доме, и содержал его на свои средства. (Подр. см.: *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы. Ломоносовский район. СПб., 1999. С. 172; Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. 1894 год. Положение начального народного образования в С.-Петербургской губернии 1892–1893 гг. СПб., 1895. С. 195).

[2] *...как ваши юные на водопаде...* — Имеется в виду картина И. Е. Репина «Какой простор!» (1903, ГРМ), где изображена молодая пара у штормовой волны Финского залива.

[3] *Константин Николаевич* (1827–1892) — великий князь, сын императора Николая I, умеренный либерал, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.

[4] *Останется один ... Вильгельм...* — Имеется в виду Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король в 1888–1918 гг. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г. в Германии.

[5] *Вот бы поговорить с Нат<алией> Борис<овной>!* — Речь идет о Наталии Борисовне *Нордман-Северовой* (1863–1914), подруге И. Е. Репина, писательнице, общественной деятельнице. Родилась в Гельсингфорсе в семье адмирала Бориса Давыдовича Нордмана, дворянина Выборгской губернии шведского происхождения. Получила домашнее образование, увлекалась лепкой и орнаментальным рисованием. В 1884 г., достигнув совершеннолетия, бежала в Америку с целью «в другой среде

найти лучших людей и собственными руками зарабатывать себе на хлеб». Вернувшись в Россию, увлеклась идеями кооперации, вегетарианства, раскрепощения прислуги, устройства новых, более простых, форм жизни. Н. Б. Нордман публиковала свои литературные произведения под псевдонимом Н. Б. Северова. (О знакомстве Базилевского с Нордман.)

[6] *«Пенаты»* – усадьба И. Е. Репина, приобретенная в 1899 г. для Н. Б. Нордман и на ее имя в дачном поселке Куоккала (ныне Репино) в 44 километрах от Санкт-Петербурга. Здесь они прожили почти пятнадцать лет. Репиным был значительно перестроен дом, в котором появился второй этаж и очень удобные для работы живописца мастерские с верхним светом. Усадьба прославилась своими «средами», на которые собирался цвет русской интеллигенции. Кроме того, в «Пенатах» по воскресеньям происходили собрания простых людей, работавших в окрестностях дачного поселка и на соседних дачах, читались лекции, устраивались народные праздники; для будущей народной академии были устроены библиотека, театр, детский сад.

[7] *...отошел от фронта вместе с эстонскими войсками.* – В походе Северо-Западной армии на Петроград принимали участие две эстонские дивизии. В ноябре 1919 г. части Красной армии, отбившие наступление армии генерала Н. Н. Юденича, вышли к границе Эстонии. Подробнее о борьбе с большевиками на Северо-Западе России см.: *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.

[8] *Здесь в Эстонии, в Дерпте, идут переговоры о мире...* – Советско-эстонские переговоры велись в Дерпте (Тарту) в декабре 1919 – январе 1920 г. 31 декабря 1919 г. было заключено перемирие, а 2 февраля 1920 г. подписан мирный договор между РСФСР и Эстонской республикой.

[9] Описка автора, следует читать 1920.

[10] *...пишу автопортрет.* – Автопортрет 1920 г., в зимней шапке и теплой тужурке, находится в Музее-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты» (Масло, линолеум. 75,5 × 94. Инв. № П-131). Во второй половине 1910-х гг. Репин стал употреблять для живописи линолеум, который приобретался в куоккальской лавке. Это было вынужденным делом, потому что в связи с Первой мировой войной начались перебои с обеспечением холстиной.

[11] *...Вера прислала письмецо...* — Имеется в виду Вера Ильинична Репина (1872–1948) — старшая дочь Репина, актриса, певица, художница. С 1914 по 1918 и с 1922 по 1939 г. жила в «Пенатах», после чего переехала в Хельсинки, где и скончалась.

[12] *По средам у меня пусто бывает.* — Среда — традиционный день приема в «Пенатах». Уже в начале 1900-х гг. усадьба «Пенаты» стала достопримечательностью дачных мест на Карельском перешейке близ Петербурга. Здесь стали обычаем приемные дни, когда Репин позволял себе отвлечься от работы. Каждую среду, от трех часов дня, сюда мог прийти каждый, кто хотел повидаться или познакомиться с Репиным. Первыми гостями были В. Стасов, М. Горький, А. Куприн, Н. Гарин-Михайловский. Затем приезжали многие: художники В. Поленов, А. Куинджи, В. Серов, И. Бродский, В. Кустодиев, Ф. Малявин, Н. Фешин; музыканты Ц. Кюи, А. Лядов, А. Глазунов, Б. Асафьев, Ф. Шаляпин. Здесь в 1910-е гг. постоянно бывал К. Чуковский, приходили поэты С. Есенин и Н. Клюев, В. Маяковский, Д. Бурлюк, философы В. Розанов и С. Каблуков, ученые В. Бехтерев и И. Павлов, а также И. Тарханов и Н. Морозов.

[13] *Оллила* (ныне Солнечное) — дачный поселок на Карельском перешейке рядом с Куоккалой. Эти поселки практически не имеют границы, кроме административной, а прежде входили в понятие Большая Куоккала.

[14] *Сколько она писала — <по> голоду...* — Так в тексте письма. Н. Б. Нордман написала «Поваренную книгу для голодающих», изданную четырежды и переведенную на французский язык. В книге автор ратует за полное и рациональное использование продуктов.

[15] *В Нарве также не повезло. Пришли красные ... Гатчины...* — Один из эпизодов Гражданской войны. В 1918 г. Красная армия предприняла наступление в сторону Нарвы и в октябре 1919 г. оттеснила армию Н. Н. Юденича от Петрограда, а к концу ноября отбросила ее в сторону Эстонии. Вероятно, эти события и отражены в письме.

[16] *Гунгербург* — официальное (до 1917 г.) название поселка Нарва-Йыэсуу (русское название — Усть-Нарва) под г. Нарва (Эстония).

[17] *...в Великино только моя дочь Люба...* — Дочь Базилевского, Любовь, по-видимому, оставалась жить в Великино до 1930-х гг. и преподавала в местной школе, где у нее занималась бабушка

Виктора Васильевича Антонова, петербургского искусствоведа и писателя, поделившегося этими сведениями. Дальнейшая судьба Любови Викторовны неизвестна.

[18] *Два сына мои...* — Возможно, речь идет об Александре Викторовиче и Иване Викторовиче (1898–1989) Базилевских, сыновьях В. И. Базилевского, один из которых — специалист по лесному делу. Попал в Эстонию с отступавшей армией Н. Н. Юденича, жил в деревне (первоначально в лесничестве Пагари на севере Эстонии). Поэт, выступавший в печати под псевдонимом И. Варваци.

[19] *...в Ингерманландском отряде...* — Вероятно, имеется в виду Ингерманландский батальон (впоследствии — Ингерманландский полк, состоявший из трех батальонов), созданный из уроженцев Ингерманландии (командир первого батальона капитан Александр Тюни), входивший в состав (но подчинявшийся финскому командованию) армии Н. Н. Юденича.

[20] *Швырка* (швырок) — мера объема дров, сложенных в поленницу, равная маховой сажени (1,76 м).

[21] *Брат его бывал у Вас...* — То есть *Сазонов* Леонид Иванович — муж племянницы Репина С. В. Репиной-Сазоновой.

[22] *Поска* Яан (Jaan Poska; Иван Иванович Поска; 1866–1920) — эстонский государственный деятель, юрист. Окончил Рижскую духовную семинарию и юридический факультет Юрьевского (ныне — Тартуский) университета (1890). Начал присяжным поверенным (адвокатом) в Ревеле. С 1904 г. — гласный Ревельской городской думы, в 1905 — ее председатель, в 1913–1917 — городской голова. В 1914–1915 провел медицинскую реформу, в 1915 учредил Женское коммерческое, в 1916 — Художественно-промышленное училища. В марте–октябре 1917 — комиссар Временного правительства России в Эстляндской губернии, с 1918 входил в состав Эстонского Временного правительства; руководитель эстонской делегации на мирных переговорах с Советской Россией, завершившихся 2 февраля 1920 г. подписанием Тартуского мирного договора.

В современной Эстонии существует Фонд памяти Яана Поска.

[23] *О Соне, моей племяннице — его жене...* — *Сазонова* Софья Васильевна (урожд. Репина; 1879–1959) — племянница И. Е. Репина, дочь его младшего брата Василия Ефимовича Репина (1853–1918).

[24] *...о Лёде, их сыне...* — *Сазонов* Леонид(?) Леонидович — сын племянницы Репина С. В. Сазоновой.

[25] *Шевцов* Алексей Алексеевич(1854–1919) — брат жены Репина Веры Алексеевны, урожд. Шевцовой. Полковник-артиллерист, военный инженер. В 1860-е гг. вольноприходящий ученик архитектурного отделения Академии художеств.

[26] *...в карантине в Териоках.* — *Териоки* (ныне Зеленогорск) — дачный пригород Санкт-Петербурга на Карельском перешейке, районный центр. С 1918 по 1939 г. был финской территорией. В 1920-е гг. в Териоках оформлялись документы беженцев. Те, за кого поручались на финской стороне, проходили карантин в соседнем поселке Келломяки (ныне Комарово). По всей видимости, Репин поручался за членов семьи Сазоновых в том, что они не большевики.

[27] Утрата текста.

[28] На левом поле вензель (под короной В(Ф)Б).

[29] Описка. Правильно: 12 апреля/30 марта 1920 г.

[30] *Что это за большая картина — процессия, на первом плане будто священник?* — Речь идет о картине «Крестный ход в дубовом лесу» («Явленная икона»), которую Репин принялся переписывать после того, как начал ее в 1877 г. в своем родном городе Чугуеве и после того, как, уже считая картину законченной, показал ее на персональной выставке в 1891 г. Теперь картина находится в Национальной галерее в Праге.

[31] *Кравченко* Николай Иванович (1867–1941) — художник-портретист, художественный критик. Репин рисовал его и его жену.

[32] *Над нами (в фотогр<афической> группе)...* — К письму приложены две фотографии.

[33] *Ермаков* Николай Дмитриевич (1867–1927) — присяжный поверенный, художественный деятель, коллекционер, некоторое время был председателем Общества им. А. И. Куинджи. В собрании Ермакова была самая полная коллекция поздних произведений Репина, которую Ермаков в 1918 г. передал на сохранение в Русский музей. Ермаков с семьей жил после революции в Териоках.

[34] *Шувалов* Николай Владимирович — до 1917 г. владелец шоколадной фабрики в Петербурге. Семья Шуваловых была соседями Репина по Куоккале с 1901 г., а позже перебралась

в Хельсинки, где глава семьи возобновил свое дело. Шуваловы помогали Репину в реализации его работ, владели картинами и рисунками Репина и совместными фотографиями, снятыми в Куоккале в самом начале 1920-х гг. Репин изображал членов семьи на живописных и акварельных портретах.

[35] *Колесников* Степан Федорович (1879–1955) — живописец, пейзажист, жанрист. В 1903–1909 гг. учился в Академии художеств у И. И. Репина и А. А. Киселева. С 1920-х гг. жил в Югославии и Болгарии. Картина Репина «Крестный ход в дубовом лесу» была продана С. Ф. Колесникову в 1916 г., но была оставлена у Репина для поправок. Она простоит в мастерской «Пенатов» еще семь лет. В 1925 г. картина, наконец, была показана на большой репинской выставке в Праге. Там ее купил чешский коллекционер Томас Маглич. Между тем и Колесников дал о себе знать. Он оказался в Югославии. Чтобы возместить владельцу потерю «Крестного хода», И. Е. Репин принялся в 1929 г. писать вариант картины «Христос и Магдалина» («Утро воскресенья»), но закончить не сумел.

[36] Вклеена вырезка из неизвестной газеты на немецком языке с сообщением о смерти И. Е. Репина.

[37] *Здесь ходят упорные слухи, что Финляндия требует присоединения к ней всей Ингерманландии...* — Ингерманландия (швед. *Ingermanland*, фин. *Inkeri*, эст. *Ingeri*; *Ижора*, *Ижорская земля*) — историческое навание региона, впервые встречающееся в XVI в. (в древнерусских источниках — Вотская (или Водская) пятина) после завоевания побережья Финского залива Швецией; изначально заселен был финно-угорскими племенами водь и инкери; расположен между реками Нарва, Волхов, Нева (включая правый берег) и Луга.

[38] *4 мая (нашего...)* — Имеется в виду старый стиль (по новому стилю — 17 мая).

[39] *Толстой* Иван Иванович (старший) (1858–1916) — граф, археолог и нумизмат. В 1889–1893 гг. — конференц-секретарь Академии художеств, один из авторов ее реформы в начале 1890-х гг., в 1893–1905 гг. — ее президент. В 1905–1906 гг. — министр просвещения. В 1913–1915 гг. — городской голова в Петербурге. Почетный член Академии наук и Академии художеств. Репин очень почитал ум, инициативность и просвещенность, порядочность И. И. Толстого. Они бывали в гостях друг у друга, в част-

ности на даче Толстого в Гунгербурге и на острове Нитисаари, близ Выборга. Репин часто рисовал Толстого и написал его портрет (1899, Государственный Русский музей. С.-Петербург). Рисовал художник и членов семьи Толстого.

[40] Репин жив (*нем.*).

[41] Дата дана неверно; вероятно, 8 мая по старому стилю.

[42] *Они уже в Киеве.* — Польские войска вступили в Киев 8 мая 1920 г.

[43] *Мой дедушка был священник ... при Екатерине получил дворянство...* — Дед В. И. Базилевского — Федор Иванович. Базилевские как дворянский род (Оренбургской губернии) ведут свое происхождение от Федора Ивановича Базилевского, сначала дьякона, потом священника и, наконец, протоиерея при Богородицкой церкви г. Стерлитамака и благочинного Стерлитамакского уезда.

[44] *...как Лермонтов сказал — «Нежданный гость — подарок Бога».* — Неверно, видимо по памяти, цитируются строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи-Абрек». Ср.: «Случайный гость — подарок Бога» (*Лермонтов М. Ю.* ПСС. М., 1956. Т. 2).

[45] *Муравьев* Михаил Николаевич (1796–1866) — граф Виленский, генерал от инфантерии; в 1857–1961 гг. министр государственных имуществ, в 1863–1865 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края. За жестокость в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг. был прозван вешателем (Муравьева спросили, не родственник ли он повешенному декабристу Муравьеву-Апостолу, на что получили ответ, что он не из тех, кого вешают, но из тех, кто вешает).

[46] *...в Москве засуетились, посылают свою лейб-гвардию коммунистов на Польский фронт!* — Вероятно, имеется в виду переброска с Северного Кавказа элитной Первой конной армии С. М. Буденного на Украину. В конце мая 1920 г. Красная армия перешла в наступление против польских войск, 5 июня ею был прорван фронт; 12 июня Киев был оставлен поляками.

[47] Так в тексте.

[48] *Шувалов* Петр Андреевич (1827–1889) — граф, русский государственный деятель. В 1866–1874 гг. — шеф корпуса жандармов и начальник 3-го отделения. Ближайший советник Александра II.

[49] *Крачковский* Иосиф Евстафьевич (1854–1914) — живописец-пейзажист.

[50] *Что-то не слышно о возобновлении мирных переговоров <с>Финляндией.* — Конференция по подготовке советско-финляндского мирного договора открылась в Дерпте (Тарту) 12 июня 1920 г. и завершилась 14 октября 1920 г. подписанием Юрьевского (Дерптского) мирного договора.

[51] *Был Ф. И. Шаляпин ... поехал в милую для него, но уже другую для всех Россию...* — Федор Шаляпин вспоминал: «Если из первой моей поездки за границу я вернулся в Петербург с некоторой надеждой как-нибудь вырваться на волю, то из второй я вернулся домой с твердым намерением осуществить эту мечту. Я убедился, что за границей я могу жить более спокойно, более независимо, не отдавая никому ни в чем никаких отчетов, не спрашивая, как ученик приготовительного класса, можно ли выйти или нельзя...»

[52] *Яворская* (урожд. Гюббенет, в замужестве — Барятинская (Яворская — сценический псевдоним) Лидия Борисовна (1872–1921) — драматическая актриса. Работала в театре Корша (Москва), затем Суворинском (Петербург). В 1901 г. основала в Петербурге «Новый театр». Умерла в Англии.

[53] *Комиссаржевская* Вера Федоровна (1864–1910) — драматическая актриса. Ученица Владимира Николаевича Давыдова. Театральную карьеру начинала в провинциальных театрах, с 1890 г. играла в Императорском Александринском драматическом театре. В 1904 г. открыла новый Драматический театр в Петербурге. В 1905 г. в ее театре состоялась премьера пьесы А. М. Горького «Дети солнца».

[54] *Савина* Мария Гавриловна (урожд. Славич; 1854–1915) — драматическая актриса, играла в провинции (с 1869), затем — в Александринском театре в Петербурге (с 1874). Основала убежище для престарелых актеров (ныне Дом ветеранов сцены), одна из организаторов Русского театрального общества. По воспоминаниям современников, обладала железной волей при очень слабом здоровье. Подр. о ней см.: *Шнейдерман И.* Мария Гавриловна Савина. Л.; М., 1956.

[55] *Андреева* (урожд. Денисевич, в 1-м браке — Карницкая) Анна (наст. имя Маргарита) Ильинична (1885–1948) — вторая жена писателя Л. Н. Андреева. После его смерти часто навещала «Пенаты», приезжая из дома Л. Андреева на Черной речке, по-фински Vammelsuu. Девятилетняя дочь Андреевых Вера одно время жила в доме Юрия Репина.

[56] *...после кончины брата.* — Базилевский Федор Иванович (1834–?), брат В. И. Базилевского, тайный советник, миллионер и благотворитель. Был председателем попечительного совета приюта принца Ольденбургского в Петербурге, приобрел в 1880 г. для летнего отдыха приютских детей дачу в Лесном, где на свои средства выстроил деревянные двухэтажные дома, а в 1892 г. — деревянную часовню с чтимым образом Божией Матери «Утоли моя печали».

[57] *Арестована дочь Толстого!* — Имеется в виду Александра Львовна Толстая (1884–1979), младшая дочь Л. Н. Толстого, создатель музея «Ясная Поляна». Одна из основателей международного «Комитета помощи всем русским людям, нуждающимся в ней». В 1920 г. арестована ГПУ и приговорена к трем годам заключения. В 1921 г. освобождена и стала хранителем музея. В 1929 г. эмигрировала.

[58] *Андреев* Леонид Николаевич (1879–1919) — известный русский писатель; после Октябрьской революции остался в Финляндии. В 1919 г. опубликовал статью-воззвание «SOS» (отдельное финское издание на русском языке в пользу Скандинавского общества помощи российскому воину). В ней Андреев обличает большевистскую диктатуру, обращается к «благородным» гражданам всех стран за помощью, призывает их к объединению, чтобы спасти людей в России от «дикарей Европы, восставших против ее культуры, законов и морали».

[59] *Бурцев* Владимир Львович (1862–1942) — лидер правых кругов русской эмиграции, публицист, издатель, историк революционного движения в России. Проповедовал народовольческие традиции и террористические методы борьбы. В 1909–1910 и 1917 гг. издавал газету «Общее дело». После июльских событий 1917 г. — один из инициаторов антибольшевистской кампании. 25 октября 1917 г. был арестован. После освобождения в 1918 г. бежал в Финляндию. Перебравшись в Париж, возобновил издание газеты «Общее дело» антибольшевистской направленности (до начала 1920-х гг. — крупнейшая газета русской эмиграции, издавалась в 1918–1922 и 1928–1934 гг.). В своих статьях Бурцев призывал к единству антибольшевистских сил, к сплочению вокруг А. В. Колчака и А. И. Деникина, пытался вести борьбу с советской агентурой в среде российской эмиграции.

[60] Шкала Реомюра (Réaumur): 1 °R = $^5/_4$ °C.

[61] *В Гельсингфорсе ... милых друзей-художников.* — Друзья-художники из Гельсингфорса — финские живописцы, скульпторы, музыканты и поэты, чествовавшие И. Е. Репина в связи с принесением им в дар музею «Атенеум» своих картин и произведений русских художников, имевшихся в «Пенатах».

[62] *Эйно Лейно* (Армас Эйно Леопольд Лёнбум; 1878–1926) — финский поэт и переводчик.

[63] *Слыхали ли Вы о Борисе Аркадьевиче Ефроне?* — Вероятно, речь идет о Борисе Аркадьевиче Ефроне (Эфроне), директоре акционерных обществ «Русские электротехнические заводы „Сименс-Гальске“» (учреждено в 1853 г.) и «Русское паровозостроительное и механическое общество» (зарегистрировано в августе 1895 г.). В 1910-х гг. — лектор, экономист, житель Куоккалы.

[64] *Ответ от Вашей дочери...* — Имеется в виду Вера Ильинична Репина (1872–1948), старшая дочь И. Е. Репина.

[65] Письмо на обороте фотографии.

[66] *Поздравляю Вас с почетным орденом.* — И. Е. Репина наградили орденом Белой розы (аналогия ордена Почетного легиона во Франции) в связи с тем, что он подарил финскому правительству коллекцию картин русских художников.

[67] Датируется по штемпелю на конверте.

[68] *Третьяков* Павел Михайлович (1832–1898) — фабрикант, меценат, художественный и общественный деятель, коллекционер русского искусства, основатель художественной галереи в Москве.

[69] *Завтра ждем теософистов...* — И. Е. Репин пишет К. И. Чуковскому 6 января 1922 г.: «В Келломяках разрастается улей теософистов, также сектанты, баптисты, штундисты и проч. Я только иногда в вагоне слышу толки об Евангелии и перевоплощениях. Меня не увлекает — устарел. А в церкви народу всё меньше. Пустеет везде».

[70] *...газету, выходящую там на русском языке...* — Вероятно, речь идет о газете «Общее дело» (см. примеч. 59).

[71] *Маркс* Адольф Федорович (1838–1904) — русский издатель и книготорговец. Приехал в Петербург из Германии, до 1865 г. работал приказчиком в книжном магазине М. О. Вольфа. Первое и главное издание Маркса — еженедельный иллюстрированный журнал «Нива» (1870–1917), завоевавший большую популярность благодаря бесплатным приложениям:

подписчикам рассылались собрания сочинений русских и иностранных писателей.

[72] *...искать золото для моего отца...* — Имеется в виду Иван Федорович *Базилевский* (1791–1876), действительный статский советник. Из дворян Оренбургской губернии, в 1820 г. губернский секретарь. Золотопромышленник, откупщик, составивший себе громадное состояние. Известный филантроп. «В Уфе нет ни одного благотворительного учреждения, в котором бы г. Базилевский не принимал участия, содействуя своими щедрыми вкладами упрочению и увеличению средств заведения или благотворительных обществ». (*Новиков В. А., Гурвич Н. А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства... Уфа, 1903. С. 60). Так, в 1875 г. И. Ф. Базилевский пожертвовал на строительство нового театра в Уфе 12 000 рублей. Театр в честь него был назван Базилевским. В Петербурге И. Ф. Базилевский на собственные средства построил обсерваторию.

[73] *Кропоткин* Петр Алексеевич (1842–1921) — князь. В 1857–1862 гг. обучался в Пажеском корпусе, в 1861 г. был назначен камер-пажом Александра II. В 1862 г. произведен в офицеры и по личной просьбе направлен в Амурское Казачье войско. Провел ряд экспедиций по неисследованным районам Восточной Сибири и Дальнего Востока. В 1867 г. вышел в отставку. Служил в Статистическом комитете МВД, учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, занимался научной деятельностью. С февраля 1872 г. — в Швейцарии изучал деятельность I Интернационала, увлекся учением М. А. Бакунина, впоследствии стал наиболее авторитетным теоретиком анархизма. Вернувшись в мае 1872 г. в Россию, вел активную пропаганду среди петербургских рабочих. В 1874 г. был арестован, бежал и эмигрировал. Занимался революционно-публицистической деятельностью, участвовал в европейском социалистическом движении, продолжая при этом исследования в области биологии, географии, геологии и др. После Февральской революции вернулся в Россию, но «красный террор», разруха, «верховодство людей партии» изменили отношение Кропоткина к революции. В письмах к В. И. Ленину он выступал с резкой критикой диктатуры большевистской партии, массовых репрессий, института заложничества и проч.

[74] *Эрратические валуны* (от лат. erraticus — 'блуждающий') — валуны, перенесенные ледником на большие расстояния и состоящие из пород, отсутствующих в местах их нахождения.

[75] *Пржевальский* Николай Михайлович (1839–1888) — выдающийся путешественник и географ, почетный член Петербургской АН, генерал-майор. В 1867–1869 гг. совершил Уссурийскую экспедицию, во время которой, возможно, встречался с В. И. Базилевским.

[76] *Потанин* Григорий Николаевич (1835–1920) — исследователь Центральной Азии и Сибири, географ и этнограф; в его честь назван самый крупный долинный ледник Алтая. Являлся инициатором ряда экспедиций в Сибирь, организатором Общества по изучению Сибири.

[77] *Радде* Густав Иванович (1831–1903) — русский естествоиспытатель, путешественник и этнограф, автор трудов географического, этнографического и естественнонаучного характера. Участвовал в многочисленных экспедициях по Восточной Сибири.

[78] *...читаю «Revue der Bote»...* — Возможно, машинальная оговорка: не «Revue der Bote», а «Revaler der Bote» («Ревельский вестник») — немецкоязычная газета, выходившая в 1920-е гг. в Ревеле (Таллинне).

[79] *Карпов* Евтихий Павлович (1857–1926) — драматург, режиссер, управляющий труппой Александринского театра. С его именем связаны первая постановка чеховской «Чайки» (1896 г.) на сцене Имп. Александринского театра. В момент, когда М. Г. Савина отказалась играть роль Нины Заречной, он предложил ее Комиссаржевской. Работал как режиссер в Александринском театре, в Народном доме на Выборгской стороне. В 1916–1926 гг. — режиссер Александринского театра. Заслуженный работник искусств РФ. Автор воспоминаний о В. Ф. Комиссаржевской «В. Ф. Комиссаржевская на сцене Имп. Александринского театра, 1896–1902» (СПб., 1911).

[80] *Давыдов* Владимир Николаевич (сценическое имя Ивана Николаевича Горелова; 1849–1925) — драматический актер, с 1880 по 1924 г. играл в Александринском театре. Педагог, крупнейший представитель русской драматической школы. С 1883 г. преподавал в Петербургском театральном училище. Среди учеников В. Ф. Комиссаржевская. В 1922 г. получил почетное звание народного артиста РФ. С 1924 г. — актер Малого драматического театра.

[81] *Молчанов* Анатолий Евграфович (1856–1921) – театральный деятель, муж М. Г. Савиной. Крупный предприниматель (глава Русского общества пароходства и торговли), страстный театрал и меценат. Заведующий постановочной частью при дирекции императорских театров (с 1891 г.), редактор «Ежегодника императорских театров». С возникновением в 1883 г. Общества для пособия нуждающимся сценическим деятелям (с 1884 – Российское театральное общество; РТО) Молчанов стал его постоянным членом. Основатель вместе со своей женой М. Г. Савиной убежища для престарелых артистов в Петербурге (ныне – Дом ветеранов сцены), председатель правления Союза драматических и музыкальных писателей. Автор статей по вопросам театра.

[82] Датируется по штемпелю на конверте.

[83] *Максимов* Михаил Алексеевич – промышленник, на средства которого выстроена сгоревшая в 1909 г. церковь в Куоккале, староста церкви в 1920-е гг. Его сын *Максимов* Владимир Михайлович – капитан, галиполиец, был близким другом старшей дочери Репина Веры Ильиничны. Кроме Владимира, были еще три брата, которые вместе организовали в 1920-е гг. в Куоккала футбольную команду.

[84] *Ведринская* Мария Андреевна (1877–1948) – русская драматическая актриса, известная петербургская красавица. Играла в Василеостровском народном театре, в театре Комиссаржевской в Пассаже, затем в Императорском Александринском театре, с 1920 г. – Петроградский академический театр драмы. Выехав из России, работала с 1924 г. в Рижском русском драматическом театре.

[85] Елизавета Анатольевна – дочь А. Е. Молчанова

[86] *В особняке Мар<ии> Гаврил<овны> живет Хитрово...* – Имеется в виду здание Дома ветеранов сцены, основанного Марией Гавриловной Савиной (назван при основании – «Убежище для престарелых артистов», 1896), построен в 1900–1902 гг. на Петровском острове на деньги её мужа, мецената А. Е. Молчанова (архитектор М. Ф. Гейслер), на дарованной царем земле.

[87] *...живет Хитрово...* – Возможно, Екатерина Александровна Хитрово – мать Ларисы Михайловны Рейснер (1895–1926).

[88] *Чуковский* Корней Иванович (1882–1969) – писатель, литературовед, доктор филологических наук. Репин познако-

мился с Чуковским в октябре 1907 г. С тех пор их связывали доверительные, дружеские отношения. В 1912 г. Репин помог Чуковскому в покупке и перестройке дома недалеко от усадьбы «Пенаты». Молодой писатель стал первым редактором воспоминаний Репина, объединенных впоследствии в книгу «Далекое близкое», выдержавшей, начиная с 1937 г., 10 изданий на русском языке и, кроме того, на немецком, шведском, финском и латышском языках.

[89] Банк «Kansallis Osake Pankki» — финский банк, располагался в Териоках.

[90] *Кони* Анатолий Федорович (1844–1927) — выдающийся юрист и общественный деятель, член Государственного Совета. Пользовался большой популярностью среди российской интеллигенции благодаря либеральным взглядам и непревзойденному ораторскому искусству. После Октябрьской революции профессор Петроградского университета.

[91] *Покойный брат мой...* — Имеется в виду Федор Иванович Базилевский; о нем см. примеч. 56.

[92] *Невельской* Геннадий Иванович (1813–1876) — адмирал, исследователь Дальнего Востока. В 1850 г. основал Николаевский Пост (ныне Николаевск-на-Амуре).

[93] *Муравьев-Амурский* Николай Николаевич (1809–1881) — русский государственный деятель и дипломат, в 1847–1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири. Содействовал изучению и освоению края, руководил экспедициями по Амуру.

[84] *...просьба послать письмо... Зинаид<е> Петр<овне> Бернар...* — Вероятно, речь идет о Зинаиде Петровне фон Бремер (урожд. Ленкиной, сценическое имя — Юрьевская; 1892–1925), русской оперной певице, солистке Мариинского театра (с 1918), в эмиграции с 1921 г. Родители и брат З. П. фон Бремер проживали в Тарту, где она и родилась.

[95] *Муравьев* Владимир Леонидович (1861 — после 1933) — модный в начале XX в. в Петербурге художник-пейзажист, едва ли не единственный из русских художников, которому удалось опоэтизировать русскую охоту и привлечь к ней внимание широкой публики. Муж великой русской актрисы В. Ф. Комиссаржевской. После развода с ней уехал из Петербурга. Революционные события 1917 г. застали его в Ростове-на-Дону, где он опустился, пристрастился к алкоголю, жил в грязной и темной комнатушке, добывая себе на хлеб копированием сво-

их прежних работ и рисованием открыток. Он прожил долгую жизнь и еще в 1930-х гг. сбывал свои изящные работы по бросовым ценам на ростовском рынке.

[96] *Кавальери* Лина (1874–1944) — певица, обладала красивой внешностью и фигурой, выделялась откровенными нарядами. Начав карьеру в кафешантанах, вскоре вышла на оперную сцену, пела в «Травиате» Верди и «Фаусте» Гуно, «Богеме» Пуччини и «Манон» Массне. В сезоне 1910–1911 гг. пела в опере Зимина в Москве. Являлась любимой моделью лучших фотографов; в ранней юности заключила долгосрочный контракт с фирмой, выпускающей праздничные открытки.

[97] К письму приложена статья И. В. Наживина «Открытое письмо А. В. Карташову» (четыре печатных страницы).

[98] *Карташев* Антон Владимирович (1875–1960) — русский религиозный философ и политический деятель, один из лидеров кадетской партии, член Временного правительства. Призывал к решительным мерам против организации большевиками вооруженного выступления. 25 октября 1917 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1919 г. уехал в Финляндию, возглавил Русский комитет (Политический центр), оказывал помощь армии генерала Н. Н. Юденича. Выступал с публицистическими, богословскими, культурологическими статьями.

[99] *Наживин* Иван Федорович (1874–1940) — русский прозаик, публицист. Был близок к Л. Н. Толстому, находился под влиянием его идей. Революцию 1917 г. рассматривал как банкротство левых деятелей, крушение иллюзий. Сотрудничал с Добровольческой армией, выпустил несколько пропагандистских брошюр. В 1920 г. эвакуировался в Болгарию. В 1921 г. основал в Берлине издательство «Детинец». В «Записках о революции» (Вена, 1921) с ожесточением писал о событиях тех лет, в книге повестей «Во мгле грядущего» (Вена, 1921) пародировал идею построения коммунизма.

[100] *Висковатов* (Висковатый) Павел Александрович (1842–1905) — историк литературы. Главный предмет его занятий — творчество и биография М. Ю. Лермонтова, под его редакцией вышло собрание сочинений Лермонтова (1891) с первой научной биографией поэта. Разыскал и напечатал немало произведений Лермонтова, материалов о его жизни, написал ряд небольших исследований по истории его творчества. Написанная

им биография Лермонтова, составившая шестой том редактированного им издания сочинений Лермонтова, ценна, главным образом, как сводка старательно собранных фактических данных. Редакция текста не отличается систематичностью и тщательностью приемов.

[101] См. примеч. 78.

[102] *Буланже* Павел Александрович (1865–1925) — публицист, мемуарист, детский писатель. Близкий друг и последователь Л. Н. Толстого; после смерти Толстого занимался разбором его литературного наследия. Оставил подробные воспоминания о своей работе с Л. Н. Толстым, о его последних днях.

[103] *Морозов* Николай Александрович (1854–1946) — революционер-народник, ученый. «Повести моей жизни. Записки в Двинской крепости. Тетрадь VII. Дни испытания». О нем см.: *Поповский М. А.* Побежденное время. Повесть о Николае Морозове. М., 1975.

[104] *...или в книгах покойной...* — Речь идет о Н. Б. Нордман.

[105] Книга И. Е. Репина «Воспоминания, статьи и письма из-за границы» (под редакцией Н. Б. Нордман. СПб., 1901).

[106] *...Англия устроила с Ирландией.* — Англо-Ирландская война 1919–1921 гг. завершилась в декабре 1921 г. подписанием мирного договора, по которому Ирландия получила права доминиона (самоуправляющейся территории) в составе Британской империи.

[107] *...выставка в Выборге открыта...* — Ср. письмо И. Е. Репина К. И. Чуковскому от 6 января 1922 г.: «Дня три назад закрылась наша выставка в Выборге. Устраивал Леви свои, мои и Юрины картины, выставка посещалась хорошо, расходы окупила. Продажи было мало. Теперь времена трудные, в Карелии так неспокойно бьются, во всяком случае, если бы и пустяки, всё же искусства не процветают ни в бедности, ни в воинственности, это дело мирного довольства — аристократическое занятие. Особенным успехом пользовались два портрета раб<оты> Юрия, один с меня, другой с m-lle Rijch».

[108] *...книга Н<атальи> Б<орисовны> «Эта».* — Имеется в виду первое отдельное издание повести Н. Б. Нордман «Эта» (СПб, 1901; впервые опубликована под названием «Беглянка» в нескольких номерах журнала «Нива» за 1900 г.). В книге рассказывается о бегстве молодой девушки из добропорядочной семьи в Америку, где она мечтала использовать свои силы

и стремления «к идеалам» (именно с таким названием повесть была опубликована еще раз в 1912 г.). Однако действительность оказалась не столь радужной, как в мечтаниях, и героиня вынуждена была через несколько месяцев вернуться на родину. Действие повести основано на вполне реальных событиях, происходивших в жизни автора повести. Все издания были снабжены иллюстрациями И. Е. Репина.

[109] *Каменский* Василий Васильевич (1884–1961) — поэт и художник, входил в литературное объединение русских кубофутуристов «Гилея». Один из первых русских пилотов (авиаторов), освоил в 1911 г. моноплан «Блерио XI» и ввел в обиход слово «самолет». И. Е. Репин очень сочувственно относился к поэту, рисовал его. Каменский позировал для картины Репина «Бельгийский король Альберт I в бою», 1914 (Самарский художественный музей).

[110] Датируется по штемпелю на конверте.

[111] Цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

[112] *Сахар* Яков Фаддеевич (1858–1911) — нотариус, душеприказчик Н. Б. Нордман (составление завещания в 1909 г. и оглашение его в связи с кончиной в 1914 г.). Корреспондент К. А. Варламова, В. В. Стрельской, собиратель фотографий деятелей искусства XIX–XX вв.

[113] Счет дружбы не портит *(фр.)*.

[114] *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт-акмеист, один из организаторов «Цеха поэтов». Бывал в «Пенатах», посвящал Репину стихи. И. Е. Репин написал его портрет с женой (1914; Киевский музей русского искусства), а также рисовал его (альбом «Чукоккала» — частное собрание). Какое письмо переслано было Городецкому, неизвестно.

[115] ... *ПБ* ... — Петербург.

[116] *Иванов* Сергей Валентинович (†1925) — председатель Общества по благоустройству Куоккалы, сенатор Санкт-Петербургской городской думы; в 1900-е гг. приобрел известность как противник смертной казни.

[117] *...чтобы от них поживиться деньгами, и подпишут в Генуе...* — Имеется в виду Генуэзская конференция — международная встреча по экономическим и финансовым вопросам в Генуе (Италия) 10 апреля – 19 мая 1922 г. при участии представителей 29 государств и пяти британских доминионов. Имела важное

значение для правительства РСФСР, которое не получило тогда международного признания. Председателем делегации РСФСР был назначен Ульянов (Ленин); заместителем — Георгий Чичерин, который в Генуе, куда Ленин не выезжал, пользовался всеми правами председателя. США, отказавшиеся участвовать в работе конференции, были представлены на ней наблюдателем — послом в Италии Р. Чайлдом.

Поводом для созыва Конференции было изыскание мер «к экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы». Фактически основным вопросом было стремление европейских стран к аккомодации с коммунистическим режимом в Москве. Специальный комитет экспертов, работавший в Лондоне с 20 по 28 марта 1922 г., подготовил проект резолюции, в которой от Советской России требовалось признать все долги, финансовые обязательства всех прежних режимов России, принять на себя ответственность за все убытки от действий как советского, так и предшествующих ему правительств или местных властей. Российская делегация выразила готовность обсудить вопрос о форме компенсации бывшим иностранным собственникам в России при условии признания Советов де-юре и предоставления ей кредитов. Российская делегация внесла предложение о всеобщем разоружении. Вопросы, поднимавшиеся на конференции, разрешены не были; часть из них была перенесена на Гаагскую конференцию 1922 г.

В ходе Генуэзской конференции советскому правительству удалось заключить Рапалльский договор 1922 г. с Германией (подписан 16 апреля), предусматривавший немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений между РСФСР и Германией. Стороны взаимно отказывались от претензий на возмещение военных расходов и невоенных убытков и договаривались о порядке урегулирования разногласий между собой. Германия признавала национализацию германской государственной и частной собственности в РСФСР и отказывалась от претензий, вытекающих «из мероприятий РСФСР или ее органов по отношению к германским гражданам или к их частным правам при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств»).

Участие большевиков в конференции вызвало негодование в среде русской эмиграции. Проходившее в ноябре 1921 г.

Заграничное собрание Русских Церквей (именуемое также — Первый Всезарубежный Собор Русской православной церкви за рубежом) приняло в декабре специальное Обращение, написанное митрополитом Антонием (Храповицким), в котором, в частности, говорилось: «Среди множества народов, которые получили право голоса на Генуэзской конференции, не будет только представительствовать двухсотмиллионный народ русский, потому что невозможно же назвать его представителями, и притом единственными, его же поработителей, как нельзя было в Средние века признать гуннов представителями франкских и германских племен Европы, хотя среди гуннских вождей, конечно, успевали втереться несколько процентов предателей из народов европейских как и среди наших коммунистов — евреев, латышей и китайцев — втерся известный процент русских, и то преимущественно не на первых ролях. Впрочем, если бы вожди большевиков и не были инородцами и иноверцами, то и тогда какая же логика может признать право народного представительства за теми, кто поставил себе целью совершенно уничтожить народную культуру, то есть прежде всего то, чем народ жил почти тысячу лет — его религию, чем продолжает жить и теперь, перенося жестокое гонение на свою родную веру, будучи лишен самых священных для него — Московских Кремлевских храмов и всех почти русских монастырей, бывших в его глазах светочами жизни, рассеянными по лицу всей земли русской? Завоеватели-большевики казнили сотнями тысяч русских людей, а теперь миллионами морят их голодом и холодом: где было слышно, чтобы интересы овечьего стада представляли собою его истребители — волки? <...> Если на Конференции или после Конференции выяснится, что большевицкая власть в России признана полноправной, то в одном государстве за другим начнутся большевицкие перевороты, которые, как это всем известно, настойчиво подготовляются интернационалом во всех народах <...> Народы Европы! Народы Мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против Ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм — этот культ убийства, грабежа и богохульства, из России и всего мира».

[118] *Свирская* Юлия Николаевна – скульптор. В 1912 г. состоялся конкурс на памятник императрице Марии Федоровне, который планировалось поставить перед Смольным институтом. Победу одержала скульптор Ю. Н. Свирская, но к последующему воплощению была принята модель бывшей смолянки Е. П. Черемисиновой. Начавшаяся вскоре Первая мировая война прервала работу над этим памятником – представление о нем дает лишь тщательно исполненный проект, запечатленный с разных точек неизвестным фотографом.

[119] *Таганцев* Владимир Николаевич (1889–1921) – ученый-географ, профессор Петроградского университета, секретарь Сапропелевого комитета РАН, член партии кадетов. В 1921 г. арестован по сфабрикованному Петроградской ЧК делу о контрреволюционной «Петроградской боевой организации», расстрелян без суда 29 августа вместе с поэтом Н. С. Гумилевым, С. А. Ухтомским в числе более чем 60 человек (всего расстреляно – 96, репрессировано – более 800).

[120] *Давыдов* Владимир Николаевич (наст. имя и фам. – Иван Николаевич Горелов; 1849–1925) – российский и советский актер, театральный режиссер, педагог, народный артист Республики. Давыдовым была организована при Александринском театре Школа русской драмы, в которой учились многие театральные деятели в 1920-е гг.

[121] *...у монастыря иоаннитов.* – Имеется в виду Иоанновский монастырь на Карповке в Санкт-Петербурге, находится недалеко от дома, где жила семья И. Е. Репина.

[122] *Опять в деревне забрали мою дочь и сына ... усердно несли свою службу.* – Дочь и сын В. И. Базилевского, остававшиеся в Великино. Об их судьбе узнать не удалось.

[123] *Чичерин* Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный и партийный деятель. В 1918–1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР, СССР. Подписал Брестский мир, руководил советской делегацией на Генуэзской (1922) и Лозаннской (1922–1923) конференциях.

[124] *...прислать мне ... фотографию Вашей картины «Финляндские художники».* – Картина И. Е. Репина «Финские знаменитости» (1920–1927; Музей Атенеум, Хельсинки). Изображено чествование Репина в 1920 г. в зале «Фениа» в Хельсинки в связи с тем, что он в 1919 г., после принятия в Финляндии республиканской конституции, принес в дар музею Атенеум

свою коллекцию произведений русских художников, а также свои работы. На картине изображен момент чтения стихов, посвященных Репину, известным финским поэтом Эйно Лейно.

[125] *Ганзен* (в замужестве Захарова) Цецилия Генриховна (1897–1989) – скрипачка. Окончила Петербургскую консерваторию. Дебютировала в 1910 г. в возрасте тринадцати лет. Была замужем за пианистом Борисом Захаровым, вместе с которым в начале 1920-х гг. много концертировала в Эстонии, Латвии, Германии, Чехословакии, а также в Америке. Цецилия Ганзен сопровождала, в качестве солистки, директора Петроградской консерватории, известного композитора А. К. Глазунова в его концертном турне по Прибалтике и Германии в конце 1922 и начале 1923 г. Тогда, в «Дни русской культуры», под управлением Глазунова исполнялись произведения русских и западноевропейских композиторов. Брат мужа Цецилии Ганзен Пантелеймон Захаров с женой Верой Алексеевной жил в поселке Келломяки. Он по-соседски бывал у И. Е. Репина в его имении «Пенаты» в Куоккале. Вместе они рисовали. По-видимому, П. Захаров познакомил Репина с Цецилией Ганзен и своим братом Борисом Захаровым, однокашником знаменитого композитора С. С. Прокофьева. Музыку Репин очень любил и тонко ее понимал, и она часто звучала в доме. Не было удивительным то, что знаменитый художник решил изобразить молодую красивую скрипачку. Он написал два ее портрета. Один изображает стоящую в светлом платье Ц. Ганзен, поднявшую инструмент для игры. Другой — отдыхающей, когда она присела, опустив скрипку. Существуют и фотографии позирующей музыкантши.

[126] «Время» — ежедневная газета, издававшаяся в Берлине в 1918–1925 гг. под редакцией (последовательно) А. Е. Зубкова, А. Емельянова, Г. Н. Брейтмана.

[127] *Язева* Татьяна Ильинична (1880–1957) — младшая дочь И. Е. Репина. С 1918 по 1930 г. жила с семьей дочери в имении Репиных Здравнёво, близ Витебска. В 1930 г. семья выехала к умирающему Репину в Куоккалу. В 1931 переехали во Францию.

[128] *Читаю теперь письма имп<ератрицы> Александры Федоровны...* — Имеется в виду двухтомное издание «Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II» (Берлин: Книгоизд-во «Слово», 1922. Т. 1–2).

[129] *Читал недавно «Чеку»...* — Речь идет о книге «Че-Ка. Материалы по деятельности Чрезвычайной комиссии» (Берлин, 1922). В книге тринадцать статей, из которых только одна, вступительная, написана в Берлине В. М. Черновым, остальные — присланы из России. «С величайшими трудностями были написаны, переданы на волю и переправлены к нам все те рукописи, часть которых мы публикуем в этом сборнике», — пишется в предисловии, авторы статей недавно вырвались из застенков Чека, а некоторые до сих пор находятся за решеткой. «По понятным причинам авторы предлагаемых очерков выступают под псевдонимами», но издатели берут на себя «морально-политическую ответственность за всё то, что они имеют поведать миру. Эти люди пишут не по слухам, подхваченным из вторых или третьих рук. Они восстановляют события, которых они были непосредственными свидетелями, а часто и жертвами» (*Чернов Виктор*. Кровавые психозы (Вместо предисловия) // Че-Ка Материалы по деятельности Чрезвычайной комиссии. С. 5). Издатели планировали перевести книгу на пять иностранных языков и по экземпляру книги всем членам Генуэзской конференции, но по техническим причинам этого не произошло.

[130] Вклеена вырезка из неизвестной газеты: «Архив Репина. В Финляндию в имение Репина «Пенаты» Академией Наук командирован специалист для приведения в порядок богатейшего архива художника».

[131] *Нерадовский* Петр Иванович (1875–1962) — художник, историк искусства, общественный деятель. Многолетний сотрудник, заведующий художественным отделом Русского музея. После революции одно время был директором и Третьяковской галереи и Русского музея.

[132] «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров») — двухнедельный французский журнал либерального направления. Издается в Париже с 1829 по 1944 г. и с 1945 (под различными названиями; в 1982 г. вернул себе исконное название) по настоящее время. Основатели: Ф. де Сегюр, Дюпейрон и Моруа. В 1831 г. Франсуа Бюлоз, бывший пастух, приобрел право на издание журнала. Вскоре издание завоевало себе прочную репутацию и благодаря сотрудничеству многих академиков стало считаться преддверием академии. Концепция издания состояла в установлении культурного, экономического и политического моста между Америкой и Европой. В журнале в разное время

сотрудничали виднейшие писатели и ученые: В. Гюго, Жорж Санд, О. Бальзак, А. Дюма, Альфред де Виньи, Шарль Сент-Бёв, Генрих Гейне, Шарль Бодлер, И. Тэн, Ренан, Вогюэ и др.

[133] *Четвертинская* (урожд. Шупинская, по мужу — Святополк-Четвертинская) Екатерина Константиновна (1857–1942) — княгиня, меценатка. Внучка уездного предводителя дворянства Николая Александровича Шупинского, дочь сестры В. И. Базилевского Елизаветы Ивановны. Жила в унаследованном имении Талашкино Смоленской губернии и занималась хозяйством. Продав в 1893 г. Талашкино княгине М. К. Тенишевой, своей близкой подруге, осталась там жить и продолжила улучшение сельскохозяйственных производств. Сюда из Брянского имения Тенишевых Хотылево был переведен конезавод породистых рысаков, увеличено стадо, устроен маслодельный завод, расширены оранжереи. Святополк-Четвертинская активно участвовала в устройстве образцовой сельскохозяйственной школы во Фленове, помогала М. К. Тенишевой в составлении ее коллекции, создании художественных мастерских. После революции жила вместе с М. К. Тенишевой в Париже.

[134] *...про статью княгини Куракиной...* — Речь идет о публикации «Воспоминания княгини Т. Г. Куракиной, урожденной баронессы Врангель, 1918–1921 гг.» (Русская летопись. Альманах (Париж). 1923. Кн. 5. С. 179–292), в которых рассказывается об аресте автора мемуаров, Татьяны Георгиевны Куракиной (1877?–1970) и ее несовершеннолетнего сына Андрея (Андрея Михайловича Куракина; 1903–1983), ВЧК в Киеве по обвинению в оскорблении советской власти в 1919 г. и мытарствах по застенкам на Украине и в Москве.

[135] *Коковцов* Владимир Николаевич (1853–1943) — граф, министр финансов Российской империи (1904–1914), председатель Совета министров; крупный банковский деятель, сторонник курса С. Ю. Витте, затем П. А. Столыпина. С ноября 1918 г. в эмиграции.

[136] *Тенишева* (урожд. Пятковская, в первом браке — Николаева) Мария Клавдиевна (1858–1928) — княгиня, меценатка, коллекционер, художница, организатор художественной студии, мастерских прикладного искусства и школ, Музея русской старины в Смоленске. Субсидировала журнал «Мир искусства» в первые годы его издания. Певица. Автор мемуаров «Впечатления моей жизни» (Париж, 1933). С 1919 г. жила в Париже.

[137] Письмо датируется по содержанию.

[138] *Спасибо Вам за фотографию...* — Вероятно, имеется в виду фотография картины И. Е. Репина «Финские знаменитости».

[139] *Краснов* Петр Николаевич (1869–1947) — прозаик, профессиональный военный. Принадлежал к известному на Дону роду, богатому историческими и литературными традициями. Служил в Донских казачьих полках. Воспитанный в патриотическом православном духе, в своих книгах выступал как сторонник монархии, сохранения традиционного для казачества чувства верности присяге и долгу. Февральскую революцию 1917 г. встретил в чине генерал-майора и воспринял ее как глубокую трагедию. В январе 1918 г. был избран атаманом Войска Донского, принимал участие в походах Н. Н. Юденича и А. И. Деникина. С 1919 г. жил в Германии, активно участвовал в политической жизни русского зарубежья, многие годы был членом Высшего монархического совета. Эмигрантский период творчества Краснова отмечен растущей популярностью автора. В многотомном романе «От двуглавого Орла к красному знамени» (Берлин, 1921–1922) дана панорама русской жизни на всем протяжении царствования Николая II и первых четырех лет революции. В фантастическом романе «За чертополохом» (Берлин, 1922) описан конец большевизма и реставрация монархии в России. Романы «Опавшие листья» (Мюнхен, 1923) и «Понять-простить» (Берлин, 1924) входят в цикл романов, посвященных «войне и смуте». В мае 1945 г. сдался англичанам, и в г. Лиенце (Австрия) 28 мая 1945 г. вместе с 2,4 тысячами казачьих офицеров был выдан английским командованием советской военной администрации. Был этапирован в Москву, где содержался в Бутырской тюрьме. Военная коллегия Верховного суда СССР приняла решение казнить Краснова и других казачьих и горских генералов-антикоммунистов: Шкуро, Султан-Гирея Клыча, фон Паннвица вместе с другими офицерами, за то, что они вели «посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР». По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Краснов повешен в Москве, в Лефортовской тюрьме 16 января 1947 г.

[140] *Сааринен* Готтлиб Элиэль (Gottlieb Eliel Saarinen; 1873–1950) — финский архитектор, учился в Гатчинской прогимназии,

закончил Гельсингфорский университет и Политехнический институт (1893–1897), в 1923 г. эмигрировал с семьей в США. В письме речь идет о конкурсе на постройку главного офиса газеты Chicago Tribune в Чикаго, в котором проекту Сааренена присуждена была только вторая премия.

[141] *Вырубова* Анна Александровна (1884–1964) — дочь главноуправляющего Собственной Е. И. В. канцелярии А. С. Танеева. С 1903 г. — фрейлина императрицы. С 1907 г. — замужем за старшим лейтенантом А. В. Вырубовым, но вскоре развелась и вернулась ко двору. Входила в ближайшее окружение императорской семьи; выполняла наиболее конфиденциальные поручения Николая II и Александры Федоровны, в т. ч. и связанные с особой ролью при дворе Г. Е. Распутина. После Февральской революции была арестована; в марте — июне 1917 г. находилась в заключении в Петропавловской крепости, затем в Свеаборге. Освобождена по требованию Петросовета. После нового ареста в октябре 1918 г. бежала, скрывалась в Петрограде. В 1920 г. нелегально выехала в Финляндию. Одно время жила в Куоккале и бывала у Репина. Позже перебралась в Выборг. Приняла монашеский постриг в Валаамском монастыре (1923 г.), жила в миру тайной монахиней под девичьей фамилией. Оставила воспоминания «Страницы моей жизни» (1-е изд. — Париж, 1922), вышедшие также на финском, шведском и английском языках (под названием «Воспоминания о русском Дворе и революции»).

[142] Открытое письмо; возвращалось (имеется печать: *Retourn*) из Куоккалы, поэтому имеет два почтовых штемпеля, от 30.IV.1923 и 13.V.1923.

[143] *Суворова-Рымникская* (урожд. Базилевская) Елизавета Ивановна (1838–1923) — сестра В. И. Базилевского, мать Е. К. Святополк-Четвертинской.

[144] *Победоносцев* Константин Петрович (1827–1907) — русский государственный деятель, юрист. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Синода. Преподавал законоведение великим князьям, в том числе будущим императорам Александру III и Николаю II, на которых имел исключительное влияние. Автор Манифеста 29 октября 1881 г. об укреплении самодержавия. Противник западноевропейской культуры и буржуазных форм общественной жизни. Притеснял земскую школу и насаждал церковную.

[145] *...моей покойной матери.* — Базилевской Варвары Петровны.

[146] *Витте* Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, русский государственный деятель, почетный член Петербургской академии наук. Министр финансов (с 1892 г.), председатель Совета министров (1903–1906 гг.). Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы. Автор Манифеста 17 октября 1905 г. Проводил политику привлечения монополистической буржуазии к сотрудничеству с правительством.

[147] *...мемуар о С. Ю. Витте...* – Вероятно, описка И. Е. Репина и имеется в виду К. П. Победоносцев.

[148] *Безграмотный сверхъестественный мужик...* – Имеется в виду Г. Е. Распутин.

[149] *Он знал мою сестру...* – То есть Аделаиду (Александру) Ивановну Базилевскую (1842 – нач. 1930-х), во втором браке за Николаем Леонтьевичем Дубельтом (1819–1874), генерал-лейтенантом, состоявшим в свите Александра II (1856–1864).

[150] *Дубельт* Леонтий Васильевич (1792–1862) – русский генерал, с 1835 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, в 1839–1856 гг. одновременно управляющий 3-м отделением.

[151] *Кавелин* Константин Дмитриевич (1818–1885) – русский историк государственной школы, либеральный общественный деятель и публицист. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., автор одного из первых проектов отмены крепостного права. Сторонник умеренных буржуазных преобразований при сохранении неограниченной монархии и помещичьего землевладения.

[152] *Милютин* Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – граф, генерал-фельдмаршал, член-корреспондент Петербургской академии наук. В 1861–1881 гг. военный министр. Умеренный либерал, провел буржуазные военные реформы.

[153] *Черкасский* Владимир Александрович (1824–1878) – князь, русский государственный деятель, публицист, славянофил. С 1840-х гг. выступал за освобождение крестьян. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.

[154] *Константин Николаевич*, великий князь (1827–1892) – придерживался либеральных ценностей, под его руководством был разработан новый Морской устав, а российский флот в короткие сроки из устарелого парусного превратился в современный броненосный и паровой; председатель Комитета по освобождению крестьян (с 1857); председатель Государственного Совета (1865–1881).

[155] *Рейтерн* Михаил Христофорович (1820–1890) – граф, русский государственный деятель. В 1862–1878 гг. министр финансов, в 1881–1886 гг. председатель Кабинета министров. Проводил буржуазные реформы финансовой системы.

[156] *Роот* Николай Федорович (1870–1960) – художник, живописец и керамист. В 1887–1900 гг. учился в Академии художеств. После окончания открыл школу-студию в Ревеле. Автор воспоминаний о Репине, где писал: «Мое знакомство с И. Е. Репиным протекало на протяжении двадцати дух лет – с 1890 по 1912 г., с перерывами. Я не был учеником Репина, но неоднократно пользовался его советами и часто встречался с ним».

[157] *Калашникова* Анна Петровна – художница, ученица и сотрудница Н. Ф. Роота.

[158] *...сочинений по худож<ественной> керамике.* – См.: *Роот Н. Ф.* 1) Художественная керамика. Пособие и практическое руководство по художественно-гончарному и майоликовому производствам. СПб., 1908; 2) Художественно-промышленное образование в России и за границей. СПб., 1910.

[159] *Джиральдони* Евгений – баритон. Жил в поселке Мустамяки (ныне Горьковское) недалеко от Куоккалы. Одно время Вера Репина брала у него уроки пения.

[160] *Джиральдони* А. – меццо-сопрано, жена Е. Джиральдони.

[161] *Эдвардс* К. – возможно, один из сочинителей вокальных миниатюр, сотрудничал с Д. Гершвином.

[162] «Русские вести» – ежедневная газета, издававшаяся в Гельсингфорсе в 1922–1923 гг.; редактор-издатель В. Воутилайнен.

[163] Перечисляются оперы Дж. Верди «Сила судьбы» (1862), Дж. Пуччини «Тоска» (1900) и «Мадам Баттерфляй» («Чио-Чио-Сан»; 1904).

[164] *Максимов* С. М. – танцовщик, один из членов большой семьи М. А. Максимова.

[165] *Петипа* (Petipa) Мариус Иванович (1818–1910) – французский танцовщик, балетмейстер, педагог. Создал тип «большого» балета, сочетавшего классические танцевальные ансамбли, дивертисментные сюиты, условно-пантомимные сцены, одним из первых понял, что балет, как и музыка, обладает самостоятельным внесюжетным содержанием. Имеется в виду классическая постановка танца в Мариинском театре времен Мариуса Петипа.

[166] *...старые оперы: «Лючию»...* — То есть оперу Г. Доницетти «Лючия ди Ламмермур» (1835).

[167] *...на баядерках...* — То есть на лодках.

[168] *Зилотти* Александр Иванович (1863–1945) — русский пианист и дирижер. Организатор циклов симфонических и камерных концертов в Петербурге, профессор Московской консерватории. С 1919 г. жил за границей, преподавал в Джульярдской школе (США).

[169] *...подробно изложена вся политика Poincare.* — В январе 1923 г. Франция оккупировала пограничную промышленную область Германии — Рур. Премьер-министр Франции Р. Пуанкаре стремился продлить пребывание там французских войск, но под давлением США и Великобритании вынужден был вывести их из Рура.

[170] *Матейко* Ян (1838–1893) — знаменитый польский живописец.

[171] *Фош* Фердинанд (1851–1929) — маршал Франции, с апреля 1918 г. — верховный главнокомандующий союзными войсками. Один из организаторов интервенции в Советскую Россию.

[172] *Ваша книжка...* — Книга И. Е. Репина «Воспоминания, статьи и письма из-за границы» (СПб., 1901).

[173] *...дела Конрада...* — 10 мая 1923 г. русский швейцарец Морис Конради убил в Лозанне генерального секретаря советской делегации на Генуэзской и Лозаннской международных конференциях В. В. Воровского (1871–1923), который в знак особого уважения был похоронен у Кремлевской стены. Происходивший в Швейцарии суд над Конради вызвал противоречивые отклики мировой печати. На суде Конради заявил, что это было местью за погибшую в ЧК его семью. Суд присяжных оправдал обвиняемого. Советское правительство издало декрет «О бойкоте Швейцарии», разорвавший советско-швейцарские торговые отношения и запретивший «въезд в СССР всем швейцарским гражданам, не принадлежащим к рабочему классу». В ответ в швейцарской прессе началась кампания, живописавшая не только «зверства большевиков в угнетенной ими России», но и «козни ГПУ на Западе».

[174] «Последние известия» — русскоязычная газета, выходила в Ревеле в 1920–1927 гг. Подр. см.: *Исаков С. Г., Пономарева Г. М.* «Последние известия» // Литературная энциклопедия

русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры.

[175] Датируется по штемпелю на открытке.

[176] *...Макдональд хочет признать большевиков.* — 1 февраля 1924 г. Великобритания признала СССР. Это произошло в бытность премьер-министром Макдональда. Джеймс Рамсей (Рамси) *Макдональд* (James Ramsay MacDonald; 1866–1937) — британский политический и государственный деятель, трижды занимал пост 56-го и 58-го премьер-министра Великобритании в 1924, 1929–1931 и 1931–1935 гг. (в 1931 г. подал в отставку с поста главы кабинета лейбористов и в тот же день был назначен главой коалиционного правительства). Один из лидеров и основателей Лейбористской партии.

[177] *...главный мотив, Эльзас и Лотарингия...* — На территории Эльзас-Лотарингии расположены департаменты Рейн Верхний, Рейн Нижний и Мозель. Площадь региона составляет 14 496 км². После франко-прусской войны значительная часть Лотарингии и почти весь Эльзас были переданы Германии. Названия провинций были оставлены прежними, но немецкие власти немедленно начали притеснять французский язык и французскую культуру. Французы сопротивлялись, и подавить французский дух немцам не удалось. В то же время во Франции активным было реваншистское движение в поддержку отнятых провинций, в честь Эльзаса и Лотарингии во многих городах страны назывались улицы, в Нанси — древней столице Лотарингии, оставшейся в составе Франции — был открыт аллегорический памятник двум провинциям.

В Первую мировую войну эльзасцы и лотарингцы отказывались воевать в немецкой армии, их девизом было лаконичное выражение: «Без нас!» В ноябре 1918 г. была провозглашена Эльзасская советская республика, но к концу войны союзники заняли значительную часть Эльзаса и Лотарингии. По условиям Версальского мирного договора Франция вернула себе эти земли.

[178] *Мольтке* Хельмут фон (1800–1891) — один из виднейших военачальников Германии, прусский генерал, фельдмаршал и начальник прусского Генерального штаба, выдающийся стратег и организатор прусской армии. Один из наиболее ярких представителей прусской военщины, сторонник объединения германских государств под гегемонией Пруссии, помогавший

Бисмарку основать Второй рейх. Много писал по военным вопросам; участвовал в прусско-датской войне 1864 г., в войне с Австрией 1866 г. и в франко-прусской войне 1870–1871 гг.

[179] *Бокль* Генри Томас (1821–1862) — английский историк и социолог-позитивист, представитель географической школы в социологии, рассматривающей географическую среду (климат, реки, почву и т. п.) как определяющий фактор развития общества. Основной труд — «История цивилизации в Англии» (1857–1861) — был переведен на русский язык в 1861 г.

[180] *Дега* Эдгар (1834–1917) — знаменитый французский живописец, график и скульптор.

[181] *Переговоры с Макдональдом...* — В феврале 1924 г. английское лейбористское правительство Д. Р. Макдональда признало «де-юре» правительство СССР и вело с ним дипломатические переговоры (см. также примеч. 176).

[182] Датируется по штемпелю на открытке.

[183] *...Бог послал племянника...* — Вероятно, имеется в виду Илья Васильевич Репин (домашнее имя — Юль; ?–1968), сын брата И. Е. Репина В. И. Репина, капитан-артиллерист, проживавший в 1920-е гг. в «Пенатах»; позже переехал в Ярвенпаа близ Хельсинки; был псаломщиком в православной церкви.

[184] *«Архив русской революции»* — многотомное издание, сборник воспоминаний участников Белого движения, а также материалов и документов, освещающих период Октябрьской революции и Гражданской войны; всего вышло 22 т., издавался в Берлине под ред. И. В. Гессена с 1921 по 1937 г.

Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) — один из лидеров кадетов, адвокат и публицист. Депутат 2-й Государственной думы, редактор газеты «Речь». После Октябрьской революции — эмигрант.

[185] *...приезжают из Ямбурга!* — В настоящее время г. Кингисепп — административный центр одноименного района Ленинградской обл. Основан новгородцами в 1384 г. как крепость Ям, с 1703 по 1922 г. назывался Ямбург.

[186] Вклеена заметка на немецком языке о 80-летии Репина. Из какой газеты взята эта вырезка, установить не удалось, однако, возможно, это «Revaler der Bote».

[187] *«Донской сборник»* — возможно, имеется в виду «Донская летопись. Сборник материалов по новейшей истории Донского казачества со времени Русской революции 1917 года», выпус-

кавшаяся Донской исторической комиссией в 1923–1924 гг.; вышло три номера.

[188] *Корнилов* Лавр Георгиевич (1879–1918) – русский военачальник, генерал от инфантерии. Родился в семье казака (хорунжего). Окончил кадетский корпус, артиллерийское училище и Академию Генштаба. Участвовал в русско-японской и 1-й Мировой войне. 2 марта 1917 г. Николай II одновременно с отречением от престола назначил Корнилова командующим Петроградским военным округом. Во время Апрельского кризиса Корнилов предложил Временному правительству разогнать демонстрацию вооруженной силой, однако предложение не было принято. В июле 1917 г. Корнилов был назначен верховным главнокомандующим, но в августе А. Ф. Керенский, обвинив генерала в мятеже с требованием передачи ему всей полноты власти, распорядился его арестовать. После Октябрьского переворота возглавил формирование Добровольческой армии, стал ее главнокомандующим; погиб в бою под Екатеринодаром.

[189] *Каледин* Алексей Максимович (1861–1918) – генерал от кавалерии, с июня 1917 г. – атаман Донского казачьего войска. Разделял взгляды Л. Г. Корнилова, оказывал ему всяческую поддержку. 1 сентября А. Ф. Керенский приказал арестовать А. М. Каледина, но Войсковое правительство поручилось за него, и приказ был отменен. 25 октября Каледин выступил против советской власти, собрав значительные силы со всей России. Однако в декабре казаки-фронтовики стали отказываться от вооруженной борьбы, войска Красной гвардии начали наступление и были поддержаны восставшими рабочими. А. М. Каледин, понимая безнадежность создавшегося положения и не желая лишних жертв, застрелился. В первом номере «Донской летописи» помещена большая статья-воспоминание Н. Мельникова о генерале.

[190] *...выборов в Англии, где <получено> 400 голосов...* – На выборах 29 октября 1924 г. в палату общин победу одержали консерваторы, получившие 412 мест, к власти пришло консервативное правительство С. Болдуина.

[191] Датируется по штемпелю на открытке.

[192] *«Грабь награбленное!»...* – Фраза – символ примитивного, неэффективного решения проблемы распределения материальных благ в современном обществе, аллюзия на теорию и практику большевизма. Первоисточник – речь (24 января 1918 г.), которую произнес В. И. Ленин (1870–1924) перед

отправлявшимися на фронт агитаторами: «Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: „А правда ли, что вы, большевики, грабите?“ — старик ответил: „Да, мы грабим награбленное“». Видимо, В. И. Ленин имел в виду выступление на III съезде Советов (16 января 1918 г.) донского казака Шамова, который заявил: «Мы грабим грабителей». Три месяца спустя в своей речи на заседании ВЦИК Ленин сказал по поводу этого, уже вполне сложившегося, лозунга (29 апреля 1918 г.): «Я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то — почему же нельзя обойтись без латинских слов?» Видимо, этот лозунг восходит к высказыванию Прудона: «Собственность — это воровство». Варианты этого высказывания часто встречались в конце 1917 г. в лево-анархистской печати.

Если верить другому вождю октябрьского переворота — Льву Троцкому, о поспешном отказе от «латинских слов» Ленину все-таки пришлось сожалеть. Так, в своей книге «Ленин» (Париж, 1925) Троцкий вспоминает разговор, который у него однажды случился с героем его книги, и пишет, что спустя несколько дней после прихода большевиков к власти Ленин «в комическом отчаянии» жаловался на пока еще существовавшую тогда свободную печать, которая склоняла на все лады ленинское выражение «грабь награбленное» — большевики-де зовут к грабежам. «Кто же произнес эти слова, это выдумка?» — спросил Троцкий. «Нет, — возразил Ленин. — Я действительно однажды сказал „грабь награбленное“, но затем сразу же забыл».

[193] Период с 1923 г. по 1924 г. был экономически трудным для Эстонской Республики. Переоценив недовольство народа, высшее коммунистическое руководство в Москве решило, что назрело время для коммунистического переворота в соседней стране. Ранним утром 1 декабря 1924 г. несколько сотен вооруженных коммунистов-заговорщиков предприняли попытку захватить власть в Таллине. Попытка переворота была подавлена до начала рабочего дня. Военные, полицейские и штатские начали действовать, не дожидаясь приказов властей. За несколько часов они эффективно подавили бунт. Мятежниками было убито несколько десятков человек, в их числе министр путей сообщения Карл Карк, примерно столько же было убитых и среди заговорщиков.

Мятеж был для Эстонии отрезвляющим и пугающим. После неудавшейся попытки государственного переворота авторитет и численность КПЭ резко снизились. Успешное подавление мятежа повысило самосознание эстонского народа, а также помогло молодой республике привлечь к себе внимание мировой общественности. В ноябре 1924 г. в Эстонии прошли судебные процессы, в результате которых 149 человек были признаны виновными во враждебных действиях против государства. В Советском Союзе в то же время были организованы демонстрации против Эстонии.

[194] *Там должна была открыться моя выставка...* — Выставка произведений И. Е. Репина в Праге состоялась в феврале — марте 1925 г. Там был показан «Крестный ход в дубовом лесу». 19 марта Вера Ильинична сообщала из Праги, что президентом Масариком приобретены для музея десять вещей: 1) портрет Степченко; 2) портрет Хлопушиной; 3) «Лошадка»; 4) головки детей к картине «Проводы новобранца»; 5) акварель с Воли Шувалова; 6) рисунок крестьян к картине «Проводы новобранца»; 7) рисунок женщин к картине «Проводы новобранца»; 8) маленький рисунок детской головки (затылок); 9) маленький рисунок с Веры и Нади; 10) «Крестоносец». Всё это за 150 000 крон. См. письмо В. И. Репиной И. Е. Репину от 20 февраля 1925 г. (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 428. Л. 24).

[195] *Волконский* Сергей Михайлович (1865–1936) — искусствовед, театральный критик, очеркист, беллетрист. Бывший директор Императорских театров (1899–1901). После Октябрьской революции — эмигрант. В 1924 г. в Берлине опубликовал книгу «Быт и бытие. Из прошлого — настоящего — вечного».

[196] Вероятно, имеется в виду германский император Вильгельм II (1859–1941) и его книга мемуаров об археологических раскопках на острове Корфу «Erinnerungen an Korfu» (Berlin, 1924); издал также книгу воспоминаний «Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878–1918» (Leipzig und Berlin, 1922); первые изд. на рус. яз. — «Мемуары. События и люди, 1878–1918» (Пг., 1923), «События и образы» (Берлин, 1923).

[197] *Клейнмихель* Мария Эдуардовна (урожд. фон Келлер; 1846–1931) — графиня, хозяйка великосветского салона в Петербурге. В эмиграции с конца 1918 г. (Франция); ее мемуары «Из потонувшего мира», написанные по-французски, были из-

даны в Берлине (год не указан). Отдельные главы также были изданы в Советской России в 1923 г.

[198] *Здесь явились новые газеты ... «Ревельское время»...* — Вероятно, имеются в виду ежедневные газеты «Ревельское слово» и «Русское время». Первая издавалась в Таллине в 1925 г. (под редакцией С. Кольтряна), вторая в Париже в 1925–1926 гг. (под редакцией Б. Суворина).

[199] См. примеч. 171.

[200] См.: *Кони А. Ф.* Лев Николаевич Толстой // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6: Статьи и воспоминания о русских литераторах. Впервые воспоминания вышли в восьмой книге журнала «Нива» за 1908 г.

[201] *Павлов* Иван Петрович (1849–1936) — один из авторитетнейших ученых России, физиолог, психолог, создатель науки о высшей нервной деятельности и представлений о процессах регуляции пищеварения; основатель крупнейшей российской физиологической школы; лауреат Нобелевской премии в области медицины и физиологии 1904 г. за работу по физилогии пищеварения. В середине 1920-х гг. летом приезжал на дачу в Келломяках (ныне Комарово) к сыну Владимиру Ивановичу Павлову (1884–1954), который дружил с Репиным и покупал иногда его произведения. Иван Петрович Павлов приутствовал на праздновании 80-летия Репина в Куоккале. Он был единственным, но не официальным гостем, приехавшим на юбилей из Советской России. Репин написал портрет Павлова (1924–1927, находится в ГТГ).

[202] *...Вашу статью о Льве Николаевиче...* — Статья И. Е. Репина о Толстом была опубликована 20 сентября 1925 г. в газете «Сегодня». В письме к Репину от 21 сентября издатель газеты, Я. Брамс, удивляется, что тот не получил подтверждение о получении ими статьи о Л. Толстом: «Мы все прочитали ее с большим вниманием. Ввиду того, что юбилей действительно состоится двумя годами позже, мы толстовского номера не выпускаем. Но мы решили воспользоваться статьей вышедшего вчера номера «Русской культуры» <...> Номер Вам выслан. Высланы Вам также построчные» (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 2).

[203] *...залах «Пассажа»... слушать ... чтения их собственных произведений.* — На месте нынешнего универмага «Пассаж» (Невский пр., 48; Итальянская ул., 19) в первой полови-

не XIX в. располагался дом известного русского архитектора и зодчего М. Г. Земцова, в 1846 г. этот участок вместе с домом купил граф Я. И. Эссен Стенбор-Фермор, по распоряжению которого в 1846–1848 гг. архитектор Р. А. Желязевич построил торговое заведение. В здании была предусмотрена крытая галерея-проход, остекленная сверху, имевшая французское название — пассаж. В то время в европейских странах торговые пассажи были очень модными. Наряду с торговыми залами к услугам посетителей предлагались кофейни, кондитерские, «ресторации» и многое другое. Имелся также театральный зал с входом с Итальянской улицы. В этом зале давались концерты, проводились театральные постановки, пел цыганский хор. С середины XIX в. здесь проходили лекции и литературные чтения, в которых участвовали многие выдающиеся литераторы того времени — Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и другие. В начале XX в. в зале шли спектакли театра В. Ф. Комиссаржевской.

[204] *Сеченов* Иван Михайлович (1829–1905) — создатель русской физиологической школы, почетный член Петербургской академии наук.

[205] *Тарханов* (Тархнишвили, Тархан-Моурави) Иван Рамазович (1846–1908) — русский физиолог, исследователь центральной нервной системы, в том числе явления сна и гипноза.

[206] *Рижский ж<урнал> «Сегодня»...* — Аберрация Репина, имеется в виду газета «Сегодня», самое крупное периодическое издание в Прибалтике в 1920–1930-е гг.

[207] *...карикатуры Civis'a...* — Псевдоним С. А. Цивинского, художника-карикатуриста, редактора еженедельника «Икс» (1923, вышло два номера), сотрудника газ. «Сегодня». После провозглашения советской власти в Латвии в 1940 г. был арестован; расстрелян в Москве.

[208] *Таммерфорс* (швед. Tammerfors) — официальное русское название г. Тампере до 1917 г.

[209] *Леви* Василий Филиппович (1878–1953) — художник, юрист; был доверенным лицом Репина, в 1919–1930 гг. устроил более 50 его выставок.

[210] *Дочь моя Вера... Декорат<ивную> выставку хотела захватить...* — Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств (*фр.* — Exposition Internationale des Arts Décoratifs et Industriels Modernes), зачастую называемая

Международная выставка декоративного искусства и художественной промышленности, проходила в Париже с апреля по октябрь 1925 г. На ней были представлены работы современного декоративного искусства, архитектуры и дизайна из многих стран мира. Выставка дала имя течению ар-деко (в результате сокращения слов Arts Décoratifs) в декоративном искусстве первой половины XX в. Участие в выставке СССР было одним из первых актов культурного контакта СССР и Франции после установления дипломатических отношений между странами 28 октября 1924 г.

[211] Имеется в виду кинематограф.

[212] *Варгун* Дмитрий Николаевич (1871–1951) – с 1918 г. приват-доцент Московского, позднее профессор Иркутского университета. С 1922 г. – преподаватель Высшей школы в Праге. С 1945 г. – профессор университета в Хьюстоне (США).

[213] *Федор Кузьмич* – таинственная личность, жившая в Сибири в 1837–1864 гг. Происхождение Кузьмича не выяснено. Впервые появился он близ г. Красноуфимска Пермской губ. в 1836 г. Тогда ему было около 60 лет; он имел величественную наружность, одет был по-крестьянски, но отличался несвойственными этому званию мягкими, изящными манерами. Это привело к подозрению, что Кузьмич скрывает свое настоящее имя; его арестовали, судили за бродяжничество и приговорили к наказанию 20 ударами плетьми и к ссылке в Сибирь. Кузьмич безропотно перенес наказание, но настоящего имени своего не открыл.

В Сибири Кузьмич обратил на себя внимание строгой отшельнической жизнью и правдивостью; на него стали смотреть как на подвижника. Стремясь к уединению, Кузьмич старался жить в глухих местах, в тайге, но так как всюду к нему стекались посетители, то ему не раз приходилось менять свое место жительства, сначала в Енисейской, затем в Томской губ. В 1858 г. он поселился в г. Томске у купца С. Ф. Хромова, там же и умер в 1864 г. Своего происхождения Кузьмич никому не открыл; будучи религиозен, он часто посещал церковь, но никогда не исповедывался, мотивируя это тем, что на исповеди скрывать ничего нельзя, сказать же, даже духовнику, кто он, не может. Люди, ближе с ним познакомившиеся, пришли к выводу, что Кузьмич знатного происхождения: по их словам, он был человек европейски образованный, знавший иностранные языки и хорошо осве-

домленный в политической жизни России начала XIX в. Сам Кузьмич, как говорят, не скрывал, что он очень высокого происхождения и некогда играл видную политическую роль, но, почувствовав нелюбовь к суете жизни и сознав всю ее ничтожность, решил отречься от мира и принял вид бродяги — «по обету». Ходил слух, что по смерти Кузьмича у него, среди скромной отшельнической обстановки, нашли небольшое резное из слоновой кости распятие прекрасной работы, цепь ордена Св. Андрея Первозванного, нарисованный им самим вензель в виде буквы «А» и псалтырь с надписью: «Сей псалтырь принадлежит Саранской Петропавловской обители рясофорному монаху Алексею Золотареву». Все эти вещи были истребованы в Петербург.

Таинственность, окружавшая Кузьмича, создала легенду, что он был не кто иной, как император Александр I, не умерший в 1825 г. в Таганроге, как официально было заявлено, а добровольно отрекшийся от мира. Существует также предание, что имп. Александр II, будучи наследником престола, во время своего посещения Сибири заезжал к Кузьмичу. Подр. см.: Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия, старца Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год (СПб., 1891; 3-е изд. с 2 портретами, видом его кельи и образцом почерка. М., 1894); Сибирский старец Федор Кузьмич 1837–1864 гг. Из записок епископа Петра, 1836–64 г., сообщ. М. Ф. Мельницкий // Русская старина. 1891. Т. LXXII (окт.); 1892. Т. LXXIII (янв.), LXXIV (май); *Шильдер Н. К.* Имп. Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV. С. 446–447; *Никольский В. К.* Таинственный старец в Сибири // Волжский вестник. Казань, 1898.

[214] См. примеч. 143.

[215] *Кушелев* Сергей Егорович (1821–1890) — флигель-адъютант (1838), генерал-майор (1855), генерал-адъютант (1862), генерал от инфантерии (1878).

[216] *Владимир Александрович* (1847–1909), великий князь — 3-й сын императора Александра II, сенатор, член Государственного Совета; манифестом Александра III от 14 марта 1881 г. был назначен регентом («Правителем Государства») на случай кончины императора — до совершеннолетия наследника престола Николая II (или в случае кончины последнего). Был известным меценатом, покровительствовал многим художникам, собрал ценную коллекцию живописи. С 1869 г. — товарищ президента,

а с 1876 г. – президент императорской Академии художеств, попечитель Румянцевского музея.

[217] *Исидор* (в миру – Иаков Сергеевич Никольский; 1799–1892) – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (с 1860), первенствующий член Святейшего Синода; в 1872 г. ему также были пожалованы алмазные знаки отличия и знаки патриаршего сана, право поднесения креста.

[218] Имеется в виду книга: *Волконский С., кн.* Мои воспоминания. Лавры. Странствия. Родина. Берлин, 1923.

[219] *«Движение – это жизнь».* – Основоположник отечественной физиологической школы И. М. Сеченов указывал, что психическая деятельность в конечном итоге находит свое выражение в виде мышечных движений. «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению. Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине <...> создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – везде окончательным фактом является мышечное движение» (*Сеченов И. М.* Рефлексы головного мозга // Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы. Избранные труды. М., 1952. Вып. 1. С. 145).

[220] Ср.: «...28 октября, в 5 часов утра, Лев Ник<олаевич> украдкой уехал из дому с Д. П. Маковицким <...> Узнав от Саши и из письма о побеге Л<ьва> Н<олаевича>, я в отчаянии бросилась в пруд. Меня вытащили Саша и Булгаков, увы!» (*Толстая С. А.* Дневник (1910). Запись от 9 ноября 1910 г.).

[221] *Чертков* Владимир Григорьевич (1854–1936) – русский издатель, публицист. Ближайший сотрудник Л. Н. Толстого, в 1884 г. создал при его участии издательство «Посредник». Как убежденный сторонник «толстовства», Чертков активно пропагандировал его учение и творчество, за что в 1897 г. был выслан из России. В советское время – главный редактор 90-томного Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Оставил воспоминания о последних днях писателя.

[222] Такой публикации в газете «Сегодня» не обнаружено.

[223] *Брамс* Яков Иосифович (1898–1981) – журналист, с 1925 г. совладелец типографии, соиздатель (совместно с Борисом Юльевичем Полаком; 1889 – не ранее 1950) и один из первых редакторов газ. «Сегодня»; с 1939 г. – в эмиграции (США).

[224] Жить работая, умереть сражаясь (*фр.*).

[225] *Блан* Луи (1811–1882) – французский социалист, в период Великой французской революции член Временного правительства. Утверждал, что ликвидация капиталистических отношений и социального гнета возможна без революционной борьбы, путем создания общественных мастерских и введения всеобщего избирательного права.

[226] Начало письма утрачено.

[227] *...как... это делалось в училищах принца Олденбургского...* – Имеется в виду приют принца Ольденбургского (официальная дата образования – 1846); первоначально – учреждение для детей-сирот, которым давалось начальное образование и навыки ремесленного труда, со временем программа приюта приблизилась к программам реальных училищ, в 1890 г. приюту были дарованы права казенных реальных училищ, благодаря чему его выпускники получили возмозность продолжать учебу в высших учебных заведениях. К началу 1900-х представлял собой несколько учебно-воспитательных заведений, как для мальчиков, так и для девочек, имелись также отделения в г. Луга и Гагры. Председателями попечительского совета приюта были как сам В. И. Базилевский, так и его брат Ф. И. Базилевский, завещавший приюту участок земли в Лесном.

Ольденбургский Пётр Георгиевич (1812–1881) – военный и государственный деятель; член российского Императорского дома, внук императора Павла I, крупнейший петербургский благотворитель, учредитель и попечитель ряда учреждений здравоохранения и народного просвещения.

[228] *...в нашей церкви (построенной средствами государыни Марии Федоровны)...* – Церковь во имя святого равноапостольного кн. Владимира (заложена 5 августа 1890 г. в присутствии имп. Александра III и имп. Марии Феодоровны, освящена 17 августа 1893 г.); пятиглавый храм сооружен по проекту архитектора А. В. Иванова в русском стиле на левом берегу реки Наровы. Взорвана при отступлении немецких войск в 1944 г.

[229] Датируется по штемпелю на открытке.

[230] *Родзянко* Михаил Владимирович (1859–1924) – русский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября» (октябристов); действительный статский советник (1906 г.), камергер Высочайшего Двора (1899 г.); председатель Государственной думы третьего и четвертого созывов. Был одним

из лидеров Февральской революции 1917 г., в ходе которой возглавил Временный комитет Государственной думы и написал воззвание: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием.

Председатель Государственной Думы

М. Родзянко

27 февраля 1917 г.»

Таким образом, с вечера 27 февраля до 2 марта 1917 г. ВКГД играл роль центральной верховной власти в стране, присвоив полномочия еще существовавшего законного монарха. Под давлением Родзянко и других думцев, а также ряда военачальников, в частности начальника штаба Ставки М. В. Алексеева и командующего Северным фронтом Н. В. Рузского, 2(15) марта Николай II отрекся от престола. После формирования Временного правительства оставался во главе быстро утрачивавшего влияние Временного комитета; находился на посту председателя Думы вплоть до ее роспуска 6 октября 1917 г. После Октябрьской революции уехал на Дон, участвовал в создании Белого движения. Скончался в эмиграции в Югославии. Автор воспоминаний.

В. И. Базилевский имеет в виду мемуары «Крушение империи: (Записки председателя русской Государственной Думы)» (Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVII. С. 5–169).

[231] Сладкая праздность (*ит.*).

[232] Антропофагия — буквально: человекопожирание, людоедство.

[233] Ср. рецензию на книгу Марка Алданова: «Барон Врангель начал жизнь в пору крепостного права и дожил до советского строя. Он разговаривал в детстве с Николаем I, слышал Бакунина, знал Пирогова, был дружен со Скобелевым. Воспоминания его должны быть занимательны — и в самом деле эту книгу читаешь с большим интересом: написана она местами талантливо, неизменно просто и ясно, но облик автора не прост и не ясен.

Что он ненавидит, мы знаем; что он любит, остается недосказанным...» (*Алданов М.* <Рец. на кн.:> Врангель Н. Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. Берлин: Слово, 1924 // Современные записки. 1924. Кн. XXI. С. 417).

[234] *Шидловский* Сергей Илиодорович (1861–1922) – русский политический деятель. Из дворян Воронежской губернии, крупный землевладелец. Окончил Александровский лицей (1880 г.). С 1880 г. служил по Министерству внутренних дел, с 1891 г. чиновник особых поручений при министре. Во время переписи населения 1897 г. был руководителем переписных учреждений в Харьковской и Полтавской губерниях. С 27 января 1900 г. – член Совета Крестьянского поземельного банка. С 30 сентября 1905 г. по 22 апреля 1906 г. – директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. Действительный статский советник. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов от Воронежской губернии. Член фракции «Союза 17 октября». Товарищ председателя III Думы с 30 октября 1909 г. по 29 октября 1910 г. В IV Думе – председатель земельной комиссии, член Совета старейшин. После раскола фракции октябристов (январь 1914 г.) руководил думской группой «Союза 17 октября». Один из лидеров Прогрессивного блока с момента его образования, председатель бюро блока (с 4 сентября 1915 г.).

Во время Февральской революции вошел во Временный комитет Государственной думы. При Временном правительстве – член главного земельного комитета. Участник Московского государственного совещания, член Временного совета республики. После Октябрьской революции активной деятельности не вел. В 1920 г. выехал в Эстонию. Работал в Министерстве юстиции, сотрудничал в таллинской газете «Последние известия». Оставил «Воспоминания» (Берлин, 1923. Т. 1–2).

[235] Имеется в виду книга Анри Беро «Что я увидел в Москве» (1-е изд. – 1925), в которой встречаются такие пассажи: «Все лето я видел людей без предрассудков. Кто-то без кальсон плавал брассом в Москве-реке, чаще всего около больших мостов. Честно говоря, красавиц не было видно. Зато толстухи брали реванш. Я видел голых в автобусах и в ресторанах с лентами поперек тела, гласящими „Долой стыд!“ и „Стыд – буржуазный предрассудок!“» (*Béraud Henri*. Ce que j'ai vu a Moscou. Paris, 1926. P. 178).

Беро Анри (Henri Béraud; 1885–1958) — французский писатель и журналист, лауреат Гонкуровской премии за роман «Лунный яд» (1922).

236 Так в тексте.

237 Вероятно, имеется в виду газета французских коммунистов «Юманите». На страницах газеты в 1926 г. ее главный редактор Поль Вайян-Кутюрье (1892–1937) опубликовал большой репортаж «Месяц в Красной Москве» (Un mois à Moscou la Rouge), недвусмысленно направленный на опровержение книги А. Беро.

238 Неясно о какой газете идет речь.

239 *Ясинский* Иероним Иеронимович (1850–1931) — писатель, переводчик, театральный критик, журналист. В 1870–1880-е гг. выступал как писатель демократического направления; в 1890–1900-е гг. сотрудничал в консервативной печати, публиковал романы охранительного характера. Редактор журналов «Ежемесячные сочинения», «Беседа», «Новое слово», газеты «Биржевые ведомости». После Октябрьской революции Ясинский в числе первых писателей перешел на сторону советской власти, принимал участие в работе Пролеткульта, редактировал журналы «Красный огонек», «Пламя». В 1910-е гг. Репин часто встречался с ним и выполнил два портрета, живописный (1910, ГРМ) и большой графический (частное собрание в Швеции). Вероятно, имеется в виду книга его воспоминаний «Роман моей жизни» (М.; Л., 1926).

240 *...обитатели Талашкина...* — Имеются в виду М. К. Тенишева и Е. К. Четвертинская; о них см. примеч. 136 и 133.

241 Строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

242 *Форд* Генри (1863–1947) — американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США. В 1903 г. основал автомобильную компанию «Форд мотор», ставшую одной из крупнейших в мире. На своих заводах широко внедрил систему поточно-массового производства (стандартизация, типизация и конвейеризация производственных процессов). Методы Форда позволяют предпринимателям повышать производительность труда путем его предельной интенсификации. Автор книг: «Моя жизнь и мое дело» (1922) и «Сегодня и завтра» (1926), «Движение вперёд» (1930).

243 *...я писал Луначарскому...* — Письмо А. В. Луначарскому не обнаружено. Косвенно о его содержании сведетельствует

письмо К. И. Чуковскому от 8 февраля 1927 г., в котором Репин пишет, что читает сочинения А. В. Луначарского: «...удивлен, за что его ругают? А у него очень много интересного в „Критических этюдах", особенно о Горьком <...> Вообще у него очень много хорошего и большая смелость и оригинальность в мыслях. Вообще в новой литературе теперь так много талантливости, совсем неожиданно. Да, Россия еще жива...» (*Репин И. Е.* Избранные письма: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 386). Другое свидетельство о содержании письма находим в письме Репина и Веры Ильиничны Базилевскому от 10 февраля 1927 г.: «Вы совершенно верно написали, что это „крепостное право", только без желания добра своим крепостным! А наоборот! — угнетение и преследование. Папино письмо (ответ на приглашение приехать) переделали по-своему, как им удобней для рекламы» (См.: наст. изд. С. 215).

[244] «Руль» — ежедневная газета, издававшаяся в Берлине в 1921–1931 гг. под редакцией И. В. Гессена при ближайшем участии А. И. Каминки и В. Д. Набокова.

[245] *...на выставке ... в Таврическом дворце.* — Имеется в виду знаменитая выставка исторического портрета, организованная в 1905 г. С. П. Дягилевым в Таврическом дворце.

[246] *...поступил приказчиком в книжный магазин Я. А. Исакова в Гостином дворе.* — Магазин санкт-петербургского книготорговца и издателя Якова Алексеевича Исакова (1811–1881) находился по адресу: Санкт-Петербург, Гостиный двор, 22.

[247] *...вроде немецкого «Gartenlaube»...* — То есть «Die Gartenlaube», первого успешного немецкого толстого иллюстрированного журнала для семейного чтения, издавался с 1853 г. в Лейпциге.

[248] *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875–1933) — советский государственный и партийный деятель, писатель, критик. С 1917 г. — нарком просвещения.

[249] *Чичерин* Георгий Васильевич (1872–1936) — советский государственный и партийный деятель. В 1918–1930 гг. — нарком иностранных дел. Один из организаторов возвращения политэмигрантов в Россию.

[250] Аберрация В. И. Базилевского, строки стихотворения принадлежат не Ф. Тютчеву, а А. Н. Некрасову (поэма «Кому на Руси жить хорошо»).

[251] Вероятно, цитируется по памяти, ср.: «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!» (*Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Гл. седьмая, XXXVI).

[252] *...нашли портрет ... Вашей работы...* — Неизвестно, о каком портрете может идти речь, поскольку единственное изображение Л. Н. Толстого (На молитве, 1901 г.) поступило в Русский музей от автора в 1901 г.

[253] *...в музей Александра III.* — То есть Русский музей императора Александра III (с 1917 — Государственный Русский музей), открытый для посетителей с 7 (19) марта 1898 г. в присутствии имп. Николая II.

[254] *Мария Феодоровна* Дагмар-Датская (1847–1928) — российская императрица, жена Александра III. Урожденная принцесса Луиза-София-Фредерика-Дагмар Датская. Мать последнего императора России Николая II.

[255] Великая княгиня *Ольга Александровна* (1882–1960) — младшая дочь императора Александра III, после падения династии Романовых вместе с матерью перебралась в Крым, а оттуда на британском судне вывезена в 1919 г. в Великобританию; жила в Дании, затем в Канаде.

[256] *...строителя моторов.* — То есть автомобилей.

[257] Великобритания разорвала торговые и дипломатические отношения с СССР 27 мая 1927 г.; поводом послужил отказ СССР прекратить военную и политическую поддержку гоминьдановско-коммунистического правительства Китая и документы, подтверждавшие подрывную деятельность Коминтерна в Великобритании и Китае.

[258] В апреле 1927 г. китайская полиция захватила здание советского посольства в Пекине и обнаружила там документы, свидетельствующие о вмешательстве СССР во внутренние дела Китая. После этого Коммунистическая партия Китая была исключена из Гоминдана и объявлена вне закона.

[259] В 1927 г. правительство Р. Пуанкаре развернуло репрессии против французских коммунистов и выступило с антисоветскими заявлениями на конференции в Женеве.

[260] *...Я всё радием развлекаюсь...* — Имеется в виду радио. У Репина был детекторный приемник, и он через наушники слушал из Ленинграда (другие города приемник еще не принимал) трансляцию опер из Мариинского театра, а также чтение новых книг молодых писателей. Вера Ильинична Репина не раз зарисовывала отца слушающим радио.

[261] Датируется по штемпелю на конверте.

[262] *Гауш* Александр Федорович (1873–1947) — художник, живописец-пейзажист и театральный декоратор. С 1893 по 1899 г. посещал классы Академии художеств. Общался с Репиным, брал у него уроки.

Гауш Любовь Николаевна (1877–1943) — художница, автор натюрмортов, пейзажей, портретов, миниатюр на слоновой кости. Работала на фарфоровом заводе в Петрограде (1919–1922). В 1924–1926 гг. жила в Севастополе и Одессе. В Санкт-Петербурге чета художников Гауш жила на Английской набережной.

[263] «Иллюстрированная Россия» — двухнедельный литературный иллюстрированный журнал. Выходил в Париже в 1924–1939 гг. под редакцией М. П. Миронова. В течение ряда лет в работе редакции принимали участие И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, И. С. Шмелев.

[264] *...биография знаменитого московского доктора.* — Имеется в виду Фёдор Петрович (Иванович) Гааз (1780–1853) — русский врач немецкого происхождения, филантроп, известный под именем «святой доктор»; его жизненным девизом был лозунг «Спешите делать добро». А. Ф. Кони посвятил жизни и деятельности Ф. П. Гааза книгу («Федор Петрович Гааз. Биографический очерк», СПб., 1897), выдержавшую несколько изданий.

[265] *...темой выбрали своих запорожцев...* — Вероятно, имеется в виду картина И. Е. Репина «Гопак» — последняя из цикла картин из жизни запорожцев, написанная в 1926–1930 гг. Находится в частном собрании.

[266] Датируется по штемпелю на открытке.

[267] *Алданов* Марк (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — русский прозаик, мемуарист; в 1918 г. эмигрировал, до 1941 г. жил в Париже, затем в США.

[268] Романы М. Алданова, вошедшие в тетралогию о Французской революции и эпохе Наполеона — «Мыслитель».

[269] *...плавание вашего внука в Австралию.* — Внук Репина Дий Юрьевич Репин (1906–1935) нанялся юнгой на парусник и совершил кругосветное путешествие, во время которого писал семье письма.

[270] *Берс* Андрей Евстафьевич (1808–1868) — врач, штаб-лекарь при московских департаментах Сената, коллежский советник. Отец С. А. Толстой.

[271] *Деникин* Антон Иванович (1872–1947) – русский военачальник, герой Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант Генерального штаба (1916 г.), один из главных руководителей (1918–1920 гг.) Белого движения в годы Гражданской войны. Заместитель Верховного Правителя России и Верховного главнокомандующего Русской армией (1919–1920 гг.). Вероятно, имеется в виду пятитомное документальное исследование о Гражданской войне «Очерки русской смуты» (1921–1926).

[272] См.: *Данилов Юрий Никифорович, генерал.* Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив Русской Революции.. Берлин, 1928. Т. XIX. В мемуарах генерала Данилова описывается отречение царя Николая II.

[273] Г. Флобер высоко ценил талант И. С. Тургенева. Он писал: «Давно уже вы являетесь для меня мэтром. Но чем больше я вас изучаю, тем более изумляет меня ваш талант. Меня восхищает страстность и в то же время сдержанность вашей манеры письма, симпатия, с какой вы относитесь к маленьким людям и которая насыщает мыслью пейзаж». (Г. Флобер – Тургеневу. 4(16) марта 1863 г.). Их знакомство переросло в глубокую и задушевную дружбу, продлившуюся до смерти Флобера: они интересны были друг другу как писатели, понимающие толк в тонкостях литературного стиля. Флобер работал тяжело, тратя иногда неделю для завершения одной страницы, подыскивая прилагательные и шлифуя слово. По его собственному выражению, он из пота, капающего с бровей, извлекал идеальную фразу.

[274] *...собор в Ревеле, кот<орый>... собираются ломать...* – Имеется в виду Таллиннский кафедральный собор св. Александра Невского (освящен 30 апреля 1900 г.), пятиглавый храм, построенный по проекту М. Т. Преображенского (1854–1930) по образцу московских храмов XVII в. на возвышении Тоомпеа в центре города; по идейно-политическим соображениям в 1928 г. власти собирались снести храм.

[275] *Польскую глупость в Европе осмеяли...* – Вероятно, имеется в виду провозглашение автокефалии Польской православной церкви, поддерживаемое польским правительством, сделанное вопреки правилам и канонам Православных цеквей.

[276] *А суд в Берлине ... большевиками.* – По этому поводу читаем в книге князя Феликса Юсупова «Мемуары»: «А в Берлине

(в конце 1928 г. — *Сост.*), в галерее Лемке, Советы организовали продажу произведений искусства. В иллюстрированном каталоге я узнал некоторые наши вещи. Обратился я к адвокату мэтру Вангеманну и просил его предупредить судебные власти и приостановить продажу до разбирательства дела в суде. Другие русские эмигранты, оказавшиеся в подобном положении, приехали также в Берлин и присоединились ко мне. Со мной случился буквально шок, когда увидал я мебель, картины и редкостные вещицы из матушкиной гостиной нашего дома в Санкт-Петербурге.

В день торгов полиция вошла в зал и конфисковала все указанные нами предметы, что вызвало некоторую панику и у покупателей, и у продавцов. Мы не сомневались, что собственность нашу нам возвратят. Мэтр Вангеманн не сомневался также, ибо по немецким законам всякая собственность, краденая или взятая насильно и продаваемая в Германии, подлежит возвращению владельцу вне зависимости от политической ситуации в стране. Но, со своей стороны, большевики заявляли, что декретом от 22 ноября 1919 года советское правительство силой своих полномочий конфисковало все имущество эмигрировавших и немецкие власти не вправе вмешиваться. Увы, большевики выиграли дело. Из Берлина уехал я в сильнейшем расстройстве».

[277] *Бурже* Шарль Жозеф Поль (Charles-Joseph-Paul Bourget; 1852–1935) — французский критик, поэт и романист, достигший громкой известности своими психологическими романами.

[278] *...статью про Вас и Ваш портрет.* — По-видимому, имеется в виду публикация С. И. Савина (подписана — «И. С.») «В гостях у Ильи Репина» (Сегодня. 1928. № 354. 30 дек. С. 4).

[279] «Самодержавный сапог Константин Победоносцев» (*фр.*).

[280] *...по поводу Ивана Грозного и сына.* — Как известно, картина И. Е. Репина «Иван Грозный» была запрещена к публичному показу, в чем была немалая «заслуга» К. П. Победоносцева.

К. П. Победоносцев — Александру III 15 февраля 1885 г.: «Стали присылать мне с разных сторон письма с указанием на то, что на передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих нравственное чувство: Иван Грозный с убитым сыном. Сегодня я видел эту картину и не мог смотреть на нее без отвращения. Слышно, что Ваше величество намерены посетить выставку на днях и конечно сами увидите эту картину <...> Удивительное ныне художество — без малейших

идеалов, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения. Прежде картины того же художника Репина отличались этой наклонностью и были противны. Трудно понять, какой мыслью задается художник, рассказывая во всей реальности именно такие моменты. И к чему тут Иван Грозный. Кроме тенденции известного рода, не приберешь другого мотива. Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент и всей своей обстановкой чисто фантастический, а не исторический. Есть и портрет самого художника на выставке, черты лица его объясняют, что вынуждает его выбирать и рассказывать такие моменты» (Письмо К. П. Победоносцева Александру III от 15 февраля 1885 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Ч. 2. С. 498–499).

[281] Неясно, что за фотографии были посланы Репину, так же как и письмо Репина А. Базилевскому.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН: 1920-е ГОДЫ

Приступая к публикации чьей бы то ни было переписки, пожалуй, не будет лишним немного сказать о письмах в еще недалеком от нас прошлом. В наше время люди постепенно уходят от традиционных посланий в конвертах, заменяя их более мобильными средствами общения, каким является, к примеру, электронная почта. Непосредственное присутствие живой руки автора само по себе отстраняется, потому что эти послания можно распечатать только механическим способом. Не то прежде. Письма, записки и любые письменные оповещения были, по сути, единственным средством коммуникации между людьми. В ту пору, когда еще отсутствовал даже телефон, исписанные листки бумаги были желанным и необходимым сигналом, дающим знать о близких, об их мыслях и о происходящих событиях. В переломные времена, какими, к примеру, были тяжелые 1920-е гг., а именно на них падает переписка И. Е. Репина с В. И. Базилевским, письма несли в себе все оттенки социальной драмы. Поэтому к письмам относились благоговейно. Их берегли. Они были средством лучше узнать об окружающих людях. И если даже отсутствовали фотографии или другие изображения писавших, то бумага, чернила, почерк, орфография и синтаксис давали и дают яркое представление об авторе. Письма бережно складывали, перевязывали ленточкой. О письмах сочинялись или в их форме писались романы и поэмы. Они ценились почти как произведение искусства, а возможно, и как портрет. Письма, таким образом, состав-

ляли немаловажную часть общей культурной памяти. Этот жанр существовал в разнообразных его проявлениях, от лубочных посланий полуграмотного люда, жеманных дамских или гимназических записочек до высокого склада обмена мыслями и почти готовыми полемическими статьями у творческой интеллигенции.

Эпистолярный жанр как большой раздел в литературе характерен для писателей. В меньшей степени это свойственно художникам. История искусств хотя и знает яркие примеры литературной работы мастеров кисти, но, скорее всего, это не является правилом. Однако то, что напишет живописец или скульптор, вообще художник, представляет необыкновенный интерес. Эта литература в корне отличается от продукции работы писателя, потому что она изобразительна, то есть несет в себе черты сходства с картиной, ее прорисованными деталями и колоритом. Письма, написанные Репиным, — яркая иллюстрация к сказанному. В то же время, как ни странно, писатели, даже великие, такие, к примеру, как Лев Толстой, часто оказывались далеки от понимания специфики работы художника. То есть литературная идея превалировала у них над изобразительной. Образцами гармоничного соединения этих двух видов могут считаться по праву немногие из писательской братии.

* * *

В наших руках обоюдная, встречная переписка, что само по себе является редкой удачей. Для того чтобы стала возможной публикация «И. Е. Репин — В. И. Базилевский», понадобилось, уже на нашей памяти, двадцать пять лет. Теперь же, приступая к публикации, мы не сможем обойтись без того, чтобы не наметить хотя бы приблизительно черты биографии героев и того исторического фона, на котором происходила обширная переписка двух пожилых людей, судьбы которых оказались погруженными в сумятицу мировых событий начала XX в.

Однажды, в начале 1980-х гг., Илья Самойлович Зильберштейн обратился при личной встрече к сотрудникам Музея-

усадьбы И. Е. Репина с вопросом, что в «Пенатах» известно о личности Базилевского. «Мне принесли связку писем Репина к нему», — сказал Зильберштейн. Богатые материалы репинского архива позволили тогда сделать для ученого короткую историческую справку. Однако вскоре Зильберштейн умер, а его богатейшее собрание редких документов было передано в Российский государственный архив литературы и искусства и оказалось на много лет закрытым. Теперь настало наконец время прочтения и публикации.

Пачка писем от Виктора Ивановича Базилевского по количеству и объему является одной из самых больших в архиве Репина — 132 письма. Первые шесть, с 1906 по 1913 г., были направлены на имя Наталии Борисовны Нордман (1863–1914). Еще шесть написаны были Репину с 1914 по 1917 г. (возможны другие послания и в более раннюю дату, однако они не обнаружены). Сто двадцать писем поступило в «Пенаты» Репину от Базилевского с 1918 по 1929 г. Окончание переписки наступило только со смертью последнего в 1929 г., когда тому исполнилось 89 лет.

Очень большой архив, состоявший из книг, рукописей, фотографий и сотен писем, был найден среди имущества, остававшегося в доме Репина в декабре 1939 г. Тогда в связи с началом «зимней» войны с Финляндией 1939–1940 гг. дочь Вера и сын Юрий Репины должны были спешно покинуть Куоккалу (ныне Репино) и уехать в Хельсинки. Усадьба поступила в ведение Академии художеств, и в 1940 г. в доме был открыт мемориальный музей. Бумаги же передали из усадьбы в Научно-библиографический архив Академии художеств.

Прежде всего, в нем поражало необыкновенное количество писем, присланных в свое время художнику от многих адресатов, как друзей и знакомых, так и совершенно не известных. Чудо, что письма вообще сохранились, и не только в доме самого Репина, но и в стоявшем по соседству доме сына художника, Юрия. Как выяснилось значительно позже, часть была всё-таки изъята из общего архива и нашлась потом в одной из близлежащих дач, как в случае с почти восемью десятками писем К. И. Чуковского к Репину. Возмож-

но, были другие, оставшиеся неизвестными примеры такого обращения с архивом. Он понес и невозвратимые потери, когда неведомый «коллекционер» почтовых марок вырезал их вместе с частью конверта, лишая, таким образом, возможности узнать дату на почтовом штемпеле. А одно из посланий Базилевского к Нордман было испорчено радикально, то есть марку вырезали вместе с находившимся в конверте письмом.

Обращение Зильберштейна за справкой в «Пенаты» не было случайностью. Россия уже стояла на пороге грядущих перемен, и вскоре могли быть опубликованы закрытые прежде материалы. Оказалось, что письма были приобретены за много лет до того, как Зильберштейн решился почти вскользь упомянуть о них. Он также знал, что в Музее-усадьбе И. Е. Репина в течение многих лет создают и непрестанно пополняют Летопись жизни и творчества художника.

В своей практике научные сотрудники столкнулись со многими и разнообразными источниками. Это и породило идею об их планомерной «каталогизации», то есть расписыванию на карточки разнообразных фактов, из которых формировались картотеки по любым, иногда даже причудливым, признакам. В первую очередь имелись в виду эпизоды, связанные с творчеством, а также события жизни и контакты. Когда дело дошло до расписывания материалов Базилевского, из контекста стало понятно, что адресат наверняка получал ответы от Репина, и не менее шестидесяти раз. Позже выяснилось, что Репин писал Базилевскому более восьмидесяти раз или еще того больше. Всё это стало ясным в настоящее время, почти четверть века спустя после того, как были прочитаны репинские письма. Кстати, и последнее число их неточно, потому что некоторые из писем ранее оказались вынутыми, как в случае, когда в тексте содержался рисунок (январь 1920), находящийся теперь в частном собрании. Отсутствуют также несколько писем дореволюционного времени, за которые Базилевский благодарит Репина. К тому же сравнительно малое количество писем-ответов художника на мощный поток посланий Бази-

левского наводит на подозрения о том, что не все документы сохранились. Думается, что могли быть удалены письма с наиболее острыми высказываниями в адрес тогдашних новых российских порядков.

Переписка существенно отличается от многих прежних, потому что велась в специфических условиях. Два русских человека, живущих в популярнейших некогда дачных местах бывшей Российской империи, один в Куоккале у финской границы, другой в Гунгербурге, вблизи эстонской границы, оказались в условиях невольного эмигрантского существования. И если Репин оставался в своем доме и в привычной бытовой обстановке, то Базилевский был вынужден уехать из своего имения на российской территории в приграничную Эстонию, чтобы переждать «беспорядки». Таким образом, оба стали случайными эмигрантами. Они поддерживают друг друга, обмениваясь новостями, и по мере возможности стараются помочь. Открылось еще и то обстоятельство, что переписка художника с его близкими и друзьями шла тоже через Эстонию.

Базилевский на четыре года старше Репина, принадлежит к семье очень крупных золотопромышленников, благотворитель, владелец большого количества недвижимости как в Петербурге, так и по всей России. Всё потеряно, однако пишет он об этом без отчаяния:

> Но зато порой начинаешь так анализировать события, так спокойно относишься ко всему окружающему, что чувствуешь себя совершенно беспристрастным зрителем и чувствуешь, что верно оцениваешь всё окружающее.
>
> У нас было 40 домов, раскинутых по городам России и Сибири.
>
> Некоторые дома были роскошные, как дворцы, но, право, не жалею, так мирно, хорошо и здорово, как я теперь живу в одной комнате две сажени длины и две ширины. Здесь письменный стол, шкап, зеркало и перед окном сирень, и черемуха, и куст жасмина.
>
> Слышу прибой моря — туда пять минут ходьбы. На столе десяток любимых книг и копия моя любимейшая *Лермонтова*, и право, говоришь себе, немного места нужно человеку, и Бог с ними, с этими миллионами, кот<орыми> и мне пришлось ворочать

15 лет после кончины брата; они его убили в <за> 10 лет, а мне в <за> 15 лет счастья не дали[1].

Имение в Великине заменила маленькая комната в летнем, продуваемом зимними ветрами дачном доме. Но старый человек счастлив. Аскетическая обстановка дает ему возможность продолжать вести дневник, чем занимался он всю свою жизнь, наблюдать природу, фотографировать, читать, размышлять и писать длинные письма. Вскоре обнаруживается, что письма из Эстонии, с которой Советская Россия связана дипломатическими отношениями, приходят в Петроград быстрее и надежнее, чем из более близкой, но закрытой Финляндии. Поэтому комнатка, где обитает Базилевский, становится тем пунктом, куда присылаются письма из Куоккалы, чтобы направлять их дальше, и тем же способом в обратном направлении. К тому же Репин дал право смотреть, что же пишут из России в эту тяжелую пору, а также что пишут из Куоккалы, и узнавать хотя бы какие-то новости о происходящем. Так Базилевский стал участником и посредником в переписке художника со всеми его адресатами в начале 1920-х гг.

Отдельные письма Базилевского, в которых он вспоминает былое, дают возможность проследить его биографию. Виктор Иванович Базилевский родился в 1840 г. (умер в Усть-Нарве в 1929-м). Учился в Петербургском университете, который окончил как естественник в 1861 г., после чего отправился в путешествие по Европе, чтобы увидеть рудники Германии, Бельгии, Франции, Англии, северной Испании и северной Италии. В одном из писем имеется упоминание о том, что он входил с отрядом Гарибальди в Неаполь, что могло быть только в 1860 году, а это не очень согласуется со временем путешествия Базилевского по Европе. Другого упоминания о Гарибальди нет. Правда, в письме к Н. Б. Нордман вскользь сказано о том, что Гарибальди под конец жизни устроился вдали от больших городов на Капри, но неизвестно, побывал ли там наш герой.

---

[1] Наст. изд. С. 46–47.

В 1862 г. Базилевский уехал в Сибирь, был на Лене, Тунгуске, в Якутии. Нашел золотоносную жилу, которую потом разрабатывал его отец. В 1876 г. Базилевский купил в Ямбургской губернии, в 30 км от Нарвы, заброшенное имение. Оно принадлежало недавно умершей знаменитой красавице, еще времен А. С. Пушкина и П. А. Вяземского, графине Е. М. Завадовской. Базилевский жил там с семьей до революции (у него было шесть сыновей и три дочери). Потом перебрался в Гунгербург (Усть-Нарву). В послереволюционные годы не имел средств и подрабатывал как фотограф. Снимать научился в своих сибирских поездках. В одном из писем к Репину в 1923 г. он послал свой автофотопортрет. Базилевский поддерживал регулярные связи с Парижем, Ниццей и другими городами, так как повсюду жили его дальние и близкие родственники. Он проявлял достаточно активности, чтобы наладить связи и соединить всех со всеми. Те письма, которые писали ему Репин и Н. Б. Нордман еще в 1900-е гг., по-видимому, утрачены, как и весь его дореволюционный архив вместе с усадьбой в Великине. Поэтому ответные письма Репина датируются уже только 1920-и гг.

Литературная деятельность Репина — ярчайший пример словесного выражения, свойственного пишущим художникам. Он никогда не вел дневника, но писал письма, много писем, и не ленился подписывать свои рисунки и живописные этюды, на которых часто ставил и дату исполнения. Вот эти два фактора позволяют во многом проследить большинство эпизодов его творческой биографии. При этом в обыденной жизни он был, пожалуй, достаточно целомудрен и закрыт от посторонних. Письма Репин не строил заранее, а был непосредственен, особенно если чувствовал, что может доверять адресату. Образность словесных построений и форм, выразительность языка сообщали письмам художника увлекательность, интригу и напор. Это обстоятельство было замечено друзьями еще с юности Репина. Сохранил его письма Адриан Прахов, когда они, будучи один студентом университета, а другой учеником Академии художеств, обменивались длинными посланиями. Сохранилась переписка с И. Н. Крамским, с В. В. Стасовым,

переписка с художниками, писателями, с семьей Толстых и семьей Тархановых. И Репин тоже умел не только писать письма, но и хранить присланные, несмотря на переезды и разные жизненные перипетии. Поэтому большая часть эпистолярного наследия художника и была опубликована в разное время.

Если рассмотреть изданную переписку Репина, нетрудно заметить, что она смещена в пользу XIX в. Публикации материалов XX в. были связаны с таким количеством цензурных препятствий, умолчаний, купюр, особенно если дело касалось недавнего прошлого, что обращение к документам прежних времен оказывалось более плодотворным, а главное, менее опасным. Поэтому в прежние годы далеко не всё увидело свет, чему подтверждением служит позднейшее по времени издание переписки «Репин – Чуковский» (М., 2006). Сейчас на очереди менее всего удобный для прежних подцензурных времен блок «Репин – Базилевский».

Как начиналось их общение? Прежде всего, существует рисунок, местонахождение которого неизвестно. Однако сохранился негатив. Репин изобразил Базилевского в 1906 г. на одном из листов так называемого Альбома Н. Б. Нордман. Этот альбом заполнялся рисунками только в «Пенатах», и изображались на них непосредственно гости усадьбы. Это значит, что Базилевский был гостем Репина и Наталии Борисовны Нордман.

Усадьба «Пенаты» находится на Карельском перешейке, в поселке Куоккала (ныне Репино) на территории тогдашнего Великого княжества Финляндского, и Н. Б. Нордман – владелица усадьбы. Прежде считалось, что Репин в какие-то неопределенные годы начала 1900-х переехал из Петербурга на «дачу Нордман». Так думали тогда все, не зная, что дачу эту купил сам Репин, и сделал это для Наталии Борисовны и на ее имя, отметив тем самым кульминацию их романа. Ему было 55 лет, ей 36. Она подписала купчую 15(27) мая 1899 г. Нордман не суждено было прожить долго. Она ушла из жизни на пятьдесят первом году, 29 июня 1914 г., то есть пятнадцать лет спустя после обретения усадьбы. Это были яркие годы со знаменитыми «средами», когда в «Пенаты»

мог прийти каждый и когда в усадьбе побывали чуть ли не все замечательные художники, музыканты, писатели и ученые 1900–1910-х гг.

Познакомились Репин и Нордман в первой половине 1890-х гг. Тогда княгиня Мария Клавдиевна Тенишева позировала для портрета и приходила на сеансы в сопровождении подруги-компаньонки. Затем Репин встретился с Нордман в 1896 г. уже в Талашкине под Смоленском, где было имение Тенишевых, что неподалеку от имения матери Нордман. Скорее всего, именно там Репин впервые услышал рассказы нашей героини о бурной молодости, когда она, не желая признавать светские условности, самостоятельно выправила паспорт и уехала в Америку. В этой стране, казалось ей, можно начать новую жизнь, наполненную служением какому-то полезному делу. Но ее никто там не ждал и не готовил для нее место, поэтому, будучи совершенно неприспособленной и не сумев достойно устроиться, она смирилась и вынуждена была вернуться. Это нанесло урон репутации Нордман. В тогдашнем обществе не принято было так явно выражать подобное вольнодумство. Потом ей часто приходилось слышать у себя за спиной презрительный шепот: «Эта, ах, эта!» Уже не говоря об Америке, мать героини даже запретила ей посещать вполне приличные с точки зрения морали классы лепки при училище барона Штиглица. Хотя семья Нордман испытывала некоторые материальные затруднения после смерти главы, адмирала Б. Д. Нордмана, мать считала необходимым поддерживать светский образ жизни, совершенно неприемлемый для ее дочери. В конце концов Наталия Борисовна окончила курсы фотографии при Русском техническом обществе и даже участвовала в конкурсах. Под псевдонимом Н. Б. Северова она выступила как литератор, изложив честно и нелицеприятно все злоключения юности в повести «Беглянка». Повесть напечатали с иллюстрациями Репина в журнале «Нива» весною 1900 г. Потом были еще два переиздания, одно с названием «Эта», другое — «К идеалам».

Еще до встречи с Репиным Нордман связывала известные надежды на свое предназначение с благотворительной дея-

тельностью. Ею занимались княгиня Тенишева и ее подруга княгиня Е. К. Святополк-Четвертинская. Однако, не имея нужных средств, самостоятельно Наталия Борисовна сделать ничего не могла. Она изнемогала в попытках найти применение своим нерастраченным силам, то сдруживаясь, то отдаляясь от обеих княгинь, хотя искренне считала их своими друзьями. А те были неразлучны, и в 1896 г., в Талашкине, Репин писал портреты и той и другой, а Нордман рассказывала о прошлом. Вот за эти-то рассказы она, наверное, и получила прозвище Шехерезада. Во всяком случае, в письмах к Тенишевой, опубликованных сравнительно недавно, Репин именует Нордман только так. Потом, в «Пенатах», назвали «Шехерезадой» одну из беседок.

Виктор Иванович Базилевский знал всю компанию молодых женщин, потому что был родным дядей княгини Екатерины Константиновны Святополк-Четвертинской. Она была дочерью его старшей сестры. Так что Репин мог даже встречаться с Базилевским или уж, во всяком случае, слышать о нем. Побывав в 1906 г. в «Пенатах», Базилевский писал Нордман, делясь опытом ведения усадебного хозяйства. Он даже послал в Куоккалу саженцы кустов черной смородины, дававшей ему в Великине большой урожай крупных и сладких ягод. Еще они обменивались с Нордман фотографическими «секретами», каким объективом лучше снимать, как проявлять и тому подобное. И конечно, были вопросы о том, что пишет теперь Репин, а также что думает о его снимках с точки зрения художника.

Первое из писем, обращенных Базилевским к Репину от 9 мая 1914 г., содержало тревожный вопрос, действительно ли он хочет покинуть «Пенаты» и переехать на родину в город Чугуев. «Столько в Вас силы, энергии, и слишком важна Ваша личность здесь, в столице»[2]. Ответ не сохранился, но следует новое письмо, из которого явствует, что художник успокоил адресата, посетовав на пустую газетную шумиху.

Дело в том, что шумиха была не такой уж пустой. Летом Репину исполнялось 70 лет, и вместо формального чество-

---

[2] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 522. Л. 1.

вания он изъявил желание построить на родине так называемый «Деловой двор» — народную Академию художеств, где учили бы художественным ремеслам и где было бы всего два звания — Мастер и Ученик. Чугуевцы откликнулись на эти планы и выделили шесть десятин земли под строительство. Репин принимал у себя земляков и даже нанял управляющего, поручив ему бурить артезианскую скважину, чтобы снабдить Чугуев хорошей водой. Он собирался на родину, о чем свидетельствует его записка к сыну от 7 марта 1914 г.:

> Милый Юра, я на Страстной не еду (в Чугуев. — *Е. К.*). И передумал, лучше прежде я поеду с Верой, поживем там, присмотримся, и тогда уже решим. А то я боюсь — может быть, всё кончится каким-нибудь разочарованием[3].

В следующем письме Базилевский пишет о своем житье-бытье и об истории переезда в Великино:

> Я очень понимаю, как Вам хорошо живется и думается и работается в «Пенатах». Центр Русской умственной жизни рядом, а вместе с тем здоровые условия жизни вне города. Нас Господь благословил, забросивши в нашу ямбургскую глушь. Тридцать лет тому назад хотелось выбраться из душной атмосферы, и светской и физической, Петербурга. Жена-сибирячка не могла примириться с тамошней обстановкой, и вот после долгих поисков мы наткнулись случайно на заброшенное, когда-то роскошное имение графини Завадовской; ею были в <18>40-х годах перевезены сюда крестьяне из Черниговской> губ<ернии>. Жене оно понравилось по своей дикости и отдаленности от города (30 км от Нарвы), и мы тотчас купили его.
>
> Большой заросший парк, в кот<ором> мы натыкались на рябчиков. Заросший пруд, в кот<ором> купаются дикие утки. Громадные дубы, лиственницы сибирские и еще довольно крепкий двухэтажный дом, оранжерея, кот<орую> поддерживает любитель старик-садовник. Нашлись и коровы и лошади. Громадная старая библиотека, начиная с 1840-х годов. В доме оказались и старая мебель, и кровати. Так что, уложивши немного вещей, мы весной 1876 года и двинули сюда, и вот с тех пор и живем, выезжая изредка в город[4].

---

[3] Там же. Ед. хр. 444. Л. 43.

[4] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 522. Л. 3.

Репин вполне мог согласиться с тем, что ему хорошо в «Пенатах». Однако к тому времени в его отношениях с Нордман обозначилось некоторое охлаждение. Вскоре она заболела. Начался рецидив залеченного в прежние годы туберкулеза горла. Нордман оставалась некоторое время в санатории под Выборгом, затем в Военно-медицинской академии перенесла операцию, сделанную известным хирургом Е. В. Павловым. Решено было, что она уедет в теплые края. В конце февраля 1914 г. Репин и К. И. Чуковский проводили Нордман в Швейцарию, куда уезжала она в сопровождении медицинской сестры.

Когда стало известно, что Нордман умерла, Базилевский направил Репину письмо:

19 июня 1914 г.
Великино

Глубокоуважаемый Илья Ефимович!

Только что прочел в Нов<ом> вр<емени> о кончине за границей Наталии Борисовны! Как грустно, что приходится мне, 75-летнему старику, читать о кончине женщины в цвете лет и которой, казалось бы, еще столько жизни впереди! Я знал Наталию Борисовну молодой. Бурный, оригинальный характер. Мне всегда нравилась эта оригинальность мысли, эта самостоятельность убеждений. Удивительная бодрость, энергия не засыпали в ней никогда, и сколько (давно, давно) приходилось слушать споров в светской среде, где ей приходилось вращаться и с кот<орой> она мириться никогда не могла. Как грустно, что не придется больше видеть и слушать эту интереснейшую собеседницу и доброго, хорошего человека. Мир ей. Жму руку Вашу, дорогой Илья Ефимович.

Ваш *В. Базилевский*[5]

После смерти Н. Б. Нордман, согласно ее завещанию, Репин оставался пожизненным владельцем «Пенатов». Начались хлопоты, потому что в дальнейшем усадьба должна была перейти в ведение Академии художеств, причем комнаты, «носившие отпечаток вкусов и привычек Репина», должны были сохраняться. Возникла небольшая заминка, но художник внес средства на будущее содержание усадьбы, и дар был принят.

[5] Там же. Л. 5. Дата указана по старому стилю.

Юбилей Репина в 1914 г. был омрачен вступлением России в Первую мировую войну. Начались другие заботы, и грянул 1917 г., конец февраля.

Базилевский полон радости и пишет Репину 10 марта 1917 г. восторженное письмо:

> Да здравствует Свободная Россия!
>
> Дорогой Илья Ефимович, как хотелось бы слова эти написать Наталии Борисовне. Рано ушла она и не дождалась она этих дней, о которых она мечтала еще в годы ранней молодости.
>
> Помню я ее хорошо еще юной девушкой, когда она в аристократическом круге смело говорила о народе, о правде, рабочем люде, о позоре полицейского режима и о бездействии интеллигенции.
>
> Как грустно, как грустно, что она не видит и не слышит, что теперь вся Русь! Я как во сне. Не верится, что я дожил до этого дня <...>
>
> Мы в марте не получили ни одной газеты. <...> только газета из Москвы «Утро России» принесла наконец вести о Революции, которая в шесть дней изменила всё до дна! Конечно, теперь только один исход, одно решение: *Великая Русская Республика и Президент* на три или пять лет.
>
> Вот теперь мы вздохнем свободно и разовьем все свои силы, разработаем все свои богатства, которые сжимал дикий полицейский кулак и бюрократия. Позвольте обнять и расцеловать Вас, дорогой Илья Ефимович, и да процветет будущее народовластие и Первый Русский Посадник как во времена Великого Новгорода и Пскова[6].

Каков мог быть ответ Репина, ясно из его письма от 29 марта 1917 г. Александре Васильевне Стаценко, соседке по Куоккале и другу Репина и Нордман:

> Ах, какое счастье, дорогая Александра Васильевна! Мне остается только умереть; но я жив и здоров и при мысли, что в России республика, готов скакать от радости. Да — республика. Об этом я даже мечтать не смел, и теперь еще боюсь — не сон ли это!.. <...>
>
> Вы помянули дружеским словом незабвенную Наталию Борисовну. Да, этим духом республики она жила уже более 15 лет, и превеселое время это было.

[6] Там же. Л. 9, 10.

В саду нашем летом: и флаги, и песни, и речи — митинги, а зимами чтения докладов, кооперативные праздники, и всё это было полно самого неприкрашенного равенства, равноправного, свободного, прогрессивного до самозабвения на наших газах — в тесноте, да не в обиде.

Слава! Слава! Прав Достоевский: русский народ удивил весь мир и внес новое в жизнь!.. Дай Бог быть достойными и удержать, что добыто народом...[7]

Оба с энтузиазмом встретили перемены, оба давно ждали их. Еще в 1915 г. Базилевский писал:

Тяжелую эпоху переживаем мы. Капиталистический строй дошел до крайнего своего напряжения; это своего рода феодальный строй, напоминающий Средние века; тогда были рыцари и бароны, теперь заводы и банки, кот<орые> на золото это делают, с перепроизводством ищут сбыта, ищут новых земель и морочат трудовую массу[8].

Потом началось время, когда было не до писем. Несмотря на тяжелые осложнения, происходящие на его глазах, Базилевский еще полон терпеливого ожидания и в 1918 г. пишет Репину, что жестокость, которую проявляют поднявшиеся массы рабочих и крестьян по отношению к богатым, ими же и обусловлена. Постепенно тон писем несколько меняется, но всё-таки бывший золотопромышленник не теряет головы, а стоит на позиции спокойного наблюдателя.

В апреле 1918 г. закрывается граница России с Финляндией, и у новой России даже нет с нею дипломатических отношений. Но Репин тоже не теряет головы, много работает. Его дочь Вера пишет со слов отца:

Папа чувствует себя теперь хорошо. Пишет новые картины и портреты дамские <...> Со временем собирается устроить свою выставку в Гельсингфорсе. В Куоккале много русских бывает по средам. Приезжают по средам из Выборга и Гельсингфорса посмотреть папины работы. Продукты есть в большем количестве,

---

[7] Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации / Сост. И. А. Бродский, В. Н. Москвинов. Л., 1969. С. 256.

[8] В. И. Базилевский — И. Е. Репину, 9 апреля 1915 (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 522. Л. 7).

чем в Петрограде. Только нет сахару и керосину, так что вечер проходит в темноте и надо рано ложиться спать. Папа бодрый и веселый, встает в 4 часа утра и ложится в 7 ч. веч<ера>...[9]

«Другая» жизнь, начавшаяся в России в 1917-м, вступила в права в новой Финляндии. Деньги пропали в российском банке. Всё сначала.

Подолгу не удается наладить связь с близкими. Репин сообщает Вере Ильиничне 17 июня нового стиля 1918 г., что вчера Г. К. Гегер-Нелюбин привез ему от нее письмо и «деньги, хлеб, шоколад и сахар, сахар! О, как мы изголодались и истосковались по вас <...> У меня или малярия, или инфлюэнца, я едва ноги таскаю от слабости, лень: всё спать-отдыхать прикладываюсь. Главное — от бесхлебья отощал»[10].

Своей давней младшей приятельнице Е. П. Тархановой Репин пишет 23 июня старого стиля (6 июля н. с.) 1918 г.:

Можно лопнуть от догадок: до сих пор варварство военного быта угнетает нас и всё больше. До сих пор Веры нет, и я не могу ни написать, ни ответить на письма. И не знаю, когда дойдет до Вас этот запоздалый ответ... О милом Куоккале. Теперь это пустыня: дачи заколочены, стекла выбиты, и дорожки заросли[11].

А неделю-полторы спустя в письме к дочери:

Г-жа Леви приезжает на сеансы, и Шуваловы нас очень балуют своими щедротами, а г. Орлов (художник) добыл муки, крупы <...> А у нас хлеб, и каша, и огурцы, и томат и пр., некоторое время еще держимся[12].

Из Петрограда ползут зловещие слухи. Там голод, разруха, грабежи. Пробравшаяся в Финляндию знакомая дама

[9] *Тимофеев Лев.* Среды в «Пенатах». Неизвестные письма И. Е. Репина // Литературная Россия. 1980. 15 авг. С. 16. В. И. Репина — М. П. Оленину, 8 сентября 1918.

[10] СР ГРМ. Ф. 119. Ед. хр. 4. Л. 2.

[11] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 1.

[12] И. Е. Репин — В. И. Репиной, 18 июля 1918 (н. с.) (СР ГРМ. Ф. 119. Ед. хр. 4. Л. 4).

рассказывает о драматическом случае, свидетельницей которого она была: несколько пьяных солдат, глумясь и хохоча, выдергивают из рук худенькой испуганной девочки краюху хлеба. Художник изображает эту сцену и называет картину «Большевики».

Репин экспрессивен и горяч. Наступившие времена он характеризует как «эпоху хулиганства». Хотя письмо с этим высказыванием не сохранилось, но оно приведено в ответном письме Базилевского от 8 апреля 1920 г.:

> Совершенно верно, как Вы пишете, дорогой Илья Ефимович, *наступает эпоха хулиганства* (курсив мой. — *Е. К.*); как когда-то варвары ворвались в древний Рим, ограбили, уничтожили всё, перебили всё население и потом пошли дальше, так, как кочевые племена не сознавали форм города — были совершенно чужды римской культуры — так и теперь: наука, искусство, всё это идет насмарку, и нового никто не создает. Уровень умственный всё понижается. Пока живут еще остатками прошлого, которое всё изворачивается на другой лад, и в *будущем небольшой группе изгнанной интеллигенции придется много поработать, чтобы продолжить культурную работу России* (курсив мой. — *Е. К.*)[13].

Слова эти выглядят сейчас чуть ли не пророческими. Между тем еще недавно он писал Репину:

> Право, живется хорошо, и диета, которую закатили всем, исправит общественные желудки; пожмемся, отвыкнем от многого, но сблизимся с народом, поймем его лучше. Теперь и крестьянин выглядит бодрее, и иногда — этот взгляд из-под бровей и эти рабские повадки.
>
> Лучше всё стало теперь[14].

Или:

> Мне в 1820 (т. е. 1920, описка автора. — *Е. К.*) году будет 80 лет, и не думал никогда, что так разобьется на куски Матушка Русь Великая, а вот пришлось до этого дожить — но я не теряю веры в *Великую Северную Республику*, которая соединит все разные автономные штаты республик<анские> под одним Президентом наподобие Сев<ерных> Амер<иканских> Штатов[15].

---

[13] Наст. изд. С. 30.

[14] Там же. С. 13.

[15] Там же. С. 14. Курсив В. И. Базилевского.

Репин в январе 1920 г. писал ему похожие соображения в письме, которое, как уже говорилось, по непонятным пока причинам было вынуто кем-то из общей связки. Начинается оно так:

> Исполняю Вашу просьбу, дорогой Виктор Иванович. На первом же лоскутке, бывшем в руках, пером, рисую со своего жалкого подобия. Да, это челов<ек>, потерявший национальность, — интернационал.

Скорее всего, это послание было реализовано как рисунок Репина. Хотя рисунок необычный. Он выполнен тем же пером, что писалось письмо, и вообще является как бы частью текста, будучи окруженным строчками послания, написанного буквально вдоль и поперек. И в этих строчках изложены мысли Репина, каким бы хотел видеть он будущее родины:

> ...недаром же я больше всего желаю, чтобы Россия *вся* сделалась бы порто-франко. Идите все к нам, как в свой дом, устраивайтесь, как вам лучше, это будет и нам лучше.
>
> Как зацветет Россия!! Вот когда вновь все флаги в гости будут к нам и запируем на ПРОСТОРЕ[16].

Порто-франко для России, о котором пишет Репин, в переводе на обычный язык, является, по сути, свободной экономической зоной. Как видно, во все переломные времена люди проходят через одни и те же догадки и планы.

И еще, то, несколько загадочное, высказывание Репина о своем «интернационале» связано с тем, что он хлопочет о паспорте. Так как художник выразил нежелание менять гражданство, документ нужен был нейтральный, такой, чтобы не подразумевал принадлежность той или другой стране, но вместе с тем удостоверял бы личность. Выход был найден Ф. Нансеном, бывшим после 1-й Мировой войны верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных. Знаменитый полярник дал идею для практического решения этого непростого дела. Оно заключалось в обретении русскими беженцами так называемых нансеновских паспортов, отве-

---

[16] И. Е. Репин — В. И Базилевскому, 24 ноября 1920 (Частное собрание; см. вклейку наст. изд.).

чавших нужным требованиям, но превращавших носителей такого паспорта как бы в «граждан мира».

В том письме, где Репин нарисовал автопортрет, он пишет, что своим ответом исполняет просьбу Виктора Ивановича. Действительно, Базилевский обратился к художнику 19 января 1920 г.:

> Дорогой Илья Ефимович, у меня к Вам большая-большущая просьба. Я Вас не видел почти 10 лет, Вам, я думаю, уже 75 год пошел, хотелось бы взглянуть на Вас. Пододвиньте к себе зеркало и набросайте карандашом маленький эскиз, Вашу кудрявую голову. Хотелось бы видеть Вашу улыбку.
>
> Уважьте старика – вложите в конверт и перешлите мне почтой. Вот сделаете хорошее дело – праздник мне это будет[17].

Читаем текст у рисунка:

> Да, во всём наброске вышла сугубая жалость, как и подобает нам в эту годину безысходного рабства. За Ваше интересное письмо я искренно и глубоко Вас благодарю и жалею, что плохо вышел мой жалкий портрет. Но как только станет потеплее, я иду к фотографу и, как только будет готов мой несомненный снимок, сейчас же Вам отошлю его. У нас стоят холода. Вот уже выпал снег, <tº> 26–27, 20–21, и сегодня утром 22 было. Теперь теплее. Простите, не сердитесь, я постараюсь быть приличнее. Но поверите ли, как мне это трудно. О, одинокая старость! Однако надо исправляться. Ваш Ил. Репин.
>
> А мне теперь 75 лет и шесть месяцев[18].

Прорвавшаяся было у Репина нотка жалости к себе отнюдь не характеризует то положение, в котором он пребывал. Несмотря на общую неясность и трудности, в которых оказались его домочадцы, особенно семья младшей дочери, жившей в имении Репиных Здравнёве близ Витебска, художник всё-таки оставался деятельным и не прекращал работы в своей мастерской.

Было и другое знаменательное событие, о котором он и не обмолвился в письмах Базилевскому. Во всяком случае, в сохранившихся письмах нет изложения событий 1919 г. Тогда, в июле, Финляндия приняла республиканскую конституцию. То, что было предметом давних упований Репина

[17] Наст. изд. С. 17.

[18] И. Е. Репин – В. И. Базилевскому, 24 ноября 1920.

для России, нашло себе воплощение здесь. Он немедленно оповестил общественность о том, что дарит Финляндии свои картины и картины других русских художников из своей коллекции. Это должно было помочь восполнить собрание музея «Атенеум», не имевшего в своих фондах произведений русской живописи, и, таким образом, отблагодарить государство, давшее приют многим русским, оказавшимся, как и он, вне родины.

Финляндское правительство приняло дар с благодарностью. После выправления «нансеновского» паспорта Репин приехал в Хельсинки. 28 октября 1920 г. в газете «Общее дело» (Париж) опубликована его статья «Впечатления от Гельсингфорса». Репину нравится молодая республика Финляндия. Он в восторге от музея «Ateneum», которого давно не видел.

Его чествовала художественная общественность, а правительство наградило Репина орденом Белой розы. Довольно редкий случай в истории русского зарубежья того времени. В свою очередь Репину захотелось изобразить это чествование в Хельсинки, потому что во время него он увидел замечательно интересные лица. Воздать должное русскому живописцу пришли поэт Эйно Лейно, архитектор Э. Сааринен, художник А. Галлен-Калела, композитор Я. Сибелиус, скульптор В. Вальгрен и много других. К. И. Чуковскому Репин пишет 22 сентября 1921 г.:

> Финские художники отнеслись ко мне лучше, чем родные братья: в Гельсингфорсе мы так пировали!.. Еще уезжая, уже в вагоне, долго я был обуреваем живой карти<ной> нашего торжества. По приезде я сейчас же, через добрых друзей, выписал из Стокгольма большой масл<яный> холст, и полетели мои письма в Гельсинки (так в тексте. — *Е. К.*), а оттуда — 30 000 курьеров — повезли мне фотографии с финских художников. Все имена, которые волновали меня еще в <18>70-х годах, — Акс<ель> Гален, Галонен, Ярнфельд и многие другие.
>
> Теперь эта картина почти готова, и я почти разочарован этой затеей (как всегда бывает со мной — Вы знаете)[19].

---

[19] Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. М., 2006. С. 133–135.

Сомнения Репина понятны. Ему мало пришлось писать с натуры, но тем не менее, пользуясь фотографиями и усаживая разную натуру в нужную позу, он сумел создать нарядное декоративное панно «Финские знаменитости», которое тоже подарил финляндскому государству.

Несмотря на светские успехи в Финляндии, мысли о России, о природе происходящих там событий не дают покоя Репину. В газете «Общее дело» (Париж) 28 ноября 1920 г. опубликована статья Репина с воспоминаниями о Л. Толстом:

> Толстой знал, что самая реальная сила — Бог. Несокрушимая, вечная, а человечество возникает и уничтожается, как хаосы инфузорий, саранчи, оставляя после себя только миазмы на земле. Гарцуют озверелые недоросли, одурманенные безверием, но страшен Бог карающий, и испытавшие десницу Его узнают, что лучше бы им и не родиться на земле... Разве может быть принята вера в коммуну нашим лишенным всякого воспитания полицейским отродьем большевизма? Какие же они коммунисты, отрекшиеся от собственности альтруисты, жертвующие собою для общего блага, способные на равенство, братство, свободу![20]

Для Репина всё это —

> ...чердачные мечтатели времен студенчества. <...> Учредилки, расстрелы — вот их средства, наемные латыши, китайцы — вот их опора. Шпионы, интриги, вот их изучение человеческих принципов[21].

И вот 20 февраля 1921 г. в газете «Путь» (Гельсингфорс) снова появляется статья «Репин о современной России». Ее комментирует Ф. Н. Фальковский, напечатавший в газете фельетон «Задержались» о многих «задержавшихся» в Финляндии русских.

Репин пишет:

> Вам я дерзаю сообщить и свою идею, которую я считаю очень важной и спасительной для разоренной России. Ее разорили захватившие власть дилетанты-фантазеры <18>60-х годов — моло-

---

[20] *Репин И. Е.* К десятилетию со дня смерти Л. Н. Толстого // Общее дело (Париж), 28 ноября 1920.

[21] Там же.

дые нигилисты: тогда дерзко, с опасностью для жизни, мечтали они о коммуне, — вот теперь им же посчастливилось осуществить ее <...>[22].

Далее Репин выражает недовольство разбухшей бюрократией и высказывает свои соображения:

> Следует учредить артельное начало. Во всех профессиях, во всех учреждениях должны быть приняты артели, с круговою порукой. И это не только в вольных учреждениях, по всем специальностям, но даже в военном строе — артели.
>
> Староста, письмоводитель — вот и всё начальство (избранное). Это старинный русский быт <...> К этому надо вернуться — это так коммунально <...>. Все административные учреждения, все, все должно быть на артельных началах. Заводы, фабрики, рестораны, отели и т. д. и т. д.[23]

Можно сказать, что в высказываниях Репина появляются конструктивные нотки. Он не обращает внимания на предупреждения знакомых о просоветской позиции Ф. Н. Фальковского, а тот в комментариях отмечает, что Репин критикует бюрократию столь же резко, как и советские газеты в последнее время.

Репин прислушивается, смотрит, огорчается, возмущается, распаляется негодованием, сетует и размышляет, ждет приезда в «Пенаты» дочери и совершенно неожиданно, как бы в противовес своим же предыдущим гневным высказываниям, пишет Вере Ильиничне 8 января 1922 г., что знакомые по Куоккале разъезжаются, потому что не все хотят жить на чужбине. «Да и правда, пора нам вернуться в Россию и начать созидательную работу. *Черт бы побрал все политические бредни!* (курсив мой. — *Е. К.*)»[24].

Это был последний непосредственный эмоциональный порыв Репина вернуться, уехать совсем из Куоккалы. Наверное, он не до конца верил противоречивым слухам о происходящем в России и хотел бы на всё посмотреть своими глазами. Он и позже готов был приехать в Петроград и Москву,

---

[22] *Репин И. Е.* О современной России // Путь (Гельсингфорс), 20 февраля 1921.

[23] Там же.

[24] СР ГРМ. Ф. 119. Ед. хр. 4. Л. 16–16 об.

но только на время, чтобы увидеть свою выставку и друзей. Однако ни о каком переезде, с его стороны, уже никогда не шла речь, что бы ни писали об этом сторонники того или другого лагеря. Последним своим домом Репин определил «Пенаты».

В его мастерской продолжается, по его словам, «усовершенствование» прежних полотен. Начаты несколько новых картин. Репин пишет этюд с худенького светловолосого мальчика, брата своей прислуги. Этюд требуется для воплощения сюжета об отроке Христе во храме. Еще стоят в работе три больших полотна из небывалой для Репина и очень важной для него группы картин на евангельские сюжеты. Главной темой их стали смерть и воскресение. Это «Голгофа», «Утро воскресения» (встреча Христа и Марии Магдалины) и «Неверие Фомы». Переписывается картина, посвященная запорожцам, «Черноморская вольница», и задумана новая, которая посвящена всё тем же запорожцам, частично переделывается начатый еще в 1870-е гг. «Крестный ход в дубовом лесу». Но обо всём этом в письмах Базилевскому нет ни слова. У Репина просто не имеется привычки писать ему о своем творчестве. Правда, он вскользь упоминает «Крестный ход», «Финские знаменитости», пишет об автопортрете, но это лишь словесные тени тех событий, что происходят в репинской мастерской. Не то, что, например, в письме к А. Ф. Кони 15(28) апреля 1921 г.:

> Вера меня так обрадовала известием, что Вы живы и читаете лекции. Я тоже был похоронен; и из Швеции получил даже прочувствованный некролог с портретом. Как не радоваться!.. И эта радость дала мне идею картины. Я думал, что и Христос обрадовался, когда почувствовал, что он жив, и здоров был настолько, что отвалил камень (вроде плиты), заставлявший вход в хорошо отделанную гробницу Никодима, и вышел. Испугавшаяся стража соскочила в овраг. Он поднялся к дороге, огибающей стену Иерусалима; это совсем близко, тут же и Голгофа; и налево хорошо были видны кресты с трупами разбойников, а посреди и его — уже пустой крест, сыто напитанный кровью, внизу лужа крови. И трупы с перебитыми голенями еще истекали, делая и от себя лужи, на которые уже собаки собрались пировать... Христос пошел к Гефсимании <...>.
>
> Радость воскресшего хотелось мне изобразить... Но как это трудно!.. До сих пор, несмотря на все усилия, не удается.

> В Гефсимании его встретила Магдалина, приняла за садовника, обратилась с вопросом: «Ревуни!» Изумилась она, когда его узнала. Эта картина уже готова почти.
>
> Изнемогая от непосильных усилий над «Радостью воскресения», я начал писать группу финляндских художников, стараясь скомпоновать что-нибудь вроде бывшего ужина в Гельсингфорсе, где я сам был и даже какое-то крепкое вино пил, которое мне очень понравилось... Ну, эта работа полегче; и я ее уже показываю публике, собирающейся на наши чтения по средам[25].

То, о чем Репин писал Чуковскому или Кони, ему уже нет нужды и писать Базилевскому еще и потому, что тот, как уже упоминалось в начале, читает всю переписку. Осознавая это, в письме от 2(15) июля 1921 г. художник предлагает:

> Если Вас поинтересует и у Вас найдется лишнее время, можете читать их (письма. — *Е. К.*), в них нет ничего запретного и, к сожалению, мало интересного[26].

Этим предложением Репин просто закрепляет правомочность чтения своих писем. В ответ Базилевский признается:

> Спасибо за Ваше разрешение; признаться, грешен перед Вами. Как-то невольно заглядывал в Вашу переписку, особенно когда дело коснулось Кони, — такие имена, как Ваше и Кони, ведь [устои] века великих реформ, и слишком соблазнительно было послушать Ваши разговоры. Ведь от Вас пошло новое искусство; Кони разбудил общественное самосознание — уважение человеческого достоинства[27].

Время берет свое, и вот уже из Советской России группа художников-передвижников пишет Репину, что после четырехлетнего перерыва они открыли выставку в Петрограде силами десяти человек. Они просят Репина принять участие в выставках. Письмо подписано А. Маковским, Г. Гореловым, М. Курилко, А. Савицким и другими, бывшими в прошлом учениками Репина[28].

---

[25] *Репин И. Е.* Избранные письма: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 329. Далее — Рип с указанием тома и страницы через запятую.

[26] Наст. изд. С. 77.

[27] Там же. С. 78.

[28] См.: Письмо И. Е. Репину, 30 марта 1922 г. (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 1352. Л. 1–2).

Репин отвечает им, что был счастлив получить это письмо.

И как бы я желал иметь крылья, шапку-невидимку – вот бы нагляделся!.. Страшный интерес ко всем.

Но увы: разве только когда-нибудь в Европе я увижу Вашу выставку. Может быть, найдете возможность переслать мне сюда иллюстрированный каталог? Вот бы одолжили <...> А когда установятся человеческие отношения, делайте выставку в Гельсингфорсе, Стокгольме, Копенгагене[29].

Называя столицы Скандинавии, Репин таким образом обозначает адреса своих будущих выставок, куда повезет их его поверенный Василий Филиппович Леви.

Художник ждет в Куоккалу дочь, и в письме от 22 марта 1922 г. предупреждает, что ей придется три недели быть в Келломяках в карантине. Советует Вере Ильиничне пока заняться редакторскими делами, связанными с изданием его книги воспоминаний. Приводит в пример К. И. Чуковского, который в это время бился за издание хотя бы части репинских мемуаров. Репин не прочь продать свой архив в Русский музей при содействии П. И. Нерадовского, «но казенные учреждения располагают очень скромными средствами»[30], поэтому, наверное, лучше всё сжечь.

Наконец, в апреле 1922 г., на Пасху, дочь приезжает в «Пенаты», и Репин пишет А. Ф. Кони 15 мая:

Я процветаю в обществе Веры, которую наконец освободили (из карантина. – *Е. К.*). Переживаем все ужасы снова... И всё думается: неужели так и будет? Долго ли это всё продлится? 200 лет? Таковы судьбы народов?[31]

Еще одно обстоятельство не давало Репину покоя, а именно судьба семьи его младшей дочери Татьяны, оказавшейся изгнанной из построенного художником дома на берегу Западной Двины, вблизи Витебска. В Научно-библиографическом архиве Российской академии художеств сохранился

---

[29] И. Е. Репин – А. В. Маковскому; 21 апреля 1922 // Рип, 2, 333.

[30] СР ГРМ. Ф. 119. Ед. хр. 4. Л. 17.

[31] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 1.

черновик письма Репина, который сразу же по приезде Веры они вместе писали 19 апреля 1922 г.:

Москва,
Сретенский бульвар, 6,
отделу музеев Главнауки.
Заведующему отделом музеев
тов. Н. И. Троцкой

Близ Витебска — Верховской области, в принадлежащем мне имении Здравнёво с 1892 г. я жил почти безвыездно более 10-ти лет (имея 130 дес<ятин> земли, с лесом, пар<ком> на берегу Западной Двины. Приспособ<ил> к искусству живописи, кот<орой> всегда занимался, пристраивал и хозяйствовал всё это время, давал заработок крестьянам соседних деревень.

Мастерская, башня и пр., с росписью стен и камина, еще несколько уцелели <...>.

Со времени нового Правительства дочь моя Татьяна Язева (рожд. Репина) с моей внучкой Татьяной преподают в школе, учрежденной в нашем же доме, несут все повинности на 4 дес<ятинах> земли *всего*, оставленных им для прокормления. Иван Дьяконов, женившийся на моей внучке, с ее матерью, работают сверх сил личным трудом, чтобы как-нибудь не умереть с голоду. 100 десятин я уступил дешево крестьянам, по их настоятельной просьбе еще раньше. Теперь при усадьбе оставлено им 4 дес<ятины>.

Прошу отдел музеями, найдет ли он возможным взять под опеку мою усадьбу — теперь школу — со всеми худож<ественными> произведениями моей работы и работы моего сына <уже известного художника, премированного в Мюнхене>. Все это теперь находится в квартире дочери моей Татьяны и внучки с мужем Иваном Дьяконовым. Между вещами есть ценные художественные вещи — не целесообразнее было бы перевезти их в музей. Очень прошу не оставить без помощи правительства Советов, за непосильные труды родственникам моим прибавить им земли и оклад.

И<лья> Р<епин>[32].

К этому письму приложено идентичное послание Веры Ильиничны, однако на нем приписка отца:

Вера Репина несколько самонадеянно называет всё — памятником искусства, эпитет сей может относиться только к живописи — моей и моего сына[33].

[32] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1554. Л. 1–3.

[33] Там же.

Ответ на это письмо, если он был, отсутствует в бумагах Репина. Из архивных документов по Витебской области стало известно, что в Здравнёве не раз устраивались обследования, чтобы выяснить имущественное состояние семьи Репина, причем местные чиновники поначалу было потеряли его адрес, а в справках того времени машинально именовали владельца «бывшим» художником, по аналогии с бывшим помещиком или бывшим купцом. Что касается переписки Репина с младшей дочерью, то она шла также через Базилевского. Но письма к Татьяне Ильиничне до сих пор не известны. Сохранились ли они в семье, или были утрачены в годы нелегкой жизни в России, а затем во Франции, выяснить пока не представляется возможным.

Репин много работает в мастерской и пишет своему бывшему ученику Н. И. Гумалику 22 апреля 1923 г.:

> Да, я с большим удовольствием прокатился бы к Вам, если бы не такое убийственное для всего живущего, для всего культурного, время. И визами, и дороговизной, как во времена пленений и порабощений народов, все теперь прикованы к своим уголкам и не рискуют отлучаться.
>
> У меня здесь удобная поместительная мастерская, и я только холодами зимы перехожу в нижнюю половину дома, но всегда работаю, хотя и не всегда с успехом: много и долго добиваюсь своего <...> Эти победы над собой доставляют наконец — иногда счастливые переживания <...> мой «Крестный ход» до сих пор не кончен (начат в 1877. — *Е. К.*) — след<овательно,> 46 лет картина на мольберте, и не думайте, что я ее с горя бросил, нет, даже в холодной (при 5 гр<адусах> тепла <по> Reom<ur>) я еще три месяца назад почти всю ее перекомпоновал (осталась только центральная фигура дьякона)[34].

В это же время Репин занят воспоминаниями о В. В. Стасове. Его дочь С. В. Фортунато готовила сборник, посвященный 100-летию со дня рождения отца, и Репин послал в Москву две свои статьи: «Стасов, Антокольский, Семирадский» и «Русские и славянские композиторы-музыканты», ранее опубликованные в журнале «Нива». Он пообещал прислать что-нибудь еще:

---

[34] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 185. Л. 1–4.

Теперь пишу воспоминания некоторых мест из нашего путешествия с ним по разным многим музеям Европы в 1883 г.[35]

И воспоминания получились мажорными, жизнеутверждающими. Но и об этом Репин не пишет Базилевскому. Вместе с тем простой комментарий на сетование того о погоде становится у Репина чуть ли ни апокалиптическим видением:

Да, полярные льды двигаются на нас, солнце теряет материал своей силы; вулканы делают последние вспышки, чтобы зажечь развратившееся человечество и загореться опять наново...[36]

К. И. Чуковского Репин постоянно бомбардирует письмами с просьбой исхлопотать для него букву «ять», если приведется печатать его воспоминания. А между тем произведения Репина уже продвигаются в Европу. В октябре 1923 г. в Праге открылись, с перерывом в девять дней, две выставки Репина, Юрия Репина и В. Ф. Леви. В Чехии было показано довольно много подготовительных работ к «Запорожцам».

Совершенно неожиданно Репин получает приглашение приехать с выставкой и лекциями в Америку, о чем 2 ноября 1923 г. извещает В. Ф. Леви:

Я получил приглашение из Нью-Йорка на сезон — в Америку (<19>24–<19>25 г.) привезти картины для выставки и читать лекции об искусстве, по кругу определенных городов. Подумав, я согласился. Буду там писать портреты, декоративные панно, образа <...>. Здесь у нас еще целый год; будем усиленно готовиться и повезем туда большую выставку.

След<овательно,> никаких акварелей не ждите — там уже, т. е. в Праге, ничего не выйдет[37].

Репин необычайно воодушевлен и торопит В. Ф. Леви с ответом о планах поездки в Америку:

Я уже Вас включил в мою компанию. Меня радует, что Вы этот вызов судьбы принимаете с легким сердцем <...> Я готов распи-

---

[35] Художественное наследство: В 2 т. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 351. Письмо от 9 июня 1923.

[36] Наст. изд. С. 141.

[37] И. Е. Репин — В. Ф. Леви, 2 ноября 1923 (РГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 72).

сывать залы дворцов, стены церквей, ширмы, веера, если не будет другой работы — образа, портреты <...>[38].

Об условиях Репин без Леви решил не договариваться окончательно.

В Америке продешевиться — погибель. С ними надо быть очень осторожным — глядеть в оба — надуют. Но я уже так расположен ехать, что боюсь уже, чтобы что не помешало.

Но мне ничего не известно, ни сроков, ни маршрута <...>[39].

В начале декабря 1923 г. Репин пересылает на суд Чуковского воспоминания о Стасове, а также письмо-предложение Чарлза Рида из Нью-Йорка и пишет:

Милый друг Корней Иванович.

Пользуюсь случаем прибавить: я получил из Америки нижеследующее предложение. Буду собираться с материалами к отъезду.

Но я размечтался: вот если бы и я сподобился услышать Вас в Нью-Йорке, читающим перед американцами Ваши переводы на их язык — положим, выбранные места из моих «Бурлаков на Волге»? А?! Вам-то при Вашей героической подвижности и талантливости — что Вам стоило бы перемахнуть через океан — ведь Вы там были бы как дома — и там, по указанному Вам маршруту, Вы, красавец, Вашим ангельским голосом, читали бы по-английски?! А? Завидую...

Но кроме сего, практика: советую уладить там Вам перевод этой книжки «Бурлаки» на английский язык. Ведь это дало бы нам возможность <...> <не> вылететь оттуда в тр<убу> <...> Нет, на аэроплане через океан домой. (Если я, совершив сей великий круг, опущусь на дно океана — завидный финал.) Ну, простите за болтовню. <...> Со мной едут: Вера, Вас<илий> Фил<иппович> Леви (устроитель выставок) и В<ладимир> М<ихайлович> Максимов (секретарь)[40].

Кто бы мог подумать, что Репин будет так увлечен предложением из Америки. Видимо, пришло время подводить итоги, но художник явно переоценивает возможности при-

---

[38] И. Е. Репин — В. Ф. Леви, 2 ноября 1923.

[39] И. Е. Репин — В. Ф. Леви, 20 ноября 1923 (РГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 74–74 об.).

[40] Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 169–171.

славшего предложение Ч. Рида, который является всего лишь устроителем.

По-видимому, Базилевский не в курсе последних репинских дел, но он читает газеты и пишет 14 декабря 1923 г.:

> Недавно кто-то в газетах пустил слух, что Вы переехали в Питер, и только сегодня в газетах явилось опровержение, что Вы благополучно живете у себя в «Пенатах» и никуда переезжать не собираетесь[41].

Наступает 1924 год. Пылкость Репина постепенно ослабевает, и он не дает верного ответа Ч. Риду, потому, возможно, что не знает английского языка, и все надежды на продвижение «американских» дел связывает с Чуковским. А тот отвечает на письмо от 8 декабря 1923 г. только в феврале 1924. Связано это с двухмесячным хождением письма по разным рукам. Чуковский пишет:

> Я рад, что Вы отложили свою поездку в Америку. Мое мнение такое: до поездки в Америку Вы должны приехать в Россию — с Верой Ильиничной, с Юрием Ильичем, с г. Левитом и другими близкими людьми. Вы должны повидаться с художниками, побывать в театрах, посетить галереи, съездить в Москву. Тогда в Америке у Вас будет живой материал для бесед о России. Американцев главным образом будет интересовать, что думает Илья Репин о русском современном искусстве. Да и о советском строе нельзя судить издали. Ведь все газеты врут, и те и эти.
>
> Кроме того, дорогой Илья Ефимович, мне кажется, что Вам Россия придаст много новых сил: Вы воочию увидите, как обожает Вас новое поколение, поднявшееся из низов. В Москве Вам будет устроен такой юбилей, какого еще не видала Россия. Если хотите, я поговорю с Луначарским, он пришлет Вам пригласительную телеграмму, устроит Вам экипаж, удобную квартиру. Вы погостите в России дней десять, а потом вернетесь в Куоккала.
>
> Поезда теперь в отличном состоянии. Порядок образцовый. Трамваи, телефоны, извозчики, дворники, городовые — все это гораздо лучше, чем прежде. И неужели Вам не интересно еще раз взглянуть на своего Мусоргского, своего Писемского, на «Царевну Софью», «Не ждали», на «Государственный Совет» и т. д.[42]

---

[41] Наст. изд. С. 153.

[42] К. И. Чуковский — И. Е. Репину, 12 февраля 1924 // Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 179.

Однако в письме Репина несколько иное настроение:

> Но вообще, дело мое не спешное. О, как хорошо было бы повидаться и обсудить всё. Конечно, Вам книги в руки. Вы всё организуете (поездка в Америку). Вопрос серьезный, я верю, что Вам это принесло бы плоды. Но что я знаю? — Ничего. Ехать мне в Питер едва ли уместно? Конечно, страшно интересно: но *надо больше знать и больше верить* (курсив мой. — *Е. К.*)[43].

Из этого текста следует, что Репин и не знает, и не верит, поэтому и приезд его в Петроград–Ленинград, да и в Америку, невозможен. Правда, еще 12 мая он смутно надеется и пишет В. Ф. Леви:

> Если как-нибудь обстоятельства обернутся и я поеду в Америку, то там выставка моя должна быть — только одних моих картин, даже ни Юриных, ни Ваших я не прибавлю к своим[44].

Но эти планы летом 1924 г. отпали сами собою. Чарлз Рид, не дождавшись вразумительного ответа Репина, известил в июле, что не сможет уже всё организовать, потому что упущено время.

В Советской России тем временем идет невидимая работа, и Репина пытаются каким-то образом переместить из Финляндии. По-видимому, после разговоров или намеков И. И. Бродского, вошедшего в доверие к новой власти, Г. Е. Зиновьев 22 мая 1924 г. на заседании Политбюро ставит вопрос «о возвращении Репина в СССР». Неожиданная формулировка такого рода сама по себе является натяжкой и неправдой, потому что Репин из СССР не уезжал и не просил о «возвращении». Сам он вряд ли подозревает о таких хлопотах, во всяком случае в такой форме, однако... Политбюро решает, что нужно «разрешить Репину вернуться в СССР, поручив т.т. Луначарскому и Ионову принять соответствующие меры». Протокол № 91 от 22 мая, в присутствии Зиновьева, Каменева, Рыкова, Сталина, Томского, Троцкого,

[43] И. Е. Репин — К. И. Чуковскому, 12 февраля 1924 // Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 178.

[44] И. Е. Репин — В. Ф. Леви, 12 мая 1924 (РГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3).

Бухарина, Калинина, Молотова, Рудзутака, Пятакова, Мануильского, Сокольникова, Сольц. Подпись: Секретарь ЦК И. Сталин[45].

Ни о каком из этих событий Репин не мог писать Базилевскому, если бы даже и знал о переговорах и заседаниях в высшей партийной иерархии новой России. Бюрократические издержки любого рода его всегда раздражали, вызывая только гнев естественного протеста. Вдаваться во все тонкости неприятных ему действий он вряд ли бы стал.

Постепенно меняется политическая обстановка. Советская Россия, а вернее уже СССР, налаживает в начале 1924 г. дипломатические отношения со странами Скандинавии, потом и Европы. Переписка Репина теперь идет уже не через Эстонию и Базилевского, а напрямую. Это совпадает с тем, что 1924 г. является для художника юбилейным. Ему исполняется восемьдесят лет. В России и других странах помнят о знаменательной дате. Интерес к Репину оживляется. Он, в ответ на письмо (не связано ли оно было с решением Политбюро?) И. С. Остроухова, пишет ему 6 июня 1924 г.:

> А относительно моей поездки туда (в Россию. — *Е. К.*) — я, наверное, буду за границей всё это время. Эту чашу надо пощадить. Вот к Поленову, в Бёхово, я бы поехал с большою радостью, но невозможно. А я совсем неожиданно сплоховал в последнее время здоровьем. Начались мои старые головокружения. Ходишь, пошатываясь, еще ничего, а как от усталости захочешь прилечь, особенно наклонить голову налево,— беда: сейчас же колесом пошла, пошла... Ну, совсем как после морской качки... Надеюсь, купанье поправит.
>
> В Америку я не еду. Где уж... Довольно, и я пострадал там уже три раза, довольно. <...>
>
> А я по-старому всё тот же, неотступно пристрастившийся к некоторым идеям и ищущий неисчерпаемых глубин в бесконечных очарованиях искусства <...> Было много, много страданий, но должен признаться, что были и восторги, были очарования, за которые стоило умереть[46].

---

[45] См.: Протокол заседания Политбюро от 22 мая 1924 г. и материалы (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163 (ч. 1). Д. 422).

[46] И. Е. Репин — И. С. Остроухову, 6 июня 1924 // Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952. С. 240.

Вот и весь ответ, если даже Репин был осведомлен о каких-то там решениях в Москве. Это действительно похоже на подведение итогов, но, несмотря на строки о плохом самочувствии, письмо преисполнено сознанием не зря прожитой жизни и творческой гордости.

Через месяц, в начале июля 1924 г., в «Пенаты» заглянула шведская писательница, чтобы взять интервью у Репина, и, «глядя на эту добрую скромную даму, я ей стал советовать хорошенько разругать меня. Я подумал, что этим она, по крайней мере, выдвинется из пошлой формы некрологического характера и будет прочтена публикой с большим интересом»[47]. Трудно знать точно, кто эта писательница, но вполне возможно, что ею была Сигрид Шауман, журналистка, поместившая в январе 1925 г. в газете «Шведская пресса» критический разбор выставки в салоне Стриндберга. Помимо комплиментов в адрес произведений, она пишет:

> Таким сильным художественным чувством, каким обладает Репин, может похвастать лишь небольшое число художников. Старый мастер продолжает много работать <...> и даже купается в море. Воистину всякому пожелаешь такого здоровья[48].

Для этих выводов автор должен был наблюдать художника в реальности и непременно летом. Иначе не шла бы речь о купании.

Свое юбилейное лето Репин проводит на подъеме. Он рассчитывает осенью устроить выставку в Стокгольме. Там живет и работает его добрая знакомая, которую он не раз писал. Это солистка шведской Королевской оперы, певица Адель Львовна Андреева-Шкилондзь: «Даже мечтать не смею: неужели мы будем в Стокгольме и услышим и даже увидим Вас?!»[49] До Стокгольма Репин так и не доехал, но вот в середине июля он извещает В. Ф. Леви, что в газетах пишут, будто он повезет в Петербург, к 80-летию, выставку своих

[47] И. Е. Репин – В. Ф. Леви, 12 июля 1924 (РГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 7 об).

[48] *S. S.* Repinunställningen i Salon Strindberg // Svenska Pressen. 17 января 1925 г.

[49] И. Е. Репин – А. Л. Андреевой-Шкилондзь, 30 июня 1924 (ОР ГТГ, 50/583).

картин. Репин не будет это опровергать, но ему не дают покоя давнишние распри с представителями «Мира искусства»:

> А. Бенуа всё еще *вовсю* работает у них на мое понижение: из верхних зал музея Алекс<андра> III мои картины перенесены вниз в темные скучные казарменные комнаты. На юбилее не трудно будет доказать, до чего я устарел[50].

Юбилей неумолимо приближался, и вот уже наступило 6 августа. Именно в этот день все тогда отмечали дату рождения Репина, не зная почему-то, что для родившихся в XIX в. нужно прибавить не тринадцать дней, а всего лишь двенадцать, для XVIII — одиннадцать и т. д. День рождения Репина мы празднуем нынче 5 августа, прибавив к 24 июля по старому стилю 12 дней.

В Куоккале устроен юбилейный обед в честь 80-летия Репина. Все присутствующие, а их было не менее сотни, были сфотографированы. Из Советской России не было никого. Среди гостей — И. П. Павлов, однако его никто не делегировал. Просто в то лето знаменитый физиолог приехал на свою дачу в Келломяках (ныне Комарово). Там жил его сын, друживший с Репиным. А наш юбиляр не упустил случая писать портрет дорогого гостя с натуры. Портрет теперь в Третьяковской галерее.

Репину в «Пенаты» шли письма и поздравления, и он отвечал. Так, своим землякам из Чугуева:

> Милые друзья мои <...> Оторванный от своего любимого народа, от друзей и сверстников по искусству, я полон желания видеть всех вас и лично благодарить за всё доброе сочувствие и все благие пожелания, которыми вчера был награжден свыше всякой меры.
>
> Даже лица, незнакомые мне, из дальних краев почтили меня дружескими приветствиями и сердечными пожеланиями добра на многие лета. Спасибо! Спасибо, друзья мои <...> Я жил довольно, пора и честь знать и уже готов принять смерть как должный и желательный мне дар Зиждителя <...> В жизни моей я много раз был осчастливлен милостями Творца и посильно возносил мои молитвы благодарности за счастие бытия <...> Надеюсь, я и в последний момент последнего моего вздоха буду полным благодар-

[50] И. Е. Репин — В. Ф. Леви, 12 июля 1924 (РГАЛИ. Ф. 790. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 7 об.).

ности моему Создателю <...> Спасибо, спасибо, друзья мои. Будьте счастливы[51].

Письма приходят из Москвы и Ленинграда. Пишет В. М. Бехтерев. Из Парижа поздравляет А. И. Куприн. В газетах «Последние известия» (Ревель, 6 августа) и «Последние новости» (Париж, 24 августа) были помещены статьи. Репин пишет слова любви и признательности членам Общества им. А. И. Куинджи, где большинством были его бывшие ученики:

Вашим приветом я счастлив и горд. Сколько подписей, и всё знакомые, родные лица <...>

Грустно, что я не могу уже сказать вам: до свидания... Прощайте, простите мне все бестактности. Вспоминаю: я всё же был еще молод и не умел себя держать: тормоза еще не были крепко взвинчены <...> Но у меня — лучшие часы и минуты — общения с Вами — останутся незабвенными в жизни и самыми яркими блестками солнца в момент перехода в нирвану <...>

Простите, простите!

Да здравствует жизнь, да процветает искусство, дорогое искусство! Без искусства жизнь — скука, прозябание... <...> Очарования, ищите очарований в искусстве — вот его бессмертие.

Да здравствуют таланты, да рождаются страсти к искусствам и да утучняются страны всеми благодатями природы, питающими врожденных поэтов жизни. Еще и еще цветов радующих, благоухающих... Очарования! Очарования! Всего слаще этот напиток. Велик Бог жизни! Велик он и в смерти! Ваш Илья Репин[52].

Безилевский тоже пишет Репину 15 августа:

«У нас здесь на пляже с 6 ав<густа> была неделя Репинская — у Вас должны были уши гореть. Вспоминали Вас, вспоминали выставки Ваши на Большой Морской (имеются в виду выставки Товарищества передвижных художественных выставок с участием картин Репина. — *Е. К.*) и спрашивали всех приезжих о судьбе Ваших произведений»[53].

---

[51] *Репин И. Е.* Ответ И. Е. Репина на поздравление в связи с его восьмидесятилетием, 25 июля 1924 (черновик) // Новое о Репине: Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Публикации. Л., 1969. С. 109 (черновик письма).

[52] *Репин И. Е.* Обществу А. И. Куинджи, 1924 // Рип, 2, 353–354.

[53] И. С. Остроухов — И. Е. Репину, 8 июня 1924 (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 367. Л. 5–6 об.).

Среди потока приветствий нет ни одного послания от официальных кругов в России. Лишь к сентябрю Репин получает письмо из Москвы от И. С. Остроухова, который излагает намечающуюся и явно запоздалую, идущую от официальных кругов, программу юбилея в России:

> 1. Торжество намечается на октябрь.
> 2. Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет высказались за желание видеть Вас в Москве в эти торжественные дни <...> Согласны ли Вы порадовать всех нас своим приездом <...> Хорошо бы с семьей!
> 3. Торжественное заседание в зале Советов (бывш<ее> дворянское собр<ание>) под председательством А. В. Луначарского.
> 4. В Москве и Ленинграде, а также других городах намечаются выставки работ Репина.
> 5. В Чугуеве правительственным актом назовут именем Репина главную площадь или переименуют город.
> 6. Имение в Витебской губернии вернут в пожизненное пользование семьи Репина.
> 7. Гос. издательство выпустит сборник со множеством репродукций с картин Репина.

В конце письма Остроухов просит Репина «как можно скорее и по <...> *доброжелательном размышлении* (курсив мой. — *Е. К.*) ответить мне конфиденциально <...> Ваше отношение к этому задуманному обязательному и хорошему делу»[54].

Эта осторожная приписка, конечно же, говорила о многом. Писавший боится, что Репин ответит ему каким-нибудь «неудобным» выпадом по адресу стоящих за ним советских властей. Но тот отвечает Остроухову спокойным доброжелательным письмом, благодарит за честь и внимание и сразу же переходит к изложению своей давнишней мечты создания Делового двора. Репин надеется, что Совет народных комиссаров примет на себя работу по воплощению его мечты о свободных мастерских. Переименовать же Репин считает возможным только улицу в Чугуеве, где они жили, но ни в коем случае не город: «Боже сохрани и подумать об этой бестакт-

[54] Там же.

ности!» Репин предлагает также осуществить издание его книги воспоминаний.

> Вот если бы Вы, дорогой друг, удосужились приехать ко мне денька на три в Куоккала, мы бы здесь совместно обработали этот проект и наговорились бы, как в старину. (Разумеется, если это будет принято правительством.) Вера сейчас в Праге. Туда увезли мою картину, кончена наконец и продана — «Крестный ход». И внук мой Гай, сын Юрия, поступит там в университет (он только что кончил гимназию в Териоках, в Праге он надеется получить стипендию)[55].

Может быть, умиротворенный тон письма был связан с тем, что в этот же день, когда юбиляр отвечал, 8 сентября 1924 г., в «Пенаты» приехала дочь Репина Татьяна Ильинична со своим двухлетним внуком Валентином[56]. Вероятно также и то, что Репин боялся чему-нибудь напортить в положении Татьяны, имея в виду ее непростые обстоятельства жизни в их доме под Витебском. Конечно же, радостью был приезд дочери и ее пребывание в «Пенатах» в течение двух месяцев, но ей предстояло возвращение. Это диктовало некоторую общую сдержанность.

Базилевскому Репин написал уже 9 ноября 1924 г. кратко:

> Разумеется, я не собираюсь праздновать в Москве, с Наркомпросом, «по ознаменованию» восьмидесятилетия со дня моего рождения, которое было 24 июля 1924 г<ода> ст<арого> ст<иля>[57].

То, что Репин отмечает точную дату юбилея, говорит, конечно же, о его глубокой неудовлетворенности от всех запоздалых разговоров и посулов в связи с празднованием этой его даты на родине. Ни приветствий, ни отчетов о каких-нибудь юбилейных торжествах он не получил, а если что-то и происходило, то к нему самому это не имело никакого отношения, будто живой художник уже отодвинут в какое-то историческое прошлое и как будто похоронен в XIX в. Это послужило негласной установкой советской власти не числить

---

[55] И. Е. Репин – И. С. Остроухову, 8 сентября 1924 // Рип, 2, 350–352.

[56] См.: НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 16.

[57] И. Е. Репин – В. И. Базилевскому, 9 ноября 1924 // Наст. изд. С. 171.

Репина среди мастеров в XX в. Слишком неудобным было всё связанное с ним, чтобы поднимать фигуру художника на щит, и до последнего времени эта уходящая в историю установка продолжала безотказно работать.

В Москве к концу года, в Третьяковской галерее, всё-таки собралась из произведений Репина очень хорошая выставка, включившая в себя также и разные столичные собрания, 166 номеров. Однако переговоры о приезде Репина как-то затихли.

Всё оживилось с началом 1925 г. К. И. Чуковский приехал в Куоккалу 21 января.

> Я всматривался в старика, — записывает он в дневнике. — На вид ему лет 67–68. Щеки розовые, голова не дрожит. <...> Только волосы у него стали белее — хотя нет того абсолютно белого цвета, какой бывает у глубоких стариков <...> Потчевал он меня равнодушно радушно — и кофием, и чаем, и булками. Пишет портрет какой-то высокой девицы <...> Понемногу он разогрелся и провожал меня гораздо радушнее, чем встречал: отменил какую-то работу, чтобы провести со мною послеобеденное время. Расспрашивал о Луначарском — что за человек. «Так вот он какой!» <...>
>
> В мастерской наверху у него холодно, он работает внизу в столовой. На нем потертое меховое полупальто. Жалуется на память: «ничего не помню», но тут же блистательно вспомнил имя-отчество Штернберга, несколько отрывков из моих недавних писем и пр. <...>
>
> Я читал из Горького «О С. А. Толстой» <...>
>
> Послушал «Ибикус» <А. Н.> Толстого — «бойко, бойко», — но впечатления мало. Но зато письма Л. Андр<еева> доставили ему истинное наслаждение. «Ах, как гениально! Замечательно!» — восклицал он по поводу писем Анастасии Николаевны к сыну. Хохотал от каждой остроты Л<еонида> Н<иколаевича> <...>
>
> Я спросил его о портрете Анны Ильиничны. «Да, да, я сделал ее портрет, но портрет уже ушел». *Обо всех проданных картинах он всегда говорит*: ушли[58].

В конце января закрылась выставка Репина в Хельсинки. Были проданы несколько портретов. Вернулась в «Пе-

---

[58] *Чуковский К. И.* Дневник, запись от 21 января 1925. Цит. по: *Левенфиш Е. Г.* «...В Куоккала Вы были самым интересным мне другом...» И. Е. Репин и К. И. Чуковский: из переписки // Панорама искусств. Вып. 4. М., 1981. С. 115–116.

наты» дочь Вера, сопровождавшая выставку. Репин написал П. И. Нерадовскому 23 января:

Прежде всего о моей книге – я радуюсь блаженно, что моя кн<ига> будет отложена. Ее следует отложить: я завещал бы на *десять лет*. И поверьте, без всякой сентиментальности. Главное, теперь не то время: она была бы совершенно некстати. Вчера К. И. Чуковский всё время убеждал меня передать им имеющийся у меня экз<емпляр> (корректура в переплете). В этих корр<урах> столько ошибок, и ее следует *наново написать* мне самому; я это и сделаю, если буду жив и если книга покажется мне стоящей. А пока я рад и рад. Повторяю свое *дарство:* и в полное распоряжение О<бщест>ву и настаиваю на необходимой мере – задержать это издание на 10 лет. Я же, пока жив, не *передам* Гос<ударственному> издательству и никому другому. После одного издания, если О<бщест>во не будет в убытке, я просил бы передать моим потомкам <...>

Как небылица, я не верю Чуковскому, будто бы «Гос<ударственный> Сов<ет>« в музее, а его *портрет* и *«Группа славянских композиторов»* в Третьяковской галерее. А также мой Иов с друзьями и «Дочь Иаира» в Вашем музее. Правда?[59]

Следом, 24 января, и Чуковский написал Нерадовскому:

Я провел с Ильей Ефимовичем три дня. Встретил он меня вначале очень радушно. В первое время мне показалось, что передо мною прежний Репин: лицо румяное, бодр и свеж, всех помнит, всем интересуется, жесты и слова – молодые. Когда я предложил ему наш план (об издании его книги в Госиздате и о предоставлении гонорара за нее Обществу поощрения. – *Е. К.*), он вначале отнесся к этому плану весьма горячо: «Это Вы мудро придумали».

Но прошло два дня, и под влиянием окружающих, особенно своей дочери Веры, Илья Ефимович круто повернул свое отношение к плану. «Нет, нет, нет...» Как я ни возроптал, он уперся на своем: «Всю книгу нужно переделать». Дело в том, что в руках у Ильи Ефимовича – *некорректированные* оттиски этой книги, он же воображает, что это – книга в *окончательном* виде и сердится, раздражается, встречая опечатки, которых в *окончательной редакции нет.* Напрасно доказывал я Илье Ефимовичу, что в этой книге есть потребность именно теперь, что если и были какие-нибудь поправки, то все они сделаны под его контролем, по его просьбе, с его

---

[59] И. Е. Репин – П. И. Нерадовскому, 23 января 1925 // Репин И. Е. Письма к художникам... С. 246–247.

ведома и все они в свое время заслужили полное его одобрение, он продолжал стоять на своем. Я не хотел раздражать Илью Ефимовича и потому прекратил разговор. Он рассказывал мне о тех изменениях, которые он внес в текст, и я не стал их рассматривать, так как стереотипное издание не может быть вообще изменяемо.

Очень порадовал Илью Ефимовича мой рассказ о выставке его рисунков: «Ах, спасибо Петру Ивановичу, он такой мастер своего дела, спасибо, спасибо!» Вообще о Русском музее Илья Ефимович отзывался с большой теплотой, хотя мнения его по этому поводу не отличаются особой устойчивостью, так теперь он уверен, что его картины перенесены в нижний этаж музея, что большевики не сегодня-завтра продадут его картины за границу и т. д. и т. д. и т. д.

Посылать какие-нибудь картины в музей он считает опасным <...> Я уверен, что это временный приступ «великого гнева». Надеюсь, что неудача моей миссии всецело зависит от той неприязни ко мне, которую питает его семья. Уверен, что, например, Илья Гинцбург (которого он ждет с нетерпением) будет гораздо удачливее меня. Если Вы будете писать ему о книге воспоминаний, то, пожалуйста, имейте в виду:

1. что личных выгод я здесь не преследую;

2. не хочу, чтобы на этой книге стояла моя фамилия;

3. никакого гонорара не желаю;

4. всю свою роль в создании этой книги свожу исключительно к инициативе: книга была написана по моей просьбе, по моему совету, и только.

Словом, я абсолютно отстраняю себя от всего этого дела, потому что я хочу, чтобы «Воспоминания» Репина вышли возможно скорее и чтобы И<лья> Е<фимович> получил необходимый ему гонорар. Медлить нельзя. Я уверен, что Ионов, и не дождавшись разрешения, возьмет и тиснет его.

По вечерам Илья Ефимович бывает у меня (я живу насупротив), и мы много беседуем. Кстати, вспоминали портрет покойного сэра Джорджа Бьюкенена, который (портрет) до настоящего времени хранился на квартире б<ывшего> посла при посольстве <...>. Илья Ефимович просит, чтобы Вы разыскали этот портрет и включили его в число будущих экспонатов «Репинской выставки».

Степану Петровичу <Яремичу> напишу особо — по поводу офортов Репина. Очень рад Илья Ефимович, что Вы разыскали «Иова» (картину «Иов и его друзья», 1869, ГРМ. — *Е. К.*). Ждет обещанной книги о Чистякове.

Новых вещей у него много. О них при свидании. Среди них наиболее заметное полотно: местный священник в алтаре на коленях (портрет, масло).

Из газет И<лья> Е<фимович> читает главным образом «Новое время» и «Руль».

Недавно от Общества Куинджи был у И<льи> Е<фимовича> депутат, доктор Штернберг[60]. Он поднес И<лье> Е<фимови>чу поздравительный адрес и корзину всевозможных плодов. И<лья> Е<фимович> съел апельсин, почувствовал себя плохо и решил, что фрукты были отравлены. Семья поддерживает его в этом убеждении. Он послал фрукты в химическую лабораторию <...>.

Ехал сюда с художником Ярнефельдом. Только что закончилась выставка Репина в Гельсингфорсе, сейчас открывается его выставка в Праге. В Гельсингфорсе были выставлены многие его первоклассные рисунки — 1870 и <18>80 гг., которым место в Русском музее, но я не смел и заикнуться об этом.

Завтра мы идем с И<льей> Е<фимовичем> в церковь. Он поет на клиросе. Я весьма подробно записываю наши теперешние беседы — у меня выходит обширная статья: «Репин в 1925 году». По приезде я покажу ее Вам[61].

Примечательно, что почти тогда же на одном из заседаний в ЦК 14 февраля 1925 г. был заслушан доклад полпреда СССР в Финляндии А. С. Черныха «о юбилее и антисоветских настроениях художника И. Е. Репина»[62].

Вернувшись домой, Чуковский тут же пишет Нерадовскому:

---

[60] *Штернберг* Лев Яковлевич (03.05.1861–14.08.1927) — русский этнограф и языковед. В 1910 г. ученый предпринял экспедицию на Амур и Сахалин. В 1916 г. он создал в Петрограде Высшие географические курсы, преобразованные в 1918 г. в Географический институт (с 1925 г. — географический факультет Ленинградского университета), где руководил этнографическим отделением. С 1924 г. — член-корреспондент Российской академии наук. С его именем связана нелепая история с фруктами, корзина которых была привезена художнику в подарок вместе с поздравительным письмом от членов Общества им. А. И. Куинджи. Когда Репин и Вера попробовали фрукты, они будто бы почувствовали себя нехорошо. Корзина была отправлена на исследование в лабораторию, из которой ответили, что известных ей ядов во фруктах не обнаружено. Тем не менее случай этот стал досадным прецедентом.

Возможно также, что неудачливым визитером был брат Льва Яковлевича — Аарон.

[61] К. И. Чуковский — П. И. Нерадовскому, 24 января 1925 (ОР ГТГ, 31/1736).

[62] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 689. Л. 140.

Исполняю свое обещание, тороплюсь бегло сообщить Вам, какие картины я видел у Репина. Начну со старых, написанных до 1916 года.

1. Мстислав Прахов (масло, портрет).

2. Василий Ефимович Репин (масло, портрет).

3. Бывш. кн. Волконский (масло).

4. Ранняя акварель, ученическая, в академич<еских> тонах, с патриотическим девизом, очень тщательная.

5. Юрий Султанов (портрет, масло).

6. Портрет актера Самойлова, начало 1916 г.

7 и 8. Два портрета Нат. Б. Нордман.

9. Канин бурлак из Нижегор<одского> музея (1870).

10. Жигули, 1870.

11 и 12. Два портрета матери (1867 и 1876?).

13 и 14. Два портрета отца (1861 и 1881 г.).

15. Портрет Веры Алексеевны Репиной (сепия, 1872).

15[63]. Портрет Людмилы Шуппе (жены критика Н. К. Михайловского), карандаш.

16. (Прекрасный) рисунок углем. Дети художника Юра и Таня. На большом полотне.

17. Эскиз «Триумф артистки» (1890). Небольшое полотно — много фигур. Чествование.

18. Атака казаков в Академическом переулке. Впереди фигура рабочего, которого сейчас пристрелят. Рабочие кричат: «Братцы! В своих?!»

19. Бал в Здравневе.

20. Эскиз к «Крестному ходу».

21. Портрет Вас. Репина (?).

22. Эскиз «Парижский пикник», 1875.

23. Портрет старика Ханекайнена.

24. Смертная казнь. Аллегорический эскиз. Священник, палач, Победоносцев и кавалергард вешают революционерку. Кругом могилы казненных.

Есть и скульптура. Бюст архитектора Блоха (когда Блох лепил Репина, Репин лепил его). Бюст Льва Толстого. Новые работы Ильи Ефимовича таковы:

1, 2. Два пейзажа. Виды из окна — зимние. Одно полотно довольно большое, другое поменьше. Один этюд (солнечный) очень хорош.

3. Большое полотно: голая натурщица (Хлопушина).

4. Портрет этой же Хлопушиной (головка).

5. Неоконченный портрет Максима Горького [1916].

---

[63] Так у Чуковского.

6. Портрет певицы Трифоновой.
7. Портрет Костиайнена.
8. Портрет коменданта Стольберга.
9. Портрет-картина. Скрипачка Цецилия Ганзен, малиновый фон, большое полотно — одна, во весь рост, на эстраде.
10. «Большевики» фантазия по рассказу одной дамы (не оконч.).
11. Пушкин на берегу Невы (1897–1925).
12. Финляндские знаменитости. О них расскажу при свидании.
13. «Магдалина и Христос».
14. Портрет Керенского (очень интересен).
15. «Барышня с зонтиком», 1924.
16. «Голгофа».
17. «Радость воскресения»[64].

В конце января 1925 г. произведения Репина были доставлены в Прагу, туда же приехала Вера Ильинична. Она извещает отца, что 4 февраля встретилась с Гаем и вместе с ним осматривала помещение для будущей выставки[65]. А в Куоккале у Репина гостит И. Я. Гинцбург. Он приехал 26 февраля и прожил шесть дней. За это время был вылеплен бюст Репина, который находится теперь в Русском музее. Однако, что касается переговоров о приезде в Советскую Россию и прочем, Гинцбург не продвинулся далее Чуковского и также винил в этом окружение Репина (Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания... Л., 1964. С. 119–121).

В том, что обвинения эти были не слишком серьезны, говорит такой факт: Репин направил 14 марта 1925 г. письмо к наркому земледелия РСФСР:

По поводу моего 80-летнего юбилея (1924 г. — июль) мне сделали милости — Революционное Правительство, в виде 250 руб., благодарю — лично не нуждаюсь я. Ограждение моих близких от переселения и лишения земли было бы мне высшей наградой[66].

---

[64] К. И. Чуковский — П. И. Нерадовскому 25 января 1925 // Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 188–190.

[65] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 428. Л. 15.

[66] Государственный архив Витебской области. Ф. 734. Оп. 1. Д. 27. Л. 132, 133 об. Цит. по: *Шишанов В. А.* Здравнёво: после октября 1917 // Репинские чтения. СПб., 2004.

Но вот 30 мая открывается в художественном отделе Русского музея в Ленинграде большая персональная выставка Репина. Через несколько дней юбиляр благодарит А. В. Луначарского за приглашение на открытие выставки его произведений:

> Очень сожалею, что не мог присутствовать на этом открытии — я получил приглашение Ваше только 2 июня <...> Если высокоуважаемый Комиссариат найдет возможным удовлетворить мое законное желание — посетить эту выставку, то я прошу исхлопотать мне и моей дочери визы, разрешение на выставку, а кстати, и в Москву, чтобы увидеть в последний раз наше русское искусство...[67]

Одновременно Репин писал и Нерадовскому:

> А ведь есть серьезная и безотлагательная причина посетить мне устроенную Вами выставку моих работ: есть, наверное, несколько номеров, подписанных моим именем *фальшиво*. И кто же, кроме меня, удостоверит их фальшивость? (Пишу и в Комиссариат Просвещения). Вам известно, кто и в какой форме может устроить мне без промедления визы, в установленном порядке, на *время моего посещения и обратного пути сюда* (курсив мой. — *Е. К.*). Дело это несколько осложняется взять с собой *дочь Веру*, так как в моем возрасте это является уже необходимостью. Осложнение это увеличивается тем, что я желал бы поехать в Москву, чтобы повидаться с И. С. Остроуховым: посмотреть его галерею и галерею И. Е. Цветкова.
>
> Могу ли я надеяться на Ваши хлопоты по всем этим делам и на Ваше уведомление меня? <...>
>
> На обратной стороне сего письма я сделаю опыт своего завещания. «Пенаты» по моей смерти переходят в собственность С.-Петербургской академии художеств. Завещаю здесь, на полянке, сжечь мой труп без остатка, без всякой урны, а на всем месте устроить в согласии с финляндским правительством нечто вроде «Делового двора» <...>
>
> Я совершенно уверен, что когда в недалеком будущем Финляндия и Россия дойдут до добрососедских отношений, то всё побережье Финского залива опять будет так же деятельно заселяться и застраиваться русскими — этот берег необходим русским как воздух. И вообще, сношения с Финляндией в высшей степ[ени] полезны для обеих сторон. И России не трудно было бы компенсировать это соглашение[68].

---

[67] И. Е. Репин — А. В. Луначарскому, 3 июня 1925 // Рип, 2, 363.

[68] И. Е. Репин — П. И. Нерадовскому, 5 июня 1925 // Рип, 2, 360–361.

Еще через два дня Репин писал Чуковскому:

Я так восхищен Вашим описанием (персональной выставки Репина. — *Е. К.*), что решаюсь ехать, посмотреть в *последний раз* такое, сверх всякого ожидания великолепное торжество — посредственного художника.

Со мною едут Вера и Юрий. Как-то мы добьемся виз и разрешения!!! Но мне ехать необходимо: в этих 346 номерах, конечно, забрались и фальшивые, с поддельными подписями. Мечтаем проехать в Москву, посетить Третьяковскую галерею, галерею Цветкова, Румянцевский музей[69].

Несмотря на горячее желание поехать и увидеть свою выставку, Репин, как видно, так и не получил верного ответа на непременное условие *обратного пути*. Трудно себе представить, чтобы художник действовал по какому-то заранее составленному плану или как-то замысловато хитрил. Скорее всего, действия его были интуитивными, непосредственными, и продиктованы были происходящими событиями. Какое-то еще не до конца понятое нами обстоятельство цепко держало Репина в «Пенатах», и он, желая этого сам и постоянно давая надежду тем, кто звал его приехать в Россию, тем не менее не решался на последний шаг. Было ли это страхом попасть в золотую клетку, как позже произошло с М. Горьким, теперь уже не решить. Можно предположить, что, следуя природному инстинкту самосохранения, Репин этого опасался, поэтому в середине июня он писал А. В. Луначарскому:

Ваше убедительное письмо так неотразимо, что кажется, вот так — если бы были человеческие прежние отношения — сейчас и поехал бы, куда зовут так настойчиво.

Но подумав — нет, поехать нельзя. Прежде всего, о квартире: она всё же нужна, да она теперь, конечно, в таком виде, что не хватило бы на ремонт моего состояния <...> Да я и не с того начал: я ни за что не променяю своего фонтана «Посейдона», который подает мне струю — 33½ сажен глубины — целебную, чистую струю, которая уже вылечила меня от болезни почек... Да ведь я здесь работаю почти 30 лет <...> И в моих годах!? <...> А ведь главное: мастер-

---

[69] И. Е. Репин — К. И. Чуковскому, 7 июня 1925 // Рип, 2, 362.

ская, две у меня стеклянные верхние и множество закоулков, один другого интереснее.

Все это сделано мною, и нигде мне этого не найти[70].

Художника постоянно навещают друзья и разные знакомые, которые приезжают из Советской России. Правда, это случается не так часто, как раньше, до 1917 г., но всё же. Интересное свидетельство о «Пенатах» и Репине этого времени обнаруживается в письме вдовы Валентина Серова Ольги Федоровны. Она написала И. С. Остроухову после посещения с дочерью Наташей «Пенатов» в июле 1925 г.:

Илья Ефимович Вам очень кланяется, очень, очень жалеет, что не может с Вами повидаться, завидует мне, что я могу Вас видеть. Оба Ваши письма он получил. Мы всё-таки с Наташей собрались, съездили к нему в Kuokkala, хотелось повидаться, ведь не виделись Бог знает сколько лет!! Попали на среду, у него была масса народу. Да и Верочку, и Надю, и Юру — всех видели, приятно было, о многом они нас расспрашивали, рады были нам и очень гостеприимно нас встретили, ночевали у них, и на другое утро — домой[71].

Другой посетитель, тоже из России, побывавший у Репина в начале августа, вспоминал:

В «Пенаты» я приехал как раз в Ильин день, когда отмечались именины Ильи Ефимовича <...> навстречу мне вышел предупрежденный о моем приезде Илья Ефимович. Это был совершенно седой старичок маленького роста с пожелтевшей шевелюрой. Голос его, всегда бывший глуховатого тембра, теперь как-то осел и стал еще глуше. <...> С большим волнением подымался я по внутренней лестнице в мастерскую Ильи Ефимовича, куда он меня пригласил. Несмотря на свой преклонный возраст, Репин еще регулярно работал. Об этом свидетельствовали стоявшие на мольбертах незаконченные холсты, лежавшие рядом с ними кисти и множество начатых тюбиков с красками. <...> После чая с традиционным «именинным» кренделем на небольшой террасе в комнате, рядом со столовой состоялся импровизированный концерт <...> От посещения «Пенатов» у меня осталось не совсем отрадное впечатление. Сам Илья Ефимович был еще бодр, оживленно беседовал,

---

[70] И. Е. Репин – А. В. Луначарскому, июль 1925 // Рип, 2, 363.
[71] ОР ГТГ, 10/5972.

но и окружающие его люди и весь внешний облик «Пенатов» носили признаки несомненного упадка[72].

Репин был настолько занят всё лето, что на переписку с Базилевским уже не оставалось времени. Да и занимавшая их обоих еще недавно пересылка писем тоже прекратилась. Теперь почта ведь шла напрямую. Правда, в декабре 1925 г. Базилевский отметил дату столетия со дня смерти императора Александра I присланными Репину интереснейшими воспоминаниями, связанными с известной легендой о старце Федоре Кузьмиче.

Кроме участия в больших выставках в Праге и Таммерфорсе (Тампере), Репин выполнил большую литературную работу, которая, ввиду значительного объема, заняла январь и февраль 1926 г. Художник отвечал на уточняющие творческую биографию вопросы своего первого биографа Сергея Ростиславовича Эрнста.

Простите за поздний ответ, — пишет Репин Эрнсту 10 февраля 1926 г. — Зато я теперь, так одаренный Вашим любезным отношением и ко мне, и к моим трудам, что не могу найти достойной формы для моей благодарности Вам. Из моей биографии у Вас выходит большой интересный труд, и мне хочется дополнить пропуски[73].

Еще одно дело занимало Репина. Он принял близко к сердцу важный вопрос П. И. Нерадовского, в то время заведующего художественным отделом Русского музея. В своем письме, направленном Репину 23 февраля 1926 г., Нерадовский извещал, что является членом совета Третьяковской галереи (отказавшись от предлагаемого ему поста директора) и что Совету

...предстоит решить вопрос о перевеске всей галереи и о значительном расширении всех помещений путем постройки на соседнем участке ряда зал. Важно, чтобы при этой работе, которая вызывается серьезной необходимостью, — характер галереи Третьякова не изменился бы, а м. б. нарушаем лишь за последние десятилетия был бы восстановлен <...> Например, мне кажется, Щусев, так же как и я, думает, что Ваши картины в развеске Павла Михайловича производили значительно более сильное впечатление, нежели теперь, помещенные в одном зале <...>

---

[72] *Похитонов Д. И.* Воспоминания // Новое о Репине. С. 285–286.
[73] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 43.

О Третьяковской галерее мне очень бы хотелось узнать Ваше мнение и особенно о самом П. М. Третьякове. Работая теперь там <...> предстоит углубить дело Третьякова в его понимании задачи художественного музея XIX века, отвечающего запросам общественности. Вам близко были ведомы такие черты деятельности Павла Михайловича, о которой мы слышали или читали, Вы же наблюдали непосредственно <...>[74].

Репин отвечал Нерадовскому:

...П<авел> М<ихайлович> *ночей не спал*, пока не находил лучшего места для *каждой картины*, и был непреоборимо самостоятелен. Да, он понимал впечатление от каждой вещи, зорко соображал влияние соседства и не успокаивался, пока не находил незаменимых положений картин. <...>

Главное преступление *устроителей-корректоров* после П. М. Третьякова, что они отнеслись с полным презрением к ЗАВЕЩАНИЮ САМОГО П. М. ТРЕТЬЯКОВА: ОНО ЕСТЬ. *Все, что устроил сам, Павел Михайлович* положительно запретил трогать. Предписывалось: всё собрание и устроенное им *ОСТАВИТЬ НЕПРИКОСНОВЕННО*. Дальнейшие приобретения помещать только в новопристроенных зданиях... Очень, очень обрадуете меня известием касательно Вашего дела в Третьяк<овской> гал<ерее> <...> Может быть, найдутся какие-нибудь вырезки из газет? Писать обо всем много Вам труда, невозможно <...>

Павел Михайлович Третьяков мог бы служить *образцом идеального гражданина* <...> Напр<имер>, *портреты* даже посредственной работы, если это был портрет выдающейся *особо* личности как гражданина, он его приобретал. И даже заказывал портреты, если и художник и оригинал для портрета были желательны и лучшего не предвиделось.

А что это Вы ни слова об Остроухове? <...> это *умнейший человек* <...> и вообще с необыкновенными — самостоятельными знаниями и таким же характером <...>

Было бы невероятным счастьем, если бы до моей смерти картины мои были бы развешаны по-прежнему. Ведь те, небольшие покойчики так шли и к сюжету и к веку...[75].

Вообще же всё последнее время Репин то и дело отвечал на самые разные вопросы друзей и знакомых. Они спе-

---

[74] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 350. Л. 10–11.

[75] И. Е. Репин — П. И. Нерадовскому, 11 марта 1926 // Репин И. Е. Письма к художникам... С. 255–256.

шили воспользоваться случаем и не упустить возможности справиться у живого, легендарного представителя ушедшего XIX в. о каких-то деталях из прошлого времени. Бурные перемены, происходящие в судьбах людей и стран в XX в., уже идущем в свое третье десятилетие, сделали Репина уникальной фигурой. И он честно вспоминал и отвечал, какие гравюры когда-то делал, какие портреты писал, с кем дружил, что его занимало...

В Русском музее состоялись два «репинских» вечера. Выступали Е. П. Тарханова, А. Ф. Кони, И. Я. Гинцбург. К. И. Чуковский читал рукопись Репина «Мои восторги».

В это же время Эрнст посылает четырнадцать новых вопросов и благодарит Репина за письма:

> ...за Вашу столь дружественную помощь <...> не могу нарадоваться на такое количество столь мне пригодившихся, столь новых, любопытных и разнообразных сведений. Сейчас как раз занят включением их в текст книги и исправлением всех моих заблуждений[76].

Через месяц Эрнст опять благодарит Репина за присланные ответы, «они разъяснили снова многое, до сих пор бывшее неясным»[77]. По этому поводу Репин признавался Чуковскому 15 марта 1926 г.:

> А вот еще недавно, и с Эрнстом — у меня неблагополучно. Сначала, на обращение ко мне Общества поощрения, я ответил им бранью без удержу за «новую орфографию» <...> вернусь к Эрнсту: ему на его лаконичные вопросы я писал ответы, кажется, более двух недель, и вот этакую рукопись (писали вдвоем с Ильей Васильевичем) я послал ему. Это может быть глупее моего поступка... Значит, я всё еще *молод, всё еще* варвар. Такой объемистый пакет даже сжечь возьмет время, кому же охота читать. Там и военное поселение с корпусом топографов, и Академия художеств, и мастерская Бунакова, и Рабочий батальон, и чугуевские бани и т. д. Словом, я же ставил в трудное положение человека с хорошим вкусом[78].

Однако старания Репина не прошли даром. В 1927 г. монография вышла в свет. Книга сравнительно невелика

---

[76] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 576. Л. 11.

[77] Там же. Л. 12.

[78] Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 130–131.

по объему, но наполнена огромным количеством точной информации, лишенной какого бы то ни было идеологического крена. К тексту приложен список всех выставок, в которых к тому времени участвовал Репин, и это делает монографию ценным документальным источником.

Репин вспоминает прошлое и в письмах Чуковскому, который тоже задает вопросы, так как рассчитывает написать книгу. Это к молодому другу обращены слова покаяния старого художника, который часто, не сдерживаясь, бурно выражал свои чувства к событиям или людям:

> Я теперь, к концу моей долгой жизни (которая мне всё же кажется очень коротка) – *Боже! Давно ли?* – я почти всякий момент нахожусь в *состоянии покаяния* <...> И я теперь без конца каюсь за все свои глупости, которые возникали всегда – да и теперь часто на почве моего дикого воспитания – необузданного характера... И вот. *Аксель Галлена* я увидел впервые (то есть его работы) на выставке в Москве, в 1891 году. А я был преисполнен ненависти к декадентству <...> И вот я в этаком настроении наткнулся на вещи Галлена в Москве... <...> А потом, будучи в Гельсингфорсе я познакомился с его работами... и... готов был провалиться сквозь землю <...> Ах, если бы Вы знали, сколько у *меня на совести таких пассажей*!!! <...> ведь мы встретились на товарищеском ужине – друзьями. Я сейчас же адресовался писать его портрет. Он – лицом – запорожец, да и характером <...> Он позировал, и мы прекрасно проводили время, и я написал портрет в один сеанс <...>
>
> Портрет его я подарил музею «Атенеум». Как потуга – в *один сеанс* – он недорого стоит; впрочем, тут дело вкуса <...>. 15 марта 1926 г.[79]

В конце апреля 1926 г. возобновилась переписка с И. И. Бродским. Репин пишет ему 20 апреля:

> ...давно уже лишен возможности радостных свиданий с Вами... Сегодня ночью, проснувшись, подумал: а что, если бы Вы прислали сюда в Гельсингфорс две-три свои вещицы на мою будущую выставку? Может быть, и сами бы удосужились приехать туда, на выставку? Вот праздник! Но об этом только мечтаю[80].

---

[79] И. Е. Репин – К. И. Чуковскому, 15 марта 1926 // Рип, 2, 368–372.
[80] Рип, 2, 372–373.

В ответном письме, от 27 апреля, Бродский приглашает Репина в Ленинград. Пишет, что журнал «Жизнь искусства» с удовольствием бы напечатал ряд статей Репина об искусстве Финляндии и проч. «Ваша просьба относительно банков чрезвычайно сложна, но я всё-таки буду иметь по этому поводу разговор в Москве. Думаю, что из этого ничего не выйдет, но частично возможно»[81]. Репин еще надеялся, что ему вернут пропавшие во время революции сбережения в Московском купеческом банке, и, пользуясь новыми связями Бродского, обращался к нему с просьбами о хлопотах в этом направлении.

Репин — К. И. Чуковскому 29 апреля:

> Недавно я получил очень милое письмо от Бродского, он обнадеживает, что, может быть. Вы, как и он, соберетесь сюда летом покупаться в нашем «Золотом Роге»?!! Ну, какой Вы злопамятный — всё еще помните какой-то холодный прием. Ведь это, вероятно, излишняя наша простота... Да и времена теперь такие тяжелые!.. Бросьте, приезжайте, опять поговорим здесь по душе. Приезжайте![82]

Второго мая 1926 г. Репин получил записку от незнакомого ему Павла Ефимовича Безруких. Тот просил принять его в «Пенатах», чтобы узнать, по поручению редакции журнала «Жизнь искусства», мнение Репина о современном искусстве в СССР[83].

Репин немедленно ответил:

> Очень рад с Вами познакомиться. По средам я свободен от 4–6 часов.
>
> Что касается вопросов о современном искусстве, я давно уже оторван от этих интересов — ничего не ждите. О современном искусстве в СССР не имею ни малейшего понятия — до меня ничего не доходит. Только на днях получил от И. И. Бродского маленький фотоснимок с его грандиозной картины «Расстрел 26-ти». Но Бродского я знаю с юных лет, он рос на моих глазах[84].

---

[81] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 5–6.
[82] Рип, 2, 373–375.
[83] Там же. Ед. хр. 82. Л. 34.
[84] И. Е. Репин — П. Е. Безруких, 2 мая 1926 // Рип, 2, 375.

У Репина Павел Безруких оказался случайно. Он был командирован в Финляндию по железнодорожному ведомству. Вот как он записал тогда же:

> За несколько часов до отъезда меня вызвал С. М. Киров и дал указание поговорить с Репиным. По приезде в Гельсингфорс я расспросил в Полпредстве тов. Рабиновича (1-й секретарь) о Репине, и на мою просьбу рассказать более подробно он сказал мне, что считает Репина ненормальным, выжившим из ума стариком. Как на пример его ненормальности он указал мне на следующий факт. Недавно был юбилей его художнической деятельности. Из СССР прибыла группа художников, которая приглашала его приехать и привезла ему цветы и фрукты в художественной вазе. На приглашение Репин ответил категорическим отказом, мотивируя тем, что он сомневается, чтобы сохранилось что-либо из его картин, и что вообще в СССР есть галереи или музеи. По поводу фруктов он сказал: «Вы что же думаете, я стану есть эти фрукты — ни в коем случае. Совершенно ясно, что они отравлены. Я умирать желания не имею»[85].

Спустя четыре дня Безруких приехал в «Пенаты» и в этот же день записал в дневнике:

> На одном из стекол стеклянной галерейки приклеен кусок картона с надписью: «И. Е. Репинъ». Посторонних принимает по средам, от 3 до 5 <...> С замиранием сердца вошел я в первую, слабо освещенную комнату. На мгновение мелькнули на стенах картинки <...> В небольшой на первый взгляд квадратной комнате у круглого стола сидела масса гостей, среди которых я сразу узнал поднявшегося мне навстречу Илью Ефимовича... «Здравствуйте, как быстро вы откликнулись». Об искусстве СССР Репин снова сказал, что не знает ничего, кроме картины Бродского. «Есенина я немного читал и лично знал. Он был здесь как-то у меня с Клюевым. Не знаете ли вы, где сейчас Клюев?»

Безруких спросил Репина о переезде в Россию: «Нет, зачем мне это, зачем мне встряхиваться? <...> У меня хорошая мастерская, и здесь мне хорошо». Гость стал уверять Репина, что его поддержит Луначарский и обеспечит хорошие условия для работы. «Нет, это очень скучно и не нужно, какой уж я теперь работник. В мои годы довольно, пора на покой»[86].

---

[85] Из записной книжки П. Е. Безруких. Запись от 6 мая 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 2192. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–20).

[86] Там же.

9 мая в письме из Гельсингфорса новый знакомец благодарил Репина «за тот теплый сердечный прием»[87]. Несмотря на некоторую подозрительность художника, они смогли подружиться. Безруких оказался к тому же и земляком, пытался найти ранние работы Репина в Воронежской губернии. И вообще, они стали обмениваться письмами, каждое из которых воспринималось в «Пенатах» неизменно дружески. Позже Безруких использовал свои материалы, написав повесть «Пленник „Пенатов"», напечатанную в журнале «Тридцать дней»[88]. Там он не избежал тенденций советской идеологии, но это уже другая история, и не всегда она была зависима от автора.

Репин ждет у себя И. И. Бродского, ведь они так много общались раньше, работали, ездили в музеи Гельсингфорса:

> Какая радость! Обнимаю Вас, целую и жду, жду, когда придет лето и когда появитесь Вы у меня. Невероятно... Тащите с собой Чуковского, я его люблю по-прежнему, и нас связывают интересы, в которых он незаменим!!!

Репин пишет о своем восхищении картиной Бродского «Расстрел 26-ти бакинских комиссаров», фотографию с которой получил, а затем обращается к собственным проблемам:

> О себе скажу: я договорился, что мне надо делать, — пора юноше понимать возможности своего времени. Я просто в продолжение всей зимы делал себе каникулы. В самом деле, я столько поработал, что пора и отдохнуть, и я так привык к своему отдыху, что только теперь, когда у меня в мастерской наверху, в нетопленной, уже 12 градусов тепла, я подымаюсь и без заботы о работе философствую о суетах мира, развратившегося до потери разума, а следовательно, доведшего свое существование до полной гибели...[89]

В следующем письме, от 22 мая 1926 г., Бродский сообщал Репину:

> Я имел очень интересный разговор с одним из самых влиятельных знакомых и вообще с самым любимым у нас человеком Климентом Ефремовичем Ворошиловым... Он такой большой Ваш

[87] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 82. Л. 5–6.
[88] См.: Тридцать дней. 1936. № 4.
[89] И. Е. Репин – И. И. Бродскому, 10 мая 1926 // Рип, 2, 375–376.

поклонник, так Вас любит... Скажу Вам, что то, о чем Вы меня просили, увенчается успехом, а чтобы Вы этому поверили, сообщу Вам следующее: правительство командирует к Вам *комиссию для покупки* у Вас картин, во главе этой комиссии стою я. *Деньги для этой цели у нас спущены* (курсив мой. — *Е. К.*)[90].

На это сообщение Репин отвечает Бродскому 15 июня:

Ваш проезд ко мне меня так радует, что переходит даже в беспокойство, — это оттого, что Вы приедете с комиссией купить у меня что-нибудь, если найдется. Я стал искать, что может быть комиссии интересным <...> Скульптура:

1. Бюст молодого Шаляпина, работы П. Трубецкого
2. Кн. Тенишевой, его же
3. Льва Толстого, моей работы
4. Н. Б. Нордман, также
5. Мой бюст, работы Андреева, автора памятника Гоголю
6. Мой бюст, работы Васнецова [1880], одна голова
7. Небольшая фигура В. В. Стасова, работы Гинцбурга (отлита из олова)
8. Голова Мефистофеля, работы Антокольского

Живопись:

1. Фигура Пушкина (давно начата), это моей работы
2. Маленький автопортрет, еще до поступления в Академию художеств
3. Портрет профес<сора> Мстислава Прахова
4. Кн. Серг<ея> Мих<айловича> Волконского, бывшего директора театров
5. Юрия Репина, работы Сварога (превосходный портрет).

Вам я поднесу драгоценность как материал: ковчежец для любовных писем из слоновой кости и черного дерева — это в знак моей любви и уважения к Вам, как нашему Рафаэлю, в чем я еще более убеждаюсь, рассматривая снимки Ваших великих картин <...>

Не будет ли милость — уведомить о дне и часе. Жду, жду Вас[91].

В это же время П. Е. Безруких зовет Репина приехать хотя бы на месяц в СССР и сообщает, что Бродский с тремя художниками собирается в «Пенаты». Безруких выслал Репину «согласно выраженного Вами желания познакомиться с учением В. И. Ленина: 1-ый том собрания сочинений Ле-

[90] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 7.
[91] Репин И. Е. Письма к художникам. С. 259.

нина, «Ленинский сборник», выпуск 1; два томика стихов Клюева (Вы говорили, что любите его стихи) и брошюру о трансполярном перелете Амундсена». Посылает также через Гельсингфорс журнал «Жизнь искусства», № 7, где помещены стихи Клюева и фотография И. Бродского с дочерью[92].

Всё так радостно и как будто счастливо складывается, но Репин пишет Чуковскому в начале июня письмо, наполненное робкими сомнениями:

> Как нежно, как деликатно и умно Вы балуете меня Вашими дружескими похвалами!! Но что, Вы предполагаете, что я обижусь на Ваш *правдивый* отзыв о моих трудах?! *Вы свидетель всей подноготной* моего творчества. <...> А к Бродскому Вы слишком строги <...> Ах, как он мне нравится!!!..— и чем больше я смотрю на него, то есть на его последние творения, — строгость рисунка, выдержка, — тем выше растут достоинства этого художника Божией милостью <...> А, какой дивный план Ваш: приехать сюда! Вот легион восторгов!! Вот наговорились бы. <...>
>
> Что касается мечты (о, вера!) и обо мне лично, то это совершенно *напрасно*. Мне уже по самому дамскому счету очень немного нужно — наскребем из залежей; а во-вторых — это уже серьезно, — ведь по всей справедливости *они и не* должны *поважать людей, никогда, даже притворно, не выразивших намерения быть им полезным, — таков я* (курсив мой. — *Е. К.*). Конечно: от юности, входя душою в героическую стезю бескорыстнейших мечтаний молодежи, и я полезен в сумме общего движения в пользу революции, но это всё уже следует отнести к Воле Божией, — к истории народов[93].

Репин готов передать Чуковскому альбомы, в которых Нордман собирала вырезки о Репине, а еще он беспокоится о судьбе родных П. П. Чистякова и надеется, что Бродский поможет им[94].

Одновременно, 9 июня 1926 г., Репин на запрос парижской газеты «Последние новости», поедет ли он в Россию, отвечает телеграммой: «Невозможно» (из ст. В. Зеелера «Репин и Советская Россия»; газ. «Последние новости», 1929, 1 сентября).

---

92 НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 82. Л. 7.

93 И. Е. Репин — К. И. Чуковскому, 1926 // Рип, 2, 384–385.

94 Там же.

Репин благодарит Павла Безруких за присланные номера журналов, однако негодует на современную «безграмотность» на отмену буквы *i* и проч. «Словом, — хочется топтать и поскорее бросить в печку это...» Благодарит за добрые пожелания, вспоминает Волгу, Дон, Сиротино и свою дружбу «с милым донским казаком (очень похожим на Вас) — Иван Данилович Шемякин — талантливый резчик <...> мы дружили с ним, и нас считали братьями»[95].

Наконец, 26 июня 1926 г. И. И. Бродский, Е. А. Кацман, А. В. Григорьев, П. А. Радимов пишут Репину о том, что получили визу и завтра выезжают, «чтобы получить от блистательного виновника настоящего, подлинно русского искусства (какое Вы создали) инструктивных советов, выражаясь современным штилем...»[96] 30 июня в середине дня художники приехали в «Пенаты». Гости привезли с собою книги и письма друзей, которые горячо звали Репина приехать на родину. Письма теперь уже все опубликованы в книге «Новое о Репине» и могут дать представление о массированной дружеской атаке на старого художника. Послания были наполнены ставшей уже привычной для живущих в СССР советской фразеологией, хотя, конечно же, полны слов любви и почитания.

На ночлег всех устроили в «Пенатах». На другой день уселись рисовать, и Репин позирует художникам. Гости побывали и в мастерской Юрия Ильича. Ввиду его бедности они решили поделить привезенные Репину две тысячи долларов на две части: 1500 — Репину и 500 — Юрию Ильичу. Для улаживания этого дела они уехали в Гельсингфорс, к полпреду[97].

Прочитав привезенные делегацией письма, Репин пишет своему бывшему ученику и прекрасному реставратору Д. Ф. Богословскому:

> Ваше письмо звучит дружеским праздником. Приветствую кружок, высоко чту и горжусь его названием: Репинским.

---

[95] И. Е. Репин — П. Е. Безруких, 9 июня 1926 // Новое о Репине. С. 306.

[96] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 1354. Л. 12.

[97] См.: Художественное наследство. Т. 2. С. 316.

<...> Как Вы растрогали меня общим желанием видеть меня в Вашей среде и даже далее видеть Россию, прокатиться по Волге!! О! Как это всё невообразимо пленительно. Но надо быть правдивым: это уже невозможно для меня по очень многим, сложным и неустранимым обстоятельствам[98].

10 июля Репин неожиданно, как бы вне зримых обстоятельств, писал Базилевскому:

Ленин был по своей натуре и по своей деятельности самый большой государственный преступник! Какое понижение всех достижений культуры![99]

При этом он даже намека не сделал на приезд к нему художников, на разговоры с ними. Только жалобы на возрастную потерю памяти и неспособность продолжать занятия живописью. Но мы-то знаем, что это далеко от истины. В это время, втайне от всех, и от приехавших тоже, Репин пишет свою последнюю картину, посвященную запорожцам, «Гопак». Он связывал ее с памятью о М. П. Мусоргском.

В начале 10-х чисел июля художники вернулись из Гельсингфорса в «Пенаты». Говорили об искусстве, о прошлом, смотрели картины Репина в мастерской – «Голгофу», «Христа и Магдалину», «Финские знаменитости». Репин выбрал для передачи Музею революции в Москве этюды на тему первой русской революции и портрет А. Ф. Керенского. Юрий Репин также отдал несколько своих картин и портретов. Договорились о предстоящем в СССР заказе, потому что, уезжая, решили, что Юрий Ильич приедет к Бродскому[100].

Воспоминания о поездке к Репину были написаны всеми участниками визита. Все они выдержаны в мажорном советском духе, и в них желаемое выдавалось за действительное. Это стало уже нормой жизни в России. Но всё-таки что-то не совсем укладывалось, и через несколько дней после отъезда художников Павел Безруких вдруг пишет Репину:

---

[98] И. Е. Репин – Д. Ф. Богословскому, июнь 1926 // Репин И. Е. Письма к художникам... С. 256.

[99] Наст. изд. С. 205.

[100] См.: Художественное наследство. Т. 2. С. 316–317.

С большим огорчением прочел в газетах о том, что Вы лишены возможности приехать в СССР из-за болезни ноги, как это обидно и жаль![101]

Удивленный Репин отвечает:

Благодарю Вас за доброе участие, но я, славу Богу, и ноги мои никоим образом не страдают... А не поехал я из-за общего нездоровья — *старости*[102].

В другом письме к Безруких Репин пишет:

А я до сих пор с удовольствием вспоминаю своих милых художников гостей из России. Какой даровитый, интересный народ! Уж не говоря о Бродском. Радимов — поэт, филолог, Григорьев — святая душа человека, а Кацман какой-то подвижный, полный святого беспокойства художник! Да, и чувствуется, что это уже другая порода людей, мы, т. е. я, напр<имер>, уже не узнаем, что создадут эти активные деятели впоследствии, всколыхнется Россия, лет через [40] и что может показать миру потомство сильных, с новыми запросами деятелей. *Несомненна* их, говорю о художниках, доброжелательность и *честность*... Я много отдыхаю, ничего не делаю и хожу по утрам на моментальные купанья — это лучшее удовольствие нашего берега. Слава Богу, так еще держится тепло! И мир стоит по-прежнему, и говорят о *Христе и Будде*. Ясно, что поворачивается вселенная стороной благочестия и мрак и безобразие отходят в бездну забвения... — пора, пора... и мир начнет оживать и богатеть. Довольно уже господства преступников. <...>

Ах, большое спасибо за книги: о Ленине я читаю всё и добираюсь до *понимания этого человека*. Будьте здоровы.

Ваш *Ил. Репин*[103]

Эти последние слова по-своему довольно загадочны. Что это? То ли Репин сумел простить к тому времени новую орфографию, чтобы действительно читать, то ли читает что-то другое, не сочинения Ленина, а о нем? — «о Ленине».

---

[101] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 82. Л. 14.

[102] И. Е. Репин — П. Е. Безруких, 6 августа 1926 // Новое о Репине. С. 307.

[103] И. Е. Репин — П. Е. Безруких, 20 июля 1926 // Новое о Репине. С. 306–307.

В это же время и А. В. Луначарский подписывает Репину свою книгу «Очерки марксистской теории искусств»: «Великому мастеру И. Еф. Репину»[104].

Художники, вернувшись домой, тут же взялись за дело и 30 июля сочинили официальное письмо:

В Совнарком

Ассоциация художников Революционной России (АХРР). Ознакомившись с материалами по поездке командированных НКП художников Григорьева, Кацмана, Радимова и Бродского к великому русскому художнику, проживающему в «Пенатах» в Финляндии, из которых явствует, сколько силен интерес и тяга в Советскую Россию у И. Е. Репина и исходя из факта пожертвования музею Революции СССР И. Е. Репиным ряда его революционных работ, считает необходимым возбудить ходатайство о присуждении звания народного художника Республики И. Е. Репину[105].

Государственная Третьяковская галерея поддерживает ходатайство АХРРа перед Совнаркомом о даровании Репину звания народного художника как крупнейшему из ныне живущих мастеров русского искусства[106].

А 10 августа 1926 г. Музей Революции СССР благодарит Репина за картины, подаренные им музею:

1. Портрет А. Ф. Керенского.
2. «Царская виселица».
3. «Разгон демонстрации».
4. «Красные похороны».

Ценность Вашего дара <...> заключается в том, что Музей пополнился действительно редкими художественными произведениями на сюжеты, необходимыми для пополнения Музея по истории революционного движения в России.

До сих пор Музей имел копии, сделанные членами АХРРа с Ваших произведений, — теперь он имеет оригинальные произведения художника, который является гордостью русского искусства и сочувствующим свидетелем русского революционного движения[107].

---

[104] Пенаты. № 172.
[105] ОР ГТГ 8. 11/130. НКП — Народный комиссариат просвещения.
[106] Там же. Л. 18. Документ датирован 18 августа.
[107] НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 45.

Юрий Репин в середине августа 1926 г., после долгих и нервных хлопот с получением визы в Россию, а также разрешения на въезд обратно в Финляндию, уехал в СССР и остановился у Бродского.

В частном собрании нашелся автограф Репина — письмо к Ф. Г. Беренштаму, давнишнему знакомому, бывшему директору библиотеки Академии художеств:

> Милый дорогой Федор Густавович. Как это было бы хорошо, если Вы заехали сюда на обратном пути; вот, скорей бы это случилось.
>
> А Юрий уехал — теперь там. Вот если бы да поскорей увиделся бы с Вами! Никто другой, как Вы, дорогой Федор Густавович, указали бы ему верную ориентировку там, где он ведь совсем младенец и ничего не поймет. А мастер он хороший, и его смело можно рекомендовать. Вот, если существует еще батально-анимальная мастерская — он мог бы быть отличным руководителем (Рубо, Ковалевский — его учителя).
>
> Спасибо, спасибо Вам за все добрые сочувствия...[108]

Бродскому же в это время Репин пишет слова признательности:

> Благодарю Вас за прием Юры, он так доволен. Угнетение испытывает он от безработности. Он так надеялся, что Вы дадите ему работу; и Вы не ошиблись бы в расчете. Я так часто об этом думаю, что сообщаю Вам, сделайте ему заказ; я советую по *моему эскизу сделать ему картину в натуральную величину* <...> Это *аллегория самодержавия императорства*. Картина размером арш<ин> 8 на 3 арш<ина> (приблизительно). Юра хороший рисовальщик и знает великолепно перспективу[109].

Репин пишет18 августа и К. Е. Ворошилову, прося его за некоего господина Анчутина, родственника своей знакомой.

Бродский сообщает Репину, что Юрий получил от Губисполкома заказ на картину «Самодержавие» за 3000 руб. (60 000 марок). Может дать ему еще ряд заказов на порт-

---

[108] И. Е. Репин — Ф. Г. Бернштаму, 17 августа 1926 (Частное собрание, СПб.; дата письма дается по штемпелю).

[109] И. Е. Репин — И. И. Бродскому, 22 августа 1926 // Репин И. Е. Письма к художникам... С. 281.

реты, но Юрий очень торопится домой. Бродский считает, что Юрию через несколько недель придется опять приехать, собрать материал для картины, сделать этюд трона, костюмов кавалергардов и проч. детали картины. Пишет, что с Юрой они очень ладят, «он ничуть нас не стесняет». Надеется, что теперь приедет сам Репин. Обещает даже подать отдельный вагон и без всяких хлопот о паспорте.

В это время в нескольких кинотеатрах Ленинграда показывали документальный фильм «Как живет и работает Илья Репин». Это несколько минут кинохроники, которую снял в Куоккале при помощи заезжих операторов фирмы «Патэ» В. Ф. Леви. Бродский взял «фильму» с собой во время пребывания в Куоккале. «Сегодня идем все художники смотреть Вашу фильму, она пойдет по всем кино в хронике», — пишет Бродский[110].

Юрий Ильич записал свои впечатления от новой России. Он побывал также в Русском музее и в Академии художеств и остался доволен видом и состоянием картин отца и других. Он писал Бродскому:

> Доехал я совершенно благополучно, вчера в 9 ч. вечера был дома, а сегодня 5 сен<тября> был у папы, всё передал и рассказал почти всё; обедали. Папа передает Вам: «В восторге! Захлебываемся арбузом, такого я никогда не ел. Маслины! Икра!» <...>
>
> Привет всем от папы и меня. Рассказывал <...> про Вас — всё самое хорошее, как и есть, и <...> про художников, театры, музеи и т. д.[111]

Видимо, в конце августа Репин написал К. Е. Ворошилову. Вопреки своей всегдашней привычке, художник, возможно от волнения, забыл поставить дату:

> Долго я не смел писать Вам, но необходимость заставила.
>
> В жизни мне везло, и я никогда не просил. Мой труд меня обеспечивал; и я имел уже имение, собственную кв<артиру> в Питере и, несмотря на разраставшуюся семью, имел уже в Государств<ен-

---

[110] И. И. Бродский — И. Е. Репину, 31 августа 1926 (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 85. Л. 15).

[111] Ю. И. Репин — И. И. Бродскому, 5 сентября 1926 (РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 19).

ном> и Московско-купеческом банках — около 200 тыс. рубл<ей> зол<отом>.

Переехав на вольное житье в Финляндию, я 25 лет устраивался (мастерскую, службы и парк). Здесь я пользовался неограниченными удобствами, и по праздничным дням мой парк оглашался революционными песнями (тут же сочиненными) и гости мои: прислуга, дворники и кухарки с местными рабочими провожались до ворот, с кооперационным флагом. (Чуковский — ближайший свидетель работ и празднеств.)

Жилось весело, работалось много. <...> Но настали времена лютые: деньги отобрали, из имения оставили только 4 десятины; в дом поселили латышей, хотя была и школа, где преподавали моя дочь и внучка, в нашем же доме. (Близ Витебска, Верховск. вол.) Искусство мое уже — никому.

После 81 *года* жиз<ни>. Дряхлость — ни имения, ни денег. Но у меня еще были друзья. Стали звать меня в Питер, даже приезжали. Наконец говорили: хлопочите, вам возвратят ваше имение и деньги, и кв<артиру> в Питере. Указывали даже на могучего, хотя и молодого еще деятеля. Этот всё может; да только Он и *может*. Этот деятель Вы, Климентий Ефремович.

Простите. Престарелый художник Илья Репин. Автор «Бурлаков» и «Запорожцев»[112].

Похоже на то, что именно это письмо Репина Ворошилов направил 8 сентября 1926 г. И. В. Сталину, сопроводив запиской:

Дорогой Коба! Посылаю тебе письмо Репина для ознакомления. Очень прошу, если это тебя не затруднит, черкнуть пару слов по этому поводу. Имея твое мнение на этот счет, будет легче и скорее решить это дело в П/Б (Политбюро. — *Е. К.*).

На письме имеется резолюция: «Клим! Я думаю, что Совласть должна поддержать Репина всемерно. Привет. И. Сталин. 8. IX. 26»[113].

После этих действий К. Е. Ворошилов написал ответ Репину:

Убедительно прошу извинить меня, что так долго задержал ответ на Ваше письмо. Был в отпуску и только сегодня возвра-

---

[112] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 3–4.
[113] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

тился в Москву. По существу затронутого Вами вопроса, к сожалению, ничего определенного сейчас сказать не могу. Обещаю на днях доложить дело Пр<авительст>ву и надеюсь, что Рабоче-Крестьянское Правительство, принимая во внимание величайшие заслуги Ваши перед страной и человечеством, сделает всё необходимое для удовлетворения Ваших требований. Но это пока мое личное мнение. Постараюсь возможно скорее снестись с Пр<авительст>вом и результаты немедленно сообщить Вам.

С партийным приветом, глубокоуважающий Вас

К. Ворошилов[114]

По этому поводу Е. А. Кацман сообщал И. И. Бродскому 20 сентября:

Репин написал письмо Ворошилову. Ворошилов был у [нрзб.] и с восторгом говорил о Репине, закончивши разговор так, что в ближайшее время будет закончен вопрос об обеспечении Репина и его семьи.

Дело Репина, начатое хорошо, надо полагать, хорошо будет закончено.

Ворошилов снова куда-то уехал. Как он приедет, мы будем у него.

О письме Репина он говорит, что оно такое трогательное, что ему неловко его показывать, но мы его, конечно, прочтем[115].

Бродский тоже получил написанное 29 октября письмо от Репина, который благодарил его снова за присылку с Юрием арбуза и уведомлял, что получил письмо от Ворошилова:

Дивное письмо! Если моя просьба будет без ожидаемых последствий, я всё же считаю себя счастливцем, получив автограф — высокой ценности. Признание моих заслуг величайшими перед страной и человечеством (еще никогда не подымались мы на такую высоту) «перед страной и отечеством». Завещаю отдать это письмо на хранение в музей. И кстати, я отрекаюсь от титула «Народного художника», которым было выражено желание — некоторыми почтенными художниками — наградить меня. Я очень благодарен

---

[114] К. Е. Ворошилов — И. Е. Репину, 14 сентября 1926 (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 142. Л. 1–1 об.).

[115] РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 4.

за столь высокую честь, но ворошиловское письмо исчерпывает этот вопрос. — Я награжден[116].

Можно себе представить, какое впечатление, или, в лучшем случае, улыбку могли вызвать эти наивные заявления у тогдашних функционеров. Ведь они старались обеспечить Репина званием именно для того, чтобы оно давало возможности материальной составляющей его жизни в СССР, а этот старик простодушно соединил в одно понятие *«звание»*, пусть даже и народного художника, со всенародным *признанием* его заслуг. До остального ему не было никакого дела. Как выглядели те же события с другой стороны, можно судить по письму Е. А. Кацмана Бродскому:

Деньги для Юрия еще не послали, ибо у нас их нет. Нам везде не платят. Но через несколько дней, может быть, и с этим долгом расплатимся.

Были мы у Сосновского, Богуславского, Ворошилова, Каменевой и Луначарского.

Всюду и везде рады нам и нашей поездкой довольны.

Результаты — Репину спешно дают звание народного художника и, следовательно, высшую ставку жалованья. Старику хватит по гроб жизни.

Ворошилов просит прислать копию или оригинал последнего письма Репина к Вам для напечатания. Пришлите, Исаак Израилевич, это письмо на мой адрес.

Ворошилов уехал в отпуск.

О Репине я напечатал статью в журнале «30 дней», пришлю Вам.

Сегодня сдал статью в Бюллетень международной связи с Западной Европой. Готовлю брошюру о Репине. Вы мне, пожалуйста, присылайте всё новое, что будет полезно для репинского дела.

Я веду энергичную пропаганду репинизма. Читал доклад в Доме АХРР, всюду везде говорю, буду печатать статьи. Со вчерашнего дня работы Репина выставлены у нас на выставке. Посещаемость заметно увеличилась. Репину мы дали лучшее место, снявши Юона.

Публика приходит и спрашивает, где работы Репина.

На выставке АХРР — Репин [нрзб.] мало кто понимает величие всего этого — художники в общем тупой, испорченный европейскими бардаками, народ.

---

[116] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 11–11 об.

Но я ручаюсь головой своей, она у меня не плохо приставлена — Репин будет через полгода национальный гений.

О нем будут говорить и писать. Его забыли — тем сильнее будет эффект.

Пишите мне о Репине и о себе <...>

Очень мечтаю иметь большую фотографию — мы у Репина в мастерской[117].

Казалось бы, вся эта суета должна была отдалить Репина от работы в его мастерской. Ничуть не бывало! Едва только он получил от С. Н. Сергеева-Ценского письмо с фотографиями, где тот похож на казака, как фантазия художника разыгралась безудержно:

Как Вы меня обрадовали своими фотографиями! Вот прелесть, — совсем — пан Данило Бурульбаш и пани Катерина. <...> Да, да, — это та милая страна, о которой я не могу не мечтать. И даже нет-нет да сама рука и начинает нечто набрасывать, непременно побольше и непременно нечто виденное мною... Последние места последней Запорожской Сечи. Покровское, — еще цел храм каменный во имя Покрова Пр<есвятой> Бо<городи>цы. <...> Верст пять дальше, по Днепру, стоит Купиливка — Чертомлык тут слился с Днепром. <...> Некогда тут стояли галеры, была и верфь корабельная. Выстраивались готовые... лодки-фелюги и по Днепру сплавлялись до Черного моря. Красивое место. Не умолкали песни, песни казацкие, а под вечер — непременно пляс гопака с прыганьем на спицах высоко. А верховики — на «выпередки» — носятся тут же: веселое место. А и теперь местами небольшой кружок — твердь убивается подборами <...>. Голосистые девчата... Всю ночь поют, и когда они спят? Ведь встают на работу рано...

Простите за эту бестолочь: это я опьянел от Ваших портретов и начал мечтать о Покровском и пишу всякий вздор... [118].

Нет, Репин писал не вздор. Эта его оговорка самого себя была связана с приметой, что, если он расскажет о своем замысле раньше выполнения, удачи не будет. А он как раз почти всё рассказал про картину «Гопак», что писал, как уже

---

[117] А. Е. Кацман — И. И. Бродскому, сентябрь 1926 (РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 1, 8, 48 об.).

[118] И. Е. Репин — С. Н. Сергееву-Ценскому, 5 октября 1926 // *Сергеев-Ценский С. Н.* О художественном мастерстве: Статьи и воспоминания. Симферополь: Крымиздат, 1956. С. 100.

говорилось, втайне на большом куске линолеума. Картина так занимала его, что он готов уже говорить о ней. Во всяком случае, он вскоре проговорился Д. И. Яворницкому, а потом и Чуковскому.

Между тем Юрий Ильич просит Бродского помочь оформить визу так, чтобы не пришлось принимать советского гражданства. (Не лишний ли это случай для подтверждения опасений самого Репина?!) Если это не выйдет, то Юрий, боясь разлуки с семьей и отцом, лучше не поедет. Тогда, может быть, стоит кому-нибудь другому собрать в России материал для картины, которую можно было бы писать в Куоккале.

Материал для картины «Царизм» (бывш. «Самодержавие»). *Название изменено по желанию отца.*

1. Эскиз И. Е. Репина

2. Кавалергардскую форму времени императора Николая II написать масл<яными> красками с натуры в положении фигуры на эскизе, но любого формата.

3. Трон и Тронное зало сделать план в чертеже и написать этюд с данной точки [по эскизу] масляными красками с орнаментами по стенам.

4. Победоносцева скопировать — есть этюд с него для «Государственного Совета». — Не надо портрет, но впечатлительность того лица, — надо портрет воссоздать в тон (он с благоговением присутствует при смертной казни <...>

5. Митрополит: взять форму митрополита, торжественно, духовно, митра, риза и аксессуары с впечатлением; вроде Филиппа тип и пересмотреть.

6. Палач в красной рубахе — сделать этюд (хотя это можно и здесь) и фотографии старых палачей пересмотреть в музее и выбрать *тип*.

7. Жертва: Перовская — но не она, — интереснее, — она удачно вышла в эскизе. Придерживаться надо того.

8. Виселица: из Революционного музея. Картина эта как история музея.

Написано со слов И. Е. Репина[119].

В это время из Парижа от В. Ф. Зеелера приходит настороженное послание:

---

[119] Ю. И. Репин – И. И. Бродскому, 7 октября 1926 (РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 26–27 об.).

Ваше последнее письмо с разъяснениями об эскизах (подаренных Сов<етскому> Союзу) некоторых совсем удовлетворило, у некоторых вырвало вздох облегчения, что *«не теперь сделаны и не специально для большевиков»,* а у некоторых оставило чувство сомнения, нужно ли было наделять музей Революции именно теперь Вашими дарами! Во всяком случае, успокоение и ясность в этот вопрос внесены[120].

Почти одновременно с Зеелером Бродский объясняет Репину:

Дела обстоят Ваши, по моему мнению, очень хорошо и в скором времени совершенно разрешится и закончится. Им (Ворошиловым. — *К. Е.*) был сделан доклад правительству о Вас, которое вынесло постановление утвердительное <...> Поручено Луначарскому командировать к Вам несколько человек... для переговоров с Вами и выработки условий возвращения Вам денег, квартиры и проч. Конечно, я не думаю, чтобы Вам вернули всю сумму, но значительную часть, которая Вас весьма обеспечит и всю Вашу семью пожизненно, Вам будет возвращена[121].

Далее Бродский пишет, что вместе с этим Репину будет присуждено звание народного художника. Бродский просит Репина написать вступительную статью к книге о Бродском, о двух его картинах «Заседание II Конгресса Коминтерна» и «Расстрел 26-ти бакинских комиссаров»[122].

Это новое напоминание о звании, кажется, преследует Репина, несмотря на ясно выраженный отказ от него, и на теперь уже четкое и категорическое нежелание покидать свои «Пенаты», о чем и Юрий Ильич пишет Бродскому:

Сейчас видался с папою и говорили о Вашем письме ко мне.

О себе же он сказал, что он *не поедет в Россию* (курсив мой. — *Е. К.*) — ему трудно; он сказал в таком смысле.

Относительно же меня он сказал, чтобы Вы прислали сюда тот эскиз его работы, который понадобится для будущей картины, он же необходим и для определения отношения пропорций выши-

---

[120] В. Ф. Зеелер — И. Е. Репину, 12 октября 1926 (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 222. Л. 33–33 об.). Курсив мой.

[121] И. И. Бродский — И. Е. Репину, 13 октября 1926 (Там же. Ед. хр. 17. Л. 37).

[122] Там же.

ны к ширине холста будущей картины — словом, без него нельзя никак, а время всё идет; холст придется выписать из Таммерфорса (Tampere).

Относительно остального материала папа сказал, что этюд Тронного зала у него есть — работы Булатова. Остальной же материал, если не в этюдах, то можно прислать в фотографиях.

Затем: эти предметы, а особенно эскиз, лучше, всего удобнее привезти сюда Луначарскому, который намерен здесь побывать[123].

Следом за этим обменом письмами и Павел Безруких спрашивает Репина, не хотел ли бы он сам написать портрет А. Ф. Кони (Репин советовал поручить это И. И. Бродскому).

По поводу упрощения формальностей при проезде сюда Юрия Ильича я здесь попытаюсь сделать всё возможное и, в частности, переговорю с Луначарским, Ворошиловым, Енукидзе[124].

В свою очередь К. Е. Ворошилов пишет Бродскому:

Дорогой Исаак Израилевич, тов. Пинкевич, Альберт Петрович, едет полномочным представителем к И. Е. Репину. Мы в одинаковой мере заинтересованы, чтобы поездка т. Пинкевича увенчалась полным успехом, посему убедительно прошу Вас написать старику соответственное письмецо, а тов. Пинкевича подробно проинструктировать, как ему держаться с И. Е. Меня больше всего тревожит белогвардейское окружение Репина, которое, конечно, постарается испортить всю музыку, не жалея ни красок, ни фантазии для своей злопыхательской и лживой работенки.

Нельзя ли как-нибудь предварить старика и об этом, если Вы найдете для себя это удобным.

Впрочем, действуйте как хотите, но так, чтобы И<лья> Е<фимович> был перемещен к себе на Родину. Крепко жму руку Ваш Ворошилов[125].

Всё сказано открытым текстом, без ненужного расшаркивания и всевозможных комплиментов. Чтобы был «перемещен», и всё тут!

---

[123] Ю. И. Репин — И. И. Бродскому, 21 октября 1926 (РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 30–31).

[124] П. Е. Безруких — И. Е. Репину, 26 октября 1926 (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 55).

[125] К. Е. Ворошилов — И. И. Бродскому, 27 октября 1926 (РГАЛИ, Ф. 2020. Оп. 1. Д. 72. Л. 48).

А. П. Пинкевич после разговора с Ворошиловым направил Бродскому письмо:

Глубокоуважаемый Исаак Израилевич, мне поручено в ближайшие же дни съездить в Финляндию, к И. Е. Репину. Цель поездки Вам известна. К. Е. Ворошилов мне передавал, что Вы вполне в курсе дела.

Мне хотелось бы встретиться с Вами по дороге туда, побеседовать с Вами, заручиться Вашими советами и получить от Вас к И. Е. письмо. <...>

Не думаете ли Вы, что было бы полезно захватить с собой также письмо от Н. А. Морозова <...>, о котором он вспоминает в своем письме к К. Е. В<орошил>ову. А также письмо Чуковского? Я очень просил бы Вас предпринять в этом смысле те шаги, которые Вы считаете тактически уместными. Само собой разумеется, о моей поездке не хотелось бы пока разглашать слишком широко.

Если Вы находите также, что о моем приезде в среду [в четверг] следует предупредить И<лью> Е<фимович>а, — будьте добры — сделайте это от себя. С совершенным уважением

А. Пинкевич[126]

Бродский посылает с А. П. Пинкевичем, кроме послания Н. А. Морозова, и свое письмо, в котором говорит о Пинкевиче как о человеке, расположенном к Репину всей душой и принявшем на себя поручение правительства и «особенно Вашего поклонника» К. Е. Ворошилова. Просит отнестись к словам Пинкевича с особым вниманием и доверием.

От Вас сейчас зависит осуществление того, о чем Вы мечтали и просили К<лимента> Е<фремовича> Будьте же мудрецом, не слушайте, что Вам скажут враги России, а Ваши в особенности, приезжайте убедиться в том, что Вам говорил я <...> не придавайте значения выступлению некоторых глупцов против Вас по поводу звания народного. Это звание Вам всё равно будет присуждено теперь вместе с передачей денег, это я знаю!» Бродский готов приехать сам, чтобы сопровождать Репина в Россию[127].

Чуковский тоже направляет письмо с этой оказией:

---

[126] А. П. Пинкевич — И. И. Бродскому, 22 октября 1926 (РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 1–2).

[127] И. И. Бродский — И. Е. Репину, 28 октября 1926 (НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 95).

Письмо это Вам передаст Альберт Петрович Пинкевич. Уверен, что Вы крепко полюбите его. Он хоть и ученый, но всегда тяготел к художникам; среди поэтов и писателей у него много друзей. Он был близок с Горьким, с Юрием Анненковым. Есть в нем черты *хорошей* богемы. Сейчас он высокий сановник, но прежнее — «музыка» в нем осталась[128].

Посланный, конечно же, повез к Репину и письмо от Ворошилова:

Москва, 27/X <19>26 г.

Глубокоуважаемый Илья Ефимович!

Профессор и ректор 2-го Моск<овского> гос<удар-ственного> унив<ерситета> Альберт Петрович Пинкевич командирован Советским Правительством для переговоров с Вами по затронутым Вами в письме ко мне вопросам. Альберт Петрович устно изложит Вам точку зрения Сов<етского> пр<авительст>ва, а также сделает предложения, которые, по мнению Сов<етского> пр<авительст>ва, полностью идут навстречу Вашим желаниям, высказанным вкратце в Вашем письме ко мне.

От себя мне хотелось бы сказать, глубокоуважаемый Илья Ефимович, следующее. Я отлично понимаю, как трудно Вам, прожившему так долго вдали от бурь и вихрей, пронесшихся за последние годы над нашей страной, покинуть свой тихий уголок. Решиться променять свою укромную и тихую пристань на нечто новое, неведомое, Вам, конечно, нелегко. Но поскольку, неведомыми мне путями, судьбе угодно было свести нас на знакомство, разрешите, дорогой Илья Ефимович, заверить Вас, что, решаясь переехать на родину, которую, не сомневаюсь, Вы любите так же глубоко и сильно, как и все мы, Вы не только не делаете личной ошибки, но совершаете поистине большое, исторически-общественное дело. Вашу личную жизнь и Ваших близких государство обеспечит полностью. А Ваша духовная жизнь, жизнь великого художника, снова сольется с жизнью титана-народа, который, выдвинув Вас в первые ряды культурных сил, вдохновлял Вас на великое творчество. Наша страна, ныне, сама, в миллионной своей массе, стала величайшим художником и творцом нового человеческого будущего и настоящего. Разве это не заслуживает того, чтобы лучшие люди этой страны приняли участие в великом строительстве. Думаю, заслуживает. Сердечно приветствуя желаю Вам здоровья и счастья.

Ворошилов[129]

---

128 К. И. Чуковский — И. Е. Репину, конец октября // Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 246.

129 РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 8–10.

Немного позже, 18 ноября 1926 г., в Москве состоялось очередное заседание Политбюро, одним из пунктов протокола которого снова был вопрос о Репине:

> 28. О художнике Репине (ПБ от 16. IX. 26 г. , пр. № 53. п. 11). (т.т. Ворошилов, Луначарский, Пинкевич).
>
> а) Принять меры к приезду Репина в СССР.
>
> б) В случае приезда Репина назначить ему пенсию в максимальном из установленных законом для пенсии размере.
>
> в) Обещать Репину через некоторое время по приезде в СССР звание народного художника[130].

Это запоздалое решение устаревшей уже на то время проблемы говорит о неповоротливости буксующей системы и о своеобразной глухоте к настоящим человеческим желаниям и надеждам. Вряд ли художник мог быть в курсе этих «судьбоносных» решений, происходящих где-то в недрах системы и за его спиной. Сомнительно также, чтобы он мог с этим примириться. Скорее всего, он бы реагировал бурно и нелицеприятно.

Но и ответ Репина на письмо Ворошилова нам неизвестен. Если он и был написан, что не совсем ясно, то в архиве его нет. Возможно, ответ был на словах, поскольку и Пинкевич должен был что-то личное словесно передать художнику.

На этом для нас заканчивается переписка Репина с Ворошиловым. Судя по всему, они так и не договорились ни о чем конструктивном. Однако отголоски визита Пинкевича слегка проскальзывают в некоторых письмах в Россию. Так, например, 25 ноября 1926 г. Репин благодарил Павла Безруких за сведения об А. Ф. Кони и сообщал:

> Мы теперь очень часто слушаем передачу по радио. Я с удовольствием прослушал интересный доклад Луначарского. Для меня — целое приобретение: его всегда так третируют, что и я с большим недоверием отнесся — и был так награжден — очень интересным чтением...
>
> От Альберта Петровича <Пинкевича> я получил очень утешительное известие: Чистяковой <дочери> уже идет пенсия, но очень

[130] Протокол заседания Пб ЦК ВКП(б) № 68 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 602. Л. 1, 8).

досадная вещь: он послал мне свою книгу, и она не дошла до сих пор. Разве пропадают? Прошу Вас очень, посодействуйте — дойти интересной книжке[131].

И это всё! И ни слова о себе, как будто и не было ничего сказано и написано.

А еще 4 декабря Репин пишет Д. И. Яворницкому, что хочет хлопотать о присылке книги Яценко-Зеленского «Две поездки в Запорожскую Сечь», и сообщает:

Я напишу ректору университета Альберту Петровичу Пинкевичу — хочу надеяться, что мне это разрешат. <...> Вам известно, для каких целей мне требуется эта книга, — надеюсь, поймут. А еще есть лицо в Москве же, Климент Ефремович Ворошилов! Получив о нем понятие только по письму, я начал серьезно верить: что *Россия жива, оживает*. (И в сем случае хочу надеяться...) А костер Запорожья (эх, хорошо сказано) еще не угас передо мною: теперь опять всё перечитываю...[132]

В предыдущем письме тому же Яворницкому Репин писал о самом главном, чем и был занят всё последнее время:

Под большим секретом признаюсь Вам, что я опять взялся за *Запорожье*! Ну разумеется, опять пошла в ход вся Украина. С какой радостью и с каким-то трепетом сердца, с жадностью я перечитываю всё, что нашлось. Ну разумеется, начинаю с Вас:

«Эварницкий — Запорожье» и Эрих Ласотта и всё, всё, что нашлось. Южнорусские песни и т. д.

Эх, память ушла. А тут есть *казус*: я имел слабость продать в *Праге* самые лучшие этюды, еще в 1881 году. Дорого бы я дал теперь за них... Несмотря на старость, я напал на *хороший* сюжет: Сечь, вся Сечь в праздности — веселый час: танцы, гопак и т. д. — забавы <...> И взял я место последней Сечи: Токмаковка, Базовлук, Капуловка, Чертомлык-Покровское[133].

Это письмо многое проясняет. Репин поглощен очередным творческим замыслом. И не только замыслом. Картина уже имеется, как уже говорилось, в его мастерской, а всё остальное становится для него не важным. Так было всю

---

[131] Новое о Репине. С. 308.

[132] Рип, 2, 382.

[133] И. Е. Репин — Д. И. Яворницкому, 30 ноября 1926 // Рип, 2, 381.

его жизнь. Он умел отметать все внешние обстоятельства, и тогда ничто не могло его заставить оторваться от работы.

Что же касается предыдущих адресатов, то о них Репин упоминает еще и 1 мая 1927 г., что получил от Пинкевича книгу Б. Шоу «Назад к Мафусаилу», которая ему очень не понравилась.

> С Ворошиловым я не переписываюсь, где ему еще до частной переписки, да и мне тоже почти нет возможности много писать пером[134].

Знал бы Репин, что Пинкевич будет в 1937 г. расстрелян. Но это уже другая история.

Юрий Ильич между тем жалуется Бродскому:

> ...я Вам писал после отъезда Пинкевича <...> От Вас же не имел никакой вести <...>
>
> Я просил Пинкевича узнать относительно морских школ в России, куда хотел поступить мой сын (Дий. — *Е. К.*), который сейчас в плавании, но никакого письма от Пинкевича я не имел до сих пор[135].

«А о Бродском я пришел в полное разочарование... Но о Вас я с ним ни одного слова не говорил, совсем не касался»[136] — так писал Репин Чуковскому в ответ на его предположение, что между ними что-то произошло после приезда Бродского, и Репин сердится.

Но вот что произошло между Репиным и его любимым некогда учеником, понять пока не представляется возможным, так как не имеется никаких письменных свидетельств. Зато Павлу Безруких Репин отвечает неизменно ласково и даже приглашает погостить с семьей:

> Приезжайте, приезжайте (всегда по средам дома с 4 часов. Можно с 3-х часов)[137].

---

[134] И. Е. Репин — П. Е. Безруких, 1 мая 1927 (РГАЛИ. Ф. 2192. Оп.1. Ед. хр. 204. Л. 23).

[135] Ю. И. Репин — И. И. Бродскому, 30 ноября 1926 (РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 37–38).

[136] И. Е. Репин — К. И. Чуковскому, 7 декабря 1926 // Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 250.

[137] Тридцать дней. 1936. № 4. С. 44.

Любимым развлечением Репина стало радио:

Мы слушаем петербургские оперы по *радио* — какое это чудо!! Вчера шла «Игорь» Бородина. Такая прелесть: мы переходим в гостиную, садимся на диване, седлаем голову наушниками и слушаем[138].

Когда в начале 1927 г. Базилевский написал, что в газетах появилось сообщение о переезде Репина в СССР, он немедленно отозвался:

И я не могу себе представить — кому это понадобилось, даже в газетах печатать такой нелепый вздор[139].

В начале 1926 г. Базилевский коснулся трудной темы — вопроса ухода Л. Н. Толстого, сетуя на неправоту писателя по отношению к членам семьи. В ответ Репин полностью оправдывает Толстого, объясняя, что его разрывали на части близкие и В. Г. Чертков. От всего этого человеку темпераментному можно было только бежать: «В общежитии люди на 9-м десятке, уже фатально, ставятся жизнью в число *неправоспособных*»[140]. Похоже на то, что он невольно сравнивал эту ситуацию с собственным положением. Но с Репиным такого случиться не могло. Привыкший жить и творить «по непосредственному ощущению» (его выражение), он интуитивно выходил на правильный путь и был необыкновенно самостоятелен. Ни старость, ни болезни, обычные в преклонном возрасте, не смогли его изменить. В нем была какая-то органическая мудрость, которая даже не всегда может быть расшифрована в словесных формулах.

В мае 1927 г. Репин почувствовал недомогание и писал Чуковскому: «*Надо торопиться*». Писал, что картины оставляет детям, а «Пенаты» — Академии художеств по завещанию Н. Б. Нордман, и еще — что «желал бы быть похороненным в своем саду». И еще:

---

[138] И. Е. Репин — Д. И. Яворницкому, 17 декабря 1926 // Письма к художникам... С. 261–262.

[139] В. И. Базилевский — И. Е. Репину, 10 февраля 1927 // Наст. изд. С. 214.

[140] И. Е. Репин — В. И. Базилевскому, 13 февраля 1926 // Наст. изд. С. 192.

Да, пора, пора думать о могиле, т<ак> к<ак> *Везувий далеко* и я уже не *смог бы ныне доползти до кратера*. Было бы весело избавить всех близких от всех расходов на похороны... Это *тяжелая скука*...

Пожалуйста, не подумайте, что я в *дурном настроении* по случаю наступающей смерти. Напротив, я весел и даже в *последнем* сем письме к Вам, милый друг. Я уж опишу всё: в чем теперь мой интерес к остающейся жизни — чем полны мои заботы.

Прежде всего: я не бросил *искусство*. Все мои последние мысли о *Нем*, и я признаюсь: *работал всё, как мог*, над своими картинами. Еще бы! Ведь *Господь Бог, в которого я верю больше, чем во весь этот наш мирок*, — посылает такие чудесные, живые идеи, что я склонен сам себе завидовать...

Ведь я (как при встрече с Верой, в Питере, Ясинский сказал ей, что он *убежденный коммунист*) <...> Так и я, как Вам хорошо известно, также убежденный коммунист: я обожаю коммуны *казачества* — с самого древнего их проявления, что я и заявил публично в своих картинах... Это рыцари *добра и правды*.

Вот и теперь, уже кажется более полугода, я работаю над... (уже довольно секретничать) — над *картиной*:

ГОПАК

посвященной памяти Модеста Петровича Мусоргского... Такая досада: не удастся кончить... А потом еще и еще, все темы веселые, живые...[141].

Но, решив заранее вопрос о будущей своей могиле, получив разрешение от финских властей, Репин явно воспрянул духом, продолжил интенсивную работу над картиной «Гопак», а письмо забыл Чуковскому отправить. Оно пролежало всё лето и только 10 августа ушло по адресу. Место будущей могилы стало чуть ли не местом отдохновения Репина. Он показывал его друзьям, посетителям усадьбы и охотно фотографировался в глубине парка на холме, который был им выбран. Вера Ильинична вспоминала, что даже все грустные мысли уходили при виде этой новой затеи папы, бывшей для него на тот момент очень занимательной.

---

[141] И. Е. Репин — К. И. Чуковскому, 18 мая 1927 (отослано 10 августа) // Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. С. 269–271.

Базилевский вторил Репину: «Я, так же как и Вы, подумываю об этом великом переселении, кот<орому> мы все подчинены, рано или поздно»[142].

Дорогой Илья Ефимович!

Следуя Вашему примеру, я также начал подумывать о своем бренном теле. Мне 89 лет, конец близок, и как бы хотелось быть между своими в Великине. 43 года жили мы там, как говорится, как у Христа за пазухой. Никогда ни одного пререкания с соседями-крестьянами, всё налаживали дружно, мирно у себя дома. Я для них строил школы и содержал за свой счет. Помогал им строиться. Река для них, пруды на случай пожаров. Меня они и теперь вспоминают.

И какое это красивое кладбище. Весной всё застилается голубыми подснежниками, не знаете, куда ступить. Тихо, спокойно, хорошо там <...> А теперь за эти 50 лет уже много моих родственников покоится там. Послал я русскому послу в Ревеле бумагу, как бы мне, теперь еще живому, получить это разрешение, чтобы детям не хлопотать[143].

Последнее письмо Базилевского Репину датировано 3 января 1929 г.

Оно было, как всегда, бодрым и, казалось, не предвещало скорой кончины. Но последовавшее вскоре письмо сына Базилевского кое-что проясняло.

Никак не могу примириться с мыслью, что нет больше моего милого старика. После себя он оставил много записок-воспоминаний — я зачитываюсь ими до глубокой ночи. Свой дневник он вел до самых последних дней, и из него видно, что смерть он ждал давно, т. к. сердце у него стало всё чаще пошаливать; он даже не запирался (как раньше) на ночь, «чтобы не пришлось взламывать дверь», как он пишет. Никогда он не жаловался на судьбу, никогда не унывал. Нас, детей, он никогда не наказывал и даже не журил. Всю жизнь помню я его бодрым, веселым и ласковым. Мне он был не только отец, но и большой друг; одно присутствие его придавало мне бодрости в тяжелые минуты (каковых слишком много у нашего брата — «нансениста») — и теперь без него мне очень тяжело будет жить.

---

142 В. И. Базилевский — И. Е. Репину, 8 декабря 1927 // Наст. изд. С. 226.

143 В. И. Базилевский — И. Е. Репину, 22 декабря 1928 // Наст. изд. С. 237.

> Он очень просил похоронить его в Великине, но т. к. большевики, конечно, не позволят перевезти тело «буржуя», то мы решили похоронить его временно здесь. Гроб поставили в цинковый ящик, который запаяли кругом. Даст Бог — недолго придется ему лежать на чужой стороне![144]

Сын ошибался...

Репин прожил еще около двух лет. В начале августа 1929 г. было пышно отпраздновано его 85-летие. Он был бодр и жизнерадостен. Ожидая гостей, вспомнил и спел старинную запорожскую песню. В этот день в «Пенатах» было очень много гостей, молодежи. Украинский хор из Выборга порадовал художника своими песнями. Огорчило Репина известие о поругании Иверской иконы Богоматери на Красной площади в Москве, и на именинных торжествах, отвечая на приветствие генерала С. Ц. Добровольского[145] от русского комитета в Выборге, сказал, что комитет прав: «Мы могли бы иначе праздновать юбилей в России, но благодарим Финляндию за гостеприимство...»

Он примирился с обстоятельствами, но остался верен себе.

Е. В. Кириллина

* * *

Характерная черта писем И. Е. Репина — это повторение из письма в письмо тем, которые его особенно волновали: дипломатические шаги новой власти и ситуация в Петрограде, о которой он узнавал из писем дочери Веры. Именно эти нелицеприятные характеристики, на которые не скупились ни Илья Ефимович, ни Вера, были главной причиной того, что даже в 1980-х гг. И. С. Зильберштейн так и не решился

---

[144] А. В. Базилевский — И. Е. Репину, 31 апреля 1929 // Наст. изд. С. 239–240.

[145] *Северин Цезаревич Добровольский* (Доливо-Добровольский; 1881–1946) — генерал-майор (1920), деятель Белого движения и эмиграции. В СССР генерал Добровольский был 25 ноября 1945 г. осужден военным трибуналом Московского военного округа по статье 58 п. 4 Уголовного кодекса к расстрелу. По воспоминаниям соузников, отказался подавать прошение о помиловании.

на публикацию писем, чтобы не разрушить миф о «добром, старом обитателе „Пенатов“«, который так упорно создавался все предшествующие десятилетия. Чего только стоят многочисленные «воспоминания» посланцев Наркомпроса, с соответствующими поручениями посещавших Илью Ефимовича в его добровольном изгнании в «Пенатах». Из воспоминаний П. Е. Безруких:

> Илья Ефимович ни одной фразой, ни одним замечанием не только не выразил враждебного отношения к СССР, а, наоборот, во всем, что он говорил, чувствовался большой интерес к Советской стране <...> Расставаясь, мы условились переписываться. Я обещал прислать ему интересующие его книги.
>
> «Пишите мне, пожалуйста, не забывайте старика. Вы открыли мне глаза на многое... Ах, если бы вы знали, как хочется поехать домой! Если не очень трудно, пришлите мне книжки о Ленине. Так хочется всё понять»[146].

Посланники из Наркомпроса выполняли поставленную Агитпропом ЦК задачу — всеми средствами вернуть Репина в Советскую Россию.

Но «операция по возвращению Репина в СССР» не состоялась. Ровно через год (11 октября 1927 г.) о «трудностях в деле возвращения» пишет Ворошилову, с надеждой на его содействие, художник Е. А. Кацман[147].

Незадолго до смерти Репина посетил скульптор И. Гинцбург. То, что он увидел в «Пенатах», потрясло его до глубины души:

> Он узник, заложник в руках тех, кто из чувства мести и злобы готов запачкать всё прошлое, славу и имя великого русского художника, который своим творчеством принадлежал и будет принадлежать России[148].

Поиски компромисса в отношениях с Советской Россией не могли впрямую не отразиться на отношении власти к И. Е. Репину как к художнику и основателю живописной школы. Советская власть, стремясь во что бы то ни стало лю-

---

146 Новое о Репине. С. 294–295.

147 См.: РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 292. Л. 63.

148 *Гинцбург И. Я.* Из прошлого. Воспоминания. Л., 1924.

быми средствами заполучить мировую знаменитость, в промежуточный период заигрывания благосклонно позволяла превосходные оценки в адрес И. Е. Репина и его последователей, однако, убедившись в отрицательном исходе задуманного, власть не преминула любыми средствами принизить заслуги художника.

В этом отношении очень показательна история Общества художников им. И. Е. Репина. Осенью 1924 г. его ученики собрались по поводу празднования юбилея: было избрано правление Общества, составлено приветственное послание учителю. Вскоре к обществу присоединились архитекторы, окончившие Академию художеств. У членов кружка В. И. Андреева, Б. Н. Липкина, Д. Ф. Богословского и А. Ф. Андронова возникла мысль о расширении возможностей деятельности кружка на основе Устава, об утверждении которого было возбуждено ходатайство перед Главнаукой Наркомпроса РСФСР[149]. В переписке с органами НКВД, Наркомпросом и прочими регистрационными организациями упоминается то кружок учеников Репина, то общество его имени. Краткая хронология истории такова: первый этап — 18 октября 1926 г. было возбуждено ходатайство об утверждении Устава, вопрос

[149] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1443. Л. 13. Порядок утверждения обществ был следующим. НКВД предварительно согласовывал вопрос о целесообразности утверждения объединений с заинтересованными ведомствами, все без исключения с ОГПУ и, как правило, все вопросы утверждения литературных, художественных и национальных объединений с Агитпропом ЦК ВКП(б). Помимо заключений ведомств, обращалось внимание на состав учредителей, главным образом на то, имеются ли в числе учредителей члены ВКП(б). По директиве ЦК ВКП(б) 1924 г. существовал порядок предоставления учредителям-членам ВКП(б) согласий партийных органов на право участия в этом процессе, но впоследствии партийные органы перестали давать свое согласие, считая это излишним и формальным моментом. Кроме того, было замечено, что учредители использовали авторитет «видных партийных товарищей в момент утверждения обществ» путем «вербовки их в члены учредителей или получении лестных отзывов с просьбой утвердить устав или ускорить утверждение». При этом партийные патроны сразу же забывали о существовании этих обществ. Например, Луначарский фигурировал в девяти обществах, Семашко — в шести, а Каменев — в четырех.

согласовывался с Наркомпросом, ЦК ВКП(б), ОГПУ[150] (Наркомпрос — не возражал; ЦК ВКП(б) — не возражал против создания, но возражал против наименования его именем Репина), а 26 августа 1927 г. существовавшая при Наркомпросе комиссия отказала в утверждении устава. Второй этап — в регистрации Устава уже на уровне Московской организации также было отказано. Третий этап — 18 июля 1928 г. попытка зарегистрироваться под названием «Общество художников-репинцев» провалилась (отказано НКВД 24 декабря 1928 г.). Четвертый этап — в апреле 1929 г. новое прошение учредителей с рекомендацией Главискусства о снятии названия имя Репина и переименовании в общество художников-академистов. За художников поручился лично А. Г. Шляпников, и дело дошло до самого А. В. Луначарского[151].

Примечательно, что на начальном этапе утверждение и перерегистрация уставных документов Общества художников им. И. Е. Репина на всех этажах власти, включая и НКВД, проходило без сучка и задоринки[152]. Тем более что задачи общества не вызывали никаких сомнений: объединение художников реалистической школы, сохранение традиций, преемственности реалистического искусства, концентрация художников, стоящих на здоровой почве серьезного реализма[153]. Однако все решения, которые принимались только на уровне Агитпропа ЦК, зависели от результатов переговоров о возвращении на родину живого классика. Так, в надежде прояснить ситуацию нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов 28 июля 1927 г. пишет, что «неполучение от Агитпропа в течение нескольких месяцев заключений, ставит НКВД в очень неудобное положение перед учредителями, которым НКВД не имеет возможности сообщить свой отказ или утверждение в срок»[154]. Ответ был краток: Агитпроп не возражает против общества и художников, но наименование общества считает нецелесообразным[155].

---

[150] Там же. Л. 14–14 об.
[151] Там же. Л. 102–102 об.
[152] Там же. Ф. 393 с. ч. Оп. 43а. Д. 1443. Л. 3, 8–10 об., 17.
[153] Там же. Л. 6–6а; Д. 1817. Л. 90–92.
[154] Там же. Д. 1857. Л. 120.
[155] Там же. Д. 1443. Л. 16.

И тут же в ответ на позицию Агитпропа последовали конкретные действия: было отклонено утверждение устава и прекращено субсидирование[156], а в письме НКВД от 10 сентября 1927 г. запрещалась какая-либо деятельность от имени Общества художников имени Репина[157]. Художники не сразу смирились с создавшейся ситуацией. В декабре того же года они обратились с протестом (письмо подписано Д. Ф. Богословским – председателем Общества художников И. Репина) в связи с отказом административного отдела НКВД в утверждении Устава Общества художников им. И. Репина и предписании прекратить всякую деятельность. Художники утверждали, «что полученное распоряжение совершенно не соответствует действительному положению и деятельности общества, т. к. Общество является одним из органов Центрального Дома работников искусств и таким образом участвует в общественной жизни страны, путем развития и популяризации вопросов искусства». Они настаивали, чтобы Административный отдел пересмотрел свое решение и утвердил Устав Общества «с теми поправками и указаниями, которые отделу будет угодно произвести», чтобы разрешить деятельность Общества в пределах Москвы и Московской области[158].

В этот период в художественной среде развивались те же тенденции, что и в литературной. Особая «буферная» роль между художниками и властью отводилась создаваемым на переходном этапе федерациям писателей и художников. Вначале перед этими объединениями ставились исключительно вопросы социальной поддержки, однако в дальнейшем всё большее место в работе ФОСХ стали занимать вопросы «проработки» и наказания провинившихся организаций и их отдельных членов. Казалось бы, Федерация была призвана объединять и защищать интересы художников, создавать им благоприятную творческую атмосферу. На самом

---

[156] Речь идет о субсидиях, которые осуществлялись по линии Наркомпроса (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1817. Л. 89–89 об.).

[157] Там же. Д. 1443. Л. 1.

[158] Там же. Л. 19–19 об.

деле она превратилась с некий «товарищеский суд» над всеми, кто не вписался в новые реалии. Разумеется, деятельность подобной «общественной» организации щедро поощрялась, а огромные суммы были выделены по специальному решению ПБ ЦК ВКП(б)[159]. В основании этой федерации — ФОСХ — и попыталось участвовать в начале 1928 г. гонимое властями репинское общество художников наряду с АХРР, Обществом русских скульпторов, Жар-Цвет, Объединением художников реалистов, Обществом «Бытие», Обществом московских художников и др.[160] А 17 июля 1928 г. в последний раз инициативная группа обратилась от своего имени в НКВД о легализации своей деятельности «с заверением выполнять свои обязательства перед Советской властью и пролетариатом и информацией об обращении в Президиум ВЦИК РСФСР с особым ходатайством: пойти навстречу в пожелании возвращения в СССР нашего учителя И. Е. Репина»[161].

В 1928 г. состоялась 2-я выставка художников-репинцев, о чем свидетельствует каталог картин, этюдов и рисунков художников В. И. Андреева, А. Ф. Андронова, Л. М. Антокольского, М. В. Баженова, Н. С. Бом-Григорьевой, И. И. Бродского, Г. Г. Бурданова, Л. Я. Виленкина, И. И. Воронова, К. Н. Горского, А. В. Григорьева, И. Д. Дмитриева, М. Ф. Иванова, А. Н. Комарова, И. С. Куликова, А. А. Куренного, Б. М. Кустодиева, А. С. Лебедевой, Э. Э. Лисснера, П. К. Лихина, А. И. Любимова, А. Маренкова, В. Н. Мешкова, Минаева, К. Ф. Морозова, Ф. П. Нестерова, К. В. Николаева, С. М. Прохорова, Н. А. Протопопова, А. Л. Ржевской, П. Серегина, А. К. Симонова, А. П. Соколова, М. Г. Соколова, Е. И. Столица, Б. И. Тупицына, Н. И. Фешина, С. И. Фролова, А. П. Хотулева, Я. А. Чахрова, Н. П. Шлеина, А. А. Штаатс, В. К. Щербакова, Н. И. Янченко, М. Д. Янкова, И. Ф. Еханина, Г. Н. Горелова[162].

---

159 Там же. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 3439. Л. 77.

160 Там же. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1821. Л. 214–215 об.

161 ГАРФ. Д. 1443. Л. 44.

162 Там же. Л. 32–40 об.

Незадолго до смерти И. Е. Репина состоялась последняя прижизненная выставка с участием его картин[163].

О том, насколько злопамятна была советская власть даже по отношению к общепризнанному мировому гению, свидетельствуют следующие факты, подтвержденные документами. 6 апреля 1930 г. А. В. Луначарский обратился к К. Е. Ворошилову с письмом «о раскулачивании семьи дочери художника Репина (Т. И. Репиной. — *Т. Г.*), с просьбой написать в Президиум ЦИК, о необходимости прекращения дела, чтобы не вызвать лишний скандал»[164]. А 20 октября 1930 г. художник И. И. Бродский направил К. Е. Ворошилову, негласному «куратору» по «делу Репина», письмо в котором с возмущением говорилось, что «советские газеты ничего не пишут о скончавшемся художнике Репине — гордости России». В этом же письме предлагалось передать картины художника родному городу Бердянску и открыть там музей его имени[165]. С этого момента началась канонизация И. Е. Репина как носителя реалистической школы, которая впоследствии была использована как альтернатива формалистическому направлению в искусстве.

В разгар борьбы с формализмом в 1936 г. в Государственной Третьяковской галерее была открыта выставка картин и рисунков И. Е. Репина, каталог которой был направлен Сталину и Молотову с «приглашением посетить выставку в любое удобное для них время»[166]. А в 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены почетные медали СССР за выдающиеся заслуги в области науки, литературы и искусства, в том числе медали имени И. Е. Репина за заслуги в области изобразительного искусства[167].

---

[163] Каталог выставки 1929 года (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1443. Л. 103–107 об.

[164] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 22–24.

[165] Там же. Д. 294. Л. 45, 45 об.

[166] Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 615. Л. 88, 88 об; Ф. 82. Оп. 2. Д. 952. Л. 6.

[167] Там же. Д. 928. Л. 48–52.

* * *

Письма И. Е. Репина (включая и письма В. И. Репиной) В. И. Базилевскому поступили в Российский государственный архив литературы и искусства в составе бесценной коллекции И. С. Зильберштейна в 2004 г. Об истории приобретения этой уникальной коллекции Илья Самойлович писал: «Эти письма получены мною от Любови Павловны Якушевич, а она купила их для меня у дочери Базилевского в сороковых годах, после Отечественной войны 1941–45 гг.» Как вспоминает научный руководитель Музея-усадьбы «Пенаты» Е. В. Кириллина, Илья Самойлович обратился к ней с просьбой сообщить биографические сведения о Базилевском. В записке, которую Елена Владимировна вскоре отправила в Москву, помимо необходимых данных, она сообщала о том, что в рукописном отделе Академии художеств в Ленинграде сохранились письма Базилевского — вторая сторона этой переписки. Как писала Е. В. Кириллина И. С. Зильберштейну в 1983 г., она «внимательно просмотрела письма Виктора Ивановича Базилевского к И. Е. Репину в НБ Архива РАХ (Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 522 и Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 74). Писем оказалось более 126. Написаны они, почти все, из Усть-Нарвы (Гунгербург) в период с 1914 по 1929 г.

Т. М. Горяева

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ДОКУМЕНТЫ И. Е. РЕПИНА В КОЛЛЕКЦИЯХ И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

Если творчеством художников «Мира Искусства» И. С. Зильберштейн был увлечен, еще будучи юношей в Одессе, то ознакомлением, и особенно собиранием произведений Репина, он начал заниматься в Ленинграде, где получил широкую возможность изучать его творчество и познакомиться с людьми, знавшими художника. В каталоге «Произведения русских и зарубежных мастеров XVI – начала XX в. из собрания И. С. Зильберштейна. ГМИИ им. А. С. Пушкина» (М.: Родина, 1993) источниками комплектования произведениями Репина его коллекции изобразительного искусства названы: художники И. И. Бродский и С. П. Яремич, наследственные владельцы и антикварные магазины преимущественно Ленинграда. В предисловии к каталогу указано, что произведения Репина составляют треть русской части коллекции и насчитывают 54 картин и рисунков. К лучшим произведениям живописи Репина могут быть отнесены: «Портрет А. И. Нечаевой» (1872), «Украина» (1875), «Вид села Варварина» (1878), «Летний пейзаж» (В. И. Репина на мостике в Абрамцеве) (1879), «На охоте» (Н. И. Репина в охотничьем костюме с ружьем) (1892), «Венчание» (1894). В числе других произведений могут быть выделены: этюды для картин «Славянские композиторы» — портрет Н. А. Римского-Корсакова (1871) и «Арест пропагандиста» (1879); портреты В. В Стасова (1887), Н. С. Лескова (1889), художников Н. Н. Дубовского (1885), П. П. Чистякова (1899), А. М. Комашки (1915). Рисунки: «Л. Н. Толстой в яснополянском кабинете» (1891), «А. А. Потехин за чтением пьесы у баронессы

И. В. Икскуль» (1895), «Заседание в Академии художников» (1899), эскиз к картине «Торжественное заседание Государственного Совета» (1901), «А. М. Горький читает свою драму „Дети солнца“» (1905).

Высокое качество многих произведений и количество собранного уже само говорит о пристрастном отношении Ильи Самойловича к их автору.

В документальной части коллекции И. С. Зирберштейна Репин также занимает одно из значительных мест и представлен письмами к разным лицам: художнице и своей ученице В. В. Веревкиной, А. М. Горькому, А. В. Луначарскому, художнику И. П. Похитонову и др. Имеется несколько фотографий Репина и лиц, приезжавших к нему в Пенаты, а также документы, связанные с деятельностью его жены Н. Б. Нордман-Северовой. На основную ценность репинской части документов составляют его письма к В. И. Базилевскому.

Историю любой коллекции нельзя представить без документальных свидетельств о фактах приобретения или получения тех или иных раритетов. В архиве И. С. Зильберштейна таких сведений сохранилось крайне мало. В этой связи особое значение приобретают три письма к нему владельца картины И. Е. Репина «На мостике. Абрамцево» доктора Р. Е. Ратнера (Ленинград). По-видимому, в первом из них (письмо не датировано) Ратнер выражает сомнения в возможности продажи картины. «Дорогой Илья Самойлович, — пишет он, — после Вашего первого письма я собрался Вам написать сейчас мой совет не поднимает вообще этого вопроса[1] („Не трогай лиха пока спит“)». В следующем письме он сообщает:

> Сейчас у меня настроение ее ликвидировать <...> Если у вас имеется возможность[2] (думаю, что желание есть) купить или устроить ее, то сообщите Ваши соображения. Желательно до 15 X.
>
> С совершенным почтением.
>
> *Доктор Р. Ратнер*

Трудно сказать, что вызвало задержку с приобретением картины, так как копии письма Ильи Самойловича нет,

[1] Так в тексте письма.
[2] Подчеркнуто Ратнером.

но вопрос окончательно был решен лишь через год. Приводим полностью последнее письмо Ратнера.

Ленинград 20.X.50

Глубокоуважаемый Илья Самойлович.

Ваши оба письма в свое время получил. Меня удивляет, что пишете, будто бы В. К. Макаров из Закупочной комиссии в Ленинграде вел со мной переговоры о приобретении у меня картины И. Репина «На мосту». Действительно, В. К. Макаров знал уже много лет о находившейся у меня этой картине, но за всё это время не было никаких конкретных предложений с его стороны о покупке ее у меня для Русского музея. Возможно, что с моей стороны были какие-либо намеки о моем желании ее ликвидировать (точно не помню), но во всяком случае В. К. Макаров слабо на это реагировал. Более того, чуть ли не при его Макарове содействии, во всяком случае с его ведома, Минский государственный музей вел со мной переговоры о приобретении этой картины, однако же В. К. Макаров не обмолвился о том, чтобы ее приобрести для Русского музея.

Что касается условия Минского музея, чтобы я ее предварительно отвез в Москву в Закупочную комиссию для оценки, то это условие для меня оказалось неподходящим: во-первых, я не могу вследствие своей работы уезжать из Ленинграда на неопределенное время; во-вторых, поездка эта могла быть впустую из-за проблематичности цены. Так как Вы уже несколько лет «гонялись» за этой картиной и подошел момент, когда по материальным обстоятельствам мне нужно было ее ликвидировать, то уступил ее Вам. Тем более что уступил ее не спекулянту, а человеку, глубоко интересующемуся работами И. Е. Репина и обладающему, насколько мне известно, таким прекрасным собранием картин, где и эта картина будет находиться.

Примите мое искреннее уважение и почтение к Вам.

Р. Ратнер

К этим письмам на отдельном листочке приложена пометка Ильи Самойловича следующего содержания: «О картине Репина „На мостике“. Отдал весь гонорар за мои статьи в двух репинских томах „Художественного наследия“»[3]. Эту картину Илья Самойлович считал жемчужиной своей коллекции.

---

[3] Оба тома были опубликованы в 1948–1949 годах.

Однако, как справедливо отметил Ратнер, И. С. Зильберштейн был не только тонким знатоком и ценителем творчества И. Е. Репина, но и его тщательным исследователем. В начале 1940-х гг. он задумывает книгу «И. Е. Репин и русские писатели». Как он позднее сформулирует, его интересовала проблема сравнительного изучения русской литературы и русской живописи. Сначала он избирает для этого художественное наследие Репина и его связи со многими писателями-современниками. По предложению И. Э. Грабаря эта тема была предложена Зильберштейну в качестве диссертационной работы, и уже на этом этапе получила название «Русские писатели и И. Е. Репин: И. С. Тургенев и И. Е. Репин; А. М. Горький и И. Е. Репин». Защита состоялась в 1943 г. в Казанском университете, поскольку в Казань был эвакуирован Институт русской литературы АН СССР, в состав которого входила редакция «Литературного наследия». Официальные оппоненты дали весьма высокую оценку представленной работе. В архиве Зильберштейна сохранилась отдельная папка со всеми материалами по этой защите.

> Счастливо сочетая в одном лице опыт и знания историка русской литературы и исследователя русской живописи, И. С. Зильберштейн задался целью выпустить книгу, в которой в плане монографически задуманных параллелей были бы отражены взаимоотношения крупнейших русских писателей и И. Е. Репина <...> И надо прямо сказать, что со всей задачей он прекрасно справился... —

писал И. Е. Грабарь. Отзыв искусствоведа, профессора Н. Л. Бродского:

> Диссертация И. С. Зильберштейна подымает (в частности, едва ли не впервые в Тургеневиане) в высшей степени актуальную тему о взаимоотношениях между крупнейшими деятелями словесного и изобразительного искусств, приводящую исследователя к четкому выводу о положительной, творчески-ценностной роли художников слова для мастера живописи, в данном случае о роли Тургенева и Горького для Репина.

Отмечается необходимость самой темы и ее выполнения:

> Два этюда, представленные на соискание ученой степени кандидата филологических наук, являются самостоятельными, вполне законными исследованиями, из которых каждое могло бы быть представлено в качестве кандидатской диссертации.

Этим этюдам предпослано небольшое методологическое вступление, обосновывающее правомерность для литературоведа избранной И. С. Зильберштейном темы. В. А. Десницкий заканчивал свой отзыв словами: «Скорейшее напечатание работы тов. Зильберштейна во всем ее объеме и даже в составе диссертации (два очерка) признаю настоятельно необходимым.

Решение о присуждении И. С. Зильберштейну ученой степени кандидата филологических наук члена ученого совета ИРЛИ, в состав которого входили академики А. М. Деборин, Н. С. Державин, С. П. Обнорский, члены-корреспонденты АН СССР И. И. Толстой и В. П. Адрианова-Перетц, было вынесено единогласно. Встретило поддержку и предложение о напечатании работы двумя отдельными выпусками. В краткой аннотации, посвященной отношениям Тургенева и Репина, директор института П. И. Лебедев-Полянский предлагал издание этой работы «приурочить к столетию рождения И. Е. Репина 5 августа 1944 г.» С ним согласился президент Академии наук СССР:

> Я подробно рассматривал вопрос о напечатании книги И. С. Зильберштейна „Репин и Тургенев" и считаю возможным печатать ее форматом 82 × 110 в 1 : 32. Книжку желательно издать к юбилею Репина.
>
> 21/VII. 44
>
> С искреннем приветом
>
> *С. Вавилов*

В указанной выше папке имеются сведения и об этом издании.

> Работу И. С. Зильберштейна „Репин и Тургенев" прочитал, не отрываясь. Будучи сам в течение последних лет жизни В. В. Ста-

сова свидетелем его воспоминаний, бесед и споров (всегда ярых, например, с А. К. Лядовым) о Тургеневе, я чувствовал, как свежо и проницательно раскрыты Ильей Самойловичем и люди, и документы. В отношении моментов, касающихся музыки, изыскания И. С. Зильберштейна сделаны на высоком исследовательском уровне и знании материала. В целом горячо приветствую выпуск в свет этой талантливой волнующей книги.

9/VII. 44
Академик Б. Асафьев

Примечателен отзыв о будущей книге К. И. Чуковского, который касается не только содержания, но и характеризует в какой-то степени взгляды и состояние тогдашнего искусствоведения, написанный им предположительно в середине 1944 года.

Дорогой Илья Самойлович!

Поздравляю Вас с успехом. Статья «Репин и Тургенев» — лучшая Ваша работа. Главное ее достоинство — интенсивность[4] Вашего интереса к избранной теме. Никому и в голову не приходило, что эта тема может таить в себе столько жгучих и сложных философских, эстетических и исторических, социальных проблем – причем каждую из этих проблем Вы решаете не упрощенчески, не вульгарно, а с полным пониманием ее сложности. Отношения Репина и Стасова, отношение Тургенева к живописи, отношения Золя к Харламову[5], оценка стасовщины, писаревщины, барбизонцев, импрессионистов – всё это дано Вами в динамике живого развития, диалектически, всюду с Вашей эрудицией сочетается глубокое понимание предмета во всей живой совокупности его плюсов и минусов, и конечно, в этом Ваша великая беда. Ибо теперь искусствоведы требуют от нас, авторов, топорности, однобокости, лжи. Вы показываете, какие смерчи и бури были в отношениях Репина, Тургенева, Стасова, они же хотят, чтобы здесь была тишь и гладь, чиновническое благополучие – смерть для искусства.

Статью я уже читал в Ташкенте и правил. Теперь в ней гораздо меньше досадных словесных погрешностей, но они, к сожалению, есть. Я их отметил. Оставляю детальную возню с ними Лиде[6], т. к.

---

[4] Здесь и далее подчеркнуто К. И. Чуковским.

[5] *Харламов Алексей Александрович* (1842–1892) — художник, жанрист, портретист, работал в Париже; автор портретов И. С. Тургенева, Л. и П. Виардо.

[6] *Лидия Корнеевна Чуковская*, дочь К. И. Чуковского.

феноменально устал. Читал вашу рукопись с 8 часов вечера до 4-х часов утра.

Ваш *К. Чуковский*

Читая это письмо, невольно думаешь о прозорливости К. И. Чуковского. Ведь именно на этой почве разразился конфликт в редакции «Литературного наследия», когда Илья Самойлович в тургеневском томе (ЛН. № 73. Кн. 1) коснулся отношений, существовавших между Тургеневым и Полиной Виардо (См. статью Т. М. Коробовой в этом сборнике).

К юбилею И. Е Репина напечатать книгу «Репин и Тургенев» не удалось. Вместо нее вышла вторая часть диссертации: «И. С. Зильберштейн. Репин и Горький» (М.; Л.: Искусство, 1944), а в 1945 году в свет вышла и книга И. С. Зильберштейна «Репин и Тургенев» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945).

Интенсивная работа Зильберштейна по изучению и публикации наследия Репина была продолжена. Он выдвигает идею создания документальной серии «Художественного наследства», посвященной И. Е. Репину. Таковой стал двухтомник под редакцией И. Э. Грабаря и И. С. Зильберштейна (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1949), ставший самым полным изданием наследия И. Е. Репина. Помимо статей, мемуарных и биографических материалов, двухтомник содержал почти 400 иллюстраций, многие произведения Репина публиковались впервые.

В дальнейшем (1949–1960 гг.) И. С. Зильберштейном было опубликовано около 10 статей, посвященных Репину. Среди них — «Утраченные портреты писателей работы Репина» (Огонек. 1950. № 40), «Мнимый Репин за рубежом» (Искусство. 1953. № 5) и др.

Только в начале 1980-х годов репинская тема вновь получает новое развитие. Установив контакт с сотрудниками музея-усадьбы «Пенаты», Илья Самойлович передает в дар музею два рисунка Репина — «Спящий Серов» (1880) и «В вагоне» (1882). Об этом свидетельствует акт передачи и благодарственное письмо музея от 2 марта 1982 г., в котором сообщалось:

...подаренные Вами <...> рисунки, несомненно, являются ценным дополнением коллекции филиала музея — музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты».

Последовавшие за этим контакты с сотрудницей Научно-исследовательского музея Академии художеств СССР, филиалом которого является музей И. Е. Репина «Пенаты», Е. В. Кирилиной, которая по его просьбе собрала биографическую информацию о В. И. Базилевском, не оставляют сомнений, что Илья Самойлович начал подготовку к публикации писем. Но можно только предположить, что общая загруженность Зильберштейна, его активная деятельность по созданию Музея личных коллекций не позволили ему реализовать задуманное. Однако главной причиной того, что письма, находившиеся в его владении к тому времени не менее 40 лет, не были обнародованы, была трезвая оценка Зильберштейна цензурных ограничений, которые неизбежно бы возникли при этом.

Н. Б. Волкова

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН, ВИКТОР ИВАНОВИЧ БАЗИЛЕВСКИЙ:

Переписка (1918–1929 годы)

Издание подготовили:

Т. М. Горяева
Е. В. Кириллина
О. В. Турбина

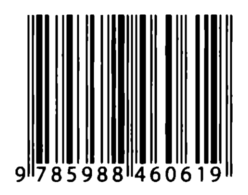
Редактор: *Т. В. Буркова*
Верстка: *О. В. Шакиров*
Корректоры: *А. Б. Борисенкова, Н. М. Баталова*
Художественное оформление: *С. В. Лебединский*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 28.02.2012.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Peterburgs.
Печать офсетная. Учет.-изд. л. 22,1 (с вкл.).
Тираж 3000 экз. Заказ № 3122

ООО «Издательский дом „Міръ“»
194352, Санкт-Петербург, а/я 4
E-mail: mir2003@mail.ru
www.mirspb.ru

Первая академическая типография „Наука“
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12

ISBN 978-5-98846-061-9

МІРЪ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "МІРЪ"
РГАЛИ